

2002 ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ

ИСТОРИЯ

III

ИСТОРИКИ

2002

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

ИСТОРИЯ
И
ИСТОРИКИ
2002

Историографический вестник

Ответственный редактор
член-корреспондент РАН
А. Н. САХАРОВ

МОСКВА «НАУКА» 2002

УДК 93/94
ББК 63.3
И 90

Серия основана в 1965 году,
возобновлена в 2001 году

Редакционная коллегия:

Г.Д. АЛЕКСЕЕВА, М.Г. ВАНДАЛКОВСКАЯ, Р.А. КИРЕЕВА,
Л.П. КОЛОДНИКОВА, В.Л. МАЛЬКОВ,
Л.А. СИДОРОВА (ответственный секретарь)

Рецензенты:

доктор исторических наук В.Г. КОШКИДЬКО,
доктор исторических наук В.М. ЛАВРОВ

История и историки, 2002: Историографический вестник /
Отв. ред. А.Н. Сахаров; Ин-т рос. истории. – М.: Наука. 2002. –
223 с.

ISBN 5-02-008819-6 (в пер.)

Очередной выпуск посвящен актуальным проблемам отечественной исторической науки. В нем анализируются новые подходы в российской историографии в последнем десятилетии XX в., представлены статьи об исторической науке русского зарубежья, исследуется история средних веков. Большое внимание уделено историческому сообществу как интегрирующему целому, а также роли личного начала в творчестве ученого. В разделе публикаций представлена переписка С.Ф. Платонова и П.Н. Милюкова. В основу издания положено требование объективного подхода к проблемам истории исторической науки.

Для историков, преподавателей общественных наук, широкого круга читателей.

ТП-2002-II-№ 214

ISBN 5-02-008819-6

© Коллектив авторов, 2002
© Российская академия наук и
издательство “Наука”, серия
“История и историки” (разработка,
оформление), 1965 (год основания),
2001 (год возобновления), 2002

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

*

А.Н. Сахаров

О НОВЫХ ПОДХОДАХ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ. 1990-е годы

События конца 1980-х – начала 1990-х годов в СССР, распад Советского Союза, перемена социально-экономических и политических декораций в стране в сильнейшей степени повлияли на состояние исторической науки. В свою очередь, переосмысление истории нашего Отечества, особенно истории XX в., начатое робко еще на исходе 50-х и в 60-е годы, развернувшееся в полную силу в конце 80-х годов и продолжающееся и поныне, в сильной степени повлияло на изменение общественного, в том числе политического, климата в стране. Эти два процесса шли параллельно, переплетаясь друг с другом и составляя, в общем, единую общественную ткань. Поэтому и сегодняшняя оценка характера научной и общественной ориентации исторической науки не может быть предпринята без учета состояния общества, уровня и основных тенденций его развития. Поэтому, когда мы говорим о состоянии науки в целом, то странно звучат характеристики, не учитывающие этого переходного состояния общества и исторической науки. Так, в одной из методологических статей говорится о том, что нынешняя наука развивается в условиях полного развала прежнего коммунистического режима и является, в силу состояния кадров, в основном старых кадров, одним из оплотов консервативных антинаучных сил¹. Другие пишут, что новая историческая наука вновь стала служанкой режима, на сей раз нового, антикоммунистического, она разрывает связь времен, вновь фальсифицирует прошлое в угоду настоящему². Третьи полагают, что лучшая часть российской исторической науки – это ее марксистско ориентированные разработки, освобожденные от “скверны” сталинизма, догматизма, сектантства³.

В действительности историческая наука сегодня вовсе не несет в себе тех определенностей, которые ей приписывают адепты этих крайностей. В реальности она представляет собой более поляризованную, дифференцированную, более независимую, менее управляемую общественную дисциплину, а значит все более жесткую, холодную, объективную, пугающую и самих историков, и

обывателя своей нарастающей правдой. Вообще, я думаю, что история – это самая жестокая из всех наук на земле, потому что она одна способна сказать нам правду о нас самих, о нашем прошлом, настоящем и будущем. А правда, как известно, никогда и ни при каких режимах не была в почете. Общество, увы, не выносит правды о себе, как и человек. Особенно, если это общество не до конца сбросило тоталитарные путы в политике, социальных отношениях, экономике, психологии людей. И то, что сегодня историческая наука России выходит на пока еще очень приблизительный, очень отдаленный уровень этой правды, вызывает истерику и в научных кругах, и в крайне политизированном обществе, и во властных структурах. Неуверенность и относительность этой правды как раз и указывает на переходный характер исторической науки, на ее отяжеленность прошлым, на неясные новые ориентиры. И все же общий поворот налицо.

Исторической особенностью периода первой половины 1990-х годов явился окончательный политический крах тоталитарного государства, в основе идеологии которого лежал суррогат из марксистских идей, имперских традиций, самодержавной амбициозности, революционного мессианства, утопических общинных иллюзий, убогой гордости невежественных правителей и невежественных масс.

На смену этому государству пришел странный полукоммунистический, полукapиталистический, полукриминальный гибрид, жизнь которому дают все те же люди, кто был рожден, взращен и воспитан в послевоенный период. Каждый, кто даже бегло взглянет на состояние нашего общества, увидит, что прежний режим властно диктует свои параметры во многих общественных областях, в отношениях между людьми, между властью и обществом. Он масштабно передал новой России свои кадры снизу доверху, свою ментальность, обычаи, психологию, привычки, комплексы и многое другое. Он, наконец, передал ей глубоко криминальную сущность, при которой буквально вся страна от генсека до последнего дворника жила “не по закону”. Этот странный общественный синтез относится и к кадрам историков, и к исторической науке в целом. Единственное, чем новый режим отличается от прежнего состояния коренным образом – известной, почти официальной свободой от сталинизма, без которой, как это выяснилось уже бесповоротно, невозможно было дальнейшее движение общества в условиях современной цивилизации. Появившийся идеологический вакуум был почти мгновенно заполнен единственной мощной, неплохо организованной, имевшей определенные традиции идеологической силой – концепциями “шестидесятников”, натуральных антисталинистов, сторонников “первозданного” марксизма, адептов позднего Ленина, нэпа и всевозможных альтернатив – от Чаянова до Бухарина и Троцкого, “истинной” социал-демократии Мартова и Плеханова. Кажется, что их восхождение к идеологическому официозному Олимпу началось в период

“перестройки” Горбачева, но их реальная энергия была освобождена, конечно, в полной мере лишь с падением либерально-коммунистического режима “нового мышления”, поскольку “санкционированная” горбачевская свобода, не удовлетворявшая радикалов-антикоммунистов, мешала в значительной мере полностью раскрыться и “шестидесятникам”. Сегодня соотношение сил поменялось: радикалы и в политике, и в публицистике, и в науке расчистили завалы сталинизма, а “шестидесятники”, верные своим либерально-коммунистическим, “истинно марксистско-ленинским” политическим взглядам, отринутым в период “застоя” историческим концепциям, обогатившись новыми архивными пластами, огромным, ставшим доступным фактическим материалом по истории XX в., властно вступили на научный подиум, безапелляционно отгнав отсюда как консерваторов-сталинистов, так и сторонников радикальных антикоммунистических воззрений, которых они роднят с новым режимом, с дилетантской, официальной, совершенно антикоммунистической публицистикой и т.д.

Это их безусловное доминирование в современной историографии, этот их запоздалый реванш, ставший результатом победы противных им политических сил, вполне исторически оправдан и закономерен.

Сегодня это неопровержимый факт отечественной историографии, факт, выстраданный антисталинистскими, а вместе с ними и антикоммунистическими силами в целом, факт безусловно этапный, но, как и все в науке, безусловно преходящий.

Одновременно с этим в историографии вслед за публицистикой все более и более мощно звучит антикоммунистическая научная линия, представленная радикалами, свободными от обаяния и традиции “шестидесятников”. Для радикалов вся сумма фактов отечественной истории XX в. перевешивает в сторону антикоммунистических и антимарксистских исторических концепций вообще. Любопытно, что порой принципиальные расхождения между историками, исповедующими идеалы “шестидесятников”, и радикалами-антикоммунистами видны лишь в обобщающих концептуальных выводах, между тем как трактовка отдельных фактов мало чем отличается друг от друга. Заметим, что два этих основных направления в историографии являются отражением реальных исторических процессов.

В этой связи встает вопрос, который для многих является абсолютно ясным, – о так называемом кризисе современной российской исторической науки. Что есть этот кризис? Ответ на этот вопрос также дается в связи с теми основными направлениями в науке, о которых шла речь выше. Одни видят кризис в обвале всей старой идеологизированной исторической науки, неспособности на основе старых марксистских подходов познать историческую истину и призывают к поискам новой синтезированной теории исторического познания (“Кризис отечественной историографии в главном и основном

рожден кризисом марксизма”⁴, “Марксизму как в принципе догматическому учению противопоказано творческое начало”, “Марксизм и плюрализм мнений несовместимы”⁵).

Другая точка зрения говорит о том, что кризис в науке объясняется не крахом марксизма, а несостоятельностью его советских интерпретаторов, гипертрофированностью некоторых положений марксизма, в том числе об общественно-экономических формациях, классовой борьбе в качестве решающих рычагов общественного развития. Общеисторическая теория (философия истории) возможна и необходима, а теоретический плюрализм ценен лишь как необходимое условие разработки адекватного варианта теории. Марксов исторический материализм видится при этом в качестве той основы, которая, освобожденная от лженаучных примесей, по-прежнему будет играть решающую роль в познании исторического процесса⁶ (“сегодня, на настоящий момент, социальной антологией, не имеющей конкурентов, остается все-таки марксистская теория”)⁷. Свидетельством кризиса, таким образом, представляется либо полный, либо частичный отказ от прошлых методологических и научно-исследовательских ценностей и поиск новой адекватной историко-методологической опоры.

Совершенно очевидно, что и эти оценки также находятся в идеологическом и политизированном поле.

Мне представляется, что вообще разговоры о кризисе исторической науки возникают именно в период острейшего не столько научного, сколько политического и идеологического противоборства спорящих сторон, для которых не существует права на инакомыслие и все, что не укладывается в их собственную схему, видится как очередная ересь. Выход же из кризиса мыслится как победа “истинной” теории исторического познания, т.е. создание очередной монополярной концепции, поглощающей и подчиняющей себе все остальные несправедливые направления.

С этой точки зрения, именно отказ от раз и навсегда данных установок в науке, обращение к новым методологическим ключам познания, не только возрождение обновленного марксизма, но и новое прочтение – с учетом судеб мира и России в XX в. – творчества Н. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, М. Вебера, основателей “школы Анналов”, современных западных адептов социальной истории, эмигрантской русской историософии и других историософских и методологических течений свидетельствуют о том, что российская историческая наука как раз выходит из кризиса, который означал лишь отсутствие движения мысли, и вступает в новый плодотворный этап своей жизни. Сегодня, на мой взгляд, для российских историков не существует более какой-то одной избранной теории познания. Напротив, наиболее важные из них осваиваются в качестве инструментария познания; не существует какого-то одного избранного периода или региона, когда бы и где бы исторические

разработки были взяты за образец. Напротив, сегодня российская наука стремится синтезировать все лучшее, что дала мировая историография. Историки с успехом осваивают богатейшее наследие российской исторической науки в лице ее крупнейших представителей, чье творчество в течение долгих десятилетий замалчивалось, либо искажалось⁸. Пристальным вниманием пользуются достижения советской историографии, особенно достижения в области конкретной истории с одновременным отказом от тоталитарных оценок в науке, от препарированных в советское время основных положений марксизма⁹. Осваивается широчайший спектр западной историографии истории России и СССР, которая в течение долгого времени подвергалась отрицанию и квалифицировалась как фальсификация истории. Выходят в свет как прежние работы западных историков, так и исследования последних лет, посвященные проблемам российской и советской истории¹⁰. Сегодня для нас стало совершенно очевидным, что нет больше какой-то отдельной западной историографии, как нет отдельной российской исторической науки. Существует единая мировая историческая наука, как существует единая мировая физика, химия и т.п.

В этот синтез успешно включается и историография российской эмиграции, давшая высочайшие исследовательские образцы¹¹.

Наконец, следует сказать о крепнущей региональной историографии или исторической регионалистике (Урала, Сибири, Дальнего Востока, Российского Черноземного центра, Юго-Западного региона России и т.д.) с присущими им специфическими интересами и темами, с регионально-цивилизационными подходами (например, роль Урала, Сибири или Дальнего Востока в судьбах России)¹². И все это в условиях все увеличивавшейся лавины новых архивных материалов, широкого использования российских и западных архивохранилищ, тесного контакта между российскими и западными учеными.

Стремление овладеть всей гаммой приемов познания в условиях полной свободы творчества, в условиях, когда каждое из упомянутых выше направлений нередко бескомпромиссно противостоит другому, и есть то, что нужно любой науке для нормальной и полноценной жизни. Именно такое время сейчас наступило для российской исторической науки, а как его назвать – “кризисом” или, напротив, “выходом из кризиса” – это дело не научных, а политических пристрастий.

В первую очередь это касается методологических проблем исторической науки. Сегодня бытует представление, будто в этой области царит полный застой, что историки и историософы этим просто не занимаются и ловко уходят от сложных понятий и категорий, определяющих периодизацию истории, ее критерии и сущность. В частности, вне рассмотрения якобы оказываются наше отношение к понятиям “формация”, “цивилизация”, “исторический прогресс” и

другие важные для историков методологические категории. Однако это не так, в 90-е годы и на рубеже XXI в. эти вопросы все чаще понимались на страницах научной печати и, хотя действительно не стали предметом конференций, симпозиумов, ощущается все нарастающее научное напряжение в этой области исторических знаний, все увеличивающаяся амплитуда их обсуждений, вовлечение в них все более богатого исторического и философского материала, включая историософские концепции прошлого.

Конечно, по-прежнему широко представлена в российской историографии точка зрения о том, что марксистский подход к “типизации и периодизации исторического развития” на основе выделения общественно-экономических формаций не только не устарел, но остается основным в познании исторического процесса, так как позволяет выявить объективный и закономерный характер общественно-исторического развития и представить это развитие как сложную саморазвивающуюся систему. При этом, как уже отмечалось, отбрасываются жесткие социально-экономические и классовые детерминанты в качестве основных рычагов познания исторического процесса¹³ и допускается, что формационный “подход оставляет вне поля зрения отдельное конкретное общество, являющееся относительно самостоятельной единицей исторического развития”¹⁴. На этих, я бы сказал, либерально-формационных позициях, не рекламируя это, но руководствуясь этими постулатами в своей исследовательской и педагогической деятельности, стоит сегодня подавляющая часть российских историков. Но все шире пробивает себе дорогу цивилизационный подход к истории, основанный на разработках Данилевского, Ламанского, Шпенглера, Вебера, Тойнби, Хантингтона, теоретиков евразийства и других аналитиков. В его основе лежат более широкие и емкие понятия, охватывающие черты и признаки развития общества, которые представляют собой величины более долговременные, сущностно устойчивые, нежели социально-экономические факторы. Они прежде всего обнимают сферы территориально-природную, языковую, духовно-нравственную, религиозную, этническую. Эти сферы выражают интересы общества в целом и характеризуют его в целом¹⁵. Причем, это не означает полного отрицания формационного подхода к истории. Факторы, определяющие формацию, могут входить составной частью в характеристику той или иной цивилизации. Эволюция сторонников формационного подхода в сторону отказа от жестких социально-экономических характеристик развития общества порой ведет их к сближению со сторонниками цивилизационного подхода к истории.

Одновременно на методологическую поверхность подняты и проанализированы разработки русского историка-славянофила В.И. Ламанского с его разделением общества на “миры настоящего”, “миры будущего” и “миры прошлого”, в основе этого разделения лежат критерии “мироорганизующего могущества”. В соответ-

ствии с этим романо-германскую Европу он считал “миром настоящего”, цивилизации Азии, проигравшие мировую борьбу за первенство – “миром прошлого”, а “миром будущего” полагал греко-славянский мир с русским ядром, чей цивилизационный взлет, по его мнению, был еще впереди¹⁶.

В этой же связи введена в научный оборот и историософская теория Н.Я. Данилевского об извечном противостоянии России и Европы, о российской цивилизации как особом историческом феномене. Его знаменитая книга “Россия и Европа” была впервые за долгие десятилетия переиздана, а его историософские взгляды получили современную научную интерпретацию¹⁷.

Переизданы также работы О. Шпенглера и А. Тойнби. Все чаще в своих трудах историки и философы в условиях определенного кризиса “исторического материализма”, эрозии формационного подхода к истории и неясности и дискуссионности цивилизационных критериев прибегают к их вновь ожившим концепциям¹⁸. При этом обращается внимание на общецивилизационные основы периодизации истории человечества: “возрастной” (в рамках той или иной цивилизации) переход от культуры аграрно-сословного общества к культурному и политическому господству города, сопровождаемый “городскими революциями” с их идеологическими или религиозными окрасками (О. Шпенглер); рождение “дочерних цивилизаций” в лоне гибнущих локальных “универсальных государств” на базе вызво-ответных реакций общества, возглавляемых “творческой элитой”, на основе духовного обновления (А. Тойнби). Обращается также внимание в работах этих мыслителей на то, что они ставят евро-атлантическую цивилизацию в центр своего моделирования, поскольку именно на просторах Европы, по их мнению, в полной мере протекали процессы, определявшие метаморфозы человеческих обществ. Делаются попытки использовать методологию Шпенглера и Тойнби для объяснения процессов, протекавших на территории Восточно-Европейской равнины, в том числе и России¹⁹.

Интерес к теории евразийцев также имеет сегодня не умозрительный характер, а ведет к неустанным попыткам объяснить российскую историю как в прошлом, так и в настоящем и будущем перманентной привязанностью России не только и не столько к Европе, как полагают адепты евро-атлантической модели развития как основной, так сказать, эталонной для человечества, сколько к азиатским просторам, азиатским народам, цивилизациям, государствам, духовности, традициям и т.п. Во-первых, это отражается в широкой публикации трудов евразийцев, как в периодической печати²⁰, так и в сборниках статей, об одном из которых шла речь выше. Во-вторых, в появлении в первой половине 90-х годов серии книг Л.Н. Гумилева, где в обоснование евразийских концепций автор широко использует конкретно-исторический материал русской истории и истории ряда государственных образований Востока²¹. Позднее появи-

лась серия статей, посвященных обсуждению извечной проблемы “Россия и Запад”, где евразийству была отведена пальма первенства в противовес европоцентристским концепциям²². Был создан журнал “Евразия”, который неустанно в своих публикациях смещал акцент в трактовке отечественной истории в сторону евразийства.

Цивилизационные проблемы вышли на первый план и в оценке конкретных периодов в истории России. Так, идет дискуссия относительно возможности применения к истории России принятых на Западе понятий “средние века” и “новое время”. А.Б. Каменский обращает внимание на цивилизационную асинхронность явлений и того и другого периода на Западе и в России. Хотя он и признает существование общей модели развития европейского мира, куда включается и Россия, но с весьма значительным запозданием в несколько веков. Понятия же “феодализм” и “капитализм”, по его мнению, впервые сформировались в западной историографии на материале именно западной истории. Автору, кажется, ближе понятие “традиционное общество” в применении к допетровской Руси. Что касается реформ Петра I и послепетровского времени, то А.Б. Каменский отмечает, во-первых, верхушечный характер преобразований “средневекового реформатора” (наш термин. – А.С.), во-вторых, консервацию основополагающих условий жизни страны (культура хозяйствования, сельскохозяйственное производство, бытовые традиции, мировоззрение русского человека), а в общественной жизни укрепились элементы несвободы, подавлялись ростки гражданского общества. Лишь после реформ 1860-х годов положение стало медленно меняться, хотя и на протяжении XVII – первой половины XIX в. уже обозначился процесс разрушения традиционного сознания.

На взгляд автора, более адекватными периодизации истории России являются понятия “традиционного” и “современного” общества в их “веберовском смысле”, т.е. с религиозными и мифологическими представлениями как основополагающими в социальной организации и жизни на первом этапе и с характерными чертами капитализма и в центре которых стоят свобода частной собственности, рыночных отношений, свобода человеческой личности и новые технологии. XVIII – первая половина XIX в., по мнению автора, как раз и стала переходным от “средневековья” к “новому времени” с точки зрения общеевропейской модели²³.

В последнее время появляются и другие попытки периодизировать историю России с позиций не прежнего “исторического материализма” и даже не с точки зрения ставших для российской историографии вдруг доступными и даже близкими схем западных и старорусских историков, а с позиций какой-то одной доминирующей черты российского общества, пронизывающей всю русскую историю, во всяком случае, со времени перемещения российской государственности в междуречье Волги–Оки–Клязьмы. Такой системообразующей доминантой русской истории Ю.С. Пивоваров и

А.И. Фурсов в ряде своих работ считают власть. Менялась власть – менялась история. Первичная и определяющая все власть компоновала страну: вся русская история реализуется через власть и посредством власти. Поэтому авторы, скажем, вводят такое понятие, как “Великая самодержавная революция” Ивана IV, а последующие века русской истории рассматривают сквозь призму “Великого передела” власти – от опричнины до “нынешней смуты”²⁴.

Наконец, к разряду методологически новых подходов следует, на мой взгляд, отнести и получившие в условиях свободы научного творчества новые импульсы альтернативного взгляда на русскую историю, помогающего понять всю ее многомерность, противоречивость, порой ошеломляющую возможность круто повернуть ее ход.

Если прежде под исторической альтернативой, как правило, понималось лишь обращение к судьбам российской революции, к всепобеждающей “прогрессивной” революционной альтернативе, к проблемам послереволюционного развития страны в XX в. на путях “истинного ленинизма”, “альтернативы Бухарина” и т.п.²⁵, то в 90-е годы этот круг значительно расширился и видоизменился. Был поставлен вопрос о либеральной альтернативе развития России²⁶, о возможности конституционного развития страны на протяжении XVI – начала XX в., что, по существу, означало попытку нового цивилизационного осмысления всего русского исторического пути в эти века, так сказать, “теневой” русской истории, которая на всех этапах сопутствовала ее “генеральной”, состоявшейся линии. В этой же связи по-новому был поставлен вопрос о смысле борьбы за единство и централизацию русских земель, в которой важную цивилизирующую роль могли сыграть, кроме победившего лидера – Московского княжества, Русско-Литовское государство, а также Тверское княжество; рассмотрены другие “русские альтернативы”²⁷. Проблема исторической альтернативы была учтена и при исследовании других периодов и событий российской истории (Крымская война 1853–1856 гг., первая мировая война²⁸).

В связи со всеми отмеченными методологическими новациями претерпевают эрозию прежние, устоявшиеся десятилетиями представления даже историков традиционной школы.

Если мы обратимся к монографиям, сериям статей по истории России как древней, средневековой, так и XX в., то по-прежнему встретим такие категории, как феодализм, капитализм, социализм. Но сегодня эти понятия наполняются новым смыслом. Историки пытаются дойти до сути вещей, понять: что же такое феодализм не в жестком социально-экономическом смысле слова, а в широком цивилизационном понимании; что же такое капитализм и как он развивался в России, что же такое социализм в XX в., как он произрастал на российской почве и как он соотносится с мировыми социалистическими учениями и движениями. Наличие такого стихийного синтеза – верный признак жизнеспособности российской исторической науки.

В этой связи стоят и споры вокруг понимания прогресса в истории. Сторонники цивилизационного подхода к истории противопоставляют понятию так называемого абстрактного социально-экономического прогресса реальную историческую ценность – человека, личность, ее интересы. В центр понятия “прогресс” ставится критерий совершенствования человека, развитие и становление его общественных и духовных ценностей, которые связаны со становлением свободной, независимой, материально обеспеченной и духовно богатой личности²⁹. В рамках формации эти понятия фактически размываются, хотя и декларируются. В условиях цивилизационной оценки они представляют собой реальную историческую величину. Оба эти подхода находят адекватное отражение в историографии.

Одновременно происходит определенное “укрупнение” взгляда на историю. Если раньше вся история, особенно XX в., делилась на отдельные небольшие отрезки: период коллективизации, индустриализации, период войны и так далее, то сегодня, взглянув на исторический процесс, мы понимаем: XX в. – это часть всей нашей истории, часть, абсолютно сопоставимая с прошлой историей, со всей мировой историей. Сопоставимая вовсе не в том смысле, что все события вели к 1917 году, как полагали еще вчера. Оказывается, российский XX век является неотрывной частью всей истории во всем ее многообразии, во всех ее общественных связях и цивилизационных аналогиях. Понять это помогает сравнительно-исторический метод, который раньше не пользовался большим вниманием. Сегодня этот подход, при котором сравниваются и века, и регионы, и цивилизации, значительно обогащает наше знание, понимание истории.

Наконец, хотелось бы сказать, что сегодня российская историческая наука базируется и на многофакторном подходе к истории.

Наряду с социально-экономическим, классовым подходом рассматриваются и иные подходы, иные факторы, которые помогают понять историю страны: географический и этнический, религиозный и внешнеполитический, фактор взаимовлияния и синтеза различного рода цивилизаций, скажем, древнеримской и европейской, византийской и российской и другие, которые невозможно отделить от развития нашей истории вообще. Эти факторы действовали в разные периоды с различной силой, и конечно, в период татаро-монгольского нашествия на первый план, скажем, выдвигался фактор внешнеполитический, фактор защиты отечества, но отнюдь не классовый, как полагали раньше. То же самое можно отнести и к другим периодам нашей истории, скажем, к 1812 г. Все это воспринимается историками, по-новому трактуется и создает совершенно иную палитру в обрисовке развития истории. Эта палитра характеризуется очень просто: изучается общество в целом, во всем его движении от древнейших времен до современности, а само понятие общества предполагает все его части: не только рабочие, не только

крестьянство, но и предпринимательские слои, и духовенство, и верхи общества и другие слои. Сегодня это общепризнанно всеми направлениями в историографии. У историков России, как и у историков вообще не может быть классов любимых и классов нелюбимых, нет героев, как прежде, любимых или нелюбимых; мы не можем проклинать отдельные периоды истории, как и превозносить другие. Мы пытаемся понять историю в целом.

Думаю, что большое значение для современной историографии, как она развивается сегодня, как мы это чувствуем по тем изданиям, которые выпускаются сегодня и в центре, и на местах, имеет значение и такой момент, как психологически-личностный подход к истории, значимость и роль лиц в истории, их влияние на ход истории.

Прежде к этой проблеме был совсем иной подход. Скажем, историки представляли, что XVIII в. проходил под доминантой таких революционных фигур, как Радищев и Пугачев, но совершенно упускалось из виду то, что существовали и другие исторические личности, было совсем иное, причем подавляющее влияние на российскую историю. В последних трудах ощущается плюралистический и многофакторный личностный подход. Не отрицается роль, скажем, того же Радищева в развитии российской революционности российского либерализма (причем со значительными коррективами в сторону не столько революционных, сколько демократических черт в его идеологии³⁰), не отрицается роль Пугачева в 70-е годы XVIII в. в мобилизации низов общества на борьбу с верхами этого общества (однако с коррективами в сторону разрушительной и антицивилизационной стихии пугачевского восстания). Но не только в этом заключалась жизнь России на всех этапах ее истории от древности до начала XX в. Были и либералы и реформаторы XVIII – начала XIX в.: И.И. Шувалов, Н.И. Панин, М.М. Сперанский, Д.А. и Н.А. Милютины, С.Ю. Витте, П.А. Столыпин; военные деятели и дипломаты того же времени: Г.А. Потемкин, А.А. Аракчеев, М.Б. Барклай де Толли, А.М. Горчаков; были выдающиеся российские монархи Александр I, Александр II и другие, которые оставили неизгладимый и в основном позитивный след в истории нашего Отечества³¹. По существу, в последние годы произошла грандиозная переоценка практически всех крупных фигур в отечественной истории в сторону объективности, взвешенности, отказа от убогих антинаучных идеологических стереотипов как дореволюционного, так и советского времени.

Все это отражается и в работах Института российской истории РАН, в работах университетских историков С.-Петербурга, Нижнего Новгорода, Екатеринбурга, Новосибирска, Омска, Владивостока и других городов и научных центров нашей страны, в исторической периодике.

В настоящее время российская историография базируется на новых, “сквозных” темах. Если мы говорим, например, “аграрная история” или “аграрная революция”, то вкладываем в это порой

совсем иной, нежели прежде, смысл. Так, статья В.П. Данилова – нашего известного специалиста по аграрной истории России – называется: “Аграрная революция в России. 1902–1922 гг.”³² Перед нами предстает совершенно новый подход, включаются новые понятия, аграрная революция выглядит совершенно по-иному, чем ее представляли себе историки совсем недавно. И вся она обнимает период не только дореволюционных событий, но и первые годы советской власти. Разве тамбовское восстание крестьян в 1921 г. не было продолжением аграрной революции начала XX в.? Было, но уже в иных условиях, в иных общественных взаимосвязях.

Думаю, что такой же подход характерен и для коллективизации страны, сложной и противоречивой аграрной революции уже советского времени, в которой ударной революционной силой стала крестьянская беднота. Одновременно жизнеспособная, хозяйственно крепкая, заинтересованная в своем индивидуальном труде часть крестьянства поднималась против тоталитарного обезличивающего антисобственнического нажима со стороны власти и поддерживающей ее бедноты.

Российская историография сегодня характеризуется и тем, что совершенно новые исследовательские подходы и темы появились на ее горизонте. В свое время мы “упивались” словами о “белых пятнах” в истории. Мы считали, что действительно надо было закрывать эти “белые пятна”. А потом историки всей своей исследовательской практикой показали, что дело не в них: на каждом историческом отрезке, в каждом периоде истории, в каждой исторической персоналии, в каждом масштабном событии есть свои “белые пятна”. Выявилось, что практически вся наша история оказалась огромным “белым пятном”. Но не потому, что историки сегодня пытаются переписать всю историю, а потому, что новые подходы, о которых говорилось выше, касаются не отдельного события, не отдельного периода, не отдельной личности, они касаются всей истории в целом. Происходит не переписывание, а переосмысление истории России.

Несколько примеров.

Среди новых тем, которые разрабатывают сегодня историки, традиционное место занимает история Древней Руси. Но это уже не борьба за углубление марксистского понимания древнерусского феодализма, а, напротив, попытка поставить под сомнение старую идеологизированную схему, за которой стояли толкователи сталинского курса “Истории ВКП(б)”. Санкт-Петербургская школа во главе с И.Я. Фрояновым сегодня выступает против завышения социально-экономического и политического уровня Древней Руси и оценивает ее с иных, чем прежде, цивилизационных критериев³³. Пересмотру подвергается и история борьбы русских земель за свое объединение в XIII–XV вв. Ранее считалось, что самой судьбой первенств-

вующая роль была здесь уготована Москве. Ученые разрабатывают версию о полицентрическом характере этих процессов, когда лидерами попеременно становились Юго-Западная Русь, Литовско-Русское государство, Тверь и, наконец, Москва. И пути России могли бы быть иными, если бы это объединение пошло другим, чем уже состоявшимся, путем³⁴.

Сегодня историков уже не удовлетворяют прежние подходы к проблеме крепостного права в России. В работах Л.В. Милова, группы Санкт-Петербургских ученых осуществляется поворот в сторону выявления исторически оправданных закономерностей появления крепостного права в России, когда в условиях бедности русской нации, ограниченных климатических возможностей, малой производительности крестьянских хозяйств и одновременно необходимости все возрастающих расходов на поддержание боеспособности страны, укрепления ударной силы этой боеспособности – помещиков, землевладельцев, завоевания страной независимости в борьбе с Ордой, преодоления военно-экономической блокады с Запада у государства не было другого способа соединения работника со средствами производства, мобилизации сил для решения национальных задач, нежели постепенное усиление крепостнического режима.

Получает дальнейшее развитие и точка зрения историков XIX в. о том, что именно на время Петра I приходится пик российского крепостничества, когда происходит закрепощение всех сословий, начатое еще прежде, а затем уже с начала XIX в. осуществляется их медленное поэтапное раскрепощение под влиянием экономических, политических и моральных обстоятельств. Получает развитие и идея о крепостном праве как более широком понятии, включающем и крепость личности по отношению к коллективу (община)³⁵.

В область полного переосмысления вошла тема так называемых крестьянских войн. Подвергается обстоятельному сомнению не только их сущность, идеология (отнюдь не антигосударственная, а скорее царистская) и аргументируется их в основном казацкое, вольно-бунтарское содержание, подчеркивается негативное (в отличие от прошлых, лишь позитивных оценок) влияние “крестьянских войн”, а по существу казацко-крестьянских восстаний на судьбы России³⁶.

К новым темам относится, скажем, история русского реформизма и либерализма³⁷, предпринимательства³⁸, консерватизма³⁹.

Целый исторический пласт поднят современной исторической наукой в исследовании российской эмиграции. Разрабатываются проблемы российской эмиграции XIX в., послереволюционной политической эмиграции, третьей ее волны в послевоенный период и ее новый, так сказать, “диссидентский” облик в 1960–1970-е годы. В сфере исследовательского интереса оказываются условия жизни, адаптация, правовой статус российской эмиграции, ее различные общественно-политические, религиозные течения и организации, ее

наука и культура, политика различных зарубежных правительств по отношению к российским эмигрантам, взаимоотношения эмиграции с окружающей средой, отношения между эмигрантами и их бывшей Родиной – Россией и СССР⁴⁰.

Практически заново разрабатывается история русской церкви, монашества⁴¹.

Вновь пробудился потухший было в советские годы исследовательский интерес к истории российских представительных учреждений, к истории местного самоуправления. Если прежде он ограничивался в основном обращением к истории Земских соборов под углом зрения лишь укрепления через них, помимо них, а впоследствии и без них абсолютистских начал в России, то в 90-е годы на рубеже XX–XXI вв. этот интерес принял совсем иной характер. Историки определенно стали рассматривать представительные учреждения в России с древнейших времен до начала XX в. как элементы рождающейся новой цивилизации, как модели, ведущие к будущему переустройству России на новых антиабсолютистских, а позднее и демократических началах. Объектом анализа стали демократические традиции древности, восходящие еще к догосударственному периоду, Новгородская республика, представительные и выборные государственные учреждения Московского царства, снова Земские соборы, Уложенная комиссия, земские учреждения, российская Дума и др.⁴²

Историю внешней политики России не назовешь новой темой. Тем не менее в 1990-е годы она зазвучала в историографии совершенно по-иному. Ушли в прошлое классовые критерии этой политики, привязанные то к феодальной, то к феодально-буржуазной, самодержавной государственности, и на первый план вышли геополитические интересы нашего Отечества, складывавшиеся еще в глубокой древности и модифицировавшиеся, но не утратившие своей первоосновы в последующие века. А в соответствии с этим по-иному предстают и творцы этой политики А.Ф. Адашев, А.Л. Ордин-Нащокин, В.В. Голицын, Г.А. Потемкин, А.М. Горчаков и др., а также русские правители (первые Романовы, Петр I, Екатерина II, Александр I, Александр II, Александр III и Николай I), вся деятельность которых была направлена в одних случаях успешно, в других весьма проблематично на защиту геополитических интересов России. Эти новые тенденции были аккумулированы в 5-томном издании “История внешней политики России”, охватывающем период от глубокой древности до начала XX в.⁴³

Совершенно на новой основе изучается история культуры, история российского меценатства, филантропии. Прежде мы, как правило, базировались на том, что существуют две антагонистические культуры: культура революционная, демократическая, пролетарская и культура буржуазная. Сегодня есть большие сомнения в правильности такого жесткого подхода к истории культуры. Ока-

зывается, что история культуры так же, как и другие области истории, не терпит таких сектантских подходов. История культуры богаче, красочней, она наполнена яркими людьми разных общественных направлений: и либералами, и консерваторами, и реакционерами, и радикалами, и революционерами. Все это тоже история нашей культуры, история нашей духовности. Что касается истории филантропии, филантропических учреждений и русских филантропов, то эта тема, запретная для советской историографии, теперь звучит в полный голос⁴⁴.

Наконец, совершенно по-новому разрабатывается тема “история народов России”. В первую очередь это касается проблемы присоединения народов к России и последующего их существования в рамках империи. Сегодня отступает в сторону апологетический подход. Ученые стремятся объективно рассматривать эту сторону российской истории, учитывая как действительно добровольный характер присоединений, так и их насильственный, сложный, противоречивый путь, когда в ходе этих процессов осуществлялись различные формы вхождения народов в состав России, существовали разные позиции и верхов, и низов общества. Анализируется процесс складывания системы управления национальными окраинами России, которая имела не только противоречивый, насильственный, но и весьма гибкий, порой достаточно терпимый, характер⁴⁵. Одновременно новым историографическим пластом являются исследования депортации советских народов в 1930–1940-е годы⁴⁶. В сфере острых дискуссий остаются отношения России с северо-кавказскими народами в XIX в., особенно в период так называемой Кавказской войны. Освобожденная от старых идеологических схем, эта тема сегодня обрастает новыми идеологическими стереотипами, о чем откровенно пишут историки⁴⁷.

Особо следует сказать об истории России XX в. XX век – век близкий к нам, век, где схлестывались основные политические страсти, что до сих пор мешало и мешает его взвешенному спокойному изучению. И все же такие попытки делаются. Однако историки постоянно находятся под воздействием политизации истории XX в. Когда берешь в руки труды – от статей в периодике до серьезных фундаментальных публикаций, – касающиеся XX в., сразу чувствуешь, какой политической ориентации придерживается тот или иной автор. Скажем, существует точка зрения, что 1917 год – величайшее событие в истории страны, но существует и полярная точка зрения, что 1917 год – проклятое событие в истории России; существует, скажем, и такая позиция, что время с 1917 по 1929 г. – благодатный период в нашей истории и лишь с приходом Сталина к власти открылся тоталитарный период. Но высказываются и прямо противоположные суждения, что все это один период, что Ленин “породил” Сталина, ГУЛАГ, что именно Ленин заложил основы тоталитарного государства. Этот разброс

мнений вполне корреспондирует и с основными направлениями научных исследований истории XX в., ведущихся на Западе⁴⁸.

Новым направлением стало исследование темы “Власть и общество” в России. Применительно к истории советского периода разработки ведутся на основании недавно рассекреченных архивных материалов, среди которых письма людей в карательные партийные органы, советские судебные органы. Они раскрывают всю чудовищность тоталитарного сталинского режима с его подавлением личности, гражданской свободы, особенно в аграрной сфере. Новым словом в этой области стала фундаментальная многотомная публикация Института российской истории РАН «“Совершенно секретно”. Лубянка – Сталину о положении в стране. 1922–1934 гг.» В нее входят недавно рассекреченные фонды архива ФСБ, которые содержат ежемесячные отчеты ГПУ, ОГПУ, НКВД руководству страны об истинном положении в СССР, состоянии ее промышленности, сельского хозяйства, о настроениях среди рабочих, крестьян, интеллигенции, молодежи, в армии, в церковной среде, в антисоветском подполье, в криминальной сфере и о других аспектах внутренней жизни страны. Эти материалы впервые формируют наше представление о “другой жизни” на путях “строительства социализма”, показывают весь драматизм истории народа, осуществившего кардинальную социально-политическую революцию в стране и оставшегося наедине с мировой и российской цивилизацией и продолжавшего жить и “творить”, реагировать на политику властей, также вышедших из народа, в соответствии со своим уровнем культуры, менталитета. Эти материалы проливают истинный свет на некоторые тайные пружины политики большевистского руководства, в том числе и репрессии, как в отношении страны в целом, так и отдельных слоев ее населения, раскрывают грандиозную по своим масштабам систему тотальной слежки “народного правительства” за своим народом. Дополнением к этой уникальной публикации является и вышедший первый том документов “Власть и общество. Российская провинция”, который на также недавно рассекреченных материалах абсолютно “закрытой” в годы советской власти Нижегородской (Горьковской) области с ее мощным и секретным военно-промышленным потенциалом дает возможность проследить истинное взаимоотношение народа, его отдельных слоев с властью⁴⁹.

На одно из первых мест в переосмыслении истории России и СССР выдвигается проблема Великой Отечественной войны СССР в 1941–1945 гг. Наряду с традиционной историографией, не выходящей в основном за рамки официальной версии войны, данной в свое время И.В. Сталиным и последующими партийными документами, разрабатывается и иная версия: значительной ответственности советского режима за развязывание войны в рамках реализации концепции мировой революции, подготовки ста-

линского руководства к превентивной войне против Гитлера. Сегодня, кажется, уже никто не сомневается в наличии у Сталина такого намерения. Яростные споры идут лишь в отношении возможных ее сроков⁵⁰. В России эти подходы оформились как самостоятельное научное направление и представлены группой, в том числе молодых, ученых⁵¹. Эта дискуссия нашла отклик и на Западе⁵². Все это сегодня обсуждается на страницах журналов “Отечественная история”, “Вопросы истории”, все это видится в статьях, монографиях, в заседаниях “круглых столов”. Это исследовательская реальность нашей жизни, и с этой реальностью не только надо мириться, ее надо приветствовать, потому что в этом политическом накале видны истоки реального научного плюрализма, который возможен и действительно нужен для настоящей исторической науки. На этой основе объективная неидеологизированная история все шире прокладывает себе дорогу.

Под этим объективным углом зрения изучается революция и гражданская война, “военный коммунизм” и коллективизация, создание тоталитарной системы в СССР, проблемы репрессий, в частности, расправы с еврейским антифашистским комитетом в 1948 г., вопросы государственного антисемитизма в СССР, время “оттепели”, история военно-промышленного комплекса СССР, внешней политики СССР, особенно в 1939–1941 гг. и возникновение “холодной войны”, история ГУЛАГа, голода в СССР, смысл и деятельность ЦК КПСС и Политбюро, направленные на складывание, совершенствование тоталитарной системы в стране, тайные пружины этой политики, облик “народных” вождей, их взаимоотношения между собой, и т.д.⁵³ Много объективного, документально подтвержденного видится в этих подходах к истории. Возьмем гражданскую войну. Конечно, здесь чувствуются политические симпатии, и все же идет фронтальное изучение обеих противоборствующих сторон – и красных, и белых. Мы знакомимся с программами антибольшевистских правительств, с книгами Деникина, с аграрной программой Врангеля, задуманной в Крыму, но не осуществленной. Мы узнаем многие факты, которые до сих пор для нас были неведомы в истории гражданской войны. Это относится и к другим темам по истории XX в.: в исследование вовлекаются либо закрытые ранее, либо неизвестные фигуры истории России XX в., имя которым сегодня легион. Однако до сих пор не написана правдивая история так называемой перестройки – этого последнего уже бесплодного усилия либерально-коммунистического руководства страны, вдохновляемого идеалами “шестидесятников” и поддерживаемого значительной частью советской элиты и некоторыми социальными группами, по реформированию общества с целью сохранения этой системы в ее основных и главных параметрах особыми средствами вплоть до “большой крови”.

В области демографии идет напряженная работа по исследованию влияния социально-политических процессов в стране на демографическое развитие. В Институте российской истории РАН было проведено крупное исследование по проблемам потерь в Великой Отечественной войне. Эти материалы были посвящены не только времени войны, но и смежным периодам, связанным с потерями населения во время коллективизации, голода как в центре, так и на Украине и многим другим вопросам.

Вслед за этим была продолжена масштабная работа по воссозданию демографических процессов в России в XX в., охватывающая все их основные параметры в различные хронологические периоды, в том числе в поворотные годы столетия (урбанизация начала века, переселенческая политика, первая мировая и гражданская войны, катастрофические для населения страны в 20–30-е годы, вторая мировая война, тяжелые послевоенные годы)⁵⁴.

Отдельно следует сказать о серии крупных документальных публикаций “Фонда Демократии” под общей редакцией А.Н. Яковлева. Эти публикации посвящены ключевым, наиболее драматическим, а потому наиболее и более всего скрываемым событиям советской истории на всех ее этапах. Это и события гражданской войны, и внутрипартийной борьбы за власть в 50-е годы, и политические репрессии, и борьба с инакомыслием в период становления и развития тоталитарного государства. Про эту серию, насчитывающую уже около двух десятков томов, можно сказать, что она вместе с уже перечисленными выше документальными публикациями создает прекрасную возможность для нового спокойного и объективного изучения и осмысления советской истории, далекого как от стереотипов советской эпохи, так и от экзальтированных разоблачений публицистов конца 80-х – первой половины 90-х годов XX в.⁵⁵

В последние годы в западной историографии оформилось новое направление изучения истории различных обществ и государств, так называемая история повседневности или историческая антропология, позволяющее в известной степени пролить дополнительный свет на глубинные, личностно-общественные процессы, протекающие в том или ином обществе. Все шире используется “история повседневности” и советскими историками. Этот метод исследования применяется как к периоду “средневековья”, “нового времени”, так и советского общества.

“Героями” исследования становятся не народы, классы, социальные группы, а “живые” “простые люди” с их обыденными взаимоотношениями, надеждами, разочарованиями, планами, причем на разных ступенях общественной лестницы. Новый подход позволяет, во-первых, сопоставить наблюдения, полученные на материалах российской истории, с западными аналогами, а, во-вторых, проследить эволюцию жизни “простых людей” и их представлений, традиций в рамках развития самой российской цивилизации. И то, и другое поз-

воляет более углубленно и совершенно с неожиданной стороны подойти к решению и формационных, и цивилизационных вопросов в истории нашего Отечества⁵⁶.

В период поворота российской исторической науки к новым темам, новым личностям многие исследователи посвятили себя изучению верхов общества, “средним слоям”, реформаторам, предпринимателям. Это вызвало в научной печати раздраженные пассажи со стороны ревнителей “истинного марксизма”, сторонников формационного подхода к истории, ностальгические сетования по поводу забвения истории “трудящихся классов” – рабочих и крестьян. Во-первых, эти сетования несправедливы, поскольку продолжается изучение рабочего движения в России, российского радикализма и декабризма, хотя исследовательские масштабы в этой области сократились и обрели, я бы сказал, “нормальное”, равноценное по отношению к другим темам внимание, но никак не гипертрофированное, как прежде. А, во-вторых, складывается впечатление, что для этих ревнителей истории “трудящихся классов” сама история заключается в анализе состояния рабочего класса и крестьянства в основном в их дореволюционном облике “эксплуатируемых классов”. Между тем жизнь и драматическая судьба этих социальных слоев продолжалась и после Октябрьской революции и складывалась отнюдь не счастливо. Об этом, в частности, говорят и тяжелое положение крестьянства в период “военного коммунизма”, и мощные крестьянские восстания, в том числе восстание на Тамбовщине в 1920 г., подавленное регулярными войсками Красной Армии, и многочисленные конфликты в рабочей среде – забастовки, волнения, новочеркасское восстание рабочих, задавленных хрущевскими танками – и многие другие проявления жизни и истории “трудящихся классов” уже в советское время. Сегодня эти проблемы все чаще выходят на передний план исторических исследований. А обращение к судьбам интеллигенции, ученых, Академии наук СССР во времена тоталитарной системы, в частности судьбам российских диссидентов, – разве это не исследования о социальных слоях России XX в.? Как-то странно понимают “защитники” “трудящихся” место народа в системе государства и власти, связывая его страдания лишь с дореволюционной реальностью. Кое-кто не считает все эти явления послереволюционной истории историей “трудящихся классов”, между тем, все это вместе взятое – и антипомещичьи восстания крестьян на заре века и после Февральской революции 1917 г., и Тамбовское восстание, и антиколхозное движение в конце 20-х – начале 30-х годов, и выступление против советской системы рабочих – это единое целое в развитии как дореволюционного, так и послереволюционного российского общества, в судьбах простых людей, помогающие нам понять всю сложность, противоречивость и драматизм истории народа России в XX в.⁵⁷ Причем до сих пор не поставлены кардинальные вопросы о реальном значении места народных масс – российских рабо-

чих, ремесленников, крестьян – в системе российской цивилизации, создании и развитии общечеловеческих ценностей, которые, как показал опыт истории, в том числе истории советского общества, являются категориями непреходящими.

Сегодня российская историческая наука жизнеспособна, динамична, дискуссионна. Она тесно связана с мировой историографией; исследования историков основываются на все более широком использовании мирового и отечественного историографического наследия, на вовлечении в орбиту изучения все более глубоких архивных пластов. Она развивается в условиях свободы, и это является залогом того, что у российской историографии есть прочное будущее.

- ¹ *Искендеров А.А.* Историческая наука на пороге XXI века // *Вопр. истории.* 1996. № 4. С. 5.
- ² *Дезер М.* Крайности истории и крайности историков // *Крайности истории и крайности историков?*: Сб. ст. М., 1997. С. 145–156.
- ³ См.: *Ковальченко И.Д.* Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах // *Новая и новейшая история.* 1995. № 1; см. также: *Дискуссия о методологических поисках в современной исторической науке* // *Новая и новейшая история.* 1996. № 3. С. 75–90.
- ⁴ *Искендеров А.А.* Историческая наука на пороге XXI века. С. 8.
- ⁵ *Искендеров А.А.* Что скрывается за “новыми” парадигмами истории? // *Вопр. истории.* 1998. № 4. С. 175.
- ⁶ *Смоленский Н.И.* Теоретический плюрализм и проблемы исторической науки. “Методологические поиски в современной исторической науке” // *Новая и новейшая история.* 1996. № 3. С. 76–79; *Семенов Ю.И.* Материалистическое понимание истории: недавнее прошлое, настоящее, будущее // Там же. С. 80–81.
- ⁷ См.: *Искендеров А.А.* Что скрывается за “новыми” парадигмами истории? С. 175.
- ⁸ См.: *Киреева Р.А.* К.Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. М., 1990; *Историки России XVIII–XX вв.* Вып. 1–5. М., 1995–1998; *Историки России XVIII – начала XX вв.* М., 1996. Существенной частью роста и обновления современных исторических знаний стало переиздание практически всех основных работ видных российских историков XVIII – начала XX в., а также историософских трудов, в которых были поставлены ключевые вопросы цивилизационных судеб страны. См., например: *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991; *Розанов В.В.* Сочинения. М., 1990; *Вехи. Интеллигенция в России.* Сб. М., 1991; *Из глубины. Сборник статей о русской революции.* М., 1991; *Корзун В.П.* Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. Екатеринбург; Омск, 2000.
- ⁹ См., например: *История и сталинизм.* М., 1991; *Историческая наука России в XX веке.* М., 1997; *Россия в XX веке: судьбы исторической науки.* М., 1996; *Советская историография.* М., 1996; *Исторические исследования в России: тенденции последних лет.* М., 1996; *Сидорова Л.А.* Оттепель в исторической науке. Советская историография первого послесталинского десятилетия. М., 1997. С новых позиций разрабатывались ключевые проблемы истории России XX в., в том числе история советского общества. Был осуществлен выпуск сочинений российских политических деятелей либо репрессированных, либо эмигрировавших. В этих работах, принадлежавших деятелям самых различных политических направлений, представлен широкий спектр оценок истории

- России XX в., в том числе русской революции, большевизма и сталинизма, сущности эволюции советского общества. (См., например: *Милюков П.Н.* Воспоминания: В 2 т. М., 1990. Т. 1/2; *Керенский А.Ф.* На историческом повороте. Мемуары. М., 1993; *Раскольников Д.Ф.* Кронштадт и Питер в 1917 году. М., 1990; *Валентинов Н.* Недорисованный портрет... Встречи с Лениным. Малоизвестный Ленин. Ранние годы Ленина. М., 1993; *Николаевский Б.Н.* Тайные странички истории. М., 1995; *Соломон Г.* Среди красных вождей. М., 1995; *Бухарин Н.* Этюды. М., 1988; *Троцкий Л.Д.* Сталин: В 2 т. М., 1990; *Он же.* Сталинская школа фальсификаций. М., 1990; *Он же.* Преданная революция. М., 1991; и др.). Заметное место в этом ряду новых, неожиданных и даже сенсационных публикаций стали занимать работы, принадлежащие перу диссидентов, “невозвращенцев”, покинувших СССР уже в период “застоя” (См., например: *Восленский М.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991; *Фельштинский Ю.* Крушение мировой революции. Брестский мир. Октябрь 1917 – ноябрь 1918. М., 1992; *Рапопорт В., Геллер Ю.* Измена Родине. М., 1995; и др.). Ощутимый вклад в расширение исследовательской источниковой базы истории России XX в., в том числе мемуарной, внес журнал “Вопросы истории”, публикующий из года в год либо закрытые ранее и ныне рассекреченные исследовательские и мемуарные материалы, либо новые источники. Среди них следует упомянуть публикации А.Ф. Керенского, А.Г. Авторханова, Н.С. Хрущева и др.
- ¹⁰ См., например: *Россия в XX веке. Взгляд зарубежных историков.* М., 1996; *Карр Э.* История Советской России. Большевицкая революция 1917–1923: В 2 т. М., 1990. Т. 1. Кн. 1; *Такер Р.* Сталин. Путь к власти. 1879–1929. М., 1990; *Пайнс Р.* Русская революция: В 2 ч. М., 1994; *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001. Изданы работы прежних лет Д. Хоскинга и М. Левина об истории Советского Союза, Р. Сервиса о Ленине, С. Коена о Бухарине и др.
- ¹¹ См., например: *Вандалковская М.Г.* П.Н. Милюков и А.А. Кизеветтер: история и политика. М., 1992; *Она же.* Историческая наука российской эмиграции: “евразийский соблазн”. М., 1997; *Емельянов Ю.Н.* С.П. Мельгунов: в России и эмиграции. М., 1998. Эти и другие работы, отражающие историческую и историософскую мысль русской послереволюционной эмиграции, выпускались на фоне широкого издания трудов историософов, религиозных мыслителей русского зарубежья (См., например: *Ильин И.А.* Сочинения: В 2 т. М., 1993–1994; *Он же.* О грядущей России. М., 1993; *Он же.* О сущности правосознания. М., 1993; *Он же.* Одинокий художник. Статьи. Речи. Лекции. М., 1993; *Бердяев Н.А.* Судьба России. М., 1990; *Булгаков С.Н.* Христианский социализм. Новосибирск, 1991; *Он же.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990; *Карсавин Л.П.* Малые сочинения. СПб., 1994; *Мережковский Д.С.* Тайна русской революции. Опыт социальной демонологии. М., 1998; и др.). Сюда же можно отнести и различного рода сборники, включающие работы С. Булгакова, С.Л. Франка, Г.Н. Трубецкого, Г.П. Федотова, Г.В. Флоровского, Н.А. Бердяева, П.А. Сорокина и других религиозных мыслителей и историософов, изданные как за рубежом, так и составленные в современной России (См., например: *Путь. Орган русской религиозной мысли.* М., 1992. Кн. 1. Вып. I–VI; *О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья.* М., 1990).
- ¹² См., например: *Алексеев В.В., Артемов Е.Т.* Регионализм в России: история и перспективы // Урал. ист. вестн. Екатеринбург, 1996. № 3.

- ¹³ Ковальченко И.Д. Указ. соч.; Методологические поиски в современной исторической науке: Формация или цивилизация? // Сб. стат. и материалов. М., 1993; и др.
- ¹⁴ Семенов Ю.И. Указ. соч. С. 82.
- ¹⁵ См.: Искендеров А.А. Историческая наука на пороге XXI века. С. 17–18.
- ¹⁶ См.: Цымбурский В. Сколько цивилизаций? С Ламанским, Шпенглером и Тойнби над глобусом XXI века // Pro et Contra. Лето 2000. Т. 5. С. 176–177 и др.
- ¹⁷ Данилевский Н.Я. Указ. соч.; Балуев Б.П. Споры о судьбах России (Н.Я. Данилевский и его книга “Россия и Европа”). М., 1999.
- ¹⁸ Шпенглер О. Закат Европы. Ростов н/Д, 1998; Тойнби А.Дж. Постигание истории. М., 1991.
- ¹⁹ Цымбурский В. Указ. соч. С. 178–191.
- ²⁰ См., например: Савицкий П.Н. Геополитические заметки по русской истории // Вопр. истории. 1993. № 11/12.
- ²¹ См.: Гумилев Л.Н. Эпохи и цивилизации. М., 1993; Он же. От Руси к России. М., 1994; и др.
- ²² В основном на этом поприще заявил о себе литератор и историк В.В. Кожин, применивший евразийские взгляды к современному объяснению российской истории (Кожин В. О евразийской концепции русского пути // Евразия. 1997. № 1/2; Он же. Россия как цивилизация и культура // Наш современник. 2000. № 5). Но в это же время отмечены и более сдержанные и даже критические материалы в отношении идеализации евразийства и обоснования евразийского пути России как единственно правильного в прошлом и безусловно применимого в настоящем. Так, Ю.И. Игрицкий писал: «При том, что Европа – материнское лоно и сердцевина всего того, что объединяется понятием “Запад”, Россия бесспорно является частью Европы и столь же бесспорно не имеет никакого отношения к Западу. Дело не в простом рассогласовании географии и культуры: Европа – понятие и географическое, и культурное; Запад – культурное с мощным политическим компонентом» (Игрицкий Ю. Россия и Запад. К философско-политическому осмыслению проблемы // Свободная мысль. 2000. № 5).
- ²³ Каменский А.Б. “Средневековье” и “Новое время”: границы понятий в контексте русской истории // Историк во времени. Третьи зиминские чтения: Докл. и сообщения науч. конф. М., 2000. С. 43–60.
- ²⁴ В обобщенном виде свою теорию авторы обосновали в докладе “Власть, собственность и революция: проблемы анализа, в контексте методологических сдвигов современной науки” (См.: Историк во времени. Третьи зиминские чтения... С. 68–91).
- ²⁵ См., например: Волобуев П.В. Выбор путей общественного развития. Теория. История. Современность. М., 1987.
- ²⁶ Медушевский А.Н. Конституционные проекты русского либерализма и его политическая стратегия // Вопр. истории. 1996. № 9. С. 3–23; Он же. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998. С. 271–281.
- ²⁷ См.: Сахаров А.Н. Конституционные проекты и цивилизационные судьбы России // Конституционные проекты в России. XVIII – начало XIX в. М., 2000. С. 9–94; Александров Д.Н. Южная, Юго-Западная и Центральная Русь в XIII–XIV вв. и образование Литовского государства. М., 1994; Он же. Полицентризм объединительных тенденций в Южной, Юго-Западной, Юго-Восточной и Западной Руси (XIII–XIV вв.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001.
- ²⁸ См.: Дегоев В. Между верой во вчера и надеждой на завтра. Мировая история в несостоявшихся сценариях // Свободная мысль–XXI. 2001. № 6. С. 90–100.

- 29 *Искендеров А.А.* Историческая наука на пороге XXI века. С. 22.
- 30 *Сахаров А.Н.* Конституционные проекты и цивилизационные судьбы России. С. 49; см.: *Радищев А.Н.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 193–194.
- 31 См., например: Российские самодержцы. М., 1993; Романовы. Исторические портреты. М., 1997; *Демидова Н.Ф., Морозова Л.Е., Преображенский А.А.* Первые Романовы на российском престоле. М., 1996; Российские реформаторы. XIX – начало XX в. М., 1995. См. о И.И. Шувалове, Н.И. Панине: *Медушевский А.Н.* Конституционные проекты в России // Конституционные проекты в России... С. 108–109; *Елисеева О.И.* Геополитические проекты Г.А. Потемкина. М., 2000; *Тартаковский А.Г.* Неразгаданный Барклай: Легенды и быль 1812 года. М., 1996; *Федоров В.А.* М.М. Сперанский и А.А. Аракчеев. М., 1997; *Сахаров А.Н.* Александр I и А.А. Аракчеев // Отечество. история. 1998. № 4. С. 24–39. Об Александре I см.: *Сахаров А.Н.* Александр I. М., 1998; *Подвижники России.* М., 1999; Среди “подвижников России” наряду с традиционными для историографии XX в. названы и имена деятелей, которые лишь в последние годы привлекли внимание исследователей: митрополит Иларий, Сергей Радонежский, Кирилл Белозерский, Митрополит Филипп Колычев, Г.А. Потемкин, М.А. Милорадович, П.А. Столыпин.
- 32 *Данилов В.П.* Аграрная революция в России. 1902–1922. Крестьяне и власть. М.; Тамбов, 1996. С. 4–23.
- 33 См.: *Фроянов И.Я.* Древняя Русь. Опыт исследований истории социальной и политической борьбы. СПб., 1995; *Он же.* Рабство и данничество у восточных славян (VI–X). СПб., 1996; и другие его работы.
- 34 *Думин С.В.* Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское) // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX в. М., 1991; *Александров Д.Н.* Южная, Юго-Западная и Центральная Русь в XIII–XIV вв. и образование Литовского государства.
- 35 *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. Ч. II. Гл. II. Раздел “О происхождении крепостничества”. С. 434–483; Крепостное право и крепостничество в России. Дискуссионные проблемы. Материалы “круглого стола” // “Английская набережная, 4”. Ежегодник Санкт-Петербургского общества историков и архивистов. СПб., 1997. С. 5–54.
- 36 *Соловьев В.М.* Актуальные вопросы изучения народных движений (полемические заметки о крестьянских войнах в России) // История СССР. 1990. № 3; *Даннинг Ц.* Была ли в России в начале XVII века крестьянская война? // Вопр. истории. 1994. № 9; *Кизеветтер А.А.* К истории крестьянских движений в России // Вопр. истории. 1994. № 1.
- 37 Российские реформаторы. М., 1995; Реформы и реформаторы в истории России. М., 1996; Власть и реформы. От самодержавия к советской России. СПб., 1996; Российские либералы. М., 2001.
- 38 Предпринимательство и предприниматели России до начала XX века. М., 1997; Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. М., 1997.
- 39 Российские консерваторы. М., 1997; Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000.
- 40 Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992; Российские ученые и инженеры в эмиграции. М., 1993; Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1940. М., 1994. Кн. 1, 2; *Серационова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике. 20-е – 30-е гг. М., 1994; Православная церковь в России и эмиграции в 1920-е гг. СПб., 1995; Русская эмиграция в Югославии. М., 1996; История русского зарубежья: проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX веках. М., 1996; *Козина О.* Русские в Англии. М., 1997; *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.). М., 1997.

- ⁴¹ Переизданы работы прошлых лет, запрещенные ранее в СССР. См., например: *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви: В 2 т. М., 1991; *Макарий, митрополит.* История русской церкви: В 4 т. М., 1994–1996; *Карташев А.В.* Церковь. История. Россия. М., 1996; и др. Появились публикации современных церковных авторов (См., например: *Владислав Цытин, протоиерей.* История русской церкви. 1917–1997. М., 1997). В этом же аспекте следует рассматривать и возрождающуюся историографию истории русской церкви (См.: *Антощенко А.В.* Антон Владимирович Карташев // *Историки России XVIII–XX веков.* М., 1997. Вып. 4; *Сахаров А.Н.* Апостол “святой Руси”. Антон Владимирович Карташев // *Отечеств. история.* 1998. № 5. С. 89–107; см. также: *Церковь в истории России: В 4 вып.* М., 1998–2000; *Васильева О.Ю.* Русская православная церковь в политике Советского государства. 1942–1948. М., 2000; См. также публикации архивных материалов, касающихся отношений руководства СССР и церкви. (Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг.: В 2 кн. М., 1997).
- ⁴² Государственная Дума. 1906–1917. Стеногр. отчеты: В 4 т. М., 1995; *Смирнов А.Ф.* Государственная Дума Российской империи. 1906–1917. М., 1998; *Писарькова Л.Ф.* Московская городская дума. 1863–1917. М., 1998; *Она же.* Развитие местного самоуправления в России до Великих реформ: обычай, повинность, право // *Отечеств. история.* 2001. № 2. С. 3–27. № 3. С. 25–39; *Страхов А.* Глубокие корни. Либеральное начало и российская государственность // *Свободная мысль.* 1999. № 5. С. 106–121.
- ⁴³ История внешней политики России. Конец XV–XVII век. М., 1999; История внешней политики России. XVIII век. М., 2000; История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М., 1999; История внешней политики России. Первая половина XIX века. М., 1999; История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. М., 1999.
- ⁴⁴ См.: *Боханов А.Н.* Коллекционеры и меценаты в России. М., 1989; *Власов П.* Обитель милосердия. М., 1991; *Думова Н.* Московские меценаты. М., 1992; *Бая Л.В.* Благотворительность и меценатство в России. Краткий исторический очерк. М., 1993; *Ульянова Г.Н.* Благотворительность московских предпринимателей. 1860–1914 гг. М., 1999; *Благотворительность в России. Социальные и исторические исследования.* СПб., 2001.
- ⁴⁵ Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. М., 1997; Русское население национальных окраин России XVII–XX вв. М., 2000; *Трепавлов В.В.* История Ногайской орды. М., 2001.
- ⁴⁶ *Бугай Н.Ф.* Л. Берия – И. Сталину: “Согласно Вашему указанию...” М., 1995; *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Северный Кавказ: границы, конфликты, беженцы. Документы, факты, комментарии. Ростов н/Д, 1997; и др.
- ⁴⁷ Россия и Северный Кавказ: 400 лет войны? М., 1998.
- ⁴⁸ *Сахаров А.Н.* Отечественная историография: западные оценки и наша реальность // *Россия в XX веке: Историки мира спорят.* М., 1994; *Он же.* Новая политизация истории или научный плюрализм (О некоторых тенденциях в мировой историографии истории России XX в.) // *Россия в XX веке: Судьбы исторической науки.* М., 1996.
- ⁴⁹ См., например: *Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг.* М., 1998; *Общество и власть. 1930-е годы.* М., 1998; *Письма во власть. 1917–1927: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. Документы советской истории.* М., 1998; *Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939: Документы и материалы: В 4 т. М., 1998. Т. 1: Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ. 1918–1922. М., 2000; Т. 2: Советская деревня глазами ОГПУ.*

- 1923–1929; Крестьянские историки: русская деревня 20-х годов в письмах и документах. М., 2001; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы: В 5 т. М., 1999. Т. 1: Май 1927 – ноябрь 1929; М., 2000. Т. 2: Ноябрь 1929 – декабрь 1930; М., 2001. Т. 3: Конец 1930–1933. М., 2001; “Совершенно секретно”. Лубянка – Сталину: о положении в стране. 1922–1934 гг. М., 2001. Т. I, II, IV; Общество и власть. Российская провинция. 1917–1980-е годы (По материалам Нижегородских архивов). М.; Нижний Новгород; Париж, 2002. Т. 1. 1917 – середина 30-х годов.
- 50 См. об этом подробнее: *Сахаров А.Н.* Война и советская дипломатия. 1939–1945 // *Вопр. истории.* 1995. № 7.
- 51 См.: Споры вокруг 1941 года: опыт критического осмысления одной дискуссии // *Отечеств. история.* 1994. № 3. С. 3–22; *Неизвестная война. Россия XX века.* М., 1996; *Другая война. 1939–1945.* М., 1996; *Невежин В.А.* Синдром наступательной войны. М., 1997; и др. Представляет интерес также новый личностно-психологический подход к истории войны в работах *Е.С. Сенявской.* См.: *Сенявская Е.С.* 1941–1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. М., 1995; *Она же.* Человек на войне: историко-психологические очерки. М., 1997.
- 52 Was the USSR Planning to Attack Germany in 1941? *Russian Studies in History.* Fall. 1997. Vol. 36. № 2.
- 53 Февральская революция. От новых источников к новому осмыслению. М., 1997; *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; *Гражданская война в России: перекресток мнений.* М., 1994; *Россия антибольшевистская. Из белогвардейских и эмигрантских архивов.* М., 1995; *Трукан Г.А.* Антибольшевистские правительства России. М., 2000; *Борисова В.В.* Военный коммунизм: насилие как элемент хозяйственного механизма. М., 2001; *Телицын В.Л.* Сквозь тернии “военного коммунизма”: крестьянское хозяйство в 1917–1921 гг. М., 1998; *Кронштадтская трагедия 1921 г.: Документы: В 2 кн.* М., 1999. Кн. 1; *Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941–1948. Документальная история.* М., 1996; *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2001; *Формирование административно-командной системы.* М., 1922; *Гимпельсон Е.Г.* Формирование советской политической системы. М., 1995; *Трукан Г.А.* Путь к тоталитаризму 1917–1929. М., 1994; *Нэп – приобретение и потери.* М., 1994; *Нэп в контексте исторического развития России XX века.* М., 2001; *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1996; *Рязанская деревня в 1929–1930 гг. Хроника головокружения. Документы и материалы.* М., 1998; *Иванова Г.М.* ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М., 1997; *Зима В.Ф.* Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996; *Шишкин В.А.* Власть. Политика. Экономика: Послереволюционная Россия (1917–1928 гг.). СПб., 1997; *Власть и общество в СССР в 20–40-е годы: политика репрессий.* М., 1999; *Симонов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996; *Быстрова И.В.* Военно-промышленный комплекс СССР в годы “холодной” войны. (Вторая половина 40-х – начало 60-х годов). М., 2000; *Зеленин И.Е.* Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001; *Денисова Л.Н.* Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960–1980-е годы. М., 1996; *Советская внешняя политика. 1917–1945 гг.: Поиски новых подходов.* М., 1992; *Советская внешняя политика в годы “холодной войны” (1945–1985). Новое прочтение.* М., 1995; *Советское общество: будни “холодной войны”.* М., 2000; *Россия и Европа в XIX–XX веках. Проблемы вза-*

- имовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996; Россия и внешний мир. Диалог культур. М., 1997; Россия и мир. Глазами друг друга. Из истории взаимовосприятия. М., 2000. Вып. 1; Академическое дело. 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. СПб., 1993. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова; Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) –КПСС. 1922–1952. М., 2000; *Есаков В.Д., Левина Е.С.* Дело КР: Суды чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма. М., 2001; *Хлевнюк О.В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М., 1996; Советское руководство. Переписка 1938–1941. М., 1999; Идеологические комиссии ЦК КПСС. 1958–1964: Документы. М., 1998; См. также: Тайны Кремля. Сталин. Молотов. Берия. Маленков. М., 2000; *Волкогонов Д.А.* Триумф и трагедия: Политический портрет И.В. Сталина. М., 1989. Кн. 1. Ч. 1/2; Кн. 2. Ч. 1/2; *Он же.* Ленин: Политический портрет. М., 1994; Кн. 1/2; Советское общество. Возникновение, развитие, исторический финал: В 2 т. М., 1997; *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти. 1945–1991. Новосибирск, 2000.
- ⁵⁴ Людские потери в СССР в Великой Отечественной войне. СПб., 1996; Население России в XX веке. Исторические очерки. М., 2000. Т. 1: 1900–1939; М., 2001. Т. 2: 1940–1951; *Жиромская В.Б.* Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М., 2001; *Котов В.И.* Народы союзных республик СССР. 60–80-е годы. Этнодемографические процессы. М., 2001.
- ⁵⁵ Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917–1921. М., 1997; Сибирская Вандея. М., 2000; Т. 1: 1919–1920; М., 2001. Т. 2: 1920–1921; Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике 1917–1953 гг. М., 1999; “Надзорные производства” Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953–1991: Аннотир. каталог. М., 1999; Лаврентий Берия. 1953: Стенограмма июльского Пленума ЦК КПСС и др. документы. М., 1999; Георгий Жуков: Стенограмма октябрьского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС. М., 2001; Молотов, Маленков, Каганович. 1957: Стенограмма июньского Пленума ЦК КПСС. М., 1998; Экология и власть. 1917–1990. М., 1999; и другие издания “Фонда Демократии”; и др.
- ⁵⁶ См.: *Кром М.М.* Историческая антропология русского средневековья: контуры нового направления // Историк во времени. Третьи зиминские чтения... С. 61–68. Одним из подобного рода исследований автор считает книгу М.Е. Бычковой “Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г. Опыт сравнительно-исторического изучения политического строя” (М., 1996), в которой, в частности, исследованы церемонии коронации русских государей XV–XVI вв. в сравнении с аналогичными ритуалами в Польше и Литве. Применительно к советскому периоду см.: *Журавлев С.В.* “Маленькие люди” и “Большая история”. Иностранцы московского электроставода в советском обществе 1920-х – 1930-х гг. М., 2000; *Осокина Е.А.* Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935 гг. М., 1993; *Она же.* За фасадом “Сталинского изобилия”. Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1998; *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 2000.
- ⁵⁷ Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. Антоновщина. Документы и материалы. М., 1994; Трудовые конфликты в Советской России. 1918–1929 гг. М., 1998; *Козлов В.А.* Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 – начало 1980-х гг.). Новосибирск, 1999.

ПРОБЛЕМЫ “ОТЦОВ И ДЕТЕЙ” В ИСТОРИЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ*

Сообщество историков включает в себя не только специалистов, принадлежащих различным научным направлениям и школам, но и представителей нескольких поколений исследователей. Взаимоотношения между поколениями историков, в зависимости от условий формирования и деятельности, могут варьироваться от полного отрицания наследия старшего поколения до приоритета преемственности, даже отношения к нему как к своеобразному “золотому веку” науки.

Классическая проблема “отцов и детей” не миновала, да и не могла миновать историков-профессионалов. Она интересна не только в качестве изучения индивидуальных, личностных особенностей историков, мира их взаимоотношений, но содержит потенциал для более глубокого понимания бытия исторической науки и тенденций ее развития. Каждому поколению присущ свой почерк в исторических исследованиях, который проявляется помимо желаний и намерений отдельного историка даже в наиболее, казалось бы, индивидуализированных текстах, так же как изменяется и само начертание букв, совершая переход от каллиграфии XIX в. к современной скорописи, теснимой компьютерным письмом.

Подмечено, что общность понимания коренных проблем развития науки и общественной мысли легче достигается в пределах одной генерации, что, конечно, не исключает единства воззрений и у представителей различных поколений. Весьма любопытны в этой связи рассуждения В.В. Розанова¹, содержащиеся в его примечании, сделанном в 1913 г., к публикуемому им письму Н.Н. Страхова² от 13 сентября 1890 г.

В.В. Розанов ищет объяснения упомянутой в этом письме “непонятности Розанова” и с этой целью передает свой разговор с В.С. Кривенко³: «Сейчас говорил о вас с Константином Петровичем (Победоносцев)⁴, которого встретил на бульваре (прогулка). “Темно пишет, я не понимаю” (т.е. не понимал статей в “Новом Времени”). Тут есть какая-то идиосинкразия меня, между тем как все, Нувель, Дягилев, Философов, Перцов⁵ – понимали меня в каждом слове, понимали в оттенках, в недосказанном (статьи в “Мире искусства” и в “Новом Пути”). Так же понимают, как я сам себя, даже студенты университета и духовной академии. Почему это? Что? – Ignotum⁶... Может быть, дух разных генераций? Уже “не то поколение”?...»⁷ В своих вопросах В.В. Розанов обозначил проблему культурного пе-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Грант № 02-01-00139а.

ревода, возникающую даже на микроуровне смены поколений, не говоря уже о более протяженных временных периодах. Поэтому изучение генераций историков требует внимания к личности историка в контексте современной ему культуры.

Проблему “отцов и детей” можно проследить на примере различных поколений российских историков, рассматривая генерацию как собирательный образ, применительно к любому из периодов отечественной исторической науки. Она проявляется как сложный комплекс межличностных отношений, персонифицированных или коллективных, построенных на одновременном притяжении и отталкивании.

Взаимоотношения смежных поколений историков значительно осложняются в периоды концептуальных потрясений в исторической науке, особенно если они инициированы внешними для самой науки причинами политико-идеологического свойства. В такие моменты истории можно наблюдать наиболее полное обособление “отцов” и “детей”, когда в их взаимоотношениях превалирует элемент отчуждения. В российской исторической науке XX в. наиболее яркий пример – отношение молодых историков-марксистов к ученым “старой школы”, особенно в середине 20-х – середине 30-х годов. Но даже в условиях достаточно однородного с точки зрения методологии развития советской исторической науки облик поколений советских историков имел свои отличия как в обыденной жизни, так и в научно-исследовательской деятельности. В исторической науке далеко не редкость “исторические династии” – историки во втором, третьем поколении. Поэтому проблема “отцов и детей” может быть раскрыта не только в обобщенном виде, но и в прямом смысле слова, когда анализируется научное творчество и жизненные приоритеты представителей двух поколений одной семьи.

В центре внимания данной статьи – академик Анна Михайловна Панкратова в контексте взаимоотношений со старшим и младшим поколением российских историков. В основу положены опубликованные и архивные документы о жизни и творчестве А.М. Панкратовой и материалы бесед с ее дочерью, Майей Григорьевной Панкратовой, состоявшихся в 1998 г. во время нескольких личных встреч с нею автора при подготовке к изданию коллективного труда, посвященного 100-летию со дня рождения А.М. Панкратовой⁸, который, к сожалению, Майя Григорьевна уже не увидела вышедшим в свет. Эта книга была названа “Историк и время”, так же, как и помещенный в ней очерк М.Г. Панкратовой о своей матери. Размышления о том, какие же следы оставляет время, прекрасное или жестокое, но в равной мере неумолимое, в судьбах историков различных поколений, стали лейтмотивом этого очерка.

Мать и дочь Панкратовы принадлежали к двум первым поколениям советских историков – первому марксистскому и послевоенно-

му. Годы юности обеих пришлось на драматические периоды в истории России: достаточно сказать, что Анне Михайловне было семнадцать лет, когда разразилась первая мировая война, а Майе Григорьевне – шестнадцать в начале Великой Отечественной, не говоря уже о таких политических катаклизмах, как революция, гражданская война и сталинские репрессии.

А.М. Панкратова родилась 9 февраля 1897 г. в Одессе. Отец – рабочий, выходец из крестьян Калужской губернии, умер от полученных на русско-японской войне ран в 1906 г. Семья жила крайне бедно. Гимназическое образование Анна “получила благодаря помощи учительницы и хорошим способностям”⁹, как писала впоследствии в одной из своих автобиографий. В 1917 г. окончила “без дипломной работы в связи с переходом на революционную работу”¹⁰ историко-филологический факультет Новороссийского университета. Забегая вперед, заметим, что общественный темперамент не позволял А.М. Панкратовой сосредоточиться на исследовательской деятельности, несмотря на неоднократно высказываемое ею такое желание.

“Восторженно-наивной гимназисточкой”¹¹, по ее собственной оценке, Анна Панкратова вступила в революционное движение: “С 1914 г. познакомилась с теорией и практикой революционного движения, вошла в организацию революционного студенчества г. Одессы, находившуюся под влиянием партии соц[иалистов] – рев[олюционеров]”. Это обусловило, считала А.М. Панкратова, ее народнические симпатии до революции, а затем и вступление в партию социалистов-революционеров в 1917 г. в Одессе, где она примкнула к группе интернационалистов. “С конца 1917 г. и особенно в период гетманщины с начала 1918 г., – писала А.М. Панкратова в автобиографии в 1927 г., – я отошла от л[инии] с[оциалистов]-р[еволюционеров] на сторону партии б[ольшевиков], в которой работала зимой 1918 (при гетманщине) нелегально, и только в феврале 1919 г. оформила свое официальное вступление в комм[унистическую] партию (б[ольшевиков]”¹².

Упоминание о членстве в эсеровской партии уже через два года навсегда исчезнет из ее автобиографий: начиная с автобиографии, датированной 15 октября 1929 г., А.М. Панкратова называла только одну дату в своей политической жизни – вступление в партию большевиков в феврале 1919 г. Эта вынужденная забывчивость была вызвана и одновременно служила подтверждением тех перемен, которыми были ознаменованы 1928–1929 гг. в жизни страны в целом и исторической науки, в частности¹³. “Академическое дело”, продемонстрировавшее резкое усиление партийно-государственного вмешательства в науку, было верхушкой айсберга, показавшегося над волнами исторической науки, в глубине которой все яростнее боролись между собой и внутри себя марксистские и немарксистские течения.

С юности посвятив себя революционной работе, А.М. Панкратова и в науке ощущала себя бойцом партии. В своем письме В.А. Домбровскому, ее товарищу с гимназических времен, от 28 декабря 1921 г. она писала, что “основной смысл наших жизней – и Вашей и моей – революция, работа для нее, РКП, поскольку она ведет в революцию и нас, отдавших ей силы”¹⁴.

Имея за своими плечами стаж работы в одесском подполье, разнообразные партийные должности, в том числе заместителя заведующего женотделом ЦК КП(б)У, после X съезда РКП(б) А.М. Панкратова была направлена на Урал, где, по ее собственным словам, “работала на всех ступенях профсоюзной организации: от фаб[рично]-зав[одского] ком[ите]та до члена правления отдельного производ[ственного] союза (отв[етственным] секретарем союза металлистов в Екатеринбурге – Свердловске) и до члена межсоюзного руковод[ящего] органа (отв[етственным] секретарем того же Свердловского ГСПС)”¹⁵. Главной составляющей профсоюзной работы того периода было усиление влияния большевиков в профессиональном движении, борьба против меньшевистского лозунга независимости профсоюзов.

Накануне своего двадцатипятилетия А.М. Панкратова, как это часто бывает в преддверии подобных дат, находясь на Каслинском заводе для организации профсоюзной работы, подводила свои жизненные итоги. “Я дала все, что могла, революции и рабочему классу, – писала она в письме В.А. Домбровскому 28 января 1922 г. – Я отказалась от всего, чтобы полнее уйти в работу. Пока я в этом не раскаиваюсь. Жизнь моя страшно интересная. Природа и музыка производственной заводской жизни наполняют меня величайшими эстетич[ескими] переживаниями”¹⁶.

А.М. Панкратова испытывала удовлетворение от общественно-звучания своей деятельности, от причастности событиям всероссийского масштаба. Личная жизнь с ее традиционными ценностями была отодвинута на задний план. Все, что было до вступления на революционную стезю, казалось ей “серой обывательщиной и мещанством”¹⁷. В том же письме она говорила, что близких друзей у нее на Урале нет¹⁸, однако сказано это было без малейшего сожаления. Более того, А.М. Панкратова продолжала: “Я избегаю их, ибо боюсь, что они мне станут мешать жить так, как мне хочется. Я, с одной стороны, вошла глубоко в коллективную, массовую жизнь, ее интересы, заботы, работу, борьбу, с другой – у меня еще больше заострилась манера глубоко внутренне переживать, усилилась индивидуальная жизнь”¹⁹.

Возможно, А.М. Панкратова, сознательно или подсознательно, подражала романтическому образу революционера, подобного горьковскому Буревестнику, который, находясь в гуще событий, оставался одинок. Принадлежащие ей подчеркивания в автографе также делают ударение на личностном начале. Вероятно и другое пред-

положение: А.М. Панкратова таким способом охраняла свой духовный мир от давления коллективизма, да и образовательно-культурный уровень людей, среди которых она находилась, был ниже духовных запросов выпускницы университета.

Но, может быть, немаловажную роль сыграла и политико-идеологическая ситуация в стране, приобретаемый опыт внутривнутрипартийной жизни. В этой связи еще раз вернемся к тексту письма, в котором Анна Михайловна поздравляла Домбровского с Новым, 1922 годом. В нем есть такие строки: “Ничего, что на нашем пути бывают такие трудности, такие неприятности, такое страдание, кот[орое] иногда на минуту заслоняет основной смысл и нашего пути! Это проходит. Я думаю, что и та несправедливость, и неприятность, которую причинили Вам во время чистки²⁰, пройдет. Во всяком случае, Вы не складывайте оружия”²¹. Думается, что такие уроки также не могли проходить бесследно и должны были сказываться на межличностном общении.

Находясь на Урале, А.М. Панкратова не только готовила переборы заводских комитетов, разъясняла сущность новой экономической политики, организовывала школы политграмоты. Она находила время для сбора материалов по истории российского профессионального движения, которые содержались в заводских архивах. Они были положены в основу ее монографии – “Фабрично-заводские комитеты в России в борьбе за социалистическую фабрику” (М., 1923). А.М. Панкратова хотела вернуться к изучению истории, завершить свое историческое образование. Но это ее намерение не являлось попыткой ухода от партийно-профсоюзной работы – она вступала в науку убежденным большевиком-партийцем.

Однако было бы неверно представлять Анну Михайловну как человека, слепо следовавшего партийной доктрине и отказавшегося от собственного взгляда на происходящее. В феврале 1922 г. она писала с Каслинского завода: «Когда-то, помню, девочкой, читая впервые “Историю Парижской коммуны”, я пламенно мечтала о ней и завидовала тем, кто жил и боролся тогда. Теперь я увидела, что *революция – далеко не так героична и красива вблизи, как это казалось тогда, что она жестока, сурова, неприглядна* (курсив мой. – Л.С.), – но в основе все-таки гораздо более героична и прекрасна, чем казалось и кажется”²². Она сочетала в себе способность давать свои оценки тем или иным событиям и повиноваться партийным решениям, даже если они расходились с ее представлениями.

В июле 1922 г. А.М. Панкратова была отозвана ЦК РКП(б) в Москву, где должна была без экзаменов поступить в Социалистическую академию, однако комиссия по приему рекомендовала ее в Институт красной профессуры (ИКП)²³, который она и окончила в 1925 г.

Надо сказать, что система подготовки научных кадров в ИКП, сочетавшая партийную и исследовательскую работу, как нельзя более соответствовала устремлениям А.М. Панкратовой. То же самое

относится и к основной проблематике учебных курсов. Выступая 3 февраля 1936 г. на закрытом партийном собрании ИКП, она сказала: “Когда я поступила в ИКП в 1922 году, то там для меня самым ценным было то, что мы стали изучать историю революций, а не старые исторические эпохи. Мы, ученики Покровского, в течение многих лет изучали не весь ход исторического развития, а те эпохи, которые мы считали наиболее актуальными: революции 1905 г., 1917 г., историю гражданской войны и т.п.”²⁴

Далее А.М. Панкратова заметила, что “кое-что положительное в этом было”, поскольку “историю нашей борьбы, историю революций мы должны были знать”²⁵. Однако у такого подхода к преподаванию оказались существенные изъяны – «вырастали и выходили из ИКП люди, не знавшие фактов, не изучавшие фактической истории в целом. Наш ИКП нередко выпускал таких историков, которые приезжали в провинцию, им нужно было читать исторический курс, и они не могли читать его, т.к. истории они не знали, цельного исторического мировоззрения не выработали, зная отдельные “кусочки истории”»²⁶.

Конечно, это выступление А.М. Панкратовой имело место в период кампании критики “антимарксистских, антиленинских” взглядов М.Н. Покровского, что расставляло свои акценты, но особенности профессиональной подготовки первого марксистского поколения советских историков она отметила верно.

Выпускной год в ИКП был связан с важным событием в жизни А.М. Панкратовой – 1 января 1925 г. у нее родилась дочь Майя. Но личное не приостановило и не отодвинуло на задний план научно-педагогические и общественные устремления. В своем письме к М.Н. Покровскому от 20 марта 1925 г. она, отчитываясь о проделанной работе (руководство работой кружков по русской истории на курсах уездных партработников, участие в коллективном издании “1905. История революционного движения в отдельных очерках”²⁷), писала: “Простите, что задержала. У меня громадная нагрузка, особенно педагогическая, кроме того, ребенок и не совсем сейчас еще крепкое здоровье, – все это заставляет работать меньше, чем раньше. Все же я посильно работаю”²⁸.

После окончания ИКП А.М. Панкратова «была послана в годичную командировку за границу, где работала над материалами по истории Амстердамского Интернационала во Франкфуртском институте социальных наук и в Парижском “Социальном музее”, и в “Музее войны”»²⁹. Сохранилась примечательная зарисовка о проходах А.М. Панкратовой в Германию. Взволнованная предстоящей поездкой, предшествовавшими ей сборами, Анна Михайловна растерянно стояла на перроне с плачущей Майей на руках. Ребенок никак не унимался, пока провожавшие не заметили, что Панкратова держит завернутую в одеяло дочь вниз головой³⁰.

Однако годичной стажировки, как было запланировано, не получилось: А.М. Панкратова была отозвана в Москву телеграм-

мой следующего содержания за подписью Косиора: “По постановлению ЦК от 8 февраля откомандируйте П[анкрата]ву в распоряжение ЦК в Москву”³¹. Это известие застало ее в Париже. Она срочно обращается с телеграммой к М.Н. Покровскому, в которой просит выяснить в ЦК вопрос о ней и помочь ей завершить командировку в запланированные ранее сроки. Вслед за телеграммой Панкратава отправляет ему письмо, в котором пишет: “Я совершенно огорошена, почему и для чего понадобилось отзывать меня. Единственно возможным допущением может быть то, что кто-нибудь сообщил в ЦК, что я все время неважно себя чувствовала и плохо работала, и что поэтому меня лучше использовать в России”. Далее она продолжает: “Я, действительно, долго не могла наладить своей работы, но в Париже чувствую себя лучше, кроме того, я сговорила и 5 марта должна была выехать в Пиренеи в южный французский санаторий, где за очень небольшую плату я должна была отдохнуть с месяц, чтобы иметь возможность интенсивно приняться за дальнейшую работу, это для меня абсолютно необходимо и лучше здесь, чем в России, где и без меня достаточно больных товарищей и притом более нуждающихся. Таким образом, если меня отзывают для работы в Москве, то я сейчас не в состоянии приняться за новую работу, а подкрепившись здесь, я оставшиеся месяцы до нового учебного года использую с максимальной пользой”³².

Свою просьбу А.М. Панкратава мотивирует еще одним обстоятельством: “Ведь только сейчас у меня, – подчеркивает она, – за столько лет начинается возможность серьезной работы, которой ничто не мешает”³³. Был и еще один аргумент личного характера: грудная Майя после операции находилась на излечении в Берлине.

Но все доводы А.М. Панкратавой были бесполезны, как и безосновательны ее соображения по поводу своего отзыва. Собственно говоря, Панкратава в числе других “красных профессоров” была “мобилизована на идеологический фронт”, каковым стал город на Неве. В это время началось “наступление” историков-марксистов на позиции историков “старой школы”, проходившее в условиях острой борьбы против “троцкистско-зиновьевской оппозиции”, поэтому состояние здоровья, личные научные планы и семейные проблемы в расчет не принимались.

А.М. Панкратава начинает преподавать в Военно-политической академии им. Толмачева и одновременно работать в Институте истории при Ленинградском университете (филиал Института истории РАНИОН). Она активно переписывается с М.Н. Покровским, сообщая ему о состоянии дел в историческом сообществе Ленинграда и получая от него инструкции. В центре ее внимания – проведение выборов в действительные члены Ленинградского отделения Института истории, имевших своей целью, говоря лексиконом тех лет, пронизать старую профессуру марксистскими кадрами. А.М. Панкрато-

ва жестко подразделяет кадры историков: есть “из их лагеря”, “из беспартийных марксистов” и, наконец, “из наших коммунистов”³⁴.

Начало профессиональной деятельности первого выпуска студентов ИКП вызвало существенные изменения в исторических кругах основных научных центров страны, каковыми являлись Москва и Ленинград. В сообществе историков росло и укреплялось его марксистское направление, пестуемое руководством исторической науки.

Сложившаяся ситуация оказалась весьма необычной с точки зрения классических взаимоотношений смежных поколений историков, когда поколение “отцов” выступает в качестве учителей, профессионально подготовленных и стремящихся передать свой опыт исследовательской деятельности, “дети” же его усваивают и когда критическое отношение (в позитивном смысле слова) к трудам своих наставников возникает не на студенческой скамье, а по мере становления молодого историка как личности и специалиста. Но выпускники ИКП, молодые “красные профессора”, сразу же оказались в положении наставников старшего поколения историков. Они достаточно быстро освоились в этой роли, однако давалась она им не без труда. А.М. Панкратова была отчасти смущена предложением ввести ее в состав действительных членов Ленинградского отделения Института истории. Она писала по этому поводу М.Н. Покровскому: «Относительно моей кандидатуры я лично решительно возражаю, ибо считаю, что ни по формальным (отсутствие “профессорского звания”), ни по фактическим (наличие полноценных научных работ) признакам я для этой группы не подхожу»³⁵.

Понять А.М. Панкратову легко, особенно если привести список действительных членов, который она сообщает с комментариями в своем письме М.Н. Покровскому:

“Так как у нас есть сведения, что президиум РАНИОН собирается сильно сократить представленный нами список, то нам хотелось бы Вас ознакомить с тем списком лиц, кот. наша ком. фракция желала бы утвердить. Этот список неофициальный, т.е. проф. Преснякову и Тарле он неизвестен, ибо мы не имели официального предложения ранее составленный список пересматривать и сокращать.

Список след.:

Действит. члены:

Пресняков, Рождественский, Греков, Приселков, Заозерский, Платонов, Лихачев.

По всеоб. ист.: Тарле, Вульфийус, Кареев, Добиаш-Рождественская, Гревс, Васильев, Жебелев”³⁶.

Действительно, право находиться в кругу таких историков необходимо было завоевывать на научном, а не на организаторском поприще.

В деле с выдвижением А.М. Панкратовой в действительные члены Ленинградского отделения Института истории есть еще одна

весьма примечательная деталь: его инициатором выступил А.И. Пресняков³⁷. Почему же ученый старой школы предложил кандидатуру “воинствующего марксиста”? Ответить на этот вопрос однозначно трудно, но в числе различных предположений, большинство из которых сводится к тактике взаимоотношений между этими поколениями историков, можно высказать и мнение о человеческих качествах А.М. Панкратовой.

Забегая на двадцать лет вперед от описываемых ленинградских событий, приведем выдержку из выступления С.В. Бахрушина на заседании Ученого совета Института истории АН СССР, посвященного 50-летию Анны Михайловны: “Я хочу сказать, – обратился к ней С.В. Бахрушин, – как много Вы сделали для людей другого поколения. Я не буду говорить об этом подробно, но хочу сказать, что если Вы были руководителем молодежи, то Вы очень много помогли и людям старшего поколения понять время, которое мы переживаем и направить их научную работу. Я никогда не забуду тех часов, которые мы проводили с Вами, работая над учебником. Этот учебник не только служит молодежи, но он много дал и для Ваших сотрудников. И мне кажется, что тут дело не только в Ваших знаниях, не только в Вашем энтузиазме, но и в том, что Вы *всегда умели подходить к людям, и в Вашей отзывчивости, которая делает Вас отзывчивой и к политическим явлениям, и к научным вопросам, и к людям* (курсив мой. – Л.С.)”³⁸.

В Ленинграде вместе с А.М. Панкратовой был и ее муж Григорий Яковин – также выпускник ИКП, историк-германист. Однако семейная жизнь не сложилась, и виной тому оказалась политика – в 1927 г. в числе других троцкистов он, как и сам Троцкий, был исключен из партии и сослан в Среднюю Азию, затем его следы теряются в сталинских лагерях. Анна Михайловна рассталась с мужем. На партийном собрании в 1936 г., когда стоял вопрос о ее исключении из партии, она была вынуждена говорить о муже: “Я с ним порвала, попросила отпуск и решением ЦК была переведена в Москву... В 1929 г. у меня появилась мысль воздействовать на Яковина. Я пошла поговорить со Смидовичем и поехала в Ташкент, где Яковин был в тюрьме. В течение 3–4 дней я в гостинице жила с ним, но после беседы я увидела, что мы – люди враждебные и, таким образом, связь с мужем оборвалась. В 1933 г. он ... прислал письмо дочери и записку мне с просьбой переписываться с дочкой. Я ответила вопросом, – на каких позициях он стоит? Мне ужасно хотелось, чтобы он не был троцкистом. Не ради личной жизни, а для того, чтобы у дочери не было отца-троцкиста”³⁹.

Двадцать лет спустя А.М. Панкратова назвала этот разрыв “самым трудным и больным” событием своей жизни. Объясняя причины этого решения, она по-прежнему писала, что “...мы с ним по-разному понимали задачи партии”⁴⁰. А.М. Панкратова избегала говорить о том, что речь шла фактически о спасении жиз-

ни своей и дочери. Майя Григорьевна Панкратова рассказывала автору статьи, что судьба отца осталась незажившей раной в ее жизни и что она умом понимала, но отказывалась принять сердцем это решение матери.

Сталинские репрессии конца 1930-х годов не миновали семью Панкратовых. В августе 1936 г. был поставлен вопрос о ее исключении из партии за отсутствие политической бдительности, так как она “близко работала и давно знала многих историков, оказавшихся троцкистскими контрреволюционными двурушниками”⁴¹. В феврале 1937 г. М.Ф. Шкирятов, секретарь партколлегии ЦКК ЦК ВКП(б), сообщил ей, что она будет исключена из партии на год и послана на работу в провинцию⁴².

А.М. Панкратова оказалась в тяжелейшем положении. А.Л. Сидоров, ситуация которого была схожа с панкратовской («Поздней осенью 1936 г. я появился в Москве не по своей воле, – писал он. – Я был вытолкнут с Дальнего Востока начавшимися репрессиями. Однако меня сразу после исключения из партии не посадили... Я двинулся в Москву “искать правды”»), столкнулся с А.М. Панкратовой перед заседанием партколлегии. “В приемной встретил измученную, почерневшую А.М. Панкратову”⁴³ – такой увидел ее А.Л. Сидоров.

По воспоминаниям ее дочери, вокруг Анны Михайловны образовался вакуум: ее начали сторониться еще не затронутые гонениями историки, а многие из близких репрессированных коллег не понимали или же превратно толковали тот факт, что она оставалась на свободе. А.М. Панкратова и сама опасалась навлечь беду на своих друзей и знакомых. В ее письме от 6 марта 1937 г., адресованном Е.К. Соколовской⁴⁴, с которой А.М. Панкратова была связана еще со времен одесского подполья, есть такая фраза: “Прости мне это письмо, Леночка, и не отказывай мне в твоем моральном доверии”⁴⁵. В Соколовской, судьба которой обернулась трагически – в том же 1937 г. она была арестована и в следующем году расстреляна – Панкратова не обманулась: она получила от нее ответную телеграмму, которая, по словам Анны Михайловны, “дала мне снова почувствовать не только силу жить, но и (впервые!) радость жить, – радость от сознания, что ты (о других своих товарищах я никогда не думала с такой страшной мукой) немного веришь мне, что ты протягиваешь мне руку даже тогда, когда я повисла над бездной”⁴⁶.

А.М. Панкратова была направлена в Саратов, где начала преподавать в университете. Она писала из Саратова: “Я глубоко и искренне благодарна партии (и особенно КПК), что меня послали в провинцию и на мою работу. Я оторвусь от Москвы, буду ближе к массам, я принесу здесь больше пользы – и заслужу доверие и возможность быть снова в партии”⁴⁷. Такой благополучный для Анны Михайловны исход, по словам ее дочери, был результатом помощи, которая была оказана ей Ем. Ярославским.

Вынужденный отъезд был спасением, но принес разлуку с дочерью: “Семья – в Москве, – писала А.М. Панкратова Е.И. Веденеевой из Саратова 26 сентября 1939 г. – Там учится в 8 классе и моя дочка Мая (ей 1 января будет 15 лет). Это – единственное, что меня сильно огорчает в моей ситуации: я уже три года живу с дочкой врозь. Правда, приезжаю в Москву часто, но и там очень занята”⁴⁸. Глубоко переживала разлуку с матерью и Майя, которая была поручена заботам бабушки. Но не только расстояния, но и постоянная занятость А.М. Панкратовой отрывали ее от дома. Майя Григорьевна неоднократно сетовала на это обстоятельство, говорила, что девочкой завидовала подругам, у которых матери были рядом, был налаженный быт. Она рассказывала, что порой дом напоминал гостиницу. Саратовский историк Л.А. Дербов вспоминал, как Анна Михайловна, даже уже будучи академиком, всегда запросто, по-домашнему, встречала своих бывших студентов и коллег, “не имеющим жилья предлагала остаться у нее, давала деньги на дорогу”⁴⁹.

Грянувшая вскоре Великая Отечественная война опять разметала семью: Анна Михайловна была в Москве, Майя – в эвакуации.

Думается, не будет преувеличением сказать, что уже в детские и отроческие годы у М.Г. Панкратовой возникло отличное от материнского понимание соотношения частной жизни и профессиональной и общественной деятельности. Для Анны Михайловны это был повод для огорчения. Несмотря на то, что она иногда сетовала на свою загруженность, только такая жизнь была ей понятна и приносила удовлетворение. Решение об отдыхе А.М. Панкратова принимала неохотно; с дачи ее “каждый день тянуло в город”⁵⁰.

“Странно у меня получается всю мою жизнь: никогда не могу немножко пожить для себя. Так в невероятном, торопливом движении, в напряженной работе и прошла вся моя жизнь”⁵¹, – писала она 20 июля 1945 г. в своем письме А.В. Пясковскому и продолжала, передавая один из многих подобных разговоров с дочерью: «Недаром моя дочка Мая говорит: “Нет, мама, я не хочу быть такой, как ты. У тебя нет радости в жизни – один труд”. Я ей ответила: “Да, это потому, что я хочу, чтобы у тебя и более младших поколений был радостный труд – при социализме”. Но Мая и другие дети не приходят от этого в восторг. “Когда это еще будет! Так и жизнь уйдет!” Два поколения – неужели между ними нет преемственности?»⁵²

Действительно, не все черты своего поколения первое марксистское передало последующему. В первую очередь, это относится к особому восприятию партийности, ее приоритету в научных исследованиях. Как говорила А.М. Панкратова о себе и своих коллегах, “товарищи считали, что выполняют свой партийный

большевистский долг, когда они в известной мере прикрашивают историю”⁵³.

Однако в условиях смягчения политико-идеологического климата в стране, начавшегося после смерти И.В. Сталина, многие историки с энтузиазмом отозвались на прозвучавший призыв к восстановлению исторической правды, к объективности в изучении истории. Особая роль в этом процессе принадлежала А.М. Панкратовой и руководимому ею в то время журналу “Вопросы истории”. Идеи “оттепели”, произведя резкое размежевание историков на сталинистов и антисталинистов, способствовали консолидации последних с молодым поколением историков.

В стремлении отделить науку от конкретной общественно-политической ситуации, от догм сталинизма и провозгласить приоритет научности в исследовательской деятельности А.М. и М.Г. Панкратовы были едины. Майя Григорьевна, окончив исторический факультет МГУ и защитив кандидатскую диссертацию, впоследствии работала в руководимом М.Я. Гефтером секторе методологии Института истории, главным направлением исследований которого было использование ленинского теоретического наследия в качестве творческой лаборатории, а не сборника догм.

Несколько возвращаясь назад, в студенческие годы Майи Панкратовой, упомянем о том, что она училась в одной группе с дочерью Сталина, Светланой Аллилуевой. Аллилуева писала, что «школа, полученная на истфаке, оказалась полезной. Только отец не предугадал, что из меня не получится “образованного марксиста” – как ему хотелось; получилось что-то совсем наоборот, именно *благодаря* изучению истории общества»⁵⁴. Налицо – конфликт “отцов и детей”.

Однако в случае Панкратовых дело обстояло иначе, и причина была в А.М. Панкратовой, которая с жаром молодости откликнулась на позитивные изменения в исторической науке. Она, пережившая на “историческом фронте” не одну перестройку, активно участвуя в них и неся и моральные потери, мечтала о возвращении к научной работе, так как “безумная суета и приспособленчество в научной работе и во всем остальном – это совершенно не по мне”⁵⁵, писала А.М. Панкратова.

Пример Анны Михайловны и Майи Григорьевны Панкратовых лишний раз доказывает, что отношение старшего поколения к своим преемникам в профессии, равно как и наоборот, зависит не только от принадлежности к определенной генерации, но и от индивидуальных особенностей личности историка. Не унаследовав революционного задора первого поколения историков-марксистов, более индивидуалистичное в своих взглядах на жизнь, послевоенное поколение продолжило исследовательский поиск, в лице своих лучших представителей сохраняя традиции исторической науки России.

- 1 Розанов В.В. (1856–1919) – писатель, публицист и философ.
- 2 Страхов Н.Н. (1828–1896) – философ, публицист, литературный критик.
- 3 Кривенко В.С. (1854–1931, по другим данным 1928) – журналист, театральный критик, общественный деятель, начальник канцелярии Министерства императорского двора и уделов.
- 4 Победоносцев К.П. (1827–1907) – обер-прокурор Синода (1880–1905), автор историко-юридических трудов.
- 5 *Нувель В.Ф.* (1871–1949) – композитор-любитель, член объединения “Мир искусства”, чиновник Министерства двора; *Дягилев С.П.* (1872–1929) – театральный и художественный деятель; *Философов Д.В.* (1872–1940) – литературный критик и публицист; *Перцов П.П.* (1868–1947) – публицист, критик, искусствовед, издатель.
- 6 Неизвестно (лат.).
- 7 *Розанов В.В.* Литературные изгнанники. Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. Переписка. М., 2001. С. 69–70.
- 8 *Историк и время. 20–50-е годы XX века.* А.М. Панкратова. М., 2000.
- 9 Цит. по: *Историк и время...* С. 195.
- 10 Там же. С. 191.
- 11 А.М. Панкратова – В.А. Домбровскому. Екатеринбург. 28 декабря 1921 г. Личный архив М.Г. Панкратовой // *Историк и время...* С. 262.
- 12 Цит. по: *Историк и время...* С. 190.
- 13 *Сидоров А.В.* Марксистская историографическая мысль 20-х годов. М., 1998. С. 156.
- 14 А.М. Панкратова – В.А. Домбровскому. 28 декабря 1921 г. Личный архив М.Г. Панкратовой // *Историк и время...* С. 262.
- 15 ГСПС – губернский совет профессиональных союзов; цит. по: *Историк и время...* С. 190.
- 16 А.М. Панкратова – В.А. Домбровскому. 28 января 1922 г. Личный архив М.Г. Панкратовой // *Историк и время...* С. 263.
- 17 А.М. Панкратова – В.А. Домбровскому. 12 февраля 1922 г. Личный архив М.Г. Панкратовой // *Историк и время...* С. 264.
- 18 А.М. Панкратова – В.А. Домбровскому. 28 января 1922 г. Личный архив М.Г. Панкратовой // *Историк и время...* С. 263.
- 19 Там же.
- 20 Имеется в виду партийная чистка в связи с дискуссией о профсоюзах на X съезде РКП(б).
- 21 А.М. Панкратова – В.А. Домбровскому. 28 декабря 1921 г. Личный архив М.Г. Панкратовой // *Историк и время...* С. 262–263.
- 22 А.М. Панкратова – В.А. Домбровскому. 12 февраля 1922 г. // Там же. С. 264.
- 23 Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5284. Оп. 1. Д. 69. Л. 7.
- 24 Цит. по: *Историк и время...* С. 208.
- 25 Там же.
- 26 Там же.
- 27 1905. История революционного движения в отдельных очерках / Под ред. М.Н. Покровского. М.; Л., 1925.
- 28 Государственный центральный музей современной истории революций. Ф. ДЯ-48 (202). Д. 31642/ 141. Л. 1. (Далее: ГЦМСИР).
- 29 Автобиография. 25 сентября 1949 г. Цит. по: *Историк и время...* С. 195.
- 30 Архив РАН. Ф. 697. Оп. 2. Д. 186. Л. 17.
- 31 *Историк и время...* С. 266.
- 32 Там же.
- 33 Там же. С. 267.
- 34 А.М. Панкратова – М.Н. Покровскому. 14 марта 1927 г. // *Историк и время...* С. 269.

- 35 ГЦМСИР. Ф. ДЯ-48 /203/. Д. 31642/149.
- 36 Там же.
- 37 Там же.
- 38 Цит. по: Историк и время... С. 239.
- 39 Отечеств. архивы. 1999. № 3. С. 65.
- 40 Архив РАН. Ф. 697. Оп. 2. Д. 186. Л. 30.
- 41 Цит. по: *Бадя Л.В.* Этапы творческого пути // Историк и время... С. 15.
- 42 Письмо А.М. Панкратовой Е.К. Соколовской. 6 марта 1937 г. // Отечеств. архивы. 1999. № 3. С. 66.
- 43 Цит. по: Историк и время... С. 162–163.
- 44 Соколовская С.И. (партийный псевдоним – Светлова Е.К.) (1894–1938) – участница борьбы за советскую власть на Украине. В 1918–1919 гг. – секретарь одесского подпольного обкома КП(б)У, одна из организаторов и руководителей “Иностранной коллегии”. В 1930-е годы – заместитель директора “Мосфильма” по художественной части. В 1937 г. арестована, в 1938 г. приговорена к расстрелу.
- 45 Письмо А.М. Панкратовой Е.К. Соколовской. 6 марта 1937 г. // Отечеств. архивы. 1999. № 3. С. 67.
- 46 Письмо А.М. Панкратовой Е.К. Соколовской. 11 мая 1937 г. // Там же.
- 47 Там же.
- 48 Цит. по: Историк и время... С. 287.
- 49 Там же. С. 165.
- 50 Письмо А.М. Панкратовой С.В. Бахрушину. 26 июля 1936 г. // Историк и время... С. 279.
- 51 Цит. по: Там же. С. 305.
- 52 Там же.
- 53 Архив РАН. Ф. 697. Оп. 2. Д. 70. Л. 303.
- 54 *Аллилуева С.* Двадцать писем к другу. М., 1989. С. 173.
- 55 Письмо А.М. Панкратовой А.Л. Солнцевой. 18 апреля 1957 г. // Историк и время... С. 337.

С.И. Михальченко

**“ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ АБСОЛЮТИЗМ”
ИВАНА ГРОЗНОГО**

(Россия XVI века в трудах М.В. Довнар-Запольского)

Творчество известного отечественного историка Митрофана Викторовича Довнар-Запольского (1867–1934) многогранно. Он исследовал различные вопросы истории России, Белоруссии и Литвы, разрабатывал проблемы этнографии, филологии, географии. Между тем последующих историков в его научном творчестве интересовала прежде всего история Великого княжества Литовского, декабристского движения, этнографии¹. Ценный же пласт его трудов по истории России в эпоху феодализма до сих пор остается недостаточно изученным, хотя из более чем двухсот публикаций ученого около четверти посвящено именно этой тематике².

Цель настоящей статьи – проанализировать воззрения Довнар-Запольского на внутреннюю политику российского правительства середины XVI в., т.е. эпохи Ивана Грозного, и определить место этих воззрений в общем русле движения исторической мысли начала XX столетия.

Довнар-Запольский обратился к изучению эпохи Грозного, будучи уже сложившимся историком. Это произошло не случайно: приветствуя Манифест 17 октября 1905 г. и называя современный ему политический строй “конституционным”, он и XVI в. рассматривал как время “радикальной перестройки государственного правосознания”, подчеркивая, что “это был век ревизионизма, век революционной борьбы нового со старым”³. Стремление найти в прошлом аналоги современных явлений и организаций было характерно для многих исследований начала XX в. А.А. Кизеветтер, например, признавался, что он предпринял исследование посадской общины с целью найти в городском самоуправлении России XVIII в. возможный исторический прототип общегосударственных конституционных учреждений⁴. Значительное число трудов появилось к 1910-м годам и об эпохе Грозного. Что же нового внес Довнар-Запольский по сравнению с ними?

В разработке Довнар-Запольским общей концепции истории правления Ивана Грозного большую роль сыграли представления историка о роли личности в истории. Они не были чем-то постоянным, видоизменялись и в конечном итоге выкристаллизовались к 1910 г. в следующие положения: “Конечно, не отдельные личности направляют исторический процесс, – подчеркивал он, – но без сомнения бывают периоды в жизни народа, результаты которых в сильнейшей мере окрашиваются личной инициативой. Это значит, что сильные личности, опираясь на сложившиеся исторические условия данного момента, проникаясь ими, сознательно или бессознательно – это безразлично, достигают известного ускорения оформления исторического процесса, подготовленного соответствующими предшествующими историческими соотношениями”⁵. Историк считал, что это случилось во время правления Грозного, которого он признавал “сильной личностью”.

Довнар-Запольский выступал категорически против исследователей, умалявших влияние царя на выработку правительственной политики в начальный период его правления (М.П. Погодин, Н.И. Костомаров). Он пошел даже дальше В.О. Ключевского, который писал, что “едва вышедши из малолетства, еще не имея 20 лет, царь Иван с необычайной для его возраста энергией принялся за дела правления”⁶. Довнар-Запольский полагал, что уже в десятилетнем возрасте Иван IV самостоятельно решал многие вопросы, в частности, сам выбрал себе первосоветников – Бельского и митрополита Иосафа⁷. Поэтому не случайно замечание Довнар-Запольского об “абсолютических” идеалах Грозного, проявившихся уже в раннем

возрасте и особенно ярко развившихся в опричнине. Этот вывод был сделан историком на основе посланий царя к князю Курбскому и переписки с Елизаветой Английской⁸.

Корни абсолютизма Грозного Довнар-Запольский видел в тех изменениях, которые, по его мнению, произошли еще в правление Ивана III. Историк отмечал, что слабость “высшего класса повела к тому, что великий князь начинает игнорировать политическое значение этого класса”, а “в сознание правительства постепенно входит стремление расширить власть великого князя и поставить ее на недосыгаемую высоту”⁹. Причем, если в статье 1910 г. автор замечал, что “еще Иван III терпел советы бояр”, в то время как “его сын уже выгонял их из своей государевой Думы”, то в издании 1912 г. Довнар-Запольский, удревяя явление, подчеркивал: “Иван III уже не любил советов [...] Он рубил головы тем, которые высокоумничали”¹⁰.

Таким образом, объединяя личные качества Грозного и историческую традицию, которая, по Довнар-Запольскому, ярко проявилась к началу правления царя, исследователь говорил об абсолютизме в середине XVI в. Однако историк не ограничился этим и дополнил “абсолютистские” идеалы “демократизмом”. Он полагал, что именно доктрина “демократического абсолютизма”, близкая к идеям Ивана Пересветова, была выработана царем (одновременно с Довнар-Запольским о “демократическом самодержавии” писал С.Ф. Платонов¹¹). Довнар-Запольский положил в основу выдвинутой им концепции “демократического абсолютизма” (или “абсолютного демократизма”¹²) осифлянскую доктрину “теократического абсолютизма” “с очень важным коэффициентом, который мы видели у Ивана Пересветова”. Довнар-Запольский думал, что Грозный следовал идеям Пересветова в том, что «российские самодержцы суть государи Божьим изволением и благословением прародителей. Государство есть вотчина его владыки. Только одному Богу дает царь ответ в своих действиях. Неповиновение царю есть неповиновение Богу. Поэтому подданные царя – повинные ему рабы, коим царь повелевает “хотение свое творити”, и они обязаны царя “безсловесно смиряться”»¹³. Перед нами, таким образом, идеи абсолютистские. Демократизм же Довнар-Запольский усматривал, в частности, во включении в Судебник 1550 г. статьи 98, которая гласит: “А которые будут дела новые, а в сем Судебнике не написаны, и как те дела с государеву докладу и со всех бояр приговору вершется, и те дела в сем Судебнике приписывати”. Во фразе “и со всех бояр приговору” Довнар-Запольский вслед за В.И. Сергеевичем и В.О. Ключевским усматривал ограничение царской власти, а следовательно – демократические тенденции. Правда, как отмечал историк в черновиках университетского курса лекций по русской истории, это положение “не вошло в жизнь”¹⁴, но в литографированном издании тех же лекций 1912 г. написано несколько иначе: “Статья, хотя на практике и

не имела большого значения, имела важное юридическое значение”. Двумя же годами раньше Довнар-Запольский заявлял, что Судебник был не только юридическим, но и “политическим актом, в котором проводится принцип контроля над администрацией – тенденция, направленная на защиту земских людей”¹⁵. Таким образом, теория “демократического абсолютизма” оставалась практически без изменений. Отметим, что одновременно с М.В. Довнар-Запольским С.Ф. Платонов замечал, что в статье 98 Судебника “приговор всех бояр не знаменует [...] ограничения власти, а свидетельствует лишь о том важном значении, какое усваивалось тогда общему собранию боярской думы в деле законодательства”¹⁶. А.Е. Пресняков, называя утверждение В.И. Сергеевича (а следовательно, и Довнар-Запольского) парадоксальным, писал, что «самодержавная власть стремилась превратить думу в высшее “приказное” учреждение, личный состав которого и вся деятельность целиком зависели бы от ее воли»¹⁷.

Возникающее вроде бы противоречие между абсолютизмом, с одной стороны, и демократией – с другой, М.В. Довнар-Запольский разрешил чрезвычайно просто: он подчеркивал, что “Грозный, хотя и был проникнут демократическими тенденциями, тем не менее ревниво и враждебно относился ко всему, что могло служить к ограничению его власти; это объясняется тем, что Грозный не был пешкой, отличался сильным характером, не терпевшим преград; советники же Грозного считали необходимым для государя совещаться о делах с приближенными лицами”. Другие доказательства, приводившиеся Довнар-Запольским в защиту тезиса о “демократизме” царя в значительной степени априорны, не подкреплены фактами. Например: “Несомненно, Грозный стремился улучшить положение холопов, если он не решился на полное освобождение холопов, то не потому, чтобы не сочувствовал принципиально этой идее, а по другим соображениям”. Или справедливо говоря о секуляризации, Довнар-Запольский заключал: “Несомненно, Грозный желал более радикальных реформ, *но по некоторым причинам, которые не вполне выяснены, удовольствовался сравнительно немногим* (курсив мой. – С.М.)”¹⁸.

Дуалистический “демократический абсолютизм” существовал, по мнению историка, до начала XVII в., когда эпоха смутного времени “выдвинула вопрос об избрании царя”¹⁹.

Довнар-Запольский полагал, что в первый период правления Михаила Романова существовали ограничения власти царя, но уже при Алексее Михайловиче абсолютизм был восстановлен. Причем, по мнению Довнар-Запольского, это был “восточный” абсолютизм²⁰. Попытка Никона разделить бремя власти с государем не привела к успеху. Царствование Алексея Михайловича было одновременно переходной эпохой к петровским преобразованиям, а в XVIII в. монарх “законодательствует, но не управляет”²¹. То есть абсолютизм в понимании исследователя закончился в XVII в.

собора, следуя ясно выраженной Платоновым мысли, что “в 1550 г. не было никакого особого собора по делу примирения бояр с землей и никакой речи на Красной площади”³¹.

Довнар-Запольский, возможно, вслед за Ключевским (“каково бы ни было происхождение соборной царской речи, трудно заподозрить самое бытие”³²), а возможно, априори полагал, что “если относительно текстуального состава речи могут быть в настоящее время сомнения, то во всяком случае не подлежит сомнению факт, что Иван Грозный говорил речь на Соборе”³³.

Лишь более поздние открытия в источниках (прежде всего С.О. Шмидта) показали, что Довнар-Запольский был принципиально прав, и собор действительно имел место, хотя дата его созыва и сейчас остается предметом дискуссий³⁴.

Что касается оценки содержания работы этого собора, то у Довнар-Запольского не было сомнения, что это был собор “всенародных человеков” (т.е. с широким народным представительством), а это в свою очередь повлияло на характер Судебника 1550 г., принятого, по мнению историка, здесь же³⁵.

Таким образом, в рассуждениях о земском соборе “примирения” Довнар-Запольский строго следовал доктрине “демократического абсолютизма”. Не отступил он от нее и при анализе “деяний” Стоглавого собора 1551 г., которому придавал важное значение.

В дореволюционной науке изучение Стоглавого собора имело определенную традицию. И.Н. Жданов, Д. Стефанович, другие ученые посвятили ему отдельные обстоятельные труды. Но, как справедливо отмечают И.С. Семидеркин и Т.Е. Новицкая, в этих трудах “внимание уделялось главным образом изучению текста Стоглава с точки зрения богословия, давался скрупулезный юридический анализ норм церковного права”, но не учитывалась социально-экономическая ситуация периода создания памятника³⁶.

Довнар-Запольский был одним из немногих, кто рассматривал влияние Стоглава на светскую жизнь страны. Он исходил из вывода Жданова о церковно-земском характере собора. Он также полностью воспринял предположения Жданова о существовании большой группы вопросов, не вошедших в основное издание, в которых разбирались исключительно светские проблемы. Предположения Жданова переросли у Довнар-Запольского в твердую уверенность в том, что на соборе разбирались не только церковные, но и земские, светские вопросы, причем последние даже преобладали³⁷. (Но если в случае с собором “примирения” априорные утверждения историка позднее подтвердились, то в данном случае проблема до сих пор дискуссионна³⁸.)

Следуя концепции “демократического абсолютизма”, Довнар-Запольский полагал, что на Стоглаве царь выдвинул широкую “революционную программу”. Явно имея в виду так называемые дополнительные царские вопросы, ученый отмечал, что программа “сво-

дилась к борьбе с боярством, с монастырским землевладением, к устройению низшего служилого элемента, стратилатских чинов, наконец, вообще к обереганию низших элементов общества от всякого рода насилия со стороны более сильных”³⁹.

Но из текста Стоглава следует, что на соборе затрагивался широко лишь вопрос борьбы с монастырским землевладением, причем нестяжательские устремления царя натолкнулись на стойкую осифлянскую оппозицию в лице митрополита Макария и других князей церкви и не получили должного развития (Стоглав, статьи 75, 101).

Вероятно, Довнар-Запольский позднее понял неподтверждаемость таких широких предположений о “революционной программе” Грозного, поскольку через два года, в 1912 г., в лекционном курсе основное внимание уделял именно намерению царя секуляризовать монастырские земли⁴⁰.

Если в изложении содержательной стороны деятельности Стоглава Довнар-Запольский был иногда недалновиден (что неудивительно при слабой изученности сюжета), то к его несомненной заслуге следует отнести мысль о серьезном влиянии собора на последующую историю России. В этой связи историк справедливо отмечал: “Для нас не столько интересны акты собора [...] сколько проявленные тенденции”. Правда, он несколько превратно понимал эти идеи как выражение заботы о холопах и крестьянах⁴¹.

Причину падения Избранной Рады Довнар-Запольский видел в нежелании Ивана IV примириться с умалением своей власти, что вполне сочеталось с доктриной “демократического абсолютизма”⁴².

Как отмечено выше, этой доктриной он руководствовался при характеристике всех изученных им событий периода правления Избранной Рады. Царь представлял заботящимся о народе и твердой рукой пресекающим поползновения бояр. Однако неудачи, которые преследовали его на этом пути, неумолимо требовали каких-либо иных мер устройства жизни народа – так предполагала концепция Довнар-Запольского. Такой выход был найден в опричнине.

Опричнина – один из наиболее популярных сюжетов в исторической науке. Изучая эпоху Грозного, не мог обойти его и Довнар-Запольский.

Отношение историков к опричнине было столь же неоднозначным, сколь различен был их подход к самому Ивану Грозному и к иным событиям его времени. Многочисленные историографические работы, посвященные изучению опричнины в русской науке, выделяют два главных подхода, связанных с именами Ключевского и Платонова⁴³.

Ключевский, исходя из тезиса о бессмысленности опричнины, подчеркивал, что “опричники ставились не на место бояр, а против бояр, они могли быть по самому значению своему не правителями, а только палачами земли. В этом состояла политическая бессмысленность опричнины, вызванная столкновением, причиной которой

был порядок, а не лица, она была направлена против лиц, а не против порядка”⁴⁴.

Платонов, напротив, настаивал на том, что опричнина «действовала не “против лиц” [...] а именно против порядка и потому была гораздо более орудием государственной реформы, чем простым полицейским средством пресечения и предупреждения государственных преступлений»⁴⁵.

При анализе опричнины Довнар-Запольский основывался на своих идеях о роли личности в истории. Опричнина у него, как и у Ключевского, проявление воли царя. Большинство исследователей считало опричнину резким разрывом с политикой Избранной Рады и разделяло на этой основе правление Ивана Грозного на два, сильно отличающихся друг от друга, этапа. Это позволило, например, Д.Н. Альшицу заявить, что “представители домарксистской историографии были склонны рассматривать опричнину как факт, равный самому себе, не имеющей корней в прошлом и не давший ростков в будущее”⁴⁶. В отличие от них, Довнар-Запольский во всех своих работах, посвященных XVI в. проводил иную мысль – в эпоху опричнины Иван Грозный преследовал те же государственные задачи, которые старался он осуществить с помощью Избранной Рады⁴⁷, т.е. “программа периода опричнины является однородной с программой предшествующего периода”⁴⁸. Программа эта, как уже отмечалось, заключалась в борьбе с боярством и в проведении тем самым демократических принципов. Не случайно Довнар-Запольский считал, что экономический упадок аристократии начался до опричнины, которая лишь ускорила его⁴⁹.

Подтверждение одинаковости программы на различных этапах он усматривал вслед за Платоновым в факте испомещения “избранной тысячи” в 1550 г. По мнению Довнар-Запольского, это была “мера осторожная, но преследовала те же цели, что и опричнина”⁵⁰. Более того, он считал возможным говорить и о мероприятиях Ивана III по роспуску дворов новгородских бояр и переводе их на государственную службу как о прототипе опричной политики.

Довнар-Запольский высоко оценивал опричнину с точки зрения ее влияния на последующую историю. Эпоха опричнины, писал он, являлась “важнейшим моментом в создании Московского государства и притом таким, который определил собою и дальнейшее направление исторической жизни”. Опричнина определила многие события, “порвала связи с теми явлениями общественной жизни, в которые стал превращаться удельный порядок, именно с нарастающей силой аристократического элемента и с преобладающей силой церковного землевладения”⁵¹.

Политический смысл опричнины выражен Довнар-Запольским по Платонову. “Ясен был смысл опричнины: это была борьба с порядком, а не с лицами”, – постулировал историк⁵².

Базируясь на положении о частно-правовом, а не государственном характере власти московских государей, Довнар-Запольский задался также целью выяснить правовую суть опричнины. В курсе лекций он писал, что “в учреждении опричнины можно уловить также туманный замысел отделить частно-правовой элемент царской власти (опричнина) от публичного (земщины), что выразилось в несколько непонятной форме”⁵³. Более определенно он высказался в статье “Время царя Ивана Грозного”. Здесь он охарактеризовал опричнину как явление, аналогичное западноевропейским процессам отделения личного дворца государя от государственных учреждений. Сходные события были, по его мнению, во Франции, где домен Каролингов стал основой позднейшего государства, а также в Великом княжестве Литовском. Но в России, по его мнению, была сделана попытка обратного процесса. Так как “деятели эпохи не считают государство царской вотчиной”, то Грозный сделал попытку выделить царский домен из государственных владений. Однако методы и приемы этого выделения, т.е. опричнина, были не лучшие и к концу жизни Иван IV вынужден был вернуться к прежнему порядку совмещения управления дворцом и государством⁵⁴.

Таким образом, Довнар-Запольский одним из первых в науке рассмотрел опричнину на фоне явлений западноевропейской истории. С одной стороны, подобный подход был для него вполне логичен. В это же время в другой работе он утверждал, что различия между Россией и Западной Европой в историческом развитии незначительны, “сходство же заключается в непреложности наиболее крупных этапных пунктов развития, а равно и в том, что отдельные звенья развития имеют аналогичные причины и дают аналогичные последствия”⁵⁵. С другой стороны, к 10-м годам XX в. сложилась определенная историографическая традиция, которая ассоциируется с именем В.О. Ключевского, В.И. Сергеевича, Н.П. Павлова-Сильванского, рассматривавшие многие события истории России (в том числе XVI в.) в связи и на фоне мировых, прежде всего, западноевропейских процессов. Довнар-Запольский со своей идеей опричнины–домена, как представляется, может быть отнесен к этому прогрессивному направлению в науке.

В целом, как видно из вышесказанного, для трудов Довнар-Запольского был характерен комплексный подход к изучению столь сложного явления как опричнина. Выделяя в ней организационную, политическую и правовую стороны, Довнар-Запольский особенно при характеристике правовой стороны выдвинул на основе широких исторических аналогий собственные идеи, которые остались практически не замеченными в науке⁵⁶. Вероятно, это связано с тем, что взгляды на эпоху Ивана Грозного излагались автором в научно-популярных статьях, часто не учитывавшихся исследователями. В том, однако, и заключается особенность изучения Довнар-Запольским истории средневековой Руси: в популярно изложенных работах он

излагал строго научные положения, часто, как показано выше, принципиально новые.

Подводя общий итог, необходимо подчеркнуть еще раз, что Довнар-Запольский при характеристике внутренней политики правительства Ивана Грозного исходил, во-первых, из идеи о переломном характере XVI в. в истории России, во-вторых, из мысли о весьма значительном влиянии личности царя на действительность, наконец, в-третьих, из развитой им доктрины “демократического абсолютизма”, как ведущей политической теории правления Ивана IV. Эта теория представляла собой соединение “абсолютических идеалов” Грозного, логически выраставших из стремления царя к самостоятельности, с “демократическими устремлениями”, идею которых историк, вероятно, заимствовал у Платонова. Причем, не разрывая периоды правления Грозного, Довнар-Запольский связывал все рассмотренные им вопросы царствования с обоснованной программой.

Поиски Довнар-Запольского в определении формы правления Российского государства XVI в. были в русле изысканий историков и публицистов начала XX в., стремившихся найти прообраз современных им фактов, явлений, событий в прошлом страны.

Заслугой Довнар-Запольского следует считать те места его построений, где он выступал фактически новатором: рассмотрение различных периодов в единстве, показ преемственности политики Ивана IV, а также новый подход к опричнине на основе исторических аналогий.

¹ См.: *Бандарчык В.К.* Гісторыя беларускай этнаграфіі XIX ст. Мінск, 1964; *Невелев Г.А.* Исследования о декабристах М.В. Довнар-Запольского // *Вестн. ЛГУ.* 1971. № 2. Вып. 1. С. 53–56; *Копыцкий З.Ю., Чепко В.В.* Историография БССР: Эпоха феодализма. Минск, 1986. С. 32–44.

² *Михальченко С.И.* Киевская школа в российской историографии (В.Б. Антонович, М.В. Довнар-Запольский и их ученики). Брянск; М., 1997.

³ *Довнар-Запольский М.В.* Политические партии первой половины XVI века и власть Московского царя // *Русская история в очерках и статьях.* М., 1910. Т. 2. С. 127.

⁴ *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий: Воспоминания. Прага, 1929. С. 275.

⁵ *Довнар-Запольский М.В.* Время царя Ивана Грозного // *Русская история в очерках и статьях.* С. 181.

⁶ *Ключевский В.О.* Сочинения: В 8 т. М., 1957. Т. 2. С. 172.

⁷ *Довнар-Запольский М.В.* Время царя Ивана Грозного. С. 170.

⁸ *Довнар-Запольский М.В.* Пособие по истории Московского периода. Киев, 1912. С. 74.

⁹ Там же. С. 43.

¹⁰ См.: *Довнар-Запольский М.В.* Политические партии... С. 122. *Довнар-Запольский М.В.* Пособие по истории... С. 43.

¹¹ *Платонов С.Ф.* Боярская Дума – предшественница Сената // *Сочинения.* СПб., 1912. Т. 1. С. 452. (Статья впервые напечатана в 1910 г.)

¹² *Довнар-Запольский М.В.* Пособие по истории... С. 82.

- 13 *Довнар-Запольский М.В.* Московские гуманисты и обскуранты XVI века // Москва в ее прошлом и настоящем. М., Б. г. Ч. 1. Вып. II. С. 55.
- 14 Центральный государственный исторический архив Украины. Ф. 262. Д. 59. Л. 50.
- 15 *Довнар-Запольский М.В.* Пособие по истории... С. 73. *Он же.* Московские гуманисты и обскуранты... С. 55.
- 16 *Платонов С.Ф.* Указ. соч. С. 458.
- 17 *Пресняков А.Е.* Московское царство. Пг., 1918. С. 112.
- 18 *Довнар-Запольский М.В.* Пособие по истории... С. 81.
- 19 Там же. С. 175.
- 20 Там же. С. 176. Ср.: *Шмидт С.О.* Становление российского самодержавства. М., 1973. С. 311.
- 21 Там же. С. 254.
- 22 Там же. С. 180–188.
- 23 *Белов Е.* Об историческом значении русского боярства до конца XVII в. // Журнал Министерства народного просвещения. 1886. Февр. С. 234.
- 24 *Платонов С.Ф.* Указ. соч. С. 451.
- 25 *Довнар-Запольский М.В.* Время царя Ивана Грозного... С. 177.
- 26 *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 3. С. 709–710. В советской историографии к Довнар-Запольскому в какой-то степени были близки Бахрушин, отмечавший, что влияние Сильвестра было “чисто моральное” (*Бахрушин С.В.* Научные труды. М., 1954. Т. 2. С. 339) и И.И. Смирнов, отрицавший всесильность Сильвестра (*Смирнов И.И.* Очерки политической истории Русского государства 30–50-х годов XVI века. М.; Л., 1958. С. 252). Многие другие историки поддерживали тезис о значительном влиянии Сильвестра. Например, Виппер писал, что Сильвестр “на 6 лет (1547–1553) оставляет в тени не расправившего свои блестящие дарования будущего Грозного” (*Виппер Р.Ю.* Иван Грозный. М.; Л., 1944. С. 36). А.А. Зимин, придерживаясь тех же взглядов, высказал чрезвычайно верную, как представляется, мысль: “В какой мере [...] Иван IV находился под влиянием современников, установить гораздо труднее, но вопрос этот имеет значение скорее для изучения характера царя Ивана, чем для исследования самой сущности реформ середины XVI века” (*Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 319, 324–325).
- 27 *Довнар-Запольский М.В.* Московские гуманисты и обскуранты... С. 49.
- 28 *Черепнин Л.В.* Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 5.
- 29 Дореволюционную историографию см.: *Авалиани С.* Земские соборы. Одесса, 1916.
- 30 См.: *Черепнин Л.В.* Указ. соч. С. 68–78.
- 31 *Платонов С.Ф.* Московские земские соборы // Москва в ее прошлом и настоящем. С. 108.
- 32 *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 375.
- 33 *Довнар-Запольский М.В.* Московские гуманисты и обскуранты... С. 53.
- 34 См. подробнее: *Носов Н.Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969; *Шмидт С.О.* Указ. соч.; *Тихомиров М.Н.* Сословно-представительные учреждения (Земские соборы) в России XVI в. // Российское государство XV–XVII вв. М., 1973.
- 35 *Довнар-Запольский М.В.* Пособие по истории... С. 70. Изыскания Л.В. Черепнина показали достаточно узкий состав представительства на этом соборе (*Черепнин Л.В.* Указ. соч. С. 68–78).
- 36 Российское законодательство X–XX вв. М., 1985. Т. 2. С. 130.
- 37 *Довнар-Запольский М.В.* Время царя Ивана Грозного. Ср.: *Жданов И.Н.* Сочинения. М., 1904. Т. 1. С. 240.
- 38 См. подробнее: Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. С. 430.

- 39 *Довнар-Запольский М.В.* Время царя Ивана Грозного. С. 195.
- 40 *Довнар-Запольский М.В.* Пособие по истории... С. 71.
- 41 Там же. С. 72.
- 42 *Довнар-Запольский М.В.* Московские гуманисты и обскуранты... С. 55.
- 43 См.: *Будовниц И.У.* Иван Грозный в русской исторической литературе // Ист. зап. М., 1947. Т. 21; *Свак Д.* Ключевые проблемы социально-политической истории России второй половины XVI в. в русской и советской историографии: реформы и опричнина Ивана Грозного: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983; и др.
- 44 *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 183.
- 45 *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1937. С. 115. (Впервые издано в 1899 г.).
- 46 *Альшиц Д.Н.* Опричнина и формирование аппарата власти самодержавия: Разыскание и исследование новых исторических источников: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1982. С. 4.
- 47 *Довнар-Запольский М.В.* Московские гуманисты и обскуранты... С. 57.
- 48 *Довнар-Запольский М.В.* Время царя Ивана Грозного. С. 216.
- 49 *Довнар-Запольский М.В.* Пособие по истории... С. 119.
- 50 *Довнар-Запольский М.В.* Московские гуманисты и обскуранты... С. 57. (Платонов писал: “Грозный в данном случае (опричнине. – С.М.) повторил то, что было сделано им же самим за 15 лет перед тем. В 1550 году он разом испоместил кругом Москвы избранную тысячу” (*Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты. С. 109). Позже к этой мысли был близок Р.Ю. Виппер. “Если смотреть на опричнину 1564 г. как на меру военно-организационного характера, она составляет продолжение реформы 1550 г.” – писал он. (*Bunner Р.Ю.* Указ. соч. С. 63).
- 51 *Довнар-Запольский М.В.* Время царя Ивана Грозного. С. 223.
- 52 *Довнар-Запольский М.В.* Московские гуманисты и обскуранты... С. 56.
- 53 *Довнар-Запольский М.В.* Пособие по истории... С. 79.
- 54 *Довнар-Запольский М.В.* Время царя Ивана Грозного. С. 218–219.
- 55 *Довнар-Запольский М.В.* История русского народного хозяйства. Киев, 1911. Т. 1. С. 41.
- 56 Позже историю России XVI в. на фоне западноевропейской пытался рассмотреть Р.Ю. Виппер (см.: *Bunner Р.Ю.* Указ. соч.), однако он не искал в Западной Европе параллелей опричнине.

И.В. Самодуров

УЧЕНЫЕ МНЕНИЯ XIX – начала XXI века О ДВОРСКИХ

Дворские, являвшиеся одними из руководителей княжеского хозяйства в средневековой Руси, давно попали в поле зрения историков. В научной литературе институт дворских рассматривался не самостоятельно, а в контексте оценки подчиненных им “слуг под дворским” (по выражению договоров московских князей). Дореволюционные ученые характеристику этой категории населения и возглавляющего ее должностного лица не выделяли из общей проблемы организации княжеского двора. Советские историки гораздо более

четко разграничивали занятых в хозяйственной сфере слуг под дворским и задействованных в военной сфере “вольных слуг”.

Изучая отечественную дореволюционную историографию о служилых людях в Северо-Восточной Руси XIV – первой половины XVI в., И.Б. Михайлова привела и различные суждения о слугах под дворским. В ее очерке были охарактеризованы лишь выводы ученых, сгруппированные по близости мнений¹. В настоящей же работе предполагается уделить большее внимание развитию представлений о дворских с учетом того, на каких источниках строили свои суждения авторы. Упоминания дворских и подчиненных им слуг имеются в источниках различных видов: летописях, княжеских духовных и договорных грамотах, иммунитетных актах, грамотах, связанных с определением собственности на землю, уставных грамотах, Судебниках 1497 и 1550 гг.

Первым историком, использовавшим духовные и договорные грамоты московских князей, был М.М. Щербатов. Он не исследовал фиксируемых в них категорий населения, а лишь пересказывал основной смысл грамот, причем слуг под дворским определял по-разному: “слуги, приписанные ко дворцу”, “дворские люди”, “слуги, принадлежащие к дворскому”². О возглавляющем слуг должностном лице Щербатов не высказывался.

Н.М. Карамзин широко пользовался княжескими договорами и завещаниями, но его интересовала политическая история, и он только однажды назвал слуг под дворским “свободными земледельцами, вообще подведомыми князьям”³. Историограф отметил, что по Судебнику 1497 г. судопроизводство не могло проводиться без “старосты, дворского и лучших людей, избираемых гражданами”⁴. Однако никакого исследования функций дворского, его прав и обязанностей он не проводил.

Высказывания А.М. Рейца о дворском носили в основном характер предположений. Термины “дворский” и “дворецкий” немецкий историк права считал синонимами, обозначающими управителя хозяйства княжеского двора. “Кажется, он заведовал придворным штатом и доходами с казенных и княжеских земель; может быть, под особым его надзором находились княжеские дворы и дворцовые крестьяне”, – писал Рейц. Историк обратил внимание на существование дворецких различных территорий, таких, как тверской дворецкий, и отметил, что дворский надзирал за княжескими слугами, сославшись на московско-серпуховские договоры XV в.⁵

В отличие от Рейца, К.А. Неволин должностно дворского и дворецкого рассматривал отдельно, об их соотношении не высказывался, но тождества не подразмевал. По его мнению, “городские обыватели имели для своего внутреннего управления особых начальников. В числе их упоминаются особенно городской староста и дворский”, причем “должность дворского доселе еще не определена”⁶. Своей лепты в это определение автор не внес.

Среди должностных лиц, служивших князю, называл дворского и С.М. Соловьев. Принципиального различия в обязанностях дворских в разных областях Руси он не находил. Основываясь на летописных известиях, историк заключал, что дворский “на юго-западе до литовского владычества имеет важное значение и в мире, и на войне”⁷. Историк считал, что под влиянием Польши и Венгрии, дворский в Галиче приобрел “важное значение палатина”. Это положение Соловьев оставил без обоснований, хотя очевидно, что заключение автор сделал на основании статьи 1208 г. Ипатьевской летописи, где так обозначен венгерский вельможа⁸, и венгерских источников, где тот же самый человек имел звание “comes palatinus”⁹.

Соловьев отметил, что в Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. источники указывают только одну обязанность дворского: ведать княжеских слуг, но заключил, что его деятельность только этим не ограничивалась¹⁰. К сожалению, вопрос о других функциях дворских был обойден вниманием, и трудно понять, что именно ученый имел в виду, говоря о разных сторонах деятельности дворских.

Определенное внимание Соловьев уделил лицам, которых дворские возглавляли. Он писал, что слуги, находившиеся под ведомством дворского, отличались от вольных слуг, бывших в кормлении и доводе, и состояли из промышленников и ремесленников, таких, как бортники, садовники, псары, бобровники, бараши и делюи. Эти слуги пользовались княжескими землями, могли уйти, но при этом земли отходили к князю. Московские князья взаимно обязывались не принимать слуг под дворским в службу, блюсти их сообща, не покупать их земель¹¹. О владении землей слугами под дворским Соловьев сделал вывод на основании соответствующих статей первого и третьего договоров Дмитрия Донского и Владимира Храброго. Для обоснования своего мнения об их занятиях он привлек данные завещания Владимира Серпуховского, где в одном месте упоминались люди этих специальностей, а в другом – слуги под дворским¹². Серпуховской князь Владимир Андреевич в своем завещании, составленном в начале XV в., распорядился: “А тѣх бортников, или садовников, или псарей, или бобровников, или барышов, делюев не всхочет жыти на тѣх землях, инъ земли лишон, поиди прочь, а сами сыну, князю Ивану, не надобѣ, на которого грамоты полные не будет, а земли их сыну, князю Ивану [...] А кто будет под дворскимъ слугъ и от сотников, тѣх дѣти мои промежы собя не приимают во свои удѣлы [...] А бояром и слугам, кто будет не под дворским, волным воля. А судом и данью потянут по удѣлом, гдѣ кто живет. А кто будет под дворским слуг, тѣх дѣти мои промеж собя не приимают, ни от сотников. А кто тѣх выидет из удѣлов дѣтей моихъ, и княгини моеи, инъ земли лишен, а земли их сыну моему, чей будет удѣл”¹³. Поскольку эти статьи находятся в разных местах духовной грамоты, их нельзя соединять без оговорок, из последних

двух цитат можно делать выводы о характере землевладения слуг под дворским, но они, например, не содержат указания, что дворскому подчинялись холопы.

Конкретные вопросы истории судоустройства в России интересовали Ф.М. Дмитриева. Именно в этой связи он упоминал дворского. Как и Карамзин, Дмитриев считал дворского выборным представителем населения: “города и волости сохраняли и при княжеских чиновниках своих собственных старшин и начальников под именем дворских, старост, сотских и десятских”¹⁴. По его мнению, дворские, как и другие перечисленные люди, осуществляли внутреннее правление и суд в общинах.

О функциях дворских писал А.Н. Горбунов, специально занимавшийся жалованными грамотами. Историк, согласно господствовавшим представлениям того времени в дипломатике, составил сводный текст обельного постановления известных ему иммунитетных актов. Этот текст имел такой вид: “*Ни к дворскому(им), ни к сотскому(им), ни к старосте волостному, ни к пятидесятским, ни к десятским, ни к становщику с волостными, с черными, с тяглыми людьми не надобе им тянути ни во что, ни в какие проторы, ни в розметы, ни в иные ни в которые пошрины*”. В него как варианты вошли еще шесть оборотов и два обельных постановления с упоминанием дворского были указаны отдельно: “ни дворские, ни старосты ат их не заимают ни про что” и “а дворским, ни соцким, ни старостам теми людьми не наряжать”¹⁵. Горбунов использовал около 230 жалованных грамот, из них 43¹⁶ – для создания так называемого абстрактного формуляра¹⁷ обельного постановления, в том числе 32 грамоты, фиксирующие институт дворских¹⁸. Автор сослался на Соловьева, полностью соглашаясь с ним в определении слуг под дворским как ремесленников и промышленников. Дворские занимались раскладкой, взиманием податей и наблюдением за исполнением повинностей слуг, живших в городах и селах. Прочитировав уставную грамоту 1509 г. бобровникам Каменского стана дмитровского князя Юрия Ивановича, где в статье 7 сказано, что дворский с десятскими и добрыми людьми раскладывает корм ловчего и староста с десятскими, собрав корм, выплачивают его в Дмитрове¹⁹, историк отметил сложность решения, являются ли одним и тем же лицом дворский и староста. Исходя из различия социального статуса, отражаемого в летописных известиях и жалованных актах, ученый считал, что не следует смешивать дворских XII в. с дворскими и дворецкими XV в.²⁰

Значительный вклад в изучение института дворских внес В.И. Сергеевич. Уже в 1867 г. в магистерской диссертации “Вече и князь” историк гораздо подробнее предшественников охарактеризовал место дворского в социальной структуре общества.

Сергеевич не делал различия между дворскими и дворецкими, считал их важными чиновниками, ведавшими двором князя. Ученый отметил, что летописные упоминания XII–XIII вв. рисуют “дворско-

го в качестве человека, пользующегося высоким положением. Но только по позднейшим памятникам XIV–XV вв. можно составить о должности дворского сколько-нибудь определенное представление”²¹. Автор проанализировал два постановления завещания Владимира Серпуховского, касающиеся подведомственных дворскому людей. Из клаузулы “А бояром и слугам, кто будет не под дворским, волным воля” Сергеевич заключил: “под дворским состоят какие-то слуги, а может быть даже и бояре”. Историк отметил, что вольные слуги при переходе к другому князю сохраняют право собственности на принадлежащие им земли, а слуги под дворским в подобной ситуации это право теряют, справедливо объяснив различие разницей в статусе земель. “Земли вольных слуг составляли их частную собственность, земли слуг под дворским были землями, пожалованными им князем на условии службы; как скоро не исполнялось условие пожалования, теряло силу само пожалование”.

По мнению Сергеевича, в ведении дворского находилось не только недвижимое имущество князя – дворы и земли, но и движимое – деньги и драгоценности. В обоснование последнего тезиса он сослался на упоминания дворецких, ведавших казной, в завещании Ивана III. Поскольку дворские распоряжались княжескими дворами и землями, они организовывали и повинности городского и волостного населения, относящиеся к недвижимому имуществу князя: строительство двора, косьба княжеского сена и т.п. Подтверждение этому Сергеевич нашел в жалованных грамотах, которые освобождают пожалованных людей от ведения княжеских чиновников, в том числе дворских, “которые в противном случае могли бы требовать от сотских и старост исполнения известных служб в пользу княжеского двора”²².

В своей ранней книге историк не разбирал, кем конкретно были слуги под дворским. Позднее Сергеевич написал специальную работу, посвященную составу княжеских слуг разного социального статуса²³. По его мнению, “все дворовые люди состоят в ведомстве начальника двора, дворского”. Сергеевич вслед за Соловьевым отнес к слугам под дворским представителей профессий, указанных в духовной грамоте серпуховского князя Владимира Андреевича. “В составе его двора находим: бортников, садовников, псарей, бобровников, барашей и делюев. Это перечисление только примерное [...] Список Владимира Андреевича можно пополнить еще следующими лицами: ключники, повара, хлебники, сытники, истопники, ловчие, охотники, стрелки, сокольники, подлазчики, рыболовы, подледчики, неводчики, конюхи, дьяки, подъячие и всякие приспешники”²⁴. Из рассмотренной статьи завещания Владимира Серпуховского историк сделал вывод о принадлежности к составу двора и полных холопов. Но роль холопов в княжеском хозяйстве он считал далеко не определяющей. Сергеевич скрупулезно перечислил сведения завещаний об отпуске на волю всех холопов или их части. Если бы холо-

пы играли существенную роль в функционировании хозяйства, то их регулярные освобождения привели бы его к расстройству. Поскольку московские князья не могли этого допустить, значит, хозяйство “основывалось не на рабском труде, а на свободном”. Важным наблюдением стало указание на возможность пересечения хозяйственной и военной службы – “в случае необходимости, сытники, повара, хлебники, конюхи и другие дворовые легко обращались также в воинов”. Взаимный запрет князей принимать в службу слуг под дворским, содержащийся в московско-серпуховских договорах, автор оценил так: “князья не имеют еще сил лишить слуг под дворским права отъезда; они ограничивают поэтому самих себя”²⁵.

Дальнейшее развитие взглядов Сергеевича на институт дворских нашло отражение в его монографии “Русские юридические древности”. Приведя из Ипатьевской летописи наиболее раннее упоминание дворского Алексы киевского князя Мстислава Изяславича (в связи с взятием Киева в 1169 г. войсками Андрея Боголюбского, под 1171 г.) и весьма яркие упоминания дворского Григория (при описании событий 1238 г., под 1235 г.) и дворского Андрея галицкого князя Даниила Романовича (при описании событий 1242 г., под 1239 г.)²⁶, он отметил, что “состоя при дворе князя и заведующая его хозяйством, которое в древнейшее время все сосредоточивалось во дворе князя и не отделялось от государственного хозяйства, эти дворские могли быть весьма влиятельными людьми”. Историк впервые поднял проблему происхождения этого института и безапелляционно назвал дворских “новым наименованием ... домовых ключников”²⁷.

Сергеевич продолжал считать слугами под дворским людей тех профессий, которые названы в завещании Владимира Серпуховского, но дополнять перечень уже не стал. Из упоминания в документе земель слуг под дворским ученый заключил, что в начале XV в. эти люди были еще вольными и могли уйти; получали земельный надел и жили уже не во дворе князя, а в своем доме, но на княжеских землях. Дворский, по его мысли, наделял дворовых людей дворцовой землей. В этой книге автор снял свое утверждение, что дворские ведали и движимым имуществом князя, возможно, убедившись в отсутствии подобных свидетельств в источниках.

Историк продолжал отождествлять дворских и дворецких, считал, что в распоряжение московских великих князей с присоединением различных княжеств попадают их дворцы, поэтому документы XVI в. фиксируют дворецких рязанских, тверских, нижегородских.

Новым словом исследования стало предположение о существовании определенной иерархии дворских, которые должны были находиться “в каждом дворе и в каждом имени, где был у князя свой двор и свое хозяйство”. “Дворские городских дворов, в которых была резиденция князя и к которым стягивалось хозяйство всех других дворов, стояли выше других дворских, которые были им подчинен-

ны”²⁸. Интересная мысль, что статус дворского определялся размером заведуемого им хозяйства и дворскому центрального двора подчинялись более мелкие, основывалась на чисто логическом убеждении в существовании дворского в каждом дворе, четком подчинении дворских низшего ранга дворским более высокого.

Намного шире, чем прежде, Сергеевич использовал жалованные грамоты. «Гораздо более известных о дворских находим в московских памятниках. Из жалованных грамот XIV в. и следующих веков надо вывести, что дворские находятся при каждом дворе князя и имеют право въезжать в соседние частные имения для наряда жителей к исполнению “княжаго дела”, то есть известных повинностей в пользу княжеского двора: ставить двор князя, кормить его коней и пр. Если князь освобождал кого от этих повинностей, то в его грамоте, обыкновенно говорилось: “не надобе им (пожалованным) ни которая дань, ни ямъ, ни подвода [...] ни служба, ни дело княже, ни дворские, ни старосты ать их не занимают ни про что”»²⁹. Автор привел цитату из жалованной грамоты 1362–1364 гг. тверских князей тверскому Отрочу монастырю³⁰. Эта грамота является наиболее ранней, однако содержит достаточно редкую формулу обельного постановления о дворских. Судя по примечаниям³¹, исследователь использовал для иллюстрации своих заключений о дворском 1 грамоту XIV в.³², 14 грамот XV в.³³ и 2 грамоты XVI в.: выданные в декабре 1517 г. великим князем Василием Ивановичем игумену Троице-Сергиева монастыря Якову на владения в Переяславском уезде³⁴ и 18 июня 1578 г. царем Иваном IV Валаамскому монастырю на владения в волости Ковде³⁵. Об организации повинностей дворскими посредством сотских и старост Сергеевич уже не высказывался.

Относительно судебных полномочий дворских, основываясь на материале Судебников 1497 и 1550 гг., возможно, правых грамот, и развивая свое мнение об иерархии дворских, автор сделал заключение, что “мелкие дворские своего суда не имели, а только принимали участие на суде кормленщиков”. “Дворские больших дворцов, находившиеся в главных городах княжений, были судьями всех тех лиц, которые находились под ними. До возникновения специальных приказов их суду подлежали как все дворовые слуги, так и слуги, устроенные государевыми землями”³⁶.

Соловьев совершенно правильно считал, что земля не находилась в собственности слуг под дворским, и они не могли ей распоряжаться. Несомненной заслугой Сергеевича является то, что он отметил необходимость обеспечения такой категории слуг землей и проживание их на ней, а не в княжеском дворе. Ученые не ставили вопроса о возможности передачи такой земли по наследству и других операциях с ней. Оба исследователя посчитали за слуг зависимое население, перечисленное в приведенном выше отрывке завещания Владимира Храброго. Эти распоряжения находятся в разных частях завещания и были механически соединены исследователями при

изучении духовной грамоты. Прямых указаний на то, что люди указанных профессий являлись слугами под дворским, источник не содержит. Если Соловьев неопределенно говорил, что эти слуги “пользовались княжескими землями”, то Сергеевич утверждал, что дворский ведал и раздавал дворцовые земли. Однако существование в XV в. чисто дворцовых земель не прослеживается источниками³⁷.

Вопрос о происхождении дворских был затронут М.Ф. Владимирским-Будановым. Историк права высказал ценное соображение о тождестве дворского XII–XV вв. и тиуна огнищного XI–XII вв. Эту мысль он не пояснил, но, видимо, основывался на сходстве хозяйственной деятельности этих должностных лиц и одинаковом принципе образования слов: “огнищанин” от “огнище” в значении княжеского очага и “дворский” от “двор”. Его концепция управления княжеским хозяйством несколько противоречива. С одной стороны, ученый считал, что тиун огнищный, как и другие тиуны – первоначально несвободный дворовый княжеский слуга. С другой стороны, дворский, упоминавшийся с середины XII в., назначался из бояр и причислялся к старшей дружине. Дворский заведовал не только домашним хозяйством князя, где ему подчинялись ключники, но и княжеским двором – военной организацией (отроками). Суждения о дворских Владимирского-Буданова не содержат ссылок на источники и фактически остались не аргументированными. Вызывают сомнения такие моменты, как подчинение дворскому отроков и ключников. Если Сергеевич отождествлял дворских и ключников, то Владимирский-Буданов считал, что вторые им подчинялись. Оба эти мнения на источниках не основывались.

Ученый считал, что в системе дворового управления нельзя различить частно-хозяйственные органы от государственных, “управление дворского заменяло собою все последующие органы финансового управления”, кроме “специально-финансового управления: таковы даньщики и мытники”³⁸. Развитие княжеского хозяйства сводилось Владимирским-Будановым к территориальному расширению, без внимания оставалось качественное, отраслевое развитие, усложнение структуры его управления, изменение прав и обязанностей лиц этой структуры.

В.С. Борзаковский, разрабатывая вопросы истории Тверского княжества, рассмотрел и прокомментировал жалованные грамоты тверских князей Успенскому Отрочу монастырю, датированные 1362–1364 и 1435–1437 гг., и великого князя Бориса Александровича Тверского, выданную около 1450 г. Кашинскому Сретенскому монастырю³⁹. Автор, сославшись на Сергеевича, повторил высказанное им в 1867 г. мнение, что дворские ведали двор-усадьбу князя, организовывали повинности населения через сотских и старост⁴⁰.

Яблочков отметил первое упоминание дворского в 1169 г. По мнению автора, с этого времени слуги, живущие при княжеском дворе, стали называться дворянами, а дружина – двором⁴¹. Яблочков счи-

тал, что дворский руководил дружинниками, мог их судить. Вместе с тем историк осторожно пояснил: “о должности дворского в этом периоде нельзя сказать ничего определенного”⁴². Для XIII–XV вв. историк определял слуг под дворским по виду их деятельности подобно тому, как Соловьев и Сергеевич – перечнем профессий в завещании Владимира Храброго, а по статусу – свободными людьми, владеющими княжеской землей, в отличие от Сергеевича отделяя их и от вольных слуг (младших дружинников), и от холопов⁴³.

Мнение Г.Ф. Блюменфельда о дворских и слугах под дворским основывалось на духовных и договорных грамотах московских князей. Он не старался выяснить род деятельности слуг под дворским, а исследовал характер их землевладения. Здесь автор рассуждал так же, как Сергеевич. “Дворский заведовал дворцовыми землями, и потому в его ведении находились служилые люди, как получавшие поместья из дворцовых сел”. Хотя в историографии уже давно была признана занятость слуг под дворским, всех или некоторых из них, хозяйственным обслуживанием княжеского двора, Блюменфельд, признав их помещиками, предположил, что они составляли “низший класс дружины”⁴⁴.

Так же, как и Сергеевич, В.О. Ключевский полагал, что должность дворского исторически предшествовала дворецкому, и он являлся главным управителем княжеского дворца, высшим из сановников, исполнявших различные поручения по княжескому дворцовому хозяйству⁴⁵. Ученый внес весомый вклад в изучение категории населения слуг под дворским. Ключевский рассматривал их как переходную социальную группу между вольными слугами и черными людьми и отмечал, что так же, как и вольные слуги, слуги под дворским несли личную службу князю, получали за это участки земли и могли перейти к другому князю. Сходство с черными людьми выразилось в том, что их служба была не военной, а хозяйственной, княжеской землей они могли пользоваться только тогда, когда состояли на службе, и не имели права приобретать землю в собственность⁴⁶. “Только и платежи, и работы падали на дворцовых слуг по личному назначению князя, как падала ратная служба на вольных слуг, а не по мирской разверстке, как падало тягло на черных людей. Наконец, подобно последним, дворцовые слуги могли лишь пользоваться княжеской землей”⁴⁷. Историк не ставил вопроса о времени появления этой категории населения и характере владения князьями своим дворцовым хозяйством – было ли оно для князей общим или раздельным, видимо, считая последний вариант очевидным. Взаимное обязательство не принимать на службу слуг под дворским в духовной Владимира Андреевича Храброго и в его договорах с Дмитрием Донским, было оценено Ключевским как идущее вразрез с установившимся порядком. Исследователь считал это новой мерой, вводимой для стабилизации социальной иерархии, прекращения передвижений лиц от одного статуса к другому.

При исследовании Тверского уезда XVI в. И.И. Лаппо обнаружил, что писцовые книги середины столетия выделяют в особую группу “земли служни” – “деревни псарские, за псари и за сокольники” и впервые описал эту форму землевладения. По его мнению, “служни земли” “не являются землями, принадлежавшими некогда слугам вольным”; это – дворцовые земли, розданные несвободным слугам под дворским. Он писал, что “сидя на служней земле, они очень похожи на задворных холопов частных владельцев”. Как и Сергеевич, автор предполагал разнообразие занятий этих слуг. Они “исправляли разные дворцовые должности, как высшие (казначей, посельские, ключники, также тиуны, дьяки), так и низшие (бортники, псари, бобровники, бараша, садовники и т.п.)”. Постепенно права несвободных слуг возрастают, и они сливаются со всеми другими княжескими слугами в единый служилый класс, а полученные в условное владение земли оказываются освоены в вотчины. Лаппо отметил и упоминание этих земель в третьем договоре Дмитрия Донского с Владимиром Храбрым от 25 марта 1389 г.: “А хто будет купил земли данныѢ, служнии или черных людии, по отца моего животѢ, по князя великого по ИвановѢ, а тѢ, хто взможет выкупити, инѢ выкупят, а не взмогутъ выкупити, инѢ потянут к черным людем. А хто не въсхочеть тянути, инѢ ся земля съступят, а земли черным людем даром”⁴⁸. Схожесть условий приобретения, упоминание слуг вместе с черными людьми свидетельствует, что под “служними” имелись в виду земли именно слуг под дворским. Но историку было важно привести пример употребления понятия “служние земли” в других памятниках, он процитировал только начало этого условия dokonчания, и не стал его анализировать⁴⁹.

Весьма критически к достижениям современной ему историографии подошел С.В. Рождественский. Он исследовал историю землевладения служилого класса в XVI в., подробно рассмотрев истоки формирования поместной формы собственности⁵⁰. При этом историк опирался на вывод Сергеевича, что отношения князя с дворцовыми слугами в XIV–XV вв. “представляет основной тип, по которому сложилась вся служба Московского государства”. Рождественский разделял также его мнение, что среди дворцовых слуг нельзя строго выделить военных, так как занятые в хозяйстве слуги при необходимости также выполняли военные функции⁵¹. Историк указал два существенных признака поместья: 1) земля дается под условием службы; 2) она является только личным владением служилого человека. Поскольку под условием службы “земля давалась и в личное, и в наследственное владение, и во временное пользование за исполнение известной должности”, следовательно, нельзя считать поместьем любое владение, обусловливаемое службой. В частности, Рождественский подверг критике попытки Сергеевича и других историков признать Бориса Воркова, получавшего по завещанию Ивана Калиты с Богородицкое в Ростове на условии службы кому-либо из

сыновей князя, первым помещиком⁵². Подробно остановился автор на землевладении дворовых княжеских слуг. Основываясь на давно введенной в научный оборот статье завещания Владимира Храброго “А тѢх бортников, или садовников...”, ясно свидетельствующей, что в княжеском хозяйстве были заняты и несвободные, и свободные люди, историк справедливо указал, что Лаппо “произвольно связывает происхождение служних земель непременно со службой несвободных слуг под дворским”. Однако, определяя свободный статус этих слуг, Рождественский пошел слишком далеко. В тексте писцовой книги Тверского уезда середины XVI в. ученый выделил случаи различных операций с землей слуг. Так, в волости Захожье были “крепости у псарей – купчие и докладные и жалованные грамоты великого князя Михаила Борисовича, и кабалы закладные, и с крепостей взяты противни слово в слово”, в волости Суземье перечисляются пять деревень псарей, в числе крепостей на эти деревни упоминаются купчие грамоты; одна из деревень принадлежит Афинейскому монастырю, “а дал ту деревню монастырю по душе псарь Позняк Мерлинъ”. Ученый пришел к выводу, что в княжеском хозяйстве были заняты и слуги под дворским, и вольные слуги. Свободные слуги под дворским “владели под условием службы такими же псарскими, сокольничими и т.п. землями, на каких сидели и слуги-холопы. Эти владения вольных и невольных слуг одинаково состояли в ведении разных путей дворцового ведомства и были дворцовыми, частными имуществами князей. Но вольные слуги могли владеть землями и на праве частной собственности и с них служить князю. Их вотчины по характеру лежащих на них повинностей также были псарскими, сокольничими, бобровничими и т.п., но они не были дворцовыми землями, а составляли частную собственность вольных слуг”. По мысли Рождественского, дворцовые земли раздавались свободным слугам в наследственное владение под условием службы. Уже в следующем поколении земля осваивается в вотчину, отчуждается куплей, закладом и т.п.⁵³ Если Сергеевич находил сходство в статусе слуг под дворским и помещиков путем анализа условного обладания землей, то Рождественский, оценивая владение вотчинами, сблизил слуг под дворским и вольных слуг. Не отрицая возможности перехода слуг под дворским в разряд вольных слуг, сопровождаемого изменением статуса земли, следует отметить, что от внимания кропотливого историка укрылось упоминание “служних земель” в третьем договоре великого князя Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем Серпуховским, выявленное Лаппо и процитированное выше. Подобное соглашение относительно земель слуг имеется и в договоре, заключенном в 1464–1472 гг. великим князем Иваном III Васильевичем со своим братом, углицким князем Андреем Большим: “А которые слугы къ дворьскому, а черныи люди к становщику, блюсти их с одного, а земль их не купити. А хто будет тѢх земль купил, хоти и при отци нашем, великом князи, а без гра-

мот отца нашего, великого князя, и по отцу нашему, великого князя, животе хто будет тех земель купил без наших грамот, тѣмъ землямъ всѣмъ потянути по старинѣ”⁵⁴. Из статей этих договоров о “служнихъ земляхъ” выясняется, что слуги под дворскимъ могли совершать операции с землей, в частности, продавать ее. Если сделки проводились с разрешения князя, статус земель мог меняться, иначе новый владелец должен был выполнять те же обязанности за владение землей, что и прежний. А значит, указанные операции с землей псарей не обязательно трактовать как действия вольныхъ слуг со своими вотчинами. Следует отметить, что д. Манкова, данная Афинейскому монастырю псаремъ Познякомъ Мерлинымъ, в писцовую книгу была записана как псарская, а не среди другихъ владений этого монастыря в категории монастырскихъ земель⁵⁵. По мнению Рождественского, второй важнейшей задачей слугъ после службы с земли, в том числе и хозяйственной, было ее освоение, они являлись «хозяевами-колонизаторами, разрабатывали даваемые имъ пустые земли, приводили ихъ “изъ пуста в живущее”»⁵⁶.

Взгляды Сергеевича и Владимирского-Буданова отразились в исследовании М.А. Дьяконова. Он постарался по-своему систематизировать и развить идеи предшественников. Подобно Сергеевичу, Дьяконовъ считал, что дворский был у каждого князя и землевладельца. По словам историка, дворецкий ведет свое начало от “дворьскаго тиуна”, позднее просто “дворьскаго”⁵⁷. Автор объединил два суждения Сергеевича, относившиеся к разным периодам: гипотезу об иерархии дворскихъ и мнение о появлении на определенных территориях в присоединенных княжествах. По мере присоединения отдельных княжеств, присоединяются “и княжеские дворы или дворцы с дворьскими и дворецкими”, возрастает роль московскаго дворецкаго, он получает наименование “большаго” и становится главой приказа Большаго Дворца. Проведя аналогию с употреблением западноевропейских терминов “palatium”, “domus regia”, Дьяконовъ отметил, что в средневековой Руси слово “дворъ” обозначало как имение, так и всю совокупность придворнаго штата. Тот факт, что у князя “в числе его дворныхъ людей или дворян, наряду с вольными слугами, были и слуги невольные, княжеские холопы”, позволил ученому считать подчиненными дворскому всех должностных лиц княжескаго хозяйства (тиунов, посельских, ключников, старост, казначеев), всех людей, занятых в хозяйстве (представителей профессий, перечисленных в завещании Владимира Храброго, деловых людей, купленных и т.п.) и Бориса Воркова (не считаясь с замечаниями Рождественскаго). Согласно Дьяконову, состав слугъ под дворскимъ был неопределенным, включал “разнородные элементы от детей боярскихъ до полныхъ холоповъ”⁵⁸. Таким образом, попытка систематизировать взгляды предшественников оказалась явно неудачной: если дворяне и дети боярские были слугами под дворским, то

вопрос, кем были вольные слуги, для которых существовала свобода перехода, Дьяконов обходил.

В 1908 г. была опубликована статья С.В. Бахрушина “Княжеское хозяйство XV и первой половины XVI в.” В этой работе историк охарактеризовал различные отрасли хозяйства князей: бортничество, рыболовство, бобровая ловля и т.п. Но систем управления таким хозяйством, функций лиц управленческого аппарата ученый не рассматривал, хотя и считал, что хозяйство князя строилось как феодальная вотчина XIII в., только в большем масштабе. Для статьи был использован материал главным образом XVI в., нарисованная же картина получилась достаточно статичной⁵⁹.

Н.П. Павлов-Сильванский в различных трудах дал совершенно разную характеристику дворских, причем подчас весьма противоречивую. В работе “Государевы служилые люди” Павлов-Сильванский повторил мнение Сергеевича, без изменений и ссылок приведя его высказывания о высоком положении дворского и подчинении главному дворецкому, заведовавшему дворцом князя в столичном городе, дворских, управлявших дворцами в провинциальных городах. Сергеевич предположил, что до возникновения Поместного приказа дворские наделяли землей “дворских людей, обязанных военной службой”, были в тесной связи с дворянами. Павлов-Сильванский считал подчинение дворскому дворян бесспорным. Особое внимание ученый уделял условному землевладению слуг под дворским, наделению их именами за службу. Предоставляемые им земли он считал древнейшими поместьями и отнес к слугам Б. Воркова⁶⁰. Такое сближение слуг под дворским и дворян в концепции Павлова-Сильванского произошло оттого, что историк не пытался выяснить, в чем заключалась служба подведомственных дворскому лиц и какой она носила характер.

В следующей работе “Феодализм в удельной Руси” историк продолжил иную традицию – считать дворского выборным лицом. Сославшись на уставную грамоту 1509 г. бобровникам Каменского стана, Павлов-Сильванский безоговорочно заключил, что “старосты дворцовых волостей назывались дворскими”.

Основываясь на указании правой грамоты, составленной около 1490 г., в которой вызываемый в свидетели дворский Гавриил был назван крестьянином Берендеевской волости, ученый пришел к выводу, что дворские могли называться крестьянами и их положение было сходным⁶¹. Павлов-Сильванский осторожно предполагал отличие волостных дворских от дворских городских. Последние, возможно, заведовали некоторыми особыми сборами и натуральными повинностями на дворцы – княжеские дворы в городах. Обозначенный таким образом социальный статус дворского никак не согласуется с характеристикой слуг под дворским, приводимой исследователем далее. Резко полемизируя с Ключевским, считавшим, что такие слуги были работниками по дворцовому хозяйству, Павлов-Силь-

ванский выводил из статьи завещания Владимира Серпуховского “А бояром и слугам, кто будет не под дворским, вольным воля” принадлежность этой категории слуг также «к составу “бояр и слуг”, т.е. военных слуг удельного времени». Автор сделал важное наблюдение, что “тверская писцовая книга ... строго отличает слуг от конюхов, сытников, псарей, ключников”, но это разделение объяснил не структурой княжеского хозяйства, а родом деятельности этих категорий населения: «Блюменфельд правильно усмотрел в слугах под дворским “помещиков” и низший класс дружины». Оценивая статьи княжеских договоров о слугах под дворским, историк утверждал, что в первом договоре Дмитрия Донского и Владимира Храброго они упоминаются «впервые, конечно не потому, чтобы они впервые явились около 1362 г., а потому, что в этом году князья впервые согласились не принимать их в чужой удел; раньше же такие слуги наряду со всеми боярами и слугами пользовались полной свободой службы по общему правилу: “а боярам и слугам межи нас вольным воля”»⁶². Почему только одной части военных слуг был ограничен переход, чем они отличались от других и зачем потребовалось такое новшество в регулировании их службы, автор не объяснил.

Самые общие сведения о слугах под дворским привел Д.И. Багалей. Так же, как Павлов-Сильванский, он считал, что они первоначально имели те же права, что и вольные слуги, но первым договором Дмитрия Донского с Владимиром Храбрым были ограничены в смене сюзерена. Багалей отметил условное землевладение слуг под дворским. Историк разделял среди них “два слоя: военных слуг князя и дворцовых, эксплуатировавших различные хозяйственные статьи и отправлявших таким образом службу с пожалованных им земель”. Единственное отличие позиции Багаля от других авторов заключалось в том, что указанные дворцовые слуги, по его мнению, появляются с XV в., а прежде в княжеском хозяйстве промыслами были заняты исключительно холопы⁶³.

С.Б. Веселовский полагал, что дворский не только собирал налоги со слуг под дворским, но и был для них “низшим органом княжеского суда и управления”. Ученый считал, что власть дворского не распространялась на все непривилегированные земли уезда, он только ведал слуг под дворским, его власть над ними была “аналогична власти посельских приказчиков – в княжеских селах и волостях, и власти слободчиков в слободах, т.е. дворский был низшим органом княжеского суда и управления”. Отсутствие в некоторых уездах известий о дворских ученый объяснял нехваткой источников. Суд и управление непривилегированными землевладельцами обычно принадлежали наместникам и волостелям, а в качестве исключения поручались дворским. Веселовский попробовал наметить верхнюю (позднейшую) хронологическую грань существования этого института. По его мнению, с начала XVI в. дворские и слуги под дворским исчезают, последние частью получают поместья и примы-

кают к служилым землевладельцам, частью попадают на положение тяглых черных людей⁶⁴. Напомним, что еще Сергеевич привел данные о существовании дворских в XVI в.

Б.Д. Греков не делал различия между управителями княжескими и частновладельческими хозяйствами, рассматривал устройство вообще вотчины-сеньории. Ученый писал, что “двор крупного феодала – административно-хозяйственный центр всего феодального владения, где сидит если не сам хозяин, то его хозяйское око – дворецкий, начальник всякого рода слуг, вольных и невольных”⁶⁵. Опираясь на завещание Владимира Серпуховского, где традиционно рассматриваемая учеными статья противопоставляет людей, на которых есть полная холопская грамота, и вольных, Греков решил, что “слуги под дворским были, как правило, люди несвободные”⁶⁶. Основываясь на правой грамоте, составленной в 1454 – первой половине 1456 г. Никитой Беклемишевым, о тяжбе некоего землевладельца Андрона, принятого им за княжеского слугу, с попом Сидором о принадлежности земли Самонинской, находившейся в Кистемском стане Переяславского уезда, в которой упоминаются два дворских – прежний и действующий⁶⁷, Греков заключил о “большой осведомленности дворского не только в делах двора, но и в том, что делалось за его пределами”⁶⁸.

Анализируя статус дворских и слуг под дворским, В.Б. Ельяшевич использовал те же источники, что и Рождественский: московско-серпуховские договора, завещание Владимира Андреевича Серпуховского, писцовые книги Тверского уезда и пришел к аналогичным выводам, несколько иначе поставив акценты. “Дворский, позднее дворецкий, это заведующий княжеским двором”. На основании используемых большинством ученых статей завещания Владимира Храброго автор считал слуг под дворским свободными людьми и холопами, занятыми в княжеском хозяйстве. Историк заострил внимание, что по договорным грамотам условия землевладения для них были такими же, как у черных людей. “Различие лишь в том, что одни несут с земли тягло, а другие – службу”. В этом точка зрения Ельяшевича наиболее близка к взглядам Ключевского. Ельяшевич считал, что из черных тяглых людей набирались слуги под дворским, их земли назывались “служными”. Так же, как Лаппо и Рождественский, он причислил к “служным землям” земли псарей и сокольников тверских писцовых книг⁶⁹, несмотря на правильное замечание Павлова-Сильванского, что источник различает эти категории земель.

Изучая княжеские договоры и завещания, Л.В. Черепниця отметил: «согласно с духовными первых московских князей и с договорной грамотой 1350–51 гг. [договор великого князя Симеона Ивановича с братьями Иваном и Андреем. – *И.С.*] докончание 1367 г. [первый договор Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем. – *И.С.*] особо останавливается на “блюдении ... с одного” князьями “численных людей”, а также слуг под дворским и черных людей, ко-

торые “потягли ... к сотником”»⁷⁰. Следует оговорить, что в завещаниях московских князей дворские не упоминаются, реконструкция Черепнинным текста договора Симеона Гордого с братьями вызывает сомнения⁷¹. Сказать, какие именно люди были “выиманы во иныи службы” при Иване Калите и Симеоне Гордом⁷², трудно. Основываясь на третьем договоре Дмитрия Донского с Владимиром Храбрым, исследователь посчитал слуг под дворским, наряду с черными и численными людьми, исключительно сельскими жителями и противопоставлял им городское население – гостей, суконников, посадских людей⁷³. А.М. Сахаров, специально изучая города Северо-Восточной Руси, также говорил только о городском черном населении и не отмечал существования в городах слуг под дворским⁷⁴. Упоминания дворских в правых грамотах Черепнин разбирал не всегда тщательно. Пересказав судебное разбирательство Троице-Сергиева монастыря с великокняжеским истопником Антоном Гладким, ученый констатировал ценность материала правых грамот для характеристики условного землевладения княжеских слуг⁷⁵, но, рассматривая споры Троицкого Калязина монастыря с жителями Жабенской волости, которых “рядил на землю дворский”, назвал дворских “черным крестьянством”⁷⁶. Исследуя Судебник 1497 г., ученый отметил, что правые грамоты подтверждают постановление Судебника о присутствии на суде дворского, старосты и лучших людей. Поскольку указанные представители фигурируют далеко не во всех правых грамотах, Черепнин счел это свидетельством частого невыполнения статьи Судебника⁷⁷.

В “Памятниках русского права” разделяются два типа дворских: княжеский агент и боярский тиун. Неясно, на основании чего утверждается, что дворский “как правило принадлежал к детям боярским”⁷⁸. В этом издании приводится формула жалованных грамот “к сотцким и десятцким с тяглыми людьми не тянут ни в какие проторы, ни в розметы” и высказывается суждение о развитии этой формулы: “в грамотах XV в. она обычно называет сотских и дворских, грамоты же XVI в. говорят преимущественно о сотских и десятских”. Сформулированная так тенденция, по мнению составителей, отражает реальные изменения – ликвидацию института дворских и введение института городских приказчиков, которым в финансовом отношении подчинялись сотские и десятские. Перемены в управлении объясняются тем, что «если власть дворских не распространялась на иммунитетные вотчины, то городские приказчики осуществляли постоянный надзор за уплатой податей населением феодальных владений. Таким образом, “отставка” дворских и введение городских приказчиков были формой борьбы за ограничение феодального иммунитета»⁷⁹. Фактически вывод об изменении в управлении княжеским хозяйством делается на основании анализа неполного материала и сводится к иммунитетной политике.

Изучая местное управление первой половины XVI в., прояснил судьбу института дворских Е.Н. Носов. Ученый связал выявленные Веселовским процессы: исчезновение дворских, появление городских приказчиков, выделение из общей массы княжеских земель дворцовых сел⁸⁰. По мысли Носова, одновременно с появлением дворцовых земель происходило разделение всех видов повинностей на дворцовые и общегосударственные. Первые составляют основу тягла собственно дворцовых земель, вторые – городское дело, ямское дело и посошная служба – становятся общеобязательными, как правило, для всех остальных земель: черных, оброчных, поместных, вотчинных, монастырских. Для организации этих повинностей в масштабах всего уезда был создан новый орган местного управления – институт городских приказчиков. Позднее в их ведение попадают и другие посошные дела великого князя: мостовое дело, подводная повинность, житничное и прудовое дело, обязанность строить дворы великого князя и т.д., поскольку в первой половине XVI в. эти обязанности распространялись на все земли, а не только дворцовые⁸¹.

Распространение деятельности городских приказчиков на финансовую, земельную, судебную сферы местного управления сталкивало их с “такими органами великокняжеского вотчинного управления, как ключники и дворские, которые в период феодальной раздробленности непосредственно ведали в городах княжеским хозяйством, осуществляли надзор за великокняжеским земельным фондом, производили сбор натуральных и денежных оброков и т.д.” Образование дворцовых земель под управлением приказчиков дворцовых сел “подорвало основу этой старой системы княжеского дворцово-вотчинного управления”. Городовые приказчики “завершают этот процесс, окончательно оттесняя великокняжеских ключников и дворских от надзора за остальными великокняжескими землями: черными, оброчными и особенно поместными, которые к середине XVI в. составляют уже основную массу великокняжеских земель центральных районов”⁸².

С.М. Каштанов отмечал, что “до сих пор остается неясной связь городских приказчиков с центральными учреждениями и некоторыми еще распространенными в начале XVI в. старыми органами местного управления”⁸³. Разобрав самые ранние упоминания городских приказчиков в жалованных грамотах 1510-х годов, Каштанов показал первоначальное появление института городских приказчиков на территориях в пределах Волоцкого удела. Это были земли в Кличенской волости Ржевского уезда, в Горецком стане Тверского уезда, смежных с ними землях в Клинском и Волоцком уездах⁸⁴. Историк, сославшись на “Памятники русского права”⁸⁵, отметил, что вытеснение из жалованных грамот формулы “соцкие и дворские” формулой “соцкие и десяцкие”, означает реальную ликвидацию института дворских. “Любопытно, что первые этапы этого вытесне-

ния прослеживаются по жалованным грамотам именно в тех уездах, где вводились городовые приказчики: Волоколамском, Зубцовском и др.”⁸⁶ Однако, ученый не разбирал, известны ли дворские на этих территориях в XV – начале XVI в.

В монографическом исследовании истории Галицко-Волынской Руси В.Т. Пашуто не рассматривал социальную структуру княжеского двора, однако его наблюдения над историей летописания края, анализ событий с участием дворских имеют определенную ценность для изучения этого института⁸⁷.

К.А. Софроненко, специально изучая общественно-политический строй Галицко-Волынской Руси, посвятила дворским особую главу. По ее мнению дворский ведал в основном всеми вопросами, касающимися двора князя. Конкретизируя умозрительные рассуждения Сергеевича (поскольку у князя был не один двор, а несколько (например, у Даниила – в Галиче, в Холме, в Львове), то можно полагать, что в каждом из них был свой дворский⁸⁸), Софроненко писала об эволюции должности дворского. “В XII–XIII вв. его функции значительно расширились. Дворский, по-прежнему ведающий двором князя, стоял одновременно во главе всего государственного управления.”⁸⁹ По-видимому, она считает само собой разумеющимся, что должность дворского существовала и до ее появления на страницах летописи. Однако на смену кому и почему пришел дворский выполнять новые функции, автор не разъясняет. Софроненко рассмотрела некоторые упоминания в Ипатьевской летописи дворских Григория, Андрея и Якова, но проанализировала их не все и довольно поверхностно. Она, например, полагала, что дворский Григорий сохранял за собой должность вплоть до своего ареста. В итоге автор пришла к неподтверждаемому источниками выводу, что “дворский стоял во главе всего административного аппарата дворцово-вотчинной системы управления, ему подчинялись все воеводы княжества”⁹⁰.

В исследовании социального строя Северо-Восточной Руси на примере Переяславского уезда Ю.Г. Алексеев рассматривал процесс феодализации волости, как на территории этой податной и административной единицы появляются “элементы, частично сливающиеся с волоцанами, частично противостоящие им”. Наделение слуг под дворским землей автор проиллюстрировал предоставлением пустошей в Мишугинском стане дворцовому истопнику Антону Гладкому⁹¹. Для изменения статуса волостных земель Алексею не было важно различать поместные и вотчинные владения, а к слугам под дворским причислялись все люди, и прямо называемые в документах княжескими слугами, и те лица, профессии которых, по мнению Алексеева, была связана с обслуживанием государственного хозяйства⁹². Ученый привел упоминания в судебном списке 1499–1502 гг. о суде троницкого старца Гавриила Напольского с Антоном Гладким⁹³ и правой грамоте 1454–1456 гг. о споре

Андрона с попом Сидором⁹⁴ об участии волостных дворских в суде и отметил, что дворский деятельно «стоит» за тяглые и «великого князя» земли», к сожалению не разобрав специально в каждом случае, были ли это земли черные, волостные или княжеские. Алексеев обратил внимание на великокняжеские указные грамоты в Аргуновскую волость с предписанием соблюдать жалованные грамоты Успенского Воинова монастыря. Первая, 1430–1440-х годов адресовалась дворскому, а вторая, 1462–1485-х гг., – старосте⁹⁵. На основании этих правых и льготных грамот автор заключил, что дворский – «местный волостной человек, функции которого как представителя княжеской власти так тесно переплетены с функциями старосты и сотского – представителей волости, что временами их трудно разграничить». Дворский, возглавляя слуг, отстаивает «особые интересы князя в волости. Общей тенденцией исторического развития было, по-видимому, расширение сферы этих интересов и соответственно сферы деятельности дворского»⁹⁶. Достаточно подробно охарактеризовав волостных дворских, Алексеев не затронул вопрос об их соотношении с городскими.

В дальнейшем историк попытался распространить свои наблюдения над переяславскими и костромскими волостями на другие уезды Центра России⁹⁷. По мысли автора, дворский – низшее звено княжеской администрации в волости, он контролирует княжеских слуг, участвует в делах волости – совместно с представителями волости сажает на землю крестьян. В отличие от сотского и старосты дворский может выдавать от лица великого князя льготные грамоты переселяющимся в волость крестьянам. В тех волостях, где этого института не было, такие функции выполнял волостель. Алексеев приходит к выводу, что «появление на волостных землях слуг под дворским и самого дворского хотя и сужает компетенцию волости, но не меняет существа ее», поскольку «земля, пожалованная князем слуге, остается тяглой волостной территорией», а «сидя на волостной земле, слуга под дворским частично смешивается с волостным крестьянином, выступает рядом с ним на суде и на разъезде, вступает за волостную землю и т.п.»⁹⁸

Изучая послушество в суде зависимого населения, упоминала дворских Е.И. Колычева. Она считала участие дворских в судебных разбирательствах земельных споров неизбежным следствием и производной от его других функций, таких, как слежение за землеустройством, выполнением феодальных повинностей, делением земли на выти между тяглыми крестьянами. Добавление «на дворьскаго» в 66 статье Карамзинской и Пушкинской группах списков Пространной Правды: «На послушьство на холопа не складають; но оже не будеть свободнаго, то по нужи сложити на боярьска тивуна на дворьскаго, а на инех не складывати» считала попыткой расширить круг лиц, которые могли быть послухами, людьми холопьяго происхождения⁹⁹, причисляя дворского к холопам. Следует, однако, отметить,

что в обороте “на дворьскаго” в Русской Правде слово “дворьскаго” является не существительным, а определением к тиуну.

В другом исследовании института холопства гораздо больше внимания дворскому и слугам под дворским уделил А.А. Зимин. Относительно социального статуса слуг под дворским историк полностью согласился с Грековым, без собственных обоснований сославшись на утверждение последнего, что они “как правило, люди несвободные, холопы”¹⁰⁰. Греков исходил из общих взглядов на устройство княжеского хозяйства. В принятии Зиминим тезиса Грекова могли сыграть роль и авторитет предшественника, и общая благоприятность такого заключения для темы монографии. Отрывочно, а потому искаженно, привел ученый выводы дореволюционных авторов о профессиях слуг под дворским. По словам Зимина, “Дьяконов считал их бортниками, псарями и т.п. [...] Павлов-Сильванский относил их к разряду военных слуг”. Сам историк полагал, что они были заняты и в военной, и в хозяйственно-административной сфере и «составляли высшую прослойку княжеских несвободных людей [...] Последний раз слуги, “тянувшие” к дворскому, встречаются в договорной грамоте 1464–1472 гг. (Ивана III с Андреем Большим. – *И.С.*), которая, к тому же, запрещает покупать их земли. Как мы видим, ко второй половине XV в. несвободные слуги обзаводятся еще и землей»¹⁰¹. Однако, это процесс более ранний, упоминание земель слуг под дворским в третьем договоре 1389 г. Дмитрия Донского с Владимиром Храбрым обнаружил еще Лаппо. По мысли Зимина, “дворские распоряжались не только слугами, в их компетенцию входили все дела, связанные с хозяйством княжеского двора (как посельские ведали селами). В XV в. их власть (по крайней мере, судебная) начинала распространяться и на крестьян. Здесь автор сослался на обельное постановление жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной 10 мая 1404 г. звенигородским князем Юрием Дмитриевичем игумену Савво-Сторожевского монастыря Савве на с. Белгино с деревнями в Звенигородском уезде: “ни к сотцкому, ни к дворскому, ни десятскому с тяглыми людьми не тянут ни в которые проторы и в разметы”¹⁰². С чем был связан этот процесс и как он соответствует отражению в сохранившихся памятниках, автор не разбирал. В целом попытка Зимина показать облик дворских и подчиненных им слуг в эволюции, опираясь на источники, заслуживает внимания, хотя ее вряд ли можно назвать удачной.

Н.Н. Покровский, занимаясь историей черносошного землевладения XIV–XVI вв., говорил о дворских как о лицах княжеской администрации, таких же, как и посельские, становщики, тиуны и т.п.¹⁰³ Лишь однажды автор пояснил, что понимает под дворскими дворцовых, управляющих отдельными селами¹⁰⁴. Покровский на основании того, что “земли, находившиеся непосредственно в подчинении лиц дворцовой администрации князя ... в рассматриваемый период еще не выделялись так резко из остального массива черных земель, как

это было в более позднее время”, акты обычно объединяют все черные земли под титулом “земель великого князя” и некоторые села в разное время фиксируются с разным статусом, с чем возможным “не выделять специально дворцовые земли из состава черных земель”¹⁰⁵. В итоге историк не стал анализировать роль дворских в процессе перехода земель в руки феодалов.

Если Н.Н. Покровский отделял черносошных крестьян от непосредственных производителей из дворцового ведомства и занимался только первой категорией сельского населения, то А.Д. Горский, изучая борьбу крестьян за землю, понимал, что подведомственные дворскому люди тоже участвовали в этой борьбе и писал о судебных тяжбах и тех и других, хотя и не ставил вопроса, были ли слуги под дворским крестьянами в обычном значении этого слова. Заслуга историка состоит также в том, что он выявил однотипность борьбы за землю дворцовых и черносошных крестьян. Рассмотрев, среди прочих, отдельные интересные свидетельства об участии дворских в судебных разбирательствах, ученый показал заботу этого должностного лица о сохранности фонда княжеских земель¹⁰⁶. Осторожно полемизируя с высказанным в “Памятниках русского права” мнением о принадлежности дворских к детям боярским, А.Д. Горский указал два случая “упоминания дворского в числе крестьян”¹⁰⁷ – правую грамоту, датируемую приблизительно 1490 г., на земли в дмитровской Берендеевской волости¹⁰⁸, и правую грамоту, составленную между 1495 и 1499 гг. на земли в Михайловском стане Переяславского уезда¹⁰⁹. В первой из них, использованной Павловым-Сильванским, дворский прямо назван крестьянином, во второй дворский назван в перечне “людей добрых волостных”, а не в списке детей боярских.

О соотношении терминов “дворяне”, “слуги дворные”, “дворский” писали М.Б. Свердлов и И.Я. Фроянов. Свердлов посвятил специальную статью теме древнерусских дворян, где допустил, что “слуги дворные”, упоминаемые в XIII в. в Галицко-Волынском летописании, “подчинялись, вероятно, дворским – своего рода мажордам, о которых в известиях XII–XIII вв. сообщается как о боярах и княжеских воеводах”¹¹⁰. Фроянов обвинил Свердлова в недооценке значения употребления слов “дворский” и “слуги дворные” в Ипатьевской летописи, считая, что их использование может служить основанием для предположения о существовании “в Южной Руси конца XII – начала XIII в. княжеских дворов как обозначения совокупности слуг князя”¹¹¹. Предположение Фроянова Свердлов назвал «неправомерным обобщением или ошибочной посылкой, так как “княжеский двор” не соответствовал “совокупности слуг князя”, поскольку первый термин значительно шире второго». Свердлов, исходя из наличия в южнорусском летописании терминов “слуги дворные” и “дворский” и отсутствия термина дворянин, применяемого к слугам княжеского двора, занял более осторожную позицию: «уже к XII в. могут относиться данные о слугах княжеского двора, подчиненных

дворским, хотя сам термин “слуги дворные” появился в XIII в.»¹¹². Оба автора не только не использовали более поздних данных о дворских и слугах под дворским, но даже не анализировали конкретные летописные известия об этом институте.

Наиболее объемное исследование института дворских принадлежит немецкому историку Уве Хальбаху, посвятившему ему отдельный очерк в своей книге о русском княжеском дворе. Он не анализировал каждого упоминания дворского в Галицко-Волынском летописании, но обратил внимание, что при описании действий дворских в связи с военными событиями, статьи 1235 и 1248 гг. Ипатьевской летописи содержат намеки на его административную деятельность. Частоту упоминаний дворского Андрея историк объяснял выдающимся положением его должности, хотя Пашуто видел причину этого в том, что дворский Андрей был информатором летописца, рассказывал ему о событиях, в которых принимал участие.

Хальбах подробно рассмотрел обозначение термином дворский венгерского вельможи в статье 1208 г. Ипатьевской летописи, указал на сходство морфологического образования “comes palatinus” и “дворский”. Ученый провел аналогии с палатинами при каролингском и польском дворах, отметил наличие судебной функции у этих должностных лиц. Относительно соотношения должности дворского и дворецкого Хальбах привел мнения предшественников, но подчеркнул, что термины образуются от разных основ.

Историк процитировал четыре формулы жалованных грамот XV в. для иллюстрации того, что дворские организовывали сельское население для выполнения таких натуральных повинностей как, например, закос. Из первого договора Дмитрия Донского с Владимиром Храбрым и завещания последнего Хальбах, как и его русские предшественники, сделал вывод, что слуги под дворским были свободными людьми, занятыми на работах для двора и получавшими за это участки земли в условное владение¹¹³.

Исследовательница общины русского средневековья Л.В. Данилова об институте дворских высказывалась весьма неопределенно. По ее мнению, “трафаретная формула, гласящая о подведомственности слуг дворскому, а тяглых людей сотнику, отражает ушедшую в прошлое систему территориального деления, при господстве которой выборные представители общины были единственной властью на местах”¹¹⁴. Если сотских, пятидесятских, десятских и старост Данилова называет мирскими выборными, считает, что они “не просто представители волостного мира, но и должностные лица княжеского административного аппарата”, то о выборности или назначаемости дворских она прямо не высказывается. В пользу первого варианта можно трактовать высказывания историка в ее монографическом исследовании о том, что черные волостные земли и дворцовые “подчас имели единое управление”, что “княжеские оброчные и дворцовые земли ... по внутреннему строю общинной организации

до конца XVI в. были гораздо ближе к черным волостям и станам”, чем к вотчинам и поместьям. Анализируя уставную грамоту бобровникам Каменского стана 1509 г., Данилова приходит к выводу, что роль дворского была очень близка к роли волостного старосты. Стараясь подтвердить свою теорию постепенного подчинения в системе управления представителей “сотенного деления”, “восходящего к родоплеменному делению”, представителям деления территориального (т.е. сотским старостам) Данилова использовала жалованные грамоты. Она нашла, что в этих грамотах “со временем в формуле об освобождении крестьян иммунитета от совместных с черными людьми тягла упоминание сотского исчезает и называется один староста”¹¹⁵. Такой вывод был проиллюстрирован лишь отдельными жалованными грамотами, без учета региона, времени, выдавшего лица, комплексного же исследования не проводилось. Вопрос, как при таком процессе изменяется упоминание дворского, чья близость со старостой так подчеркивалась, Данилова не ставит.

Важным вкладом в характеристику княжеского хозяйства, в котором значительную роль играли дворские, являются работы Б.Н. Флори, рассматривавшего это хозяйство в сравнении с аналогичными структурами государств Центральной и Восточной Европы. Ученый убедительно доказал существование на Руси “служебной организации”, в принципе такой же, как в Польше, Чехии, Венгрии¹¹⁶. Термин “служебная организация” обозначает совокупность групп людей (той или иной профессии), которые несли какую-либо определенную “службу” и потому были освобождены от других общегосударственных налогов и повинностей. Княжеская “служебная организация” обслуживала не только князя, но и весь господствующий класс в целом. Возмещением за службу были земельные наделы, на которых служилые люди вели обычное крестьянское хозяйство. Состав служилого населения складывался из числа как свободных, так и несвободных людей. В зарубежной историографии принята классификация занятых в таком хозяйстве людей по роду их занятий. Группы лиц были заняты: разными видами обслуживания (например, за столом, обогревом помещения), приготовлением пищи (повара, медовары), уходом за телом и одеждой (банщики, прачки), присмотром за конями (конюхи); поставками специальных продуктов питания (бортники, рыболовы, солевары); изготовлением ремесленных изделий (кузнецы, кожевники, портные); а также охотой (псары, сокольники) и т.д. Служилые люди¹¹⁷ могли действовать на любой территории, независимо от ее принадлежности, а жители этих мест должны были обеспечивать ночлегом и кормом княжеских сокольников, псарей, бобровников, принимать на прокорм княжеских коней и т.п. Возникновение служебной организации было не результатом создания крупного вотчинного хозяйства и углубления разделения труда в процессе стихийного экономического развития, а сознательной акцией элитной части раннефеодального государства,

направленной на удовлетворение его разнообразных потребностей в условиях слабого развития товарно-денежных отношений. На материале духовных и договорных грамот XIV–XV вв. московских князей историк показал, что в этот период их служебная организация систематически пополнялась и постепенно расширялась за счет наборов нужных специалистов из лично свободного населения. Флоря исследовал входящие в состав служебной организации группы бобровников и бортников. Однако внутренняя структура служебной организации, соотношение различных должностных лиц остаются еще недостаточно изученными. Ученый специально подчеркивал сложный характер организации княжеского (государственного) хозяйства. Так, “пути” представляли собой совокупность поселений служилых людей тех профессий, которые соответствовали профилю определенного ведомства. При этом «“пути” отличаются не только от черных волостей, но и от “сел” – личных владений князей, управлявшихся их ключниками и посельскими». Установление целей такой организации управления служилым населением остается важной задачей будущих исследований служебной организации¹¹⁸.

Одной из составных структур служебной организации в настоящее время успешно занимается В.А. Кучкин. Историк, тщательно изучив данные о тысяцких, сотских и десятских до начала XVI в., высказал мысль, что они являются не рудиментами древнего родоплеменного деления общества, а должностными лицами децимальной организации, состоявшей из закупов – людей, за определенную сумму (“купу”) переходивших на княжескую или республиканскую службу. Эта категория полусвободных людей обслуживала элитную часть общества в целом, среди них могли быть непосредственные производители (земледельцы, бортники, рыболовы, сокольники), различные ремесленники (древodelы, портные и т.п.), возможно, воины. Черные тяглые люди и были как раз рядовыми членами децимальной организации (в терминологии Русской Правды – закупам), а не всем свободным населением волостей¹¹⁹. Исследуя первый договор Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем, ученый, пересказав условия о слугах под дворским и черных людях, подчеркнул, что речь идет о различных, по-разному организованных категориях населения, зависимых от княжеской власти¹²⁰.

В свете последних научных данных институт дворских следует оценивать как составную часть служебной организации, изучать его с учетом представлений о сотских и десятских, с которыми чаще всего дворские фиксируются в источниках.

В статье, вышедшей в свет уже в новом тысячелетии, В.Д. Назаров рассмотрел дворовладение княжеских слуг в городах Северо-Восточной Руси XIV–XV вв.¹²¹ В центре внимания исследователя оказалось сопоставление социального положения вольных слуг и слуг под дворским – подход не новый, известный в историографии со времен Сергеевича и Ключевского. Историк прежде всего обозна-

чил границы употребления терминов, подчеркнув, что «вольные слуги» и «слуги под дворским» – актуальная терминология для середины – второй половины XIV в. в русле московской правовой традиции и в текстах только московско-серпуховских докончаний. В XV в. «слуги под дворским» наличествуют только в формулярах этой группы соглашений, но в иных текстах договоров московской же традиции, восходящей, правда, к концу XIV в., они уже отсутствуют. Это не значит, что они исчезли из реальной жизни: их упоминание свидетельствовало только о ненужности их специального обозначения в рамках материальных, а также политических взаимоотношений и расчетов князей между собой»¹²². Следует уточнить, что в XIV в. слуги под дворским упоминаются только в московско-серпуховских договорах, а в XV в. в последний раз названы, как уже отмечалось, в договоре, заключенном великим князем Иваном Васильевичем с углицким князем Андреем Большим¹²³.

Основываясь на княжеских духовных и договорных грамотах, Назаров сформулировал отличия двух категорий слуг. «Во-первых, по-разному реализовывались их служебные связи с князем: индивидуально, с правом свободного отъезда или же в коллективно-групповой форме и с утратой земли при переходе от одного князя к другому. Во-вторых, слуги первого рода были одной из привилегированных сословных групп, ее представители лично несли военную службу в пользу сеньора-князя и соучаствовали в управлении княжеством. Слуги второго рода – составная часть совсем иной социальной среды, а именно мира тяглецов. Здесь, правда, у них было высокое и особенное место: их социальные позиции – «специалисты» среднего и низшего звена (но отнюдь не основная рабочая сила) в путях (отраслях княжеского хозяйства): конюхи, псары, сокольники, бобровники и т.п. Их специфические связи с князем опосредовались дворскими и лицами, возглавлявшими пути. Они, конечно, участвовали в военных действиях, но не это определяло их статус»¹²⁴. Почему же связь слуг под дворским с князем ограничена только коллективно-групповой формой? Назаров выводит это из показаний одного рассмотренного им далее судебного дела. Некто Семянко оспаривал у Савво-Сторожевского монастыря селище. По словам истца, эта земля была городской территорией, «была вытью» его двора, причем селище ему «дал ... дворьской и вся братья». Тяжущиеся стороны по-разному указывали межи спорного участка, в итоге монастырь дело выиграл, но приведенные истцом факты ответчик не опровергал. Мужами на суде названы звенигородский дворский Ермола (он же был одним из свидетелей в предшествующем процессе), еще пять лиц, в том числе Курень москотинник, Борак кожевник, Дмитрий Онаньин. Перед нами фрагмент реального бытия непривилегированного слуги в контексте своей локальной группы. Именно она обозначена через сочетание «вся братья», а поскольку действует группа под началом дворского, то имя ее – «слуги под дворским»

в Звенигороде. Очевидны ее распорядительные функции в сфере дворо- и землевладения, ее солидарность в этой области. Так, информацию о границах выделенного ему участка Семянко получил в группе. Именно дворский и представители группы (полагаем, что ими были вышеназванные лица), будучи в определенном отношении процессуальной стороной на суде со стороны истца наблюдали за правильностью судебного разбирательства»¹²⁵.

Однако суд произошел не из-за самого селища, а из-за границы его угодий, в споре была только “полоса” земли. Семянко утверждал так: “Жалоба мне, господине, на того Ивана: дал мне, господине, дворской и вся братья селищю полосу и межи, господине, сорол и в поле к собе пригородил. А яз по старым межам городскую землю отведу Суховерхова селища полосу”. Ответчик Иван Такорь объяснял: “Яз, господине, отвечаю в-ыгумново место [Варламово], о той земли: то, господине, земля монастырская; а дал, господине, ту землю Пречистой в дом игумену Савве Захаръ Суховерхов, а ужо тому, господине, пятьдесят летъ, как та земля монастырю достался. А тот, господине, Семянко не гораздо вел”¹²⁶. Поскольку селищем распоряжался дворский, то владевший селищем Захар Суховерхов был, скорее всего, слугой под дворским. Представляется, что Назаров слишком большое значение придал обороту “дворской и вся братья” в ущерб другим свидетельствам памятника. Как при Захаре Суховерхове, так и после него переданный им участок Саввино-Сторожевскому монастырю дворский в состав подведомственных земель не возвращает. Значит, реально и “локальная группа”, и сам дворский такие земли контролируют слабо. При “солидарности в области землевладения локальной группы” было бы логичным ожидать выступления дворского и слуг если не в качестве коллективного истца, то хотя бы как свидетелей Семянко, а этого не произошло. Следует отметить многозначность слова “братья”. На суде в середине 1470-х годов келарь Троице-Сергиева монастыря назвал “братом” свидетеля противоположной стороны Парфена Филимонова сына, видимо, великокняжеского крестьянина¹²⁷. И наиболее существенное: дворский наделил Семянко землей совместно с “братьей” (без указания на действие “по слову князя”¹²⁸) в особых условиях – в момент отсутствия в уезде князя, на что справедливо указал А.Д. Горский¹²⁹. Таким образом, ввиду неординарности ситуации, это известие нельзя считать показательным и на его основании делать заключение о праве “локальной группы” слуг под дворским распоряжаться землей.

Слугами под дворским автор называет мужей на суде, но не приводит их полного перечня: “А на суде были: дворской Ермола, да Курень москотинник, да Борак кожевник, да Дмитр Онаньин, да Саней з Бельина”¹³⁰. Последним в нем значится крестьянин саввино-сторожевского с. Белгино¹³¹, возможно, и люди между ними не все представляли княжескую сторону. В других документах дворские

среди послухов упоминались вместе с детьми боярскими, сотскими, десятскими, старостами, но это не значит, что они входили в одну группу или были “под началом” кого-то одного. Видимо, представленных соображений недостаточно, чтобы совершенно точно причислить к слугам под дворским пятерых мужей на суде.

То, что слуги под дворским могли получать информацию о границах участка от других слуг, не вызывает сомнения. Например, известны три льготные грамоты 1496–1497 гг. поселенцам Жабенной волости. Каждая из них была выдана дворским совместно с десятским и добрыми людьми (всякий раз разными). Очевидно, это были соседи получателей льгот. Но из передачи информации о границах, солидарности на суде, даже совместной обработки земли (например, при освоении новых земель) не следует, что группа слуг имела распорядительные функции в отношении княжеской земли, а служебная связь с князем протекала в коллективно-групповой форме. Истопник Антон Гладкой в ноябре 1491 г. получил от Ивана III пустоши Кожевниково и Федорково в Мишутинской волости Переяславского уезда, по его словам “в поместье”. В указной грамоте, адресованной “в Мишутино дворскому и всем хрестьяном”, им предписывалось “стоять” за княжеские земли¹³². Очевидно, что истопник был слугой под дворским. Несмотря на формулировку адресата указной грамоты, Антон Гладкой землю получал непосредственно от князя, без участия слуг и самого дворского, его служебная связь с князем – индивидуальная, а не коллективно-групповая.

По словам автора, “мнение С.Б. Веселовского о повсеместности дворских в уездах и волостях вне города явно преувеличено”¹³³, но конкретных данных, опровергающих высказывание предшественника, Назаров не представил.

Ученый рассмотрел перечни льгот в четырех жалованных тарханских и несудимых грамотах. Это следующие грамоты: выданная между 1432 и 1445 гг. великим князем Василием Васильевичем игумену Троице-Сергиева монастыря Зиновию на право покупки двора в Переяславле¹³⁴; от 12 января 1463 г. великого князя Ивана III митрополиту Феодосию на села митрополичьего Борисоглебского монастыря Добриловское, Никитское и Милятино в городской округе Переяславского уезда¹³⁵; от 3 февраля 1455 г. дмитровского князя Юрия Васильевича игумену Кирилло-Белозерского монастыря Кассиану на полученный вкладом тяглый двор в Дмитрове¹³⁶ и от 23 марта 1457 г. того же Юрия Васильевича архимандриту Симонова монастыря на двор в Дмитрове¹³⁷. Дворский упоминается только в первых двух документах, но это историка не смущает: “Неупоминание дворских – не более чем текстологическая особенность ранних пожалований кн. Юрия: в его же более поздних актах дворский в Дмитрове присутствовал”¹³⁸. Никаких аргументов, что это особенность формуляра, а не отражение реальности – дворского тогда у Юрия Васильевича не было, он появился после смерти Василия Тем-

ного или в результате усложнения хозяйства – автор не привел. На основании перечней льгот в этих иммунитетах и в жалованной грамоте рязанского князя Ивана Федоровича Семену Повалише¹³⁹ Назаров пришел к выводу, что «“служнее тягло” было связано с сенокосением в пользу князя и “кормлением” княжеских конских стад. В какой мере пересекались эти две повинности, остается неясным. В любом случае, они несомненно связаны с деятельностью конюшенного пути и составляли наиболее приметную, значимую часть “служнего тягла” в городах»¹⁴⁰.

Назаров справедливо отмечает, что “в какой мере пересекались эти две повинности (сенокосение и кормление коней. – *И.С.*), остается неясным”. Действительно, в нормальном пищевом рационе лошадей должен обязательно присутствовать овес или другие зерновые культуры¹⁴¹. Вполне очевидно, что формула жалованных грамот не описывает всех обязанностей по конюшенному пути.

Можно согласиться с выводом об отношении дворского к сенокосной повинности. Об этом свидетельствуют жалованные грамоты с отступлениями от трафаретных формул: “А дворские и становщики в те села к их людям (в то село к его людям) не высылают ни по что, ни которое мое дело (ни о котором деле), ни размет, ни закос (ни о розмете, ни о закосе)” великого князя Василия Васильевича от апреля 1435 г. вотчиннику Михаилу Яковлевичу на владения в Кинельской волости и Городском стану Переяславского уезда¹⁴² и от августа 1443 г. Ивану Петелину на с. Скнятиново в Кинеле Переяславского уезда¹⁴³, из которых следует, что в ведении дворского находилась “закосная” пошлина. Но и в этом случае не совсем ясно соотношение обязанностей дворского и становщика, как и соотношение обязанностей дворского и сотского в рассматриваемых Назаровым грамотах. Представляется, что проблема состоит не только в этом. Являлась ли косьба сена основной деятельностью некоторых слуг, или дворский “наряжал” на ее исполнение только основную массу населения? Сенокосная повинность была изначальной и важной областью деятельности дворского или появилась в результате эволюции и являлась второстепенной функцией? Здесь уместно напомнить, что в Великом княжестве Литовском по уставу имений господарского домена 1529 г. на занятых в княжеском хозяйстве “подлазников” и бортников налагалась обязанность участвовать в сенокосе, но это было нововведением¹⁴⁴. По Киевской люстрации (описанию) 1471 г. была она новшеством и для некоторых людей служебной организации, занятых в военной сфере. В селах Гуляльники, Водотыин, Скочищев, Сколчо, Головчин, Ходорково, Почуково проживало разное количество людей, “а вси слуги, на войну хаживали, а иного ничего не знали, а подымьщину на третий годъ даивали за великого князя Витовта. А князь Семень увель былъ на нихъ новину – сено косити, на толоку ходити, а ставъ сыпати, а того дей им и старины не бывало, то новина на нихъ”¹⁴⁵. А вот в Галицкой зем-

ле люстрация 1565 г. фиксирует служебное население, занятое исключительно сенокосной повинностью. “Недалеко от села Медики, в котором помещалось королевское стадо, есть семь селений над рекой Саном [...] Люди этих селений, живя около королевского стада, привыкли не выполнять никаких повинностей и не давать никаких податей, только для корма стада на лугах косили траву и убирали сено, на что уходило 3 или максимум 4 дня; никаких иных повинностей они не признавали. Нынешний перемышльский староста ... создал комиссию, которая, убедившись, что со всей работой около стада может справиться два или три селения, постановила, чтобы во всех селах пашенную землю вымерить в ланы ... и чтобы вышеназванных сел люди с каждого лана давали ежегодного чиншу по ... Король это постановление во всех пунктах ... изволил утвердить”¹⁴⁶.

В этой связи стоит пристальнее присмотреться к характеру связи дворского с конюшенным путем, отмечаемой автором. По мнению А.Д. Горского, кормление коня и сенокосение входило в состав основных государственных повинностей, сложившихся в XIV в. и единых для всей территории Северо-Восточной Руси, включая уезды, не входившие в состав Московского княжества¹⁴⁷. Если эти повинности были распространены территориально шире, чем институт дворских, то возникают вопросы, кто, например, из должностных лиц организовывал их там, где не было дворского, как повинности переходили в ведение дворского и т.п.

Думается, имеет смысл изучить в первую очередь географию и хронологию института дворских. Затем целесообразно соотнести полученные данные с аналогичными характеристиками других должностных лиц. Результаты такого сравнения следует сопоставить с существовавшими на конкретных территориях в конкретное время повинностями. И только тогда можно определить степень отношения дворского к выполнению различных работ на князя. Поэтому важно подробнее рассмотреть предложенную Назаровым аргументацию деятельности дворского в рамках конюшенного пути.

На основании статей жалованной грамоты великого князя Василия Васильевича, выданной между 1432 и 1445 гг. игумену Троице-Сергиева монастыря Зиновию на право покупки двора в Переяславле “ослободил есмь ему купити двор в городе Переяславле тяглою служень или черной, хто им продать. А купят собе впрок без выкупа. А вотчицем того двора не выкупить. А не надобе им с того двора тянути ни [с] слугами, ни с черными людьми, ни к рыболовом, ни к сотцкому, ни к дворскому не тянути никоторыми пошлинами”, Назаров заключает: «Итак, “служни дворы” суть тяглые [положены в тягло], но в то же время являются вотчинами [...] Корреляция дворского и “служнего тягла” в грамоте очевидна»¹⁴⁸. Зимин, изучая условное землевладение XV в., анализировал эту грамоту и рассуждал так же. «В одной грамоте 1432–45 гг. Василий II разрешает Троицкому монастырю купить (“ослободил есмь ему купити”) двор в Пе-

реяславле “тяглой, служень или черной”, причем с этого двора троичкие старцы не должны были “тянути ни (с) слугами, ни с черными людьми” (АСЭИ. Т. I, № 105). И так, служилый двор тянул тягло»¹⁴⁹. Но на предшественника Назаров не ссылается. Следует отметить, что в словах “тяглой служень или черной” может быть три варианта расстановки знаков препинания. Между словами “тяглой” и “служень” может ставиться двоеточие, запятая или ничего не ставиться. В первом случае “тяглый” будет относиться как “служнему”, так и к “черному”. В третьем – только к “служнему”, во втором – все три понятия независимы. Поскольку “тяглый” и “черный” скорее всего являются синонимами, то первый вариант вероятнее. Если Зимин читал фразу с запятой (это может быть опечаткой при публикации статьи), то мысль о тягле служилого двора исходит из разрешения “не тянуть” со слугами. Хотя заслуга Зимина в выявлении существования тягла “служних дворов” несомненна, важно понимать, что это тягло отличалось от современного ему тягла черных людей и от тягла XVI в. Поэтому позиция Сергеевича, Ключевского и Ельяшевича, описывавших деятельность слуг под дворским в понятиях службы, выглядит предпочтительнее.

Сущность “служного тягла” Назаров выяснял из формулировки льгот в жалованной грамоте от 12 января 1463 г. великого князя Ивана III митрополиту Феодосию на села митрополичьего Борисоглебского монастыря Добриловское, Никитское и Милятино в городской округе Переяславского уезда. “Не надобе им писчая белка, ни ям, ни подводы, ни тамга, ни осмьничее, ни мыт, ни костки, ни закоса на меня косити, ни двора моего ставити, ни мостовое, ни к дворскому моему тянути, ни коня моего не кормят, опрочь татарского коня, ни иные им некоторые пошлины не надобе, также те его люди все к сотцким и к десятцким не тянут ничем, некоторыми пошлинами”. На том основании, что дворский назван отдельно от сотских с десятскими, последовал вывод: «Таким образом, “служнее тягло” под контролем дворского увязано с повинностью, явно тяготеющей к конюшенному пути»¹⁵⁰. Как быть с теми грамотами, в которых упоминаются сотские, десятские, сенокосная повинность и кормление коня, но не называются дворские¹⁵¹, из логики Назарова не ясно.

Затем автор рассмотрел грамоты Юрия Васильевича Дмитровского, не упоминающие дворского. “Клазула грамоты в 1457 г. властям Симонова монастыря наиболее упорядочена”. Речь идет о старом владении. После почти исчерпывающего перечня податей, повинностей, пошлин, от которых освобождается иммунитет, следует специально выделенное предложение: “Также не надобе им луга моего косити, ни коня моего кормити, ни со слугами, ни с черными городскими людьми не надобе им тянути ни в какие проторы, ни в розметы...” В пожаловании 1455 г. игумену Кирилло-Белозерского монастыря Кассиану на тяглый двор

на посаде Дмитрова (он был дан по душе некоего Максима) клаузула о налоговых изъятиях менее отработана. Освобождение от сенокосения на князя (“луга моего не косити”) предшествует тексту, полностью отделявшему монастырский двор от тягла со слугами черными людьми (“ни с слугами, ни с черными людьми з городскими не надобе им тянути ни в какие проторы, ни в розмет...”). Неловкость изложения в грамоте и в том, что норма, запрещающая княжескому ловчему привлекать население двора к охоте на лосей и медведей, вообще попала в раздел о судебном иммунитете монастыря. Итак, судя по грамотам на дворы в Дмитрове, “служнее тягло” было связано с сенокосением в пользу князя и “кормлением” княжеских конских стад¹⁵². Однако положение статьи, освобождающей от участия в охоте несколько иное. В грамоте 1455 г. она находится не в разделе о судебном иммунитете. В обеих грамотах Юрия Васильевича она расположена после условий о сместном суде, перед запретом “всяким ездокам ставиться” в монастырском дворе. Это не разрыв постановлений о судебном иммунитете – в обеих грамотах постановление о разборе исков на приказчике записано непосредственно перед *sanctio* грамоты. Все это – скорее особенности формуляра жалованных актов того периода управления Дмитровым Юрием Васильевичем. Так что, “неловкостью изложения” нельзя объяснить ни того, что освобождение от сенокосения предшествует освобождению от тягла со слугами и черными людьми в грамоте 1455 г., ни отсутствия в ней освобождения от кормления коня, о чем Назаров не упоминает. Не упоминает автор и того, что в грамоте 1457 г. обороты, освобождающие от сенокосной повинности и кормления коня, записаны перед оборотом, освобождающим от тягла. Такая последовательность формулировки льгот содержится в подавляющем большинстве иммунитетных актов. Назаров оставил без внимания и те жалованные грамоты, в которых непосредственно княжеским конюхам запрещается “ставить коней” во владениях иммуниста, а дворские продолжают называться в обычном сочетании с другими должностными лицами¹⁵³.

В целом, вопрос состоит в том, как читать формулу жалованных грамот, перечисляющую через частицу “ни” освобождение от различных повинностей. Представляется, что при интерпретации таких перечней иммунитетных актов, включая грамоту Ивана III 1463 г., попытки связать тех или иных должностных лиц с какими-либо налогами и податями носят достаточно произвольный характер. Если же не настаивать на таком понимании формулы жалованных грамот, предлагаем автором, то утверждение о связи дворского с кормлением коня и конюшенным путем лишается основы.

Далее Назаров перечисляет отдельные жалованные грамоты, в которых содержатся (среди прочих льгот) освобождения от ведения дворского, кормления коня и кошения сена, выданные на городские

и сельские владения монастырей в Москве, Владимире, Плесе, Твери, Кашине, Ярославле¹⁵⁴. Подобный подход к исследованию всегда рискует быть оценен не как свободное владение материалом, а как произвольный подбор выгодных данных, подменяющий систематический анализ источников.

Затем ученый обратился к рассмотрению документов на земли митрополичьей кафедры. «Грамоты из архива московских митрополитов (выданные на городские и сельские владения) с указаниями на дворских в интересующем нас контексте относятся к Юрьеву, Владимиру (там назван, помимо великокняжеского, митрополичий дворский), Костроме, Галичу, Звенигороду, Дмитрову. Как правило, дворские так или иначе увязаны с организацией тягла и контролем над его отбыванием. Так, распоряжение великого князя в Галич и Кострому о не нарушении прежних пожалований адресовалось наместникам, данщикам, дворским. Митрополит Геронтий запретил своим владимирским дворским “наряжать ... дела моево никакова” зарецким бортникам (в определенном отношении они и были “слугами под дворским” митрополичьей кафедры)»¹⁵⁵. Последняя ремарка способна вызвать недоумения: что же это за слуги под дворским, изъятые из его ведения? Отдельной оговорки требует Галич. В марте 1485 г. великий князь Иван Иванович направил грамоту с прочетом “в Галич и на Кострому наместником и данщиком, и дворскому, и всем пошлинником”¹⁵⁶. Если о наместниках и данщиках сказано во множественном числе, то дворский фиксируется в единственном (при этом в Костроме дворский тогда, несомненно, был¹⁵⁷). В жалованной тарханной грамоте Ивана Васильевича от 20 января 1477 г. митрополиту Геронтию на владения Благовещенского Уноражского монастыря в Галичском уезде обельное постановление отсутствует¹⁵⁸. В обельных постановлениях жалованных тарханых и несудимых грамот на земли в Галичском уезде от 19 ноября 1445 г.¹⁵⁹ и от 18 мая 1481 г.¹⁶⁰ названы соответственно староста, тяглые люди и староста. Впервые дворский упомянут в Галиче в докладном судном списке, составленном в мае 1501 г.¹⁶¹ Сказанное может свидетельствовать, что институт дворских появился в этом городе лишь на рубеже XV–XVI вв. А это снижает ценность наблюдений, не учитывающих хронологии.

Ученый изложил статью 8 Судебника 1497 г., по которой в Москве исполнение смертных приговоров организовывал московский тиун великого князя или дворский, и предположил, что «практика административно-управленческого использования “слуг под дворским” разовыми и непрестижными поручениями была, скорее всего, заметной»¹⁶². Однако разнообразие профессий людей, занятых в служебной организации, делает весьма вероятным предположение о существовании среди них, тем более в столице, особых специальностей в карательной сфере.

Привлек к анализу автор и две уставные грамоты. Традиционно использовалась историками уставная грамота 1509 г. дмитровского князя Юрия Ивановича бобровникам Каменского стана, упоминающего дворского в статьях 7 и 21. По мысли автора, в документе «речь идет о слугах ловчего пути (бобровниках) с сельской оседлостью (правда, в ближнем околородье Дмитрова), причем их основное занятие если и сохранилось в полном объеме, то сочеталось с полнокровным пашенным земледелием. Они суть люди тяглые, обязанные данью и отделенные в несении тягла от черных крестьян-земледельцев. Хотя бобровники не именуются в акте “слугами под дворским” это их качество – особенно в плане генезиса – несомненно». Если в свое время Горбунов только указал два варианта соотношения упоминаемых в тексте дворского и старосты, то Назаров еще охарактеризовал их социальный облик в каждом случае. Наиболее вероятным он считает, что дворский и староста разные люди, “дворский – лицо низшего звена обособленной ветви княжеской администрации”, менее вероятно, что это одно и то же лицо. И тогда “в результате, видимо длительной эволюции, дворский, княжеский администратор низшего звена, превратился в высшее выборное лицо локальной группы тяглых лиц”¹⁶³. Укажем, в свою очередь, третий вариант. Обозначение одного человека разными словами стало следствием неустойчивой терминологии, а не его статуса. Так, в третьем договоре Дмитрия Донского с Владимиром Храбрым на обычном месте сотского стоит становщик, в 1536–1537 гг. на суде о земле в городской округе Галича ответчиком был староста Миня с товарищами, а на докладе в Москве дворецкий назвал его сотским¹⁶⁴.

Другой рассмотренной уставной грамотой стала грамота 1507 г. переяславским сокольникам. В ней нет упоминания ни дворского, ни слуг. «Это локальная группа сокольников в результате длительной эволюции утратила свою изначальную функцию и теперь была обязана годовым оброком в полтора рубля “за соколы”. Их тягло отделялось – как и обычно – от тягла черных горожан, за исключением яма, городского дела, посошной службы. К этим повинностям (отчасти новым) дворский не имел отношения. В судебном плане сокольники подпадали под юрисдикцию главы сокольничего пути. Так что не было повода для упоминания дворского в данном тексте, хотя он в это время в Переяславле был. Не сомневаемся, что в иных документах (там, где это оправдывалось контекстом) сокольники именовались слугами»¹⁶⁵. Уверенность эту следовало бы подтвердить ссылками на источники. Численность сокольников – двадцать человек – совпадает с числом упомянутых сокольников в жалованной грамоте Ивана Калиты печорским сокольникам и указывает на их принадлежность к децимальной организации¹⁶⁶. В грамоте бобровникам предусмотрено присутствие дворского на суде ловчего, в статье о

подсудности сокольников сокольничему о дворском не сказано. В XVI в. городское дело и посошная служба были в ведении городских приказчиков, вытеснивших в местном управлении, как считается в литературе, дворских¹⁶⁷. Об отношении дворского к этим повинностям судить сложно, но в организации ямской службы он участвовал. В жалованной льготной грамоте, выданной 25 марта 1451 г. великим князем Василием Васильевичем архимандриту Симонова монастыря Геронтию на с. Борисовское и две варницы у Соли Галицкой, присутствует обельное постановление: “так же соцкой, ни дворьской, ни пятидесятник на тех христианех яму на них не емлют, ни мечют никоторых проторов, ни подвод в ту пять лет”¹⁶⁸. Выясняется, что “поводы для упоминания” дворского в уставной грамоте 1507 г. переяславским сокольникам были. Такие же “поводы” и в уставной грамоте 1506 г. переяславским рыболовам¹⁶⁹. Митрополичьи бортники перестали подчиняться дворскому. Организация княжеских бортников изучалась Бахрушиным и Флорей, которые не выявили участия в ней дворского. Оказывается, что к людям, занятым в трех путях – сокольничем, стольничем и чашничем (а это половина всех путей – известны “соколничий путь, и садовници, да конюший путь и кони ставити, ловчий путь”, “стольнич путь” и “чашнич путь”¹⁷⁰) дворский отношения не имел. Что противоречит важному тезису Назарова: слуги под дворским – “специалисты” в составе путей. Единственное упоминание дворского в связи с путным ведомством – уставная грамота 1509 г. бобровникам Каменского стана¹⁷¹. Это сравнительно поздний документ удельного князя. Участие дворского в суде провозглашалось Судебником 1497 г. Уставная грамота бобровникам отмечает участие дворского в раскладке налогов, но источник не говорит, что дворский собирал эти налоги, наделял бобровников землей, опосредовал их связь с князем.

Не соглашаясь с мнением Назарова о деятельности дворских в рамках путей, надо признать, что ученый в исследовании поднимает новые вопросы, вводит в научный оборот источники, не использовавшиеся прежде по рассматриваемой теме. Автор сделал тонкое наблюдение о распространении полномочий дворского на дворовладельцев как посада, так и укрепленной части города¹⁷².

Историк приходит к следующим выводам. “Важнейший признак непривилегированных слуг – принадлежность к миру тягловцев. В нем, однако, локальные группы таких слуг занимали верхнюю ступеньку, обладая своего рода привилегией на особые отношения с князем, точнее, с разными отраслями его хозяйства, удовлетворявшими разнообразные – личные и государственные потребности самого владетельного князя, его семьи, его двора и отбывая, как правило, специфические виды повинностей (помимо ордынского выхода)”. Несколько противоречит ему другое высказывание: “Данщики, княжеские пошлинники, представители кормленщиков действовали

сообразно с полученными от князя правами взимать налоги и поборы, распространяя свою компетенцию, в том числе и на непривилегированных слуг”. Состав слуг формировался как из свободных людей, так и холопов. «“Прописка” локальных групп в городе и ближайшей округе (“городских станах и уездах” в их древнем смысловом значении) была изначальной и лишь позднее дополнилась их постоянным пребыванием в волостях, особенно в районах со слободским типом колонизации»¹⁷³.

Таким образом, приходится констатировать, что выводы Флори Назаровым оказались не востребованы. Назаров считает, что на слуг под дворским падали налоги в пользу кормленщиков и сборы данщиков. Остановимся на этом утверждении подробнее. Оно может основываться на упомянутых льготных грамотах, выданных дворскими в Жабенской волости: в них имеется освобождение на 15 лет от дани, яма, пошлин волостелей и т.п., но они не устанавливают порядок службы новопоселенцев по истечении льгот, в документах не сказано, что их принимают “в службу”¹⁷⁴.

Основываться Назаров мог и на перечнях льгот в упомянутых уставных грамотах бобровникам, сокольникам и рыболовам. Но именно на эти грамоты (с некоторыми оговорками) ссылался Флоря, показывая, что служилое население было изъято из подчинения местной администрации – наместников и волостелей¹⁷⁵.

Если слуги под дворским кроме обслуживания князя и его окружения наравне с другим населением выплачивали дань, корма наместникам и волостелям, иные налоги, то подвергались большей эксплуатации, и едва ли “особые отношения с князем” ее компенсировали. Привилегированность людей, занятых в служебной организации, состояла как раз в том, что, выполняя определенную службу, они были освобождены от других обязанностей, и это надо четко оговаривать. Уместно остановиться и на терминологии автора. Привилегированное положение слуг под дворским выступает достаточно определенно. Использование терминологии источников для описания исторических явлений распространено в научной литературе¹⁷⁶. После употребления многими поколениями термина “слуги под дворским” попытка введения нового термина “непривилегированные слуги” представляется неоправданной.

“Служилые люди” получали за службу надель, на которых вели свое крестьянское хозяйство. Недоучет этого факта мешает Назарову правильно оценить занятие земледелием дмитровских бобровников. В определении профессионального состава слуг под дворским ученый пошел по традиционному пути, причисляя к ним всех, занятых в княжеском хозяйстве.

Знание источников и тщательность их анализа привели к справедливым заключениям, что и свободные и несвободные люди входили в состав княжеского хозяйства, обеспечивавшего князя и его окружение. Но это присутствовало и в предыдущей литературе. Важнейшим ре-

зультатом работы стало указание на связь слуг под дворским с городом. Довольно неопределенно сказано об их появлении в волостях, роли в колонизации (причем только в выводах). Напомним, что Рождественский считал освоение новых земель второй важнейшей задачей княжеских слуг. Именно так следует оценивать выдачу дворским льготных грамот в глухой Жабенской волости. Но выяснить в полной мере отношение дворского и слуг под ним к городу и волости можно только при изучении всех имеющихся жалованных грамот¹⁷⁷. Заключение о пребывании слуг под дворским преимущественно в городах и городской округе возражений, скорее всего, вызвать не может, хотя ни объем использованного материала, ни методы его анализа к такому выводу как будто не уполномочивают. Другой заслугой историка стало привлечение внимания к несомненно актуальной проблеме.

* * *

В изучении института дворских достигнуты определенные результаты. Было дано общее представление, согласно которому дворский был главой княжеского хозяйства, в его подчинении находился штат слуг под дворским. Наиболее тщательно рассмотрены правовые основы землевладения этих слуг. Показана близость дворских с другими лицами княжеской администрации в сфере взимания налогов и организации повинностей.

Хотя многие ученые обращались к этой теме, ряд вопросов, связанных с деятельностью дворского, остался неисследованным. До сих пор нет единого мнения даже о том, назначался дворский или был выборным представителем населения. Ученые, изучавшие духовные и договорные грамоты московских князей XIV–XV вв., разбирали положение слуг под дворским и только косвенно касались самого института дворских. Относительно слуг под дворским историки не пришли к общему выводу о том, были ли они городскими или сельскими жителями, выполняли денежные или натуральные повинности. Значителен спектр мнений о распространенности дворских – повсеместно, на дворцовых землях, вблизи городов, в отдельных волостях или в каждом дворе князя. Никто из названных авторов не задавался вопросом, на каких конкретных территориях функционировал институт дворских. Недостаточно внимания уделялось его эволюции. Не поднимались такие вопросы, как наследование должности, собственный административный аппарат, образованность, сужение сферы деятельности в результате выдачи иммунитетных грамот и т.п. Все историки, что-либо писавшие об институте дворских, приводили суждения о нем попутно, на основе отдельных упоминаний, причем с совершенно неравномерным привлечением источников. Хотя в советской историографии самому институту дворских особого внимания не уделялось, были изданы все известные тогда акты источники до начала XVI в. и частично более поздние, благодаря чему появляется возможность систематического изучения упоминаний дворских.

- ¹ *Михайлова И.Б.* Служилые люди в Северо-Восточной Руси XIV – первой половины XVI в. (Очерк отечественной дореволюционной историографии). Ч. II. // Вестн. СПбГУ. Сер. 2. 1999. Вып. 4 (№ 23). С. 17–18.
- ² *Щербатов М.М.* История Российская от древнейших времен. СПб., 1784. Т. IV. Ч. III. С. 1, 12, 101, 140.
- ³ *Карамзин Н.М.* История государства Российского. М., 1993. Т. V. С. 9.
- ⁴ Там же. М., 1999. Т. VI. С. 216.
- ⁵ *Рейц А.М.* Опыт истории российских государственных и гражданских законов. М., 1836. С. 101, 172–173.
- ⁶ *Неволин К.А.* Образование управления в России от Иоанна III до Петра Великого // Журнал Министерства народного просвещения. 1844. № 1. С. 11, 15.
- ⁷ *Соловьев С.М.* Сочинения. М., 1993. Т. 4. Кн. 2. С. 566.
- ⁸ Полное собрание русских летописей. Т. II. Стб. 724. (Далее: ПСРЛ).
- ⁹ *Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis.* Budaë, 1829. Т. III. V. I. P. 78, 80, 82, 83, 89, 108, 109, 111.
- ¹⁰ *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 563.
- ¹¹ Там же. С. 563.
- ¹² Там же. С. 753. Примеч. 351.
- ¹³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. № 17. С. 46–48.
- ¹⁴ *Дмитриев Ф.М.* История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. М., 1859. С. 7.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. М., 1869. Кн. 6. С. 177–194. В работе Горбунова совпадает нумерация следующих грамот: №№ 38 и 39, 91 и 92.
- ¹⁷ *Каиштанов С.М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 30.
- ¹⁸ В современных изданиях это грамоты: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1952. Т. I, № 29. С. 40; № 101. С. 81; № 115. С. 92; № 139. С. 107; № 192. С. 123; № 195. С. 126; № 243. С. 170–171; № 246. С. 174; № 247. С. 176; № 254. С. 183; № 280. С. 201; № 304. С. 214–215; № 322. С. 231–232; № 323. С. 232–233; № 534. С. 410; М., 1958. Т. II, № 98. С. 59; № 180. С. 113–114; № 232. С. 153–154; № 345. С. 342; № 382. С. 381–382; № 386. С. 386–388; № 466. С. 505; № 473. С. 511; № 475. С. 514; М., 1964. Т. III, № 53а. С. 80–81; № 77. С. 110; № 116. С. 152–153; № 117. С. 153–155; № 118. С. 155; № 253. С. 274–275. (Далее: АСЭИ); Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков. М., 1951. Ч. 1, № 71, С. 76; М., 1956. Ч. 2, № 3. С. 11. (Далее: АФЗХ).
- ¹⁹ АСЭИ. Т. III, № 27. С. 48.
- ²⁰ *Горбунов А.Н.* Льготные грамоты ... 1860–1861. М., 1869. Кн. 6. С. 22–23.
- ²¹ *Сергеевич В.И.* Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. М., 1867. С. 377.
- ²² Там же. С. 378–379. Взгляды Сергеевича на институт дворских некоторое время оставались прежними. *Сергеевич В.И.* История русского права. Лекции проф. В.И. Сергеевича, читанные в Императорском С.-Петербургском Университете ... в 1873/4 г. СПб., б.д. С. 244–246.
- ²³ *Сергеевич В.И.* Вольные и невольные слуги московских государей // Наблюдатель. 1887. № 1–3.
- ²⁴ Там же. № 1. С. 79.
- ²⁵ Там же. С. 80, 62–63, 86.
- ²⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 544, 777, 793–794; о дате см.: *Грушевский М.С.* Хронологія подій Галицько-Вольнської літописи // Записки наукового товариства ім. Шевченка. Львов, 1901. Т. 41. С. 27–28, 30; *Паиуто В.Т.* Очерки по истории

- Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 217; *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 181.
- 27 *Сергеевич В.И.* Русские юридические древности. СПб., 1902. Т. 1. С. 431.
- 28 Там же. С. 432–433.
- 29 Там же. С. 432. Примеч. 1.
- 30 АСЭИ. Т. III, № 116. С. 152–153.
- 31 *Сергеевич В.И.* Русские юридические древности. С. 432. Примеч. 1.
- 32 АСЭИ. Т. III, № 116. С. 152–153.
- 33 Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. I, № 19, 28, 34, 35, 44, 46, 51, 56, 75, 88, 102, 120, 122, 133. (Далее: ААЭ); АСЭИ. Т. I, № 29. С. 40; № 115. С. 92; № 401. С. 293; № 534. С. 410; № 568. С. 446; Т. III, № 77. С. 110; № 109. С. 146. № 116. С. 153; № 118. С. 155; Т. I, № 224. С. 159; № 236. С. 166; № 243. С. 171; № 254. С. 183; АФЗХ. Ч. 1, № 71. С. 76. К сожалению, в работе Сергеевича ошибка – в жалованной грамоте от июля 1471 г. Юрия Васильевича Дмитровского Троице-Сергиеву монастырю на Троицкий монастырь на Березниках в волости Воре дворский не упоминается (АСЭИ. Т. I, № 401. С. 293, ААЭ. Т. I, № 88).
- 34 ААЭ. Т. I, № 164; Акты русского государства 1505–1526 гг. М., 1975. № 147. С. 143–144.
- 35 ААЭ. Т. I, № 300.
- 36 *Сергеевич В.И.* Русские юридические древности. С. 432.
- 37 Следует обратить внимание на тот факт, что термина дворцовые земли акты не знают. АСЭИ. Т. I. С. 745–746; Т. II. С. 678; Т. III. С. 635; Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 4. С. 194; Вып. 5. С. 375–377; *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1958. Т. I. Стб. 696, 972–974.
- 38 *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Киев, 1886. Вып. 1. С. 50.
- 39 АСЭИ. Т. III, № 116. С. 152–153; № 117. С. 153–155; № 118. С. 155.
- 40 *Борзаковский В.С.* История Тверского княжества. Тверь, 1994. С. 216.
- 41 *Яблочков М.А.* История дворянского сословия в России. СПб., 1876. С. 41.
- 42 Там же. С. 46.
- 43 Там же. С. 71.
- 44 *Блюменфельд Г.Ф.* О формах землевладения в древней России. Одесса, 1884. С. 198–199.
- 45 *Ключевский В.О.* Терминология русской истории // Сочинения. М., 1989. Т. VI. С. 146.
- 46 *Ключевский В.О.* История сословий в России // Сочинения. М., 1989. Т. VI. С. 284–286.
- 47 Там же. С. 286.
- 48 ДДГ. № 11. С. 32.
- 49 *Лаппо И.И.* Тверской уезд в XVI в. Его население и виды земельного владения. М., 1893. С. 66–68, 76–78.
- 50 *Рождественский С.В.* Служилое землевладение в Московском государстве XVI в. СПб., 1897.
- 51 *Рождественский С.В.* Указ. соч. С. 1, 37; *Сергеевич В.И.* Вольные и невольные слуги московских государей. № 1. С. 85, 89.
- 52 *Рождественский С.В.* Указ. соч. С. 6–7, 38.
- 53 Там же. С. 32–36.
- 54 ДДГ. № 66. С. 215.
- 55 Писцовые книги Московского государства. СПб., 1877. Ч. I. Отд. II. С. 175, 177. (Далее: ПКМГ).
- 56 *Рождественский С.В.* Указ. соч. С. 40.

- ⁵⁷ Дьяконов М.А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси (до конца XVII века). Юрьев, 1907. Т. I. С. 280, 294.
- ⁵⁸ Там же. С. 264–265, 274, 280, 284.
- ⁵⁹ Бахрушин С.В. Княжеское хозяйство XV и первой половины XVI в. // Научные труды. М., 1954. Т. 2. С. 13–46.
- ⁶⁰ Павлов-Сильванский Н.П. Сочинения. СПб., 1909. Т. I. С. 23, 28, 35.
- ⁶¹ АСЭИ. Т. III, № 402. С. 412; Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. С. 336–337, 454–455. У Павлова-Сильванского документ датирован 1490–1494 гг., тягавшиеся Окулик и Олферко были не истцами, а ответчиками. Они заявили, что о статусе земли “ведомо ... великого князя хрестьяном Берендеевские волости дворьскому Гаврилу, да Федору Неронову, да Коротню, да Степану Гридину”. Определение “хрестьянин” могло тогда обозначать религиозную принадлежность, а не социальный статус.
- ⁶² Там же. С. 453–454.
- ⁶³ Багалея Д.И. Русская история. Курс проф. Д.И. Багалея. Харьков, 1911. Ч. 2. Вып. 1. С. 145–146; *Он же*. Русская история. Пособие к лекциям. М., 1914. Т. I. С. 406–407.
- ⁶⁴ Веселовский С.Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. С. 208–210.
- ⁶⁵ Греков Б.Д. Крестьяне на Руси. М., 1952. Кн. 1. С. 524.
- ⁶⁶ Там же. С. 522.
- ⁶⁷ АСЭИ. Т. I, № 326. С. 235–236. О дате см.: Семенченко Г.В. О хронологии некоторых грамот, упоминающих “великого князя” Ивана III Васильевича // Археографический ежегодник за 1983 г. М., 1985. С. 53–55.
- ⁶⁸ Греков Б.Д. Указ. соч. С. 523–524. Примеч. 24.
- ⁶⁹ Ельяшевич В.Б. История права поземельной собственности в России. Париж, 1948. Т. I. С. 237–238.
- ⁷⁰ Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XVI вв. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 34–35.
- ⁷¹ Кучкин В.А. Договор Калитовичей // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М., 1984. С. 19–20.
- ⁷² ДДГ. № 2. С. 12.
- ⁷³ Черепнин Л.В. Указ. соч. Ч. 1. С. 42.
- ⁷⁴ Сахаров А.М. Города Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. М., 1959.
- ⁷⁵ Черепнин Л.В. Указ. соч. М., 1951. Ч. 2. С. 246.
- ⁷⁶ Там же. С. 242.
- ⁷⁷ Там же. С. 325. Примеч. 1.
- ⁷⁸ Памятники русского права. М., 1955. Вып. III. С. 498, 394.
- ⁷⁹ Там же. М., 1956. Вып. IV. С. 162.
- ⁸⁰ Веселовский С.Б. Феодалное землевладение... С. 210–211, 138.
- ⁸¹ Носов Н.Е. Очерки по истории местного управления русского государства первой половины XVI века. М.; Л., 1957. С. 53, 56, 79.
- ⁸² Там же. С. 58.
- ⁸³ Каштанов С.М. К проблеме местного управления в России в первой половине XVI в. // История СССР. 1959. № 6. С. 139.
- ⁸⁴ Там же. С. 135–136.
- ⁸⁵ Памятники русского права. Вып. IV. С. 162.
- ⁸⁶ Каштанов С.М. К проблеме местного управления... С. 139.
- ⁸⁷ Пашуто В.Т. Указ. соч.
- ⁸⁸ Софроненко К.А. Общественно-политический строй Галицко-Волынской Руси XI–XIII вв. М., 1951. С. 124.
- ⁸⁹ Там же.
- ⁹⁰ Там же. С. 125, 127.

- 91 АСЭИ. Т. I, № 563. С. 443; № 564. С. 443; № 571. С. 449–452; № 628. С. 538–542.
- 92 *Алексеев Ю.Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. Переяславский уезд. М.; Л., 1966. С. 23–27.
- 93 АСЭИ. Т. I, № 628. С. 538–541.
- 94 АСЭИ. Т. I, № 326. С. 235–236.
- 95 Там же. № 156. С. 115–116; № 332. С. 241.
- 96 *Алексеев Ю.Г.* Аграрная и социальная история... С. 33.
- 97 *Алексеев Ю.Г.* Крестьянская волость в Центре феодальной Руси XV в. // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. До-октябрьский период. Л., 1972. С. 71–103.
- 98 Там же. С. 83–85.
- 99 *Колычева Е.И.* Холопство и крепостничество конца XV–XVI в. М., 1971. С. 231.
- 100 *Зимин А.А.* Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М., 1973. С. 284.
- 101 Там же. С. 285.
- 102 АСЭИ. Т. III, № 53а. С. 80–81.
- 103 *Покровский Н.Н.* Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV – начала XVI в. Новосибирск, 1973. С. 101–102, 107–108.
- 104 Там же. С. 101.
- 105 Там же. С. 99–100.
- 106 *Горский А.Д.* Борьба крестьян за землю на Руси в XV – начале XVI в. М., 1974. С. 32, 123, 129, 163.
- 107 Там же. С. 130.
- 108 АСЭИ. Т. III, № 402. С. 412.
- 109 Там же. Т. I, № 582. С. 462–463.
- 110 *Свердлов М.Б.* Дворяне в Древней Руси // Из истории феодальной России. Л., 1978. С. 58.
- 111 *Фроянов И.Я.* Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 96.
- 112 *Свердлов М.Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 208.
- 113 *Halbach U.* Der russische Fürstenhof vor dem 16. Jahrhundert. Stuttgart, 1985. S. 230–241.
- 114 *Данилова Л.В.* О внутренней структуре сельской общины Северо-Восточной Руси // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 8.
- 115 *Данилова Л.В.* Сельская община в средневековой Руси. М., 1994. С. 229, 297–299, 252–253.
- 116 *Флоря Б.Н.* “Служебная организация” у восточных славян // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987. С. 142–151; *Он же.* “Служебная организация” и ее роль в развитии феодального общества у восточных и западных славян // Отечеств. история. 1992. № 2. С. 56–74.
- 117 Служилые люди – рядовые члены служебной организации, терминология Б.Н. Флори. *Флоря Б.Н.* “Служебная организация” и ее роль... С. 57.
- 118 Там же. С. 64–65.
- 119 *Кучкин В.А.* Институт тысяцких в средневековой Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. Спорные проблемы истории. Чтения памяти В.Т. Пашуто: 1993 г.: Тез. докл. М., 1993. С. 46–48. *Он же.* Забытый документ XIV в. из находки 1843 г. в московском Кремле // Ист. архив. 1997. № 3. С. 14–20.
- 120 *Кучкин В.А.* Первая договорная грамота Дмитрия Донского с Владимиром Серпуховским // Звенигород за шесть столетий. М., 1998. С. 52–53.

- 121 *Назаров В.Д.* Дворовладение княжеских слуг в городах Северо-Восточной Руси XIV–XV веков // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время. (XI–XVIII вв.), М., 2001. С. 33–47.
- 122 Там же. С. 33–34.
- 123 ДДГ. № 66. С. 215.
- 124 *Назаров В.Д.* Указ. соч. С. 35.
- 125 Там же. С. 40–41.
- 126 АСЭИ. Т. III, № 56. С. 87. Имя игумена в рукописи читается плохо. Там же. С. 88. Примеч. 5.
- 127 Там же. Т. I, № 428. С. 317, 689.
- 128 Надо учитывать, что такую формулировку дает сам Семен, возможно, если бы имелась льготная грамота на его селище, там были бы другие слова; в любом случае, важно представление Семена о получении земли.
- 129 «Именно его надо подразумевать под “вочичем” дворцовой земли». (*Горский А.Д.* Борьба крестьян за землю... С. 170).
- 130 *Назаров В.Д.* Указ. соч. С. 88.
- 131 АСЭИ. Т. 3, № 53–53а. С. 79–81.
- 132 Там же. № 563. С. 443; № 564. С. 443; № 628. С. 538.
- 133 *Назаров В.Д.* Указ. соч. С. 43.
- 134 АСЭИ. Т. I, № 105. С. 84.
- 135 АФЗиХ. Ч. 1, № 123. С. 115.
- 136 АСЭИ. Т. II, № 163. С. 98.
- 137 Там же. № 356. С. 350.
- 138 *Назаров В.Д.* Указ. соч. С. 37–38.
- 139 АСЭИ. Т. III, № 353, С. 378.
- 140 *Назаров В.Д.* Указ. соч. С. 36–38.
- 141 *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 230–232.
- 142 АСЭИ. Т. I, № 117. С. 93.
- 143 *Каиштанов С.М.* Очерки... С. 362.
- 144 *Флоря Б.Н.* “Служебная организация” и ее роль... С. 61.
- 145 Архив Юго-Западной России. Киев, 1890. Т. II. Ч. 7. № 1, С. 1–4; *Греков Б.Д.* Указ. соч. С. 310.
- 146 Цит. с сокращениями по: *Греков Б.Д.* Указ. соч. С. 358–359.
- 147 *Горский А.Д.* Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. М., 1960. С. 164–174.
- 148 *Назаров В.Д.* Указ. соч. С. 37.
- 149 *Зимин А.А.* Из истории поместного землевладения на Руси // *Вопр. истории.* 1959. № 11. С. 137. Примеч. 50.
- 150 *Назаров В.Д.* Указ. соч. С. 37.
- 151 АСЭИ Т. I, № 401. С. 293–294; № 455. С. 341; № 527. С. 405; Т. II, № 266. С. 178; № 364. С. 358; № 415. С. 446; № 473. С. 511; Т. III, № 64. С. 96; № 85. С. 117; № 269. С. 284; АФЗиХ. Ч. 1. № 96. С. 92; № 97. С. 93; Ч. 2. № 3, С. 11; № 4. С. 11; № 14. С. 17; № 17. С. 21; № 18. С. 23; № 21. С. 25; № 25. С. 28; *Каиштанов С.М.* Очерки... С. 419; Акты служилых землевладельцев XV – начала XVIII века. Т. I, № 254. С. 230. (Далее: АСЗ).
- 152 *Назаров В.Д.* Указ. соч. С. 38.
- 153 АСЭИ. Т. I, № 133. С. 103; № 246. С. 174; № 254. С. 183.
- 154 *Назаров В.Д.* Указ. соч. С. 39.
- 155 Там же. С. 39–40.
- 156 АФЗиХ. Ч. 1, № 253. С. 216.
- 157 Там же. № 251. С. 215; № 255. С. 220.
- 158 Там же. № 252. С. 216.

- 159 АСЗ. Т. I, № 118. С. 94.
- 160 *Каиштанов С.М.* Очерки... С. 396.
- 161 АСЭИ. Т. III, № 250. С. 269.
- 162 *Назаров В.Д.* Указ. соч. С. 41.
- 163 Там же. С. 42–43.
- 164 АСЗ. Т. I, № 314. С. 304–312.
- 165 *Назаров В.Д.* Указ. соч. С. 41–42.
- 166 АСЭИ. Т. III, № 2. С. 15.
- 167 *Носов Н.Е.* Очерки по истории местного управления... С. 58, 156–157; *Каиштанов С.М.* К проблеме местного управления... С. 139–140.
- 168 АСЭИ. Т. II, № 351. С. 346.
- 169 Там же. Т. III, № 25. С. 44–46.
- 170 *Флоря Б.Н.* “Служебная организация” и ее роль... С. 64.
- 171 В документе путь не назван, но в этом месте оборван конец строки. АСЭИ. Т. III, № 27. С. 50. Примеч. 1.
- 172 *Назаров В.Д.* Указ. соч. С. 39.
- 173 Там же. С. 45–46.
- 174 АСЭИ. Т. III, № 163–165. С. 177–178.
- 175 *Флоря Б.Н.* “Служебная организация” и ее роль ... С. 64, 65, 73. Примеч. 55.
- 176 *Назаренко А.В.* К проблеме княжеской власти и политического строя Древней Руси. Замечания и размышления по поводу книги: Толочко А.П. Князь в Древней Руси: Власть, собственность, идеология. Киев, 1992 // Средневековая Русь. М., 1999. Вып. 2. С. 165–166.
- 177 Представляется, что весь комплекс источников свидетельствует о связи дворского в первую очередь с городом и городской округой, а затем с древними волостями (т.е. существовавшими длительное время до фиксирования в них дворского) и пограничными уездами. См.: *Самодуров И.В.* Институт дворских по жалованным грамотам XIV – начала XVI века // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 1. С. 107–112.

ИСТОРИКИ И ИХ ТРУДЫ

*

А.Н. Шаханов

С.М. СОЛОВЬЕВ КАК ПРЕПОДАВАТЕЛЬ

Профессор, как бы специально ни предавался он своей науке, отличается от ученого вообще тем, что передает науку слушателям, что он лично излагает перед ними свои исследования и убеждения и руководит их живым словом и примером.

Ф.И. Буслаев

Судьба навсегда связала Сергея Михайловича с историей Московского университета... Он принадлежал ему не только своими трудами, своей славой, но и всей своей жизнью.

В.И. Герье

Преподавательская и научно-организационная деятельность С.М. Соловьева как-то выпала из поля зрения исследователей его творчества, не являлась еще предметом специального, всестороннего рассмотрения. Исключение здесь составляют статьи его младших современников и учеников В.О. Ключевского и А.А. Танкова¹. Естественно, что в этих небольших по объему публикациях, написанных на основе личных впечатлений, авторы не ставили целью рассмотрение всех относящихся к данной проблеме вопросов. А.А. Танков в этой связи писал: “Будущему биографу предстоит задача выяснить личность С.М. Соловьева в истории русской цивилизации как ученого, как профессора и как администратора. Только когда деятельность его осветится с трех сторон, тогда мы [с]можем составить себе ясное и определенное понятие [о ней]”².

Разрозненные свидетельства об этой стороне деятельности С.М. Соловьева встречаются в многочисленных воспоминаниях его слушателей и коллег по Московскому университету. Однако все эти наблюдения в виду фрагментарности и субъективности оценок нуждаются в обобщении, систематизации, строгой хронологической привязке. Использование высказываний современников в исследовании возможно только с учетом их личного отношения к профессору, общественно-политических симпатий и др. Делопроизводство Московского университета содержит ценную информацию о лекционной загруженности С.М. Соловьева, его взглядах на методику пре-

подавания гуманитарных дисциплин в высших учебных заведениях. Непосредственно о составе, структуре и содержании чтений мы узнаем из немногочисленных сохранившихся студенческих записей его курсов и их литографий.

Лекционные курсы ученый считал основной формой университетской деятельности. "...Авторитет профессора должен поддерживаться достоинством его чтений", – неоднократно повторял он коллегам³. Систематическое, доступное, предельно сжатое изложение материала в аудитории должно являться одним из основных пособий при подготовке к экзамену. Приближенные к квалификационным требованиям преподавателя, записи лекционных курсов не теряют своего значения для студентов даже при наличии широкого круга исторической литературы. Помимо всего прочего, как отмечалось в его ответах на анкету Министерства народного просвещения, "профессорские лекции не могут быть заменены никаким учебником, потому что они заключают в себе не только научный материал, но проникнуты духом научного исследования, вызывают в слушателях умственное развитие и научный интерес"⁴.

В своей педагогической деятельности С.М. Соловьев выступал продолжателем традиций либеральной профессуры Московского университета (Д.Л. Крюков, Т.Н. Грановский, П.Н. Кудрявцев и др.), перенеся их на предмет отечественной истории. Слова Т.Н. Грановского о том, что его молодой коллега взошел на кафедру не учеником, а уже сформировавшимся ученым, не были простым комплиментом. Уже первые курсы С.М. Соловьева представляли собой результат его самостоятельных научных разысканий, отличались новизной и актуальностью проблематики, соответствовали уровню европейской науки того времени. В октябре 1848 г. это своеобразно подтвердил один из недоброжелателей профессора – И.И. Давыдов в письме к М.П. Погодину: "Хвастовство Соловьева на лекциях, как слышно, доходит до нахальства. По его мнению, с него [...] начинается русс[кая] исто[рия]"⁵.

Однако одной учености было недостаточно для завоевания авторитета у слушателей. Она должна была органически дополняться даром слова. "...Профессор, – рассуждал С.М. Соловьев, – должен быть человеком мысли и человеком чувства, ученым и оратором вместе, высказывать истину и заставлять любить ее [...] Профессор должен владеть [этими] двумя орудиями в равной степени [...]"⁶

Взгляды С.М. Соловьева на историческую науку как действенное средство гражданского воспитания и орудие общественно-переустройства (наряду с его чисто человеческими качествами) предопределили во многом чрезвычайно серьезное и добросовестное отношение ученого к исполнению своих педагогических

обязанностей. На этих позициях С.М. Соловьев стоял и в начале своего университетского поприща, и уже будучи ректором и все-российски известным ученым.

Несмотря на огромную научную и административную загруженность, он не позволял себе пропускать лекции и семинарии. Один из студентов вспоминал позднее: “Щепетильно строгий к себе в исполнении своих обязанностей, он никогда не манкировал [...] профессорским делом, не давая себе никаких льгот, не жертвуя интересами преподавания интересам своих занятий. Казалось бы, что при усиленных работах в архивах и дома Соловьеву должно бы быть особенно желательным, сколько возможно, сократить свои занятия со студентами, но он никогда себе не позволял этого”⁷. Так, пробыв первый семестр 1862/63 учебного года в столице по служебным делам, ученый настоял на выделении ему в оставшееся до весенних экзаменов время двойного числа часов⁸.

В ежемесячных ведомостях на имя попечителя учебного округа о пропущенных профессорами занятиях фамилия Соловьева фигурировала крайне редко (в отличие, скажем, от его коллег и единомышленников Т.Н. Грановского, К.Д. Кавелина, Н.С. Тихонравова). В среднем за учебный год ученый пропускал по уважительным причинам не более двух–трех лекций⁹. Ректор неоднократно ставил его в пример другим преподавателям. Современник записал услышанные в 1873 г. слова С.М. Соловьева: “Я за сорок [ошибка, к этому времени педагогический стаж профессора исчислялся двадцатью восемью годами. – А.Ш.] лет моей службы пропустил только две лекции”. И от себя добавлял: “Нас поразило это сообщение [...] Значит, он был прежде всего человек долга”¹⁰. Об аккуратности и педантичности профессора в университете ходили легенды. Из года в год он в середине августа одним из первых открывал курс. Ученый никогда не опаздывал в аудиторию, сразу по окончании лекции покидал зал, даже если звонок служителя обрывал его на полуслове¹¹.

Очередность преподавания гуманитарных дисциплин на руководимом С.М. Соловьевым факультете определялась его взглядами на историю как науку, предметом которой является уяснение законов развития цивилизации. Общие закономерности общественного прогресса невозможно усвоить на основе “отдела науки”, каковым является отечественная история: “Учащийся растет вместе с человечеством, горизонт его постепенно расширяется, и только окончив общий курс всеобщей истории, он может понять себя как европейца и вместе как русского”¹². Поэтому специализация, по мнению профессора, должна начинаться только на старших курсах.

Первоначально С.М. Соловьев имел две часовые лекции в неделю на третьем курсе первого отделения историко-филологического факультета и один час у студентов-юристов первого и второго курсов (для них материал читался не в полном объеме). С середины 1850-х годов профессор получил по четыре часа в неделю на треть-

ем и по два на четвертом курсах историко-филологического факультета и соответственно по два и одному часу на первом и втором курсах у юристов. В итоге, лекционная нагрузка ученого только в университете в разные годы достигала шести-десяти часов в неделю (100–160 лекций в год). В целях ее сокращения С.М. Соловьев унифицировал программы, устроив совместные лекции по два часа в неделю на втором и третьем курсах историко-филологического и на первом или на втором курсах юридического факультетов. Для компенсации потерянных часов для студентов-историков была введена дополнительная двухчасовая лекция в неделю на последнем курсе.

Чтения С.М. Соловьева в 1860-е годы разбивались на два “отдела”: в течение первого года обучения изложение событий доводилось до конца XVII в., а на следующий год профессор читал “от начала XVIII в. до настоящего времени”. Лектор оставлял для себя, как правило, утренние часы для удобства последующих научных занятий и административной деятельности.

В течение первых пятнадцати лет С.М. Соловьев оставался единственным профессором по кафедре русской истории. Расширение объема преподавания, длительные отлучки в Петербург для занятий с наследниками престола вынудили его обратиться в ректорат с просьбой об отыскании помощника. По рекомендации ученого в 1860 г. на место доцента кафедры был определен его ученик Н.А. Попов. Его приход заметно облегчил работу С.М. Соловьева. Н.А. Попову было поручено вести курс древней русской истории. В отдельные годы его лекционная нагрузка даже превышала часы С.М. Соловьева. Одновременно с приходом помощника возросло количество часов, отведенных для преподавания новой русской истории. С конца 1860-х годов С.М. Соловьев вел три часовые лекции в неделю (две на третьем курсе историко-филологического факультета и одну на юридическом факультете) и два часовых семинария для историков выпускного курса.

Древнюю русскую историю для филологов и юристов С.М. Соловьев читал в “большой словесной” аудитории (“коммунистической” в советские времена), которая находилась на втором этаже правого крыла корпуса. В ней, кстати, в 1845 и 1847 гг. проходили защиты диссертаций С.М. Соловьева. Аудитория вмещала тогда до двухсот слушателей (численность студентов историко-юридического факультета достигала пятидесяти–семидесяти, юридического – ста человек). Не отличавшаяся удобствами для лектора и слушателей, “словесная вверх” знаменита именами читавших в ней профессоров (М.П. Погодин, С.П. Шевырев, Т.Н. Грановский, П.Н. Кудрявцев, В.И. Герье, Н.С. Тихонравов и др.), составлявших гордость отечественной науки XIX столетия. Лекции для студентов историко-филологического факультета по новой русской истории проводились в “малой словесной внизу”, вмещавшей до ста слушателей.

Полного курса отечественной истории в университетах России до С.М. Соловьева еще никто не читал. В Москве же М.Т. Каченовский ограничивался периодом феодальной раздробленности, М.П. Погодин в отдельные годы по “Истории государства российского” Н.М. Карамзина доводил изложение материала до событий Смутного времени. С.М. Соловьев вспоминал: “Вот как он читал: сначала месяц, другой посвящал славянским древностям, которые читались буквально по Шафартику; потом переходил профессор к подробному рассмотрению вопросов о достоверности русских летописей и о происхождении варягов-руси [...] После этого времени оставалось уже немного; это остальное время Погодин проводил в том, что приносил Карамзина и читал из него разные места [...] Так отрывками добирался Погодин до 1612 года и здесь – по крайней мере, на нашем курсе – остановился”¹³. Да и то это было не связное изложение, а “частные исследования” по отдельным проблемам¹⁴. О новой, не говоря уже о новейшей, истории страны студенты оставались практически в неведении: “...Древняя история до 1612 года, благодаря сочинению Карамзина, была достаточно известна... но новая история и переход от древней истории к новой – совершенно неизвестен”¹⁵.

Вероятно, желание поскорее утвердиться на кафедре, показать, что его материал глубже и свежее, чем у предшественников, научная одержимость подтолкнули молодого адъюнкта перед началом 1845/46 учебного года объявить, что он приступает к систематическому чтению курса “по собственным запискам, не придерживаясь никакого автора”. Однако составление полного курса было сопряжено с невероятными трудностями. С.М. Соловьев, не имея под рукой достаточного количества “пособий”, довел свой первый курс только до конца XVI в. В следующем году он подошел ко “времени первых Романовых”. В январе 1848 г. А.И. Чивилев с восхищением писал профессору: “Носится слух, что вы по окончании периода междоусобия приступите к Дому Романовых. Если это правда, то от души поздравляю вас и желаю самых лучших результатов”¹⁶. Курс 1848/49 учебного года вплотную подводил слушателей к “эпохе Петра”. О работе над ним ученый сообщал К.С. Аксакову во время летних вакаций 1848 г.: “...Пишу день и ночь о царе Феодоре Алексеевиче, чтобы курс покончить, и чтобы слово мое не солгалось”¹⁷. Говоря о своем “слове”, С.М. Соловьев, вероятно, имел в виду написание задуманной им “Истории России с древнейших времен”. «Сначала мне казалось, – вспоминал он много позднее, – что “История России” и будет обработанный университетский курс»¹⁸. Однако вскоре ученому стало ясно: работа над таким капитальным трудом займет много времени и растянется на годы, а курс необходимо кончать в возможно более короткие сроки.

О содержании университетских чтений С.М. Соловьева второй половины 1840-х годов в значительной мере можно судить по опубли-

ликованным исследованиям: “Обзор событий русской истории от кончины царя Федора Иоанновича до вступления на престол Дома Романовых” (1848–1849), “Очерк истории Малороссии до подчинения ее царю Алексею Михайловичу” (1848–1849).

С начала 1850-х годов С.М. Соловьев вышел на рубеж Смутного времени, а десятилетием спустя уже приступил к систематическому изложению политической истории России XVIII в. На завершение цикла лекций по новой истории страны ушло около десяти лет. В курсах ученого 1870-х годов материал доведен до окончания царствования Екатерины II, реже – Александра I и даже середины XIX в., т.е. событий, очевидцем которых был он сам¹⁹.

Структура лекционных курсов за все время преподавательской деятельности С.М. Соловьева не претерпела существенных изменений: менялось лишь соотношение объемов их “отделов” да количество прочитанных часов.

Изложение конкретного материала профессор предварял пространным теоретическим введением, в котором раскрывал свои взгляды на предмет, задачи науки и содержание чтений. Оно занимало в среднем от трех–четырёх лекций до трети объема курса. Во введении к курсу древней русской истории С.М. Соловьев определял ее основное содержание переходом родовых отношений в государственные. Видное место отводилось характеристике роди географического фактора в судьбах восточного славянства и производной от нее проблемы борьбы “леса и степи”. Начало курса истории XVII столетия содержал подробный анализ расстановки “политических сил России”, логически подводя слушателей к выводу, что “орган верховной власти единственно мог и должен был вести русский народ в новую историю”²⁰. В представленной начальству программе 1861/62 учебного года С.М. Соловьев, говоря о себе в третьем лице, так раскрывал содержание первого “отдела” курса: “...Коснется различных мнений, распространенных в литературе и обществе об истории и особенно русской, как то об отношении истории государства к истории народа, о внешней и внутренней истории. Здесь же профессор распространится о препятствиях, встречающихся при изучении истории, и о средствах, которыми можно преодолеть эти препятствия, наконец, для изучения общих законов развития человеческих обществ и в особенности в развитии историческом России...”²¹

В 1860-е годы теоретическая часть курса была значительно расширена (при этом необходимо учитывать, что вопросы теории науки затрагивались и в ходе непосредственного изложения материала). Ученый выделял проблемы о “значении движения в истории” (прогресс), “значении массы и личности в истории”, “этнографических условиях истории России”, “уяснении тех препятствий, которые встречало в своем развитии русское народное шествие” и др.²²

За введением следовал “обзор источников и пособий”, который до публикации в начале 1850-х годов цикла историографических статей также отнимал много времени, а позднее, как правило, три–четыре лекции. Он открывался характеристикой отечественного летописания XII–XVII вв., исторических памятников XVII в. (акты, жития святых, записки иностранцев и др.). Разбор публикаций по отечественной истории ученый доводил до деятельности Археографической комиссии, а рассмотрение “литературы” начинал с анализа трудов А.И. Манкиева, Ф. Поликарпова и заканчивал Н.М. Карамзиным, Н.Г. Устряловым, М.П. Погодиным²³.

Профессор никогда не выпускал из виду задачу патриотического и нравственного воспитания учащихся. Уже в одной из ранних своих работ он писал: “[...] Университет должен дать ему [студенту. – А.Ш.] форму гражданскую, образовать гражданина в настоящем полном значении этого слова”²⁴.

В своих лекциях он разъяснял студентам, что история ни одного европейского народа, поставленного в такие тяжелейшие условия существования, не являла свидетельств столь высокого нравственного подвига, как история России. Отсюда, уважительное отношение к своему прошлому является первостепенной гражданской обязанностью. “...Сравнивая древнюю русскую историю с историей других стран, сравнивая, что было сделано нашим народом при неблагоприятных обстоятельствах с тем, что было сделано другими при благоприятных, мы невольно наполняем уважением к этому народу уже помимо всяких патриотических побуждений”, – говорил он с кафедры²⁵.

Курсы профессора были проникнуты оптимистическим, жизнеутверждающим пафосом. В этом, по справедливому замечанию И.В. Волковой, их отличие от воспоминаний ученого и его предсмертной записки на имя императора Александра III. В.И. Герье в этой связи отмечал: “Это был не только исторический курс в смысле простого повествования, но в смысле исторического строительства [...] В истории России может быть не было минуты, когда бы перед слушателями [не] открывалось так убедительно великое будущее России, как в устах Соловьева...”²⁶ Однако нельзя согласиться с выводом И.В. Волковой, что в угоду созидательному пафосу своих чтений профессор фактически исключал из повествования материал, не укладывавшийся в его понимание “положительных идеалов”²⁷. Вера в светлое будущее России не была у историка абстрактной. Она базировалась на убеждении, что слушатели внимают призывам преподавателя к активному участию во всех сферах государственной и общественной деятельности, к созидательному труду.

В.О. Ключевский с полным на то основанием называл своего учителя историком-моралистом. С.М. Соловьев полагал, что знания

должны обогащать студента не только интеллектуально, но и делать его духовно богаче. Отсюда в характеристиках роли и места того или иного исторического деятеля у него всегда присутствовали и нравственные оценки. Один из слушателей вспоминал: “[...] Не нравственные действия в истории С[ергей] М[ихайлович] без малейшего колебания называл преступлениями. В этих случаях он пылал негодованием и не скрывал этого”²⁸. Напротив, голос лектора теплел, когда речь заходила о его любимых героях – Владимире Мономахе, Иване III, Петре Великом.

Преимущественное внимание в своих лекциях С.М. Соловьев сосредоточивал на государственной истории (“деятельности правительственных лиц”, как он говорил), освещении внутренней и внешней политики правительства. Отождествляя историю государства с историей народа, ученый полагал, что первая и “составляет результат народной жизни”. Отвечая на упреки критики на невнимание к положению “низших классов”, он говорил: “[...] Это нареkanie совершенно несправедливо. Правительственная форма есть результат народной жизни [...] Она есть выражение народной воли, какова бы она ни была [...]”²⁹

Ученый считал, что только сбалансированность в подаче материала внутренней и внешней истории способствует максимально полному раскрытию предмета. “...Нет никакого основания поднимать вопрос о преимуществе истории внешней над внутренней. Это – две стороны народной жизни, которые тесно связаны друг с другом и не могут быть поняты одна без другой”, – говорил он с кафедры³⁰. Исследователь полагал также, что вникая в дипломатическую историю государства можно глубже понять и его внутренние проблемы: в ходе переговоров с иностранными державами “народные представители высказывают мысли, стремления, которые прямо вытекают из истории народа, из его общественной жизни”. К тому же: “Народ только тогда беспрепятственно и успешно занимается внутренней жизнью, когда утверждена внешняя безопасность [...]”³¹ Однако, отдавая должное дипломатической истории, он в то же время полагал, что такая ее сторона, как межгосударственные военные конфликты, должна интересовать лектора только с точки зрения их общеполитического значения – “мерило сил народа”. Детальное же изложение боевых действий – предмет специального курса военной истории³². “[...] Подробности военных действий, – утверждал он, – [...] не должны входить в общую историю одного или всех народов – они составляют содержание специальной военной истории и могут быть доступны, полезны и занимательны только для специалистов”³³. Этот вывод С.М. Соловьев распространял и на историю церкви, за исключением тех вопросов, которые тесно переплетены с историей государства.

Излагая события нового времени, профессор много места отводил характеристике “состояния литературы”, ибо в ней видел зеркальное отражение “взглядов современников на явления тогдашней жизни”: быт, нравы, общественные запросы и др.³⁴

При изложении материала с кафедры С.М. Соловьев придерживался той же последовательности, что и в “Истории России с древнейших времен”, т.е. разделил весь хронологический период по царствованиям, а внутри них по заранее определенным вопросам. Однако уже в конце 1860-х годов, по мере расширения границ повествования, тематического обогащения концепции, профессор вынужден был в значительной степени отказаться от апробированной схемы. О его последних курсах современник писал: “Они излагаются не в хронологическом порядке, а по законам ассоциации исторических фактов”³⁵.

Историческая концепция ученого на всем протяжении его почти 35-летней педагогической деятельности не претерпела существенных изменений. Однако это вовсе не означает, что из года в год он повторял один и тот же материал. Содержание лекций во многом определялось текущими научными интересами С.М. Соловьева, полемикой вокруг его произведений в отечественной историографии и, наконец, событиями общественно-политической жизни страны того времени.

Идеям утверждения и популяризации собственной научной концепции, в основе которой лежала родовая теория происхождения русского государства, посвящены его курсы второй половины 1840 – начала 1850-х годов. В программе чтений 1845/46 учебного года он так формулировал свои задачи: “...Постепенное установление государственности, борьба государственных начал с противогосударственными”³⁶. На подобные увлечения профессора слушатели моментально откликнулись следующими строками: “Как взялся он за быт, // Все за быт родовой, // И не знает как быть // Он со своей головой”³⁷. В 1860-е годы родовая теория отодвигается на второй план в его концепции и в лекциях. В ответ на критику за умаление роли монголо-татарского завоевания в исторических судьбах страны профессор специально ввел в курс лекцию: “Татарское иго и его последствия. Политика татар. Причины усиления княжеской власти. Влияние татар на нравственность народа”, – в которой несколько скорректировал свои прежние взгляды по данной проблеме³⁸. Полемика со славянофилами побудила С.М. Соловьева в 1850-е годы довольно подробно останавливаться на вопросах об источниках, причинах и исторических судьбах петровских реформ (порой, до половины объема курса). Особый акцент при этом делался на обосновании преемственности политики Петра Великого и его отца царя Алексея Михайловича³⁹.

В 1870-е годы в связи с проходившими в стране реформами перестроенное место в курсе С.М. Соловьев отводил актуальной в то

время проблеме общего и особенного в исторических судьбах России и стран Западной Европы⁴⁰. В этой связи им было заострено внимание слушателей на вопросе о существовании в Московском царстве элементов феодального уклада (закладничество). Нашел отражение в лекциях и тогдашний повышенный интерес исследователя к социально-экономической проблематике: торгово-промышленное развитие России в XVIII в.⁴¹ Лекция “Польша в 1830–1831 годах” была введена в курс 1863/64 учебного года как реакция на современные события в западных регионах Российской империи⁴². Накануне войны с Турцией 1877–1878 гг. С.М. Соловьев особенно подробно информировал аудиторию о взаимоотношениях Руси со “степными” народами, русской колонизации на Востоке и отношениях с Оттоманской Портой⁴³.

В первые годы преподавательской деятельности чтения ученого изобиловали цитатами из летописей, статейных списков, актов и в целом “состояли из краткого исторического очерка, прототипа его “Учебной книги”, с прибавкою нескольких лекций историографии”⁴⁴. Подобное построение курса лекций объяснялось как желанием исследователя ознакомить аудиторию с еще малоизвестными фактами русской истории⁴⁵, так и с его тогдашним намерением положить его в основу будущих томов “Истории России с древнейших времен”. Однако уже тогда фактический материал интересовал ученого не сам по себе; он был пропущен сквозь призму идей борьбы родового и государственного начал в отечественной истории. Много лет спустя М.М. Богословский вспоминал: “С.М. Соловьев в свое время был блестящим явлением на кафедре Московского университета. Он занял ее во всеоружии эрудиции и на уровне того общего понимания исторической науки, которого достигла тогда западноевропейская научная мысль”⁴⁶.

С.М. Соловьев ясно сознавал, что простой прагматический пересказ материала уже перестал удовлетворять аудиторию. Так, М.К. Любавский иронизировал над манерой чтений предшественника С.М. Соловьева на кафедре: “...Погодин боролся с гнетущим впечатлением от своих лекций. Взойдя на кафедру и объявив, что всех удельных князей было пятьсот ...Погодин приглашал... не пугаться этого числа, ибо на Всеволоде III это число как раз разбивается пополам, так что запомнить всех их будет уже не так трудно”⁴⁷. Недостаток теоретических обобщений в лекциях М.П. Погодина студенты возмещали самостоятельным изучением философии истории Г. Гегеля, трудов Ф. Гизо, О. Тьерри и других представителей европейской, прежде всего французской, романтической историографии.

Обращение к философской проблематике было делом далеко не безопасным. Современник писал о последнем семилетии николаевского царствования: “То было время тяжелое для университетской науки, время, когда профессора гуманитарных и юридических наук в программах своих курсов были вынуждены открещи-

ваться от всевозможных теорий”⁴⁸. В кругах Министерства народного просвещения на гегельянство смотрели не иначе, как на разновидность “тлетворного влияния Запада”. Подобное положение дел придавало чтением С.М. Соловьева своеобразный налет оппозиционности и способствовало на первых порах росту его популярности в студенческой среде.

Не вдаваясь в детали, “маленькие историйки”, “курьезы и раритеты”, С.М. Соловьев поставил во главу угла изучение законов развития человеческой цивилизации вообще и специфики их проявления в России в частности. К.Н. Бестужев-Рюмин противопоставлял в этой связи С.М. Соловьева (“человека системы”) М.П. Погодину (“человеку бессистемному”)⁴⁹. Постигание студентами теории исторического процесса, по мысли ученого, должно было дать им своеобразный ориентир в массе фактического материала в ходе последующих самостоятельных занятий с источниками. Без знания общей теории невозможна разработка конкретных проблем науки: “Специалист в науке нисходит на степень специалиста в ремесле: он поражает незнанием самых обыкновенных предметов”⁵⁰. Современники с полным на то основанием называли его курс “философским”. Необходимость этого обуславливалась и тем, что методология науки еще не оформилась в самостоятельную дисциплину: профессор должен был “стараться пополнить этот пробел”⁵¹.

Лекции С.М. Соловьева “врезывали” (В.О. Ключевский) идеи исторической закономерности, всеобщности, поступательности развития, связи и преемственности событий и явлений. В.О. Ключевский так описывал впечатления от услышанного в аудитории: “Соловьев давал слушателю удивительно цельный, стройной нитью проведенный сквозь цепь обобщенных фактов взгляд на ход русской истории, а известно, какое наслаждение для молодого ума, начинающего научное поприще, чувствовать себя в обладании цельным взглядом на научный предмет. Настойчиво говорил и повторял он, где нужно, о связи явлений, о том, что называл он необычным словом – историчность”⁵². В приложении к конкретному материалу эти принципы давали возможность сформулировать цельную теорию русского исторического процесса. Взгляд на отечественное прошлое, как результат перерастания родовых отношений в государственные, выводы об определяющей роли географической среды, колонизационных процессов, борьбы “леса со степью” в генезисе общественных отношений славян в дореформенный период в целом отвечали задачам поступательного развития науки. Едва ли не впервые в отечественной педагогике русская история была рассмотрена в контексте европейской общественной жизни. Значительно расширены и хронологические границы повествования. До слушателей доводилась еще неизвестная широкой аудитории фактографическая канва крупнейших народных движений средневековья под предводительством И.И. Болотникова, С.Т. Разина, К.А. Булавина, Е.И. Пу-

гачева. Сочувствие студенческого большинства вызывала и западная интерпретация материала в лекциях профессора⁵³.

Тенденция к сокращению подачи конкретных фактов русской истории являлась определяющей в лекционных курсах 1850–1860-х годов: “С течением времени фактические подробности курса сглаживались, так что он превратился, наконец, в непрерывную цепь обобщений, в историко-философскую формулу политического и социального развития общества”⁵⁴. Указания на даты событий, цифровой, статистический материал исчезают постепенно из повествования С.М. Соловьева. Так, в конспекте лекций 1856/57 учебного года по древней русской истории В.И. Герье первая дата встречается лишь при изложении событий Смутного времени⁵⁵. Может быть, эта особенность чтений С.М. Соловьева вызвала к жизни следующий афоризм В.О. Ключевского: “История без годов – все равно, что арифметика без цифр”. Известно, что профессор не обладал исключительной памятью на цифры: в стенографических записях его лекций часты ошибки в датировке событий. Исключительно редки в лекциях цитирование и пересказ источников, чем в свое время злоупотреблял М.П. Погодин. Однако, как отмечал один из слушателей, “цитаты лекций Соловьева отличались всегда уместностью, меткостью, прямо шли к делу”⁵⁶. В отличие от “Истории России с древнейших времен” фактический материал курсов несет не самостоятельную, а, скорее, иллюстративную нагрузку.

Указанные особенности подачи материала вызывали частые нарекания студентов тем более, что конкретное знание событий русской истории строго проверялось на экзаменах. “Многие жаловались, что с годами он [курс. – А.Ш.] становился все более и более схематичным... все более сухим и скучным”, – констатировал М.М. Ковалевский⁵⁷. Неодобрительно отзывался о “философской мистерии” ученого и П.Н. Милюков⁵⁸.

Подобный подход к построению курсов объяснялся методологией университетского образования, которой придерживался С.М. Соловьев. Профессор предполагал у студентов основательную гимназическую подготовку и уделял большое внимание организации самостоятельной работы над предметом. Параллельно с лекциями он рекомендовал студентам ознакомиться с соответствующими томами “Истории России с древнейших времен”, содержащими богатый фактический материал по всем затрагиваемым проблемам, или, по крайней мере, с многократно переиздаваемой “Учебной книгой русской истории”, написанной специально в качестве дополнительного пособия к общему курсу⁵⁹. “Этот учебник, – вспоминал М.М. Богословский, – оказался в особенности удобен еще тем, что он как раз и был положен в основу программы русской истории ее составителем”⁶⁰. Студенты исторического отделения, как правило, считали “долгом проштудировать все 29 томов громадного труда своего учителя”⁶¹.

Русское общество 1860-х годов оставалось почти в полном неведении относительно событий и фактов отечественной истории “осмнадцатого” столетия: “О ней говорить было страшно. Ее передавали утайкой”⁶². Только в 1860 г. “исторический период, дозволенный для научных разысканий и публикаций” был продлен до смерти Петра Великого⁶³. Как раз в это время научные интересы С.М. Соловьева и сосредоточились преимущественно на новом и новейшем периодах истории страны, которым посвящены семнадцать томов его капитального труда, ряд статей и монографий. Ученому принадлежит заслуга первого систематического освещения отечественного прошлого этого периода.

Содержание соответствующих курсов лекций С.М. Соловьева наглядно опровергает бытовавшее в литературе мнение, что его исследовательская деятельность по изучению новой русской истории не шла дальше собирания и систематизации огромного массива фактического материала. И если тома “Истории России с древнейших времен” действительно перегружены им, то в курсах лекций концепция ученого прослеживается предельно четко. Он ставил перед собой задачу показать глубокую внутреннюю связь, преемственность и единство древнего и нового, нового и новейшего “отделов” русской истории. Все события и явления XVIII столетия освещены под углом зрения хода реализации программы петровских предначертаний по превращению России в могущественное европейское государство, процесса освобождения сословий. Несмотря на некоторые отступления от нее в царствование Анны Иоанновны, ученый полагал “задачу курса выполненную... если в вашем сознании не будет разрываться связь между первой и второй ее половинами”⁶⁴. С.М. Соловьев развернул перед студентами широкую картину правительственной деятельности от Петра I до Александра I включительно (заметим, что в “Истории России с древнейших времен” изложение обрывается на середине екатерининского царствования).

Значение, новизна и содержание курса новой истории были по достоинству оценены слушателями. Е.Е. Замысловский писал: «...Мы получили ясное представление о беспримерном в истории подвиге русского народа, совершенном им в первой четверти XVIII в. Благодаря нашему историку, мрак, скрывавший от нас знаменитую эпоху от смерти преобразователя до вступления на престол Екатерины II, рассеялся. Мы поняли причины господства влияния немцев в XVIII столетии, страшной бироновщины [...] Время царствования достойной дочери Петра Великого получило историческое освещение; она сама и ее пособники впервые выступили перед нами как исторические деятели в общем течении русской жизни; участие России в Семилетней войне перестало казаться нам случайным делом личных отношений и, напротив, явилось знаменательным событием, вызванным нудящей необходимостью сократить силы “скоропостижного” короля»⁶⁵.

В 1870-е годы концепция древней русской истории, сформулированная С.М. Соловьевым во второй половине 1840-х годов, многим слушателям казалась уже архаичной. Это в первую очередь касалось его вывода о существовании пережитков родового быта вплоть до конца XVII в. и характеристики удельного периода. В научной литературе широко дискутировались новые вопросы (феодализм на Руси, роль органов народного представительства и др.), на которые нужно было как-то отреагировать. Всецело поглощенный подготовкой очередных томов “Истории России с древнейших времен”, административной деятельностью, С.М. Соловьев не имел времени для глубокой переработки ранних курсов. Вероятно, почувствовав их недостатки, он с начала 1860-х годов передал чтение лекций по русскому средневековью Н.А. Попову. «...Когда старый профессор в сотый раз говорил о “жидком элементе” в русской истории, магическое когда-то слово превращалось в мертвую фразу, мы начинали жаловаться на жидкий элемент в лекциях самого “патриарха” русской истории», – вспоминал П.Н. Милюков⁶⁶. И он был не одинок в оценках: “Явилось предположение, что он [С.М. Соловьев. – А.Ш.] не готовился к лекциям, жаловались на то, что изложение им предмета становится все более и более скучным”⁶⁷. От лекции к лекции с началом учебного года слушателей в аудитории профессора становилось все меньше и меньше; оставались лишь те, кто обязан был держать экзамен по его предмету⁶⁸.

В условиях радикализации демократического движения в стране 1860-х годов рассуждения С.М. Соловьева о “народном характере царской власти”, преимуществе эволюционных путей развития стали рассматриваться экстремистски настроенной частью слушателей как отражение “чиновничьего” подхода к предмету; их отталкивала безоговорочная “защита московской централизации с ее беспардонным деспотизмом и самодурством”⁶⁹. С точки зрения отсутствия “антидворянского силлогизма” при освещении событий политической жизни страны XVIII в. подходили к чтениям профессора П.Н. Милюков, А.А. Танков⁷⁰. Доставалось лектору и за его “святую веру и преданность церкви”, “безучастность к страданиям народных масс”⁷¹.

Вполне вероятно, что С.М. Соловьев, не желая быть в стороне от современных событий, из “воспитательных” соображений намеренно усилил “консервативное” звучание отдельных своих выводов: “При воспитании молодого поколения прежде всего должна подразумеваться нравственная дисциплина, авторитет начальствующего лица, уважение к нему”⁷². Историк несомненно не мог не видеть “страданий народа”, но он во многом справедливо полагал, что общество не может существовать без жертвы части частных интересов государственным. В этой связи небезынтересно противопоставление преподавательской деятельности С.М. Соловьева и В.О. Ключевского в воспоминаниях В.И. Герье: “Что касается до читаемого им курса, то он, кроме научного интереса, имел серьез-

ное воспитательное значение идей создания русского государства, лежащей в его основании и всюду в нем просвечивавшейся. Это особенно бросается в глаза при сопоставлении с курсом... Ключевского, которого не без основания называли историком разложения”⁷³. Не могли прибавить популярности профессору в среде тогдашних нигилистов и его критика призывов к практической реализации идей социального и имущественного равенства: “Признак благоустроенного и развитого общества составляет то явление, что каждая сила имеет свою определенную сферу деятельности, за границу которой поступить не может, ибо подле нее другая сила, которая ей в этом препятствует. Так, положить границы развития отдельных лиц невозможно и не нужно, ибо люди рождаются с разными способностями. Неравенство сил есть прирожденное условие человеческого общества, уничтожение которого есть мечта и навсегда останется мечтою”⁷⁴. Не раз призывал С.М. Соловьев к активному противодействию “либеральным крикунам”, подталкивавшим общество к “покатой дороге отрицания”⁷⁵.

Одним из способов развития творческого отношения студентов к предмету, расширения их научного кругозора С.М. Соловьев видел в ознакомлении слушателей с последними достижениями отечественной и европейской науки. Однако при этом профессор выступал не с позиций беспристрастного комментатора. “Полемики в лекциях Сергея Михайловича так много, – вспоминал студент одного из последних его выпусков, – что в этом нас может убедить простое арифметическое вычисление: около половины данного им учебного материала характеризуется борьбой на поле исторической науки и защитой своих мнений”⁷⁶. Подобное знакомство со взглядами оппонентов призвано было сориентировать студентов в противоположных и взаимоисключающих взглядах на отечественный исторический процесс, помочь поскорее найти свое место в науке. В одной из лекций он говорил: “Дело историка состоит не только в том, чтобы добыть истину представления события – это его обязанность, от которой уклоняться он не должен, – но, с другой стороны, его обязанность объяснить и то, что не истинно или не совсем истинно, объяснить откуда это явление неистинного объяснения, откуда эта ложь, это преувеличение”⁷⁷.

Во второй половине 1860-х и в 1870-х годах, когда идеологи славянофильства уже сошли в могилу, личные обиды, резкие отзывы недавних оппонентов С.М. Соловьева постепенно стирались в памяти и уступали место углубленному анализу их научной концепции. По выходе двух резко полемических статей: “Август Людвиг Шлецер” (1856), “Шлецер и анти-историческое направление” (1857), – печатно ученый этих проблем больше не касался, что делает последующие курсы лекций неопенимым источником для изучения эволюции его взглядов и оценок историко-философских высказываний славянофилов.

Характеризуя это направление исторической мысли как романтическое, С.М. Соловьев тем самым проводил параллель между славянофильством и “национальными” историческими школами Франции и Германии (“германофильство”) начала XIX в. Их общей чертой является “привычка выставлять происхождение своего народа как можно благоприятнейшим, выставлять благородство этого происхождения перед другими народами”⁷⁸. В основе подобного “печального заблуждения” во всех случаях лежало слабое знакомство с историческими памятниками, их выборочный и тенденциозный анализ. “Всегда можно, – говорил С.М. Соловьев с кафедры, – на основании светлых сторон известной эпохи превозносить эту эпоху в укор другой и, наоборот, на основании темных – осуждать ее, превознося иную”⁷⁹.

В истории страны ученый видел цепь взаимообусловленных периодов и неоднократно указывал на недопустимость их изолированного изучения. Отказавшись от признания принципа закономерного развития общества, славянофилы пришли к идеализации допетровской Руси, выводу о насильственном характере преобразований рубежа XVII–XVIII вв., якобы разрушивших “исконный ход начальной русской жизни”⁸⁰. Следствием подобного подхода было, в частности, заключение о том, что “все было создано у нас петровской эпохой внезапно, что вдруг по капризу, по воле одной сильной средствами личности совершился перелом в России...”⁸¹ В лекциях С.М. Соловьев активно “защищал Петра от... обидчиков”⁸².

С.М. Соловьев осуждал идеи национальной замкнутости и исключительности “славянского племени”. Профессор исходил из невозможности изолированного существования народов: заимствование передовых достижений соседей не ведет к потере национальной самобытности, а только обогащает русскую цивилизацию. “Каждый человек живет в обществе и развивается только благодаря этому общению с другими [народами. – А.Ш.]”, – заключал он⁸³. Ограничение исторического кругозора изучением “внутреннего быта” ведет к упрощению процессов общественного развития⁸⁴.

Нельзя также не отметить, что критикуя односторонность научного мирозерцания славянофилов, С.М. Соловьев во многом сам игнорировал рациональное содержание их исторической концепции. Место последней он необоснованно видел лишь “в архиве человеческого заблуждений”⁸⁵.

Труды С.М. Соловьева начала 1850-х годов (особенно первые тома “Истории России с древнейших времен”) встретили резкое противодействие со стороны официальных кругов и лидера тогдашней науки М.П. Погодина. Не всегда имея возможность высказать свою точку зрения печатно, ученый отводил в лекциях значительное место развенчанию концепций официальных лидеров тогдашней науки. В 1845 г. в обход существовавшей традиции он во вступительной лекции даже не упомянул имени своего предшественника на кафед-

ре – М.П. Погодина. Последнего, естественно, раздражало “умничание” недавнего ученика, его “опрометчивость и самостоятельность в суждениях”⁸⁶.

С.М. Соловьев вступил в полемику и с представителями левого крыла демократического движения. Так, профессор не соглашался с Н.И. Костомаровым, утверждавшим, “что-де историк должен обращать внимание на то, как народ смотрел на комету, какое впечатление на него произвело это явление, чем на Полтавское сражение, которое суть дело государства, а не народа”⁸⁷. Неприятие вызывали у него оценки места и роли казачества в русской истории, прямолинейная трактовка связи их выступлений с процессами закрепощения “низших сословий”, ухудшением материального положения: “Ошибаются те, которые видят сословную войну [в восстании под предводительством И.И. Болотникова. – А.Ш.] [...] То не крестьянские войны, а козацкие. Смутное время – результат всего предшествующего развития истории, географического положения [...]”⁸⁸

С.М. Соловьев читал лекции “на память”, не пользуясь заранее подготовленным текстом. В лежавший на кафедре план-конспект он заглядывал редко. Речь лектора отличалась четкостью в передаче мыслей, что свидетельствовало о длительной и тщательной подготовке. Наиболее емко подобную манеру подачи материала охарактеризовал Н.Г. Высотский: “Все до последнего слова было выработано и вся лекция имела какой-то необычайно строгий характер...”⁸⁹ Лишь изредка С.М. Соловьев позволял себе “импровизировать”⁹⁰.

Профессор никогда не блистал ораторским мастерством, его чтения не отличались “отделкой и полированностью”, стиль изложения был лишен эмоциональной окраски, патетики, лапидарен. Имея негромкий, едва различимый на задних скамьях, голос, он излагал материал монотонно, чрезвычайно внятно, предельно просто – точно “резал свою мысль тонкими удобоприемлемыми ломтиками”⁹¹. Это позволяло слушателям следить не только за развитием сюжета, но и без особого труда конспектировать лекции. Усидчивый В.О. Ключевский сделал запись “слово в слово, без всяких стенографических приспособлений”, сравнительно полно зафиксировал содержание курса и студент В.И. Герье⁹². Размеренная манера чтений удачно гармонировала со статной, внушавшей невольное почтение внешностью ученого. Все это усиливало впечатление цельности, прочности, фундаментальности излагаемого с кафедры материала. Слушатели в один голос подчеркивали это единство внешней формы и внутреннего содержания его лекционных курсов.

Лишь необычайно редко профессор позволял себе увлечься, отойти от заранее намеченного плана, и тогда он “как бы оживал, в его изложении начинали проблескивать огоньки, и вскоре он становился неузнаваем. Голос его звучал громко, глаза сверкали [...] В та-

ких случаях С[ергей] М[ихайлович] забывал все; он не слышал звонка [...] Пароксизм вдохновения проходил; Соловьев, видимо, ослабевал и заканчивал лекцию тихо и вяло⁹³. Такими “коньками” ученого были прежде всего его родовая теория происхождения русского государства и характеристика петровских преобразований, вызвавшие наиболее противоречивые отклики современников.

Для лекций С.М. Соловьева характерна строгая логика повествования, отсутствие случайных, второстепенных деталей. “Обобщая факты, – вспоминал В.О. Ключевский, – Соловьев вводил в их изложение общей мозаикой общие теоретические идеи, их объясняющие. Он не давал слушателю ни одного крупного факта, не осветив его светом этих идей. Слушатель чувствовал ежеминутно, что поток изображаемой перед ним жизни катится по руслу исторической логики; ни одно явление не смущало его мысли своей неожиданностью или случайностью”⁹⁴.

Чрезвычайной доходчивости преподаватель достигал путем неоднократных повторов отдельных мыслей и положений, составлявших теоретико-философскую основу его концепции. Это делало изложение несколько растянутым, однако, не нарушало его стройности и целостности. Доступность в подаче материала обеспечивалась и блестящими параллелями основных законов развития человечества с повседневными привычками, нравами как отдельного человека, так и целых стран, народов (Россия – Западная Европа; самодержавие – республика; реформация – раскол; открытие Америки – выход России к берегам Балтики и др.). “Основной метод моего курса, – говорил он на первой лекции, – будет сравнительно-исторический”⁹⁵. Особенно широко пользовался лектор подобными приемами на занятиях с младшими курсами и в публичных выступлениях. В.О. Ключевский вспоминал: “Как ясно и просто излагает он, можно видеть из того, что на прошлую лекцию я проводил одну знакомую, не знавшую историю прошлого [XVIII в. – А.Ш.] столетия [...] и по окончании она сказала мне, что все понятно ей, и она все запомнила из читанного...”⁹⁶

Совокупностью внешне невыразительных приемов С.М. Соловьев апеллировал не к чувству, воображению слушателей, а тем более не к механической фиксации сказанного. Он предлагал поразмышлять над услышанным. Профессор вводил студентов в свою творческую лабораторию, заставлял следовать логике повествования, делал аудиторию соучастницей процесса научного синтеза. Оратор не навязывал выводов, а логически подводил к ним. “Только совершенно беспечный господин мог сидеть в его аудитории и не шевелить мозгами. С[ергей] М[ихайлович] возбуждал у каждого интеллектуальную деятельность”, – вспоминал А.А. Танков⁹⁷.

Восприятие лекций С.М. Соловьева было сугубо индивидуальным. Оно во многом определялось общественно-политическими взглядами студентов, уровнем их гуманитарной подготовки, научной специализа-

цией, личным отношением к преподавателю и применимо, как правило, к одному конкретному курсу. Отсюда столь полярные оценки ораторского мастерства профессора: “он не имеет дара слова и говорит утомительно” (В.П. Боткин), “сухое изложение” (П.И. Бартенев, М.М. Ковалевский), “масса познаний передавалась нам без всякого красноречия” (А.Д. Свербеев), “лекции были вялые и скучные” (Б.Н. Чичерин), “говорил утомленным голосом” (П.Н. Милюков), “он был прекрасный оратор” (Н.И. Кареев), “читал с замечательным талантом” (И.А. Худяков), “говорил образным языком” (А.А. Танков), “вообще избегал сухого отвлеченного изложения” (С.М. Лукьянов), “читал он оживленно” (А.И. Георгиевский), “поэтически излагавшееся чтение” (Б.А. Шванебах) и др. Действительно, к нетрадиционной лекционной манере С.М. Соловьева после блестящих остроумием и поэтической образностью чтений на первых курсах у Т.Н. Грановского, С.П. Шевырева, Ф.И. Буслаева, П.Н. Кудрявцева трудно было привыкнуть. Даже такие ученики и последователи ученого, как В.И. Герье, А.А. Танков “не были поклонниками его изложения”⁹⁸. С.М. Соловьева уважали как исследователя, но лекторской славой он не пользовался. За всю многолетнюю педагогическую деятельность не было случая, чтобы студенты не поприветствовали его стоя при входе в аудиторию. Однако С.М. Соловьев ни разу не слышал и запрещенных уставом студенческих оваций по окончании курса, как выражения высшей признательности профессору.

Популярность преподавателя определялась не столько его лекторским мастерством, сколько соответствием предлагаемого материала уровню современных знаний, новизной, оригинальностью научного мирозерцания. “Когда мы слушали этот курс Соловьева, нам казалось, что он вводит нас в святую святых науки, и чувство, которое нас при этом охватывало, можно вернее всего назвать благоговением”, – писал Н.Г. Высотский⁹⁹. Его лекции аккуратно посещались и записывались студентами. Они хотя и были “далеко не так увлекательны, но отличались своею дельностью и глубиной взглядов, основанных на новейших исследованиях”¹⁰⁰.

В итоге, совокупность лекторских приемов и научный уровень преподавания представляли вдумчивому слушателю возможность реально воссоздать образ давно минувших эпох отечественной истории. Студенты могли здесь ознакомиться с результатами еще малоизвестных широкой публике исследований, а не добросовестной компиляцией, которая распознавалась довольно быстро. Так, аудитория не жаловала Н.А. Попова – прекрасного оратора, но не “свободного” в своих выводах ученого¹⁰¹.

Анализ лекционных курсов С.М. Соловьева невозможно проводить в отрыве от его научной деятельности и в первую очередь работы над томами “Истории России с древнейших времен”. Лекции учено-

го, по меткому наблюдению П.Н. Милюкова, представляли собой “выжимку” из его капитального труда. Разбросанные по томам и страницам “Истории...” теоретические обобщения сведены здесь воедино, приведены в четкую систему и “очищены” от затрудняющего их комплексное восприятие фактического материала¹⁰². С этой точки зрения записи лекций С.М. Соловьева представляют исследовательский интерес как самостоятельный, еще не востребованный в должной мере объект историографического изучения.

С другой стороны, нельзя не согласиться со словами университетского отчета за 1879/80 учебный год о том, что «“История России с древнейших времен” создавалась, можно сказать, в аудиториях Московского университета». Во-первых, сама идея этого труда появилась у С.М. Соловьева в ходе работы над систематическим курсом. А во-вторых, в лекциях ученый апробировал материал и выводы еще готовившихся к печати томов. Так, курс 1863/64 учебного года завершался лекцией “Польша в 1830–1831 годах”, написанной по неизвестным до того исследователям материалам Московского главного архива Министерства иностранных дел, к которым историк получил доступ только в 1862 г.¹⁰³ Это подтверждается и другими примерами. Курсы 1845–1847 гг. легли в основу его докторской диссертации¹⁰⁴. Публичные чтения о Петре Великом 1872 г. – не что иное, как переработанный материал лекций 1860-х годов¹⁰⁵. Отдельные высказывания с кафедры в 1860-е годы текстуально близки к “Наблюдениям над исторической жизнью народов” (1868–1870). Не имея по цензурным соображениям в конце 1840-х годов возможности к публикации цикла подготовленных им историографических статей, С.М. Соловьев раскрыл их содержание в предварявших курсы объемных “обзорах русской исторической литературы”¹⁰⁶.

Более чем на столетия курсы перекрывают хронологическую границу “Истории России с древнейших времен”. В них полно охарактеризованы такие события, как восстание под предводительством Е.И. Пугачева, царствования Павла I, его сына и внука. По сравнению с печатными трудами в курсах мы найдем гораздо более строгие оценки государственной деятельности российских самодержцев XVIII – начала XIX в., например, выводы о совершенной неспособности Елизаветы Петровны к делам управления, отсутствию во внешнеполитической программе Александра I “чисто национальных взглядов” и др.

Вопрос о целесообразности экзаменационной формы проверки знаний учащихся широко дискутировался в педагогических кругах второй половины XIX в. С.М. Соловьев неоднократно публично высказывался против ее отмены. В экзаменовке он видел действенное средство контроля за качеством подготовки специалистов и привлечения студентов к посещению лекций. Кроме того, устный экза-

мен – это не только форма проверки знаний студента, но и средство оценки уровня преподавания предмета. “...На экзамене профессор испытывает не одного студента, он испытывает самого себя, ибо нигде преподавание так не регулируется, как на экзамене, ибо нигде недостатки курса так выпукло не представляются для самого автора курса”, – отмечал он в докладной записке о пересмотре университетского устава 1863 г.¹⁰⁷ Поэтому ученый настаивал на обязательном присутствии на реляциях не только преподавателя, но и декана факультета, членов кафедры. В 1850–1860-е годы С.М. Соловьев, как декан, сам часто посещал экзамены у своих коллег. В одном из отчетов руководимого им факультета зафиксировано, что “преподаватели, сознавая всю важность своих педагогических обязанностей, только в самых редких случаях не присутствовали на экзаменах”¹⁰⁸.

С 1861 г. на историко-филологическом факультете по инициативе С.М. Соловьева стали проводиться экзамены по двум разделам курса русской истории (древнему и новому) для студентов третьего и четвертого годов обучения. В 1870-е годы в связи с введением исторического семинария на последнем курсе реляции были перенесены соответственно на второй и третий курсы. Они проходили, как правило, в начале мая по окончании второго семестра и включали в себя ответы на письменные вопросы (билеты) по заранее утвержденной программе и устное собеседование. Последнему профессор всегда отводил решающую роль в проверке знаний учащихся. В “особом мнении” по этому вопросу, поданном в 1872 г. в совет университета, ученый писал, что “только в устном ответе виден живой человек и живое знание или его отсутствие; только в устном ответе виден и учитель, видна и метода курса”¹⁰⁹.

Экзаменационные сессии на руководимом С.М. Соловьевым факультете неизменно проходили под его непосредственным контролем и руководством, их результаты являлись предметом детального анализа на заседаниях факультета.

К моменту вступления С.М. Соловьева на университетскую кафедру основной формой учебной деятельности на гуманитарных факультетах было чтение лекций с последующей проверкой знаний на экзамене; “общение студентов с профессорами помимо этих рамок... бывало случайным”¹¹⁰. Однако для обретения учащимися навыков самостоятельной научной работы это оказалось крайне недостаточно. Поэтому еще до официального введения семинариев часть профессоров (М.П. Погодин, П.Н. Кудрявцев, Т.Н. Грановский, Ф.И. Буслаев, Н.С. Тихонравов и др.) проводили занятия как с группами, так и с отдельными учащимися на дому, выделяя для этого даже специальные дни. Студенты получали право пользоваться профессорскими библиотеками. “Они обходятся со студентами как с равными себе, зовут их на дом, дают им книги...” – писал А.Н. Пле-

щев¹¹¹. Значение индивидуальных занятий трудно переоценить. М.М. Богословский писал много позднее: “Воздействие университетского учителя, если оно не ограничивается пределами аудитории, может быть очень сильно и глубоко [...] Обмен взглядов по специальным вопросам, споры, передача... опыта – все это при общении с учителем – пути влияния, сумму которого нельзя точно измерить и выразить”¹¹².

С.М. Соловьев первоначально недооценил значения этой формы преподавательской деятельности. Этому, вероятно, помешали загруженность научной и административной работой, наконец, его чисто человеческие качества. Ученый был практически недоступен для молодежи. “...Он не допускал сближения со студентами, а держал их в известном от себя расстоянии. Профессор, говаривал он, обязан приносить пользу своими лекциями, а не беседами на дому [...] Поэтому Соловьев осуждал Грановского, а еще больше Кавелина, не державшихся того мнения...” – отмечал современник¹¹³.

Первый опыт введения семинария как обязательного предмета в программу историко-филологического факультета предпринял В.И. Герье. Вскоре он нашел поддержку и у других преподавателей. В 1870/71 учебном году семинарии были введены и на четвертом курсе исторического отделения как “важнейшие предметы факультетского преподавания”. С.М. Соловьев и Н.А. Попов вели занятия параллельно по группам. Первоначально на исторический семинарий отводился один час в неделю, с 1873 г. – по два часа. Число записывавшихся на семинарии не превышало, как правило, пяти–семи человек. Бывали годы, когда на занятия приходили по два–три студента, “но Соловьев и тут не пропускал часов, назначенных для практических занятий”¹¹⁴.

Правда, живого человеческого общения, разговоров на отвлеченные темы С.М. Соловьев не допускал. Его беседы со студентами ограничивались строго академическими рамками. Этим он являл полную противоположность своему коллеге Н.А. Попову. Н.И. Кареев вспоминал следующий комический эпизод: «От студентов Соловьев держал себя очень далеко, настоящим “генералом”... Среди студентов поэтому Сергей Михайлович только пользовался почтительным уважением. Он устроил для нас четырех на последнем курсе семинарии, куда являлся с зятем своим... Поповым [...] Соловьев и с ним держал себя важно и строго. Один раз он спросил кого-то из нас, как он понимает различие между вотчинами и поместьями, но пока тот собирался ответить, отличавшийся живостью характера Попов дал быстрый ответ. “Вас не спрашивают”, – обрезал его Соловьев, а Нил Алекс[андрович] поднял снизу свою большую, длинную бороду, чтобы скрыть ею свой смех»¹¹⁵.

Тематика семинариев постоянно обновлялась и определялась во многом текущими научными запросами ученого. Профессор знакомил слушателей с результатами своих последних научных изыска-

ний, методикой исследовательской работы. В отдельные годы занятия полностью посвящались углубленному анализу проблемных разделов “Истории России с древнейших времен”. Так, совместное изучение текста первой главы тринадцатого тома (“Россия перед эпохой преобразований”), разбор мнений других ученых по данному вопросу и проверка выводов исследователя, параллельное знакомство с источниками на семинариях 1877/78 учебного года послужили предметом нескольких рефератов. Семинарские занятия 1873/74 учебного года были посвящены “разбору новейших исторических трудов” по отечественной проблематике. В качестве тем выдвигались также: галицко-волынское летописание, сравнительный анализ редакций Русской Правды. На кафедре отечественной истории было введено за правило написание студентом старших курсов не менее двух самостоятельных докладов с обязательным их последующим обсуждением на семинариях¹¹⁶. На студентов, посещавших семинарии, были рассчитаны и темы сочинений, предоставляемых С.М. Соловьевым на соискание золотой медали: “История Пскова” (1858), “Русское летописное дело в XIV–XX вв.” (1865). К числу наиболее удачных можно отнести семинарское сочинение В.О. Ключевского “Сказания иностранцев о Московском государстве”, опубликованное при содействии С.М. Соловьева¹¹⁷.

Предтечей самостоятельного курса источниковедения можно считать разбор на семинарии 1873/74 учебного года одного из центральных памятников средневекового законодательства – Уложения 1649 г. Статьи памятника анализировались в сопоставлении с предшествующими (Русская Правда, Литовский Статут) и последующими (Сводное уложение 1718 г.) правовыми кодексами, законодательной практикой второй половины XVII–XVIII вв. В итоге, Уложение царя Алексея Михайловича было охарактеризовано как “летопись юридической жизни русского народа”, “бытовой, частной, экономической истории” общества¹¹⁸.

Наряду с семинарием, С.М. Соловьев вел и спецкурсы; литографированные фрагменты одного из них по истории сословий, терминологии русских исторических памятников сохранились в его архиве¹¹⁹.

Проводимые С.М. Соловьевым практические занятия содействовали развитию навыков самостоятельной исследовательской работы учащихся, призваны были способствовать более углубленному усвоению содержания его общих курсов, формированию кадров отечественных ученых, преподавателей высшей и средней школы.

Лекции, спецкурсы, университетские семинарии являются неотъемлемой частью творческого наследия С.М. Соловьева, с достаточной полнотой отражают тематику его исследовательских интересов и научных поисков. При этом необходимо учитывать, что профессор был ведущим, а по многим проблемам и единственным спе-

циалистом в отечественной историографии. Общий уровень исторического образования в России третьей четверти XIX в. нашел отражение в его курсах.

С кафедры ученый имел возможность оперативно откликаться на все животрепещущие вопросы научной и общественно-политической жизни страны. Так, в условиях николаевского царствования лекционная работа была едва ли не единственной возможностью для изложения своих оценок творчества предшественников — Н.М. Карамзина, М.П. Погодина. Поэтому не случайно, что лекции ученого отличала раскованность мысли, обращение к “запретным темам”. Однако и здесь С.М. Соловьев не выходил за академические рамки, избегал политизации предмета. Аудиторию С.М. Соловьева неоднократно посещали попечители учебного округа С.Г. Строганов, Д.П. Голохвастов, П.А. Ширинский-Шихматов и даже при самом придирчивом подходе не находили в его чтениях “чего-либо противного духу правительства”¹²⁰.

В.О. Ключевский впоследствии очень сожалел, что ему не удалось уговорить профессора опубликовать свой курс¹²¹. С подобными же просьбами к нему неоднократно обращались и другие слушатели. Немногие из сохранившихся литографированных курсов ученого — едва ли не единственный источник, со значительной точностью зафиксировавший живую речь С.М. Соловьева.

Одной из немногочисленных форм контактов ученого с широкой аудиторией были публичные лекции. Они рассматривались как действенное средство пропаганды научных взглядов, полемики с оппонентами и предоставляли возможность оперативно реагировать на события научной и общественно-политической жизни. Как правило, с предложением читать публичные лекции выступали наиболее популярные ученые, исследовавшие актуальные вопросы.

Сам факт обращения 28-летнего профессора с подобной просьбой в январе, а затем в августе 1848 г. свидетельствовал о росте авторитета молодого исследователя. Смысл предлагаемых им чтений сводился к попытке проследить процесс “постепенного установления государственности, борьбы государственных начал с противогосударственными”. Заявка С.М. Соловьева с необычайными трудностями проходила по этапам административно-бюрократической системы. Ей предшествовал запрос московского генерал-губернатора А.А. Закревского к попечителю учебного округа “об образе жизни и мыслей профессора”. В конце сентября 1848 г. было, наконец, получено разрешение Министерства народного просвещения на организацию чтений под “особым наблюдением” и при условии, что лектор “будет во всем руководствоваться благоразумною осторожностью”. Однако совершенно неожиданно 6 октября 1848 г. министр “приказал отменить свое дозволение”¹²².

В ноябре 1850 г. С.М. Соловьев вместе с профессорами Т.Н. Грановским, С.П. Шевыревым, К.Ф. Рулье вновь обратился к попечителю с просьбой провести циклы лекций с благотворительными целями в пользу недостаточных студентов. На этот раз разрешение было получено без проволочек в декабре 1850 г. В феврале–марте следующего года ученый прочитал четыре лекции по теме: “История установления государственного порядка в русской земле до Петра Великого” (через год по настоянию попечителя учебного округа они были опубликованы под несколько измененным названием)¹²³. Лекции С.М. Соловьева, несмотря на отдельные претензии к манере его чтения, были положительно оценены не только общественностью города, но и в научных кругах. Так, М.П. Погодин писал: “15 марта помещена в газетах прекрасная статья Кудрявцева о публичных чтениях профессора Соловьева. Она заставила меня искренне пожалеть, что мне не случилось быть свидетелем ученого триумфа, который, по свидетельству такого надежного судьи как Кудрявцев, был блистательным и совершенно соответствовал блистательному и необыкновенному разрешению всех задач русской истории ученым профессором”¹²⁴.

11 ноября 1863 г. историко-филологический факультет единогласно одобрил предложенную С.М. Соловьевым программу из двенадцати публичных чтений “История Европы во время Французской империи”. В прочитанном в декабре 1863 – феврале 1864 г. курсе С.М. Соловьев систематически изложил свои взгляды на французскую революцию 1789–1793 гг., закономерным следствием которой ему виделся приход к власти Наполеона Бонапарта и установление империи. Подробно остановился ученый на отношении европейских держав к революции во Франции и прежде всего политике кабинета Александра I, дипломатической истории наполеоновских войн. Курс заканчивался характеристикой роли Священного союза в политической жизни Европы конца 1810 – начала 1820-х годов¹²⁵. В основу чтений были положены лекции С.М. Соловьева в Военно-Александровском училище. В свою очередь, курс составил основу подготовленной десятилетием спустя монографии “Александр I: Политика и дипломатия” (1872). Публичные выступления ученого привлекли внимание московской общественности. В.О. Ключевский с признательностью отмечал, что студентов-филологов старших курсов профессор “пускает даром” на свои лекции¹²⁶.

В том же 1863 г. С.М. Соловьев откликнулся на просьбу ректора Московской духовной академии принять участие в серии благотворительных лекций в стенах этого учебного заведения¹²⁷.

В 1872 г. Россия готовилась отметить 200-летний юбилей со дня рождения Петра Великого. По инициативе С.М. Соловьева празднование было приурочено к открытию в Москве Политехнической выставки. По желанию ее организационного комитета 18 января 1872 г. С.М. Соловьев обратился к тогдашнему попечителю учебно-

го округа князю А.П. Ширинскому-Шихматову с просьбой о проведении публичных чтений в качестве “введения к торжеству двухсот-летнего юбилея преобразователя”. Разрешение было получено без особых проволочек через три дня¹²⁸.

Юбилейные торжества открывались речью С.М. Соловьева на акте в стенах Московского университета 30 мая 1872 г. в присутствии великого князя Константина Николаевича. Выступление ученого представляло собой своеобразный конспект его последующих чтений в зале Дворянского собрания. Современники отмечали, что публичные лекции С.М. Соловьева собрали “многочисленную столичную публику” от верхушки администрации, светских дам, до разночинцев и студентов. “Научная проповедь” поддерживалась всероссийской известностью и авторитетом лектора. Слушателям, порой, просто было любопытно взглянуть “на этого почтенного представителя исторической науки, прославленного сановного лектора”¹²⁹.

Жесткий и мелочный контроль администрации, произвол чиновников при выдаче разрешений на чтение публичных курсов вызывали раздражение либеральной профессуры, открыто проявившееся при обсуждении в 1862 г. проекта положения о публичных лекциях. С.М. Соловьев выступал за свободу в выборе тематики чтений, предлагал уничтожить унижительную процедуру утверждения их программ попечителем округа и ограничиться лишь направляемой на его имя заявкой. Вопрос о разрешении лекций, по его мнению, должен решаться внутри университетской корпорации. Ученый требовал предоставления большей свободы в выражении своих научных взглядов. “Факультет, – зафиксировано в протоколе обсуждения, – не считает уместным вносить в положение статью о предании читающих публичные лекции в случае совершения ими преступления посредством слова уголовному суду”¹³⁰.

С.М. Соловьев был в числе первых профессоров Московского университета, приглашенных для преподавания в царскую семью. Этот факт говорит как о признании его научных заслуг, так и о соответствующем вкусу воспитателей наследников престола “направлений” курсов профессора. Воспитатель наследника Д.А. Арсеньев в числе побудительных причин обращения с подобным предложением к С.М. Соловьеву называл его “глубокий ум, обширные познания, замечательный талант изложения и высокий авторитет в ученом мире”¹³¹. Сам же Д.А. Арсеньев на этом поприще успеха не имел. “У императрицы читается курс русской истории неким профессором Арсеньевым. На лекциях присутствует цесаревна... Это очень скучно и совершенно неинтересно, благодаря бесцветной и тяжелой манере читать старого профессора”, – отмечала фрейлина А.Ф. Тютчева в своем дневнике¹³².

Приглашение С.М. Соловьева в Петербург не случайно совпало с периодом его наивысшей славы как исследователя отечественного прошлого и преподавателя. Уже в конце 1850-х годов Я.К. Грот познакомил великого князя Александра Александровича с главой о “природе страны” первого тома “Истории России с древнейших времен”, а характеристика царствования Ивана IV и история XVII в. излагались “прямо по Соловьеву”¹³³.

По рекомендации давнишнего покровителя ученого графа С.Г. Строганова С.М. Соловьев в январе 1860 – мае 1861 г., августе–декабре 1862 г. вел занятия с любимцем императрицы, наследником престола великим князем Николаем Александровичем; в ноябре 1865 – мае 1866 г. – с великими князьями Александром Александровичем (будущим императором Александром III) и Владимиром Александровичем; в 1871 г. – вновь с Александром Александровичем. В 1869 г., а также ноябре 1878 – марте 1879 г. С.М. Соловьев был командирован в столицу для чтения русской истории великим князьям Сергею Александровичу и Константину Константиновичу¹³⁴. Таким образом, вынужденная отставка из Московского университета не повлияла на благорасположение к нему царской семьи, чему в немалой степени содействовала поддержка начинавшего приобретать все большее влияние при дворе его университетского приятеля К.П. Победоносцева.

Деятельность С.М. Соловьева на этом поприще была шире, нежели чтение лекций. В сентябре 1860 г. С.Т. Строганов предложил ему оценить “взгляд на всеобщую историю”, изложенный в программе чтений наследнику М.М. Стасюлевичем, допустившему критические высказывания в адрес Св. Писания¹³⁵. Подобные поручения не были единичными. Все тот же корреспондент в 1864 г. советовался с ученым по поводу кандидатуры наставника русского языка для датской принцессы Дагмары (будущей русской императрицы Марии Федоровны). “Обыкновенно от тех, которые много дают, еще более просят, особенно когда они от сердца дают”, – мотивировал граф свою просьбу¹³⁶.

Приглашаемая ко двору профессура, помимо педагогических, имела и далекие политические виды. Ведь в недалеком будущем в руках их воспитанников будет сосредоточена неограниченная власть. От наставников в значительной мере зависело формирование миросозерцания наследников российского престола. “Ваше новое назначение, вероятно, даст вам много забот и как ни велика польза, какую вы можете принести”, – писал С.М. Соловьеву его коллега С.В. Ешевский в марте 1860 г.¹³⁷ Менее оптимистично был настроен Б.Н. Чичерин, сообщая своему адресату: “Никакой я от себя здесь пользы не вижу”¹³⁸.

Направление преподавания было определено в письме С.Г. Строганова от 4 сентября 1860 г.: “...Для наследника важно не научное развитие идеи исторического развития, а моральное, фило-

софско-практическое”¹³⁹. В С.М. Соловьеве, таким образом, хотели видеть не просто учителя, а наставника в жизни.

Основное внимание он сконцентрировал на законах общественной жизни России, Западной Европы, поворотных периодах в истории стран континента. В 1860–1861 гг. профессор прочел курсы русской истории XVIII в., истории Великой французской революции, в 1878–1879 гг. – курс всеобщей истории, являвшийся конспектом его “Наблюдений над исторической жизнью народов”¹⁴⁰. В целом, идейное содержание лекций профессора отвечало поставленным перед ним задачам. “...Ваши лекции приносят столько пользы великим князьям и производят на них столь глубокое впечатление...” – писал Д.С. Арсеньев в марте 1879 г.¹⁴¹ Не случайно, что именно С.М. Соловьеву великий князь Александр Александрович весной 1879 г. поручил составление записки “о современном состоянии России”. Последняя представляла собой рекомендации “либеральной партии” по выходу страны из надвигавшегося революционного кризиса¹⁴².

С.М. Соловьев не был обойден вниманием царской семьи, идущем не только по официальным каналам. В его московской квартире висели подаренные во дворце портреты воспитанников. Сам ученый не забывал поздравлять их с памятными датами. Великий князь Александр Александрович в 1867 г. называл С.М. Соловьева в числе своих “добрых знакомых”. Годом раньше ученый составил ему адрес от Московского университета по случаю бракосочетания. В 1865 г. С.М. Соловьев, И.К. Бабст, Б.Н. Чичерин участвовали в похоронах наследника Николая Александровича.

Занятия с великими князьями не были обременительны для С.М. Соловьева. Они отнимали два–три часа в неделю при сохранении содержания и “прочих преимуществ” в университете. Близость ко двору давала исследователю возможность практически беспрепятственного доступа к документам государственных архивов XVIII–XIX вв. (отдельные находки он использовал в лекциях наследникам) и укрепляла его позиции как одного из лидеров московской профессуры.

Служебные обязанности предоставляли С.М. Соловьеву широкие возможности для знакомства с жизнью императорской четы, что, в свою очередь, не могло не дать почвы для размышлений. Двор и императрица говорили исключительно по-французски, соблюдение церковной обрядности было чисто внешним, по вечерам сановники предавались модной тогда страсти к столоверчению. Царские дети интереса к занятиям не питали. Как-то императрица, заметив нелюбовь будущего императора Александра III к французскому языку, отметила: “Но подумай только, когда ты вырастешь, как тебе будет стыдно, если ты не будешь в состоянии разговаривать с иностранным послом? – Эх, – ответил ребенок, – у меня будет переводчик. – Но вся Европа будет над тобой смеяться! – Ну что ж, я буду с ней воевать!”¹⁴³

Глубокие изменения в отечественной науке середины XIX в., приведшие к пересмотру прежних теорий исторического развития страны, не могли не сказаться и на судьбах гимназического образования. Необходимость его качественного улучшения острее всего чувствовалась в стенах университета – основной кузнице кадров гуманитарной интеллигенции, ибо уровень постановки образования в средней школе обуславливал, в конечном итоге, и степень подготовленности студентов к усвоению предлагаемого им в лекционных курсах материала. Это и предопределило обостренное внимание С.М. Соловьева к данной проблематике¹⁴⁴.

Членство в ежегодных комиссиях Московского университета по приему вступительных экзаменов давало С.М. Соловьеву богатейший материал, чтобы убедиться в этом¹⁴⁵. Основываясь на личных наблюдениях, он в донесении на имя попечителя учебного округа от ноября 1858 г. отмечал, что “печальное состояние общего гимназического образования”, от которого во многом “зависит самая успешность или безуспешность университетского преподавания”, не отвечает требованиям к абитуриентам высших учебных заведений¹⁴⁶. Аналогичную картину нарисовал ученый и в “особом мнении” от января 1872 г. на имя попечителя округа о ходе “окончательных” экзаменов в гимназиях и “поверочных” в университете. Ученый, опираясь на поддержку совета университета, предложил широкую программу мер по преодолению разрыва в требованиях в высшей и средней школе. В первую очередь это – жесткий контроль профессуры “над гимназиями относительно выпуска воспитанников и аттестованию их способными к поступлению в вуз”. Здесь подразумевалось участие университетских преподавателей на выпускных экзаменах в гимназиях – “право университета осведомляться, какие люди в него поступают”. Вступительные экзамены С.М. Соловьев безотлагательно предлагал сделать обязательными для всех выпускников гимназий. Существенным звеном программы С.М. Соловьева была переработка существовавших учебных пособий для средней школы¹⁴⁷. Он выступил инициатором созыва съезда представителей всех уровней системы образования страны для выработки общей стратегии работы. Изложенные теоретические принципы С.М. Соловьев пытался применять в своей многогранной педагогической деятельности. В 1867 г. он стал членом попечительского совета Московского учебного округа, где принимал деятельное участие в разработке программ преподавания всеобщей и русской истории в средних учебных заведениях¹⁴⁸.

За свою продолжительную педагогическую деятельность ученый никогда не преподавал в гимназиях, однако немалый опыт работы с детьми он все-таки имел. Летние каникулы 1838 г. юноша провел в качестве воспитателя четверых детей князя М.Н. Голицына. Усердно посещая лекции в университете, он находил время и для ре-

петиторства. Эти частные уроки, помимо материальной выгоды, способствовали развитию у юноши педагогических навыков. В 1842–1844 гг. С.М. Соловьев исполнял обязанности домашнего учителя в семье графа А.Г. Строганова. Чрезвычайная загруженность на кафедре, работа над диссертациями и томами “Истории России с древнейших времен” надолго оторвали его от средней школы. Лишь в 1860 г. профессор брал по два часовых урока в неделю по новой истории в 3-м Военно-Александровском училище. Параллельно в 1862 г. ученый начал вести курс всеобщей истории в младших и русской – в старших классах Московского кадетского корпуса, где пользовался большим авторитетом у воспитанников. Один из них вспоминал: “В эпоху шестидесятых годов, в эпоху возрождения кадетских корпусов директора, среди прочих забот, конечно, желали поставить и преподавание истории на должную высоту. Обратились к Сергею Михайловичу и, несмотря на то что он почти не имел свободного времени, он нашел возможным посвятить несколько лет на преподавание истории в двух московских военно-учебных заведениях, так как всегда шел туда, где нужны были его знания и силы, и никогда не думал о своих личных удобствах”¹⁴⁹. Тексты лекций С.М. Соловьева в младших классах Александровского училища легли в основу его курса новой истории (Ч. 1. М., 1869). Покидая это учебное заведение, С.М. Соловьев рекомендовал на свое место В.О. Ключевского, а преподавателем всеобщей истории – В.И. Герье.

В 1868–1870 гг. С.М. Соловьев исполнял обязанности инспектора классов Николаевского сиротского института. Какого-либо активного участия в деятельности этого учебного заведения С.М. Соловьев по причине своей загруженности не принимал. Современница отмечала, что ученому “дело это было не интересно, и он им не занимался”¹⁵⁰. В 1876–1877 гг. историк входил в состав педагогического совета Лицея цесаревича Николая. Широкие возможности для знакомства с уровнем постановки гуманитарного образования предоставляло ему председательство в педагогическом комитете и участие в работе с марта 1860 г. педагогических курсов при Московском университете (проведение экзаменов на звание учителя, обсуждение по запросам министерства учебных пособий, программ и др.). Именно в период ректорства С.М. Соловьева на третьем–четвертом курсах университета было значительно увеличено число часов на преподавание педагогики¹⁵¹.

Свои взгляды на теоретические вопросы преподавания исторических дисциплин в гимназиях С.М. Соловьев суммарно изложил в ответе на разбор учебников всеобщей истории и докладной записке в совет университета¹⁵². Высказанные в них замыслы нашли конкретное воплощение в подготовленных им учебных пособиях по предмету.

С.М. Соловьев отрицал возможность каких-либо принципиальных улучшений в делах средней школы в условиях гонения на про-

свещению со стороны Николая I и его правительства: “Мог ли в самом деле завестись гений в русской гимназии в сороковых годах XIX века? И горе было бы ему, если б он завелся!”¹⁵³ Только реформы 1860-х годов обратили внимание отечественной интеллигенции на необходимость реформирования всей системы среднего образования, создания новых учебных пособий. Последнее прежде всего относилось к историческим дисциплинам, от направления преподавания которых “зависит политический склад будущих граждан”¹⁵⁴. Прошлое России являет многочисленные свидетельства для патриотического воспитания подрастающего поколения: “Брошенные на край Европы, оторванные от общества цивилизованных народов, подпадая даже игу последних, русские люди неумолимо совершали свое великое дело...”¹⁵⁵

Деятельность С.М. Соловьева в этой области представляет собой одну из первых попыток связать воедино и соподчинить проблемы среднего и высшего образования. В 1862 г. руководимый С.М. Соловьевым факультет, готовивший преимущественно кадры преподавателей гимназий, на запрос ректора о причинах сокращения приема студентов отвечал, что оно вызвано, в частности, слабой школьной подготовкой учащихся. Поэтому одну из основных задач гимназий он видел в развитии умственных способностей подростка “для приготовления к дальнейшему занятию науками в специальных учреждениях”¹⁵⁶. По его мнению, гимназия должна готовить студентов в университет и [...] быть тесно связана с университетом по общим законам”¹⁵⁷. Она призвана заложить основы знания теории исторического процесса. Однако преобладающее внимание необходимо обращать в первую очередь на усвоение фактического материала. В лекциях ученый неоднократно замечал слушателям, что конкретные подробности какого-либо вопроса им должны быть известны со школьной скамьи. В этой связи небезынтересно наблюдение В.О. Ключевского: “...Его университетский курс помогает уяснить отношение гимназического преподавания истории к университетскому[...] Учитель истории рассказывает ученикам что было; профессор рассуждает со студентами, что бывшее значило”¹⁵⁸.

Подобному подходу отвечали учебники по всеобщей истории: Г. Вебера, отличавшийся “строгостью и подробностью группировки событий и сжатым рассказом, не допускающим фразерства”, В.Я. Шульгина, который, не “засоряя память избытком фактов... увлекает... своими интересными подробностями”. Основным их достоинством С.М. Соловьев считал соответствие современным задачам науки, ориентацию прежде всего на усвоение “непрерывности и связи событий”¹⁵⁹. Прямо противоположную картину представляли собой используемые в преподавании отечественной истории пособия Н.И. Греча, И.И. Давыдова, М.П. Погодина, Ив. Тимашева, Н.Г. Устрялова и др., отражавших уровень развития научных знаний первой половины XIX в. Их отличала “безличность действующих лиц”, за-

соренность второстепенными деталями из политической и военной истории, неуместный в учебнике “карамзинский слог”¹⁶⁰. Острая потребность в качественно новом пособии для средней школы объяснялась еще и тем, что “ни Карамзина, ни Соловьева там целиком не читают”¹⁶¹.

Таким образом, выход в свет “Учебной книги русской истории” (Изд. 1-е. М., 1859–1860) С.М. Соловьева был своего рода выполнением социального заказа общества. Ее автор – ведущий специалист в своей области, доводящий до читателя в доступной форме результаты собственных научных разысканий. Поэтому не случайно, что она в очень скором времени вытеснила все другие рекомендуемые Министерством народного просвещения “жалкие изделия”, выходившие из-под пера лиц, “смело говорящих ложь о предметах, которых не понимают”. Изложение учебника отличается конкретностью, внутренней логикой. События прошедших эпох интересовали автора не сами по себе, а как отражение внутренних закономерностей исторического развития России. Акцент все же был сделан на анализ фактов, ибо “для всякого неглупого мальчишка интереснее будет знать как жили, чему верили, что умели наши предки, – нежели заучивать бесчисленные имена князей и воевод да годы войн”¹⁶². Интерпретация материала в данном случае теряет свою “мистическую предопределенность” за счет знакомства учеников с основными законами развития цивилизации¹⁶³. Заметно расширена хронологическая канва повествования: изложение материала доведено до первой половины XIX в. В этой связи один из современников писал: “...Рассказ со времени Петра I... стоит выше всего, что написано по этой части другими в позднейшее время, и это, мы полагаем, известно всем преподавателям русской истории в средних учебных заведениях”¹⁶⁴.

Ученый сумел преодолеть разрыв в изучении отечественной и всеобщей истории. Это вызвало даже обвинения из лагеря славянофильски настроенных критиков в отсутствии патриотизма, преклонении перед западными политическими формами¹⁶⁵. Автор, однако, был далек как от национализма, так и от космополитизма. Он выступал против выпячивания “черных, непривлекательных сторон древнерусской жизни”, но и против ее идеализации, стремления “нашить яркие заплаты... на простую одежду наших предков”¹⁶⁶. По мнению С.М. Соловьева, только подобный подход дает возможность “понять себя как европейца и вместе как русского”¹⁶⁷.

С.М. Соловьев выступал проводником либерального мирозерцания в юношеской среде. Смысл русского исторического процесса он сводил к образованию сильного централизованного государства с неограниченным монархом во главе и последующим движением в сторону “освобождения сословий”, т.е. парламентаризма. В противовес утверждениям ряда современных ему ученых, в народных движениях XVII–XVIII вв. историк видел прежде всего от-

ражение патологического стремления “черни” к “грабежам и разбоям”. Казачество при этом изображалось силой, враждебной не только государству, но и земским людям. В изложении С.М. Соловьева превалировала политическая история страны, о “низших классах” мы встретим в его учебнике лишь “самые короткие заметки”. Но все же для начала 1860-х годов даже сама постановка вопроса о “подробностях внутренней жизни” всячески приветствовалась демократической критикой¹⁶⁸.

Спорно было включение в учебник остродискуссионных проблем, не находивших поддержки у большинства современных исследователей, например, о появлении ростков государственности на северо-востоке Руси во второй половине XII в. вследствие отсутствия там порядков вечевого народовластия, возникновении частной собственности на землю только в великое княжение Ивана III. С.М. Соловьев повторял уже ранее отмеченную рецензентами “Истории России с древнейших времен” ошибку, состоявшую в недооценке последствий монголо-татарского завоевания для судеб страны.

Если в научном отношении “Учебная книга” С.М. Соловьева явилась высшим достижением в своей области, то с методической точки зрения она вызывала отдельные нарекания. «...В педагогическом отношении еще много можно желать от “Учебника” г. Соловьева», – отмечал Н.А. Добролюбов¹⁶⁹. Не принимая во внимание действительные возможности учащихся в усвоении материала, профессор мало заботился об его объеме, наглядности изложения. Критики указывали на некоторую перегруженность пособия фактами. Как существенный недостаток отмечалось отсутствие географических карт, схем, хронологических и генеалогических таблиц, лапидарный стиль и затруднявшие восприятие обороты речи¹⁷⁰. Промахи в композиционном построении учебника истекли из попытки автора создать универсальное пособие как для старших классов гимназий, так одновременно и для студентов (еще в 1900-х годах оно рекомендовалось в университетских списках обязательной литературы для подготовки к экзаменам), вследствие чего книга не могла в полной мере удовлетворить запросы ни средних, ни высших учебных заведений¹⁷¹. Стремление достичь максимальной преемственности гимназического и университетского образования обусловило и выбор структуры учебника, представлявшей собой как бы уменьшенную во много раз копию “Истории России с древнейших времен”.

Несмотря на ряд указанных недостатков, “Учебная книга” С.М. Соловьева в течение полувека считалась одной из лучших по предмету и выдержала четырнадцать изданий, в 1879–1880 гг. была переведена на французский и хорватский языки. В 1863, 1880 гг. Министерство народного просвещения рекомендовало ее “как руководство для преподавания русской истории” в старших классах гимназий¹⁷². Она оказала заметное влияние и на учебную литературу 1860-х годов (в частности, на пособие Д.И. Иловайского 1861 г.), нашла

приверженцев в школьных кружках самообразования. Ф.М. Достоевский советовал шире использовать ее для юношеского чтения¹⁷³.

Учебники М.П. Погодина, Н.Г. Устрялова, С.М. Соловьева и другие не были приемлемы для младших классов гимназий, народных и воскресных школ. Восполнить существовавший пробел призваны были подготовленные С.М. Соловьевым извлечения из русских летописей, переведенные на современный язык с сохранением “формы и духа” оригинала, и сокращенное изложение содержания “Учебной книги” для сельских школ и городских училищ¹⁷⁴. “Русская летопись для первоначального чтения” представляла собой связный обзор древнейшей истории страны. Поэтому автор намеренно не включил в повествование некоторые хронологические сведения, сюжеты легендарного характера, документальные материалы и литературные памятники (например, Поучение Владимира Мономаха) из Начальной летописи. Издание выполнило свою популяризаторскую функцию, о чем свидетельствовали его неоднократные повторения и положительные отзывы в печати. “Вот это статья! – писал В.Г. Белинский. – Она равно интересна и полезна и для детей, и для взрослых... Здесь можно получить понятие и об источниках, не трудясь, а только наслаждаясь”¹⁷⁵.

Обращение С.М. Соловьева к проблемам “низшей школы” стало своеобразным воплощением в жизнь его политической программы. Сам выходец из семьи небогатого церковнослужителя, с большим трудом и только благодаря неординарным способностям получивший профессорскую кафедру, ученый не был сторонником узкокастового образования. Он последовательно выступал за его демократизацию, уничтожение привилегированных учебных заведений, “которые детям знатных и богатых отцов давали право быть невеждами в сравнении с молодыми людьми низкого происхождения”¹⁷⁶. В публичных чтениях 1872 г. ученый настойчиво проводил мысль о том, что государство сильно только в опоре на “лучших представителей всех сословий”. В постепенном преодолении “векового невежества” народа путем его просвещения, всеобщей грамотности С.М. Соловьев видел единственный путь сохранения гармоничного, не терзаемого внутренними противоречиями общества. Об этом, в частности, свидетельствовала и его практическая деятельность по развитию сети воскресных школ и народных училищ¹⁷⁷.

Новый подход к предмету, увеличение объема предлагаемого материала закономерно превращали учебные пособия в своего рода “конспекты знаний”, что, в свою очередь, предъявляло более строгие требования, вело к возрастанию роли “руководства учителя” на всех стадиях развития ребенка. В связи с этим С.М. Соловьев придавал большое значение дошкольному воспитанию. Именно в этот период, по его мнению, должно состояться знакомство ребенка с основами письма, чтения, иностранных языков, античной мифологии, библейской истории. Описания путеше-

ствий и приключенческая литература призваны расширить детский кругозор и любознательность. По воспоминаниям сыновей самого С.М. Соловьева, в их доме часто звучали стихи А.С. Пушкина, В.А. Жуковского, народные сказки, легенды и былины. Однако домашнее образование, сколь бы основательно оно ни было, не способно дать ребенку систематические, глубокие знания по всем предметам. Сам ученый признавался, что при поступлении в гимназию он “изумил учителя истории и географии... познаниями, но оказался крайне слаб в математике...”¹⁷⁸

Основную цель гимназического преподавания С.М. Соловьев видел в овладении предметом и развитии природных задатков учащегося. Непременным условием этого выступали “личное достоинство” и “усердное исполнение должности” преподавателем. “Некоторые учителя... пользовались особенным уважением, и у них в классе было тихо; но зато у других... ходили вверх ногами”, – вспоминал профессор о своих гимназических годах¹⁷⁹. С.М. Соловьев осуждал применение физических наказаний, факты унижения личного достоинства юношей. Даже в зрелом возрасте он не забыл, какой удар по самолюбию был нанесен ему в третьем классе учителем, поставившим его за плохое знание урока на колени¹⁸⁰.

С.М. Соловьев выступал против тех наставников, которые в объяснении “темных мест” и непонятных терминов видели не педагогическую работу, пускали процесс усвоения материала на самотек. “Сделать... изложение учебника совершенно понятным, доступным для ученика” – первейшая, непреходящая обязанность воспитателя. Одновременно ученый предостерегал от упрощения преподавания, превращения его в цикл слабо связанных между собой “отделов” и “историек”. Такой подход С.М. Соловьев объяснял недооценкой умственных возможностей гимназистов. В то же время он ратовал за максимальную простоту, доходчивость в подаче знаний. “Педагогическое правило, – говорил профессор на лекции, – окружить ребенка возможной простотой, чтобы около него не было слишком много разнообразных явлений, развлекающих его внимание”¹⁸¹. Не соглашался он и с подменой на уроках общего курса рассмотрением отдельных его частей, ибо даже в университете специальному курсу всегда предшествует общий. “Научные или философские основы нельзя добыть из отдела науки, они добываются из целой науки”, – заключал он¹⁸². Резкую публичную отповедь С.М. Соловьева вызвало подготовленное в Министерстве народного просвещения решение об изъятии из школьных программ изучение новой и новейшей истории стран Западной Европы. “Попытку внедрить избирательность в изучении истории с главным упором на сюжеты древней истории Соловьев оценивал как подрыв одного из главных назначений школьного образования – формирования общественных позиций и политических убеждений молодого поколения. Последняя зада-

ча выполняема только на основе овладения систематическим знанием по всеобщей и отечественной истории”, – писала современная исследовательница его творчества¹⁸³.

Перечисленные принципы легли в основу преподавательской деятельности С.М. Соловьева в Московском университете. О ее значении для подготовки педагогических кадров свидетельствует такой факт: в ходе проведения торжеств по случаю выхода из печати двадцать пятого тома “Истории России с древнейших времен” в 1876 г. оказалось, что все привлеченные для этой цели преподаватели московских гимназий – в прошлом его слушатели¹⁸⁴. Об авторитете, которым пользовался ученый среди преподавателей, говорит следующее высказывание одного из выпускников 1-го Московского кадетского корпуса: “...Учителя, преподававшие у нас русскую историю, между прочим, Сергей Михайлович Шпилевский, бывший ученик Соловьева, – много рассказывали нам об его научных трудах, о принятых им методах преподавания и о взглядах его на историю как науку”¹⁸⁵.

Взгляды С.М. Соловьева на проблемы школьного образования, базировавшиеся на опыте его многолетней преподавательской и исследовательской деятельности, для своего времени носили безусловно прогрессивный характер. Стремясь к комплексному решению стоявших перед отечественным просвещением проблем, им подготовлены учебные пособия для школ низшего и высшего звена, отвечавшие в целом новому научному и методологическому уровню преподавания. Мысли о методике преподавания гуманитарных дисциплин, изложенные в статьях, докладной записке в совет Московского университета, лекционных курсах, сыграли свою роль в деле подготовки школьных учителей в России.

¹ *Ключевский В.О.* С.М. Соловьев как преподаватель // Сочинения: В 9 т. М., 1989. Т. 7. С. 320–328; *Танков А.А.* С.М. Соловьев как профессор // Колосья. 1885. № 8. С. 245–272 (сокращенный вариант см.: Вестн. Европы. 1910. № 10. С. 348–353). Вопрос о месте лекционной деятельности в творческом наследии С.М. Соловьева впервые был поставлен И.В. Волковой. См.: *Волкова И.В.* “Новый период” истории России в трудах С.М. Соловьева: (Из истории общественной мысли середины XIX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984; *Шаханов А.Н.* Записи лекционных курсов как исторический источник // Сов. архивы. 1990. № 6. С. 31–35.

² *Танков А.А.* Указ. соч. С. 246.

³ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 285. К. 1. Ед. хр. 6. Л. 1. (Далее: ОР РГБ).

⁴ Центральный исторический архив г. Москвы. Ф. 418. Оп. 45. Д. 314. Л. 7. (Далее: ЦИАМ).

⁵ ОР РГБ. Ф. 231/II. К. 10. Ед. хр. 8. Л. 28 об.

⁶ *Соловьев С.М.* Парижский университет: Письмо из Праги от 23 июня 1843 г. // Москвитянин. 1843. № 8. С. 478.

⁷ Русские ведомости. 1904. 4 окт.

⁸ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 31. Д. 287. Л. 1.

- ⁹ Там же. Ф. 459. Оп. 27. Д. 1016. Л. 1–17; Д. 1034. Л. 1–14; Д. 1140. Л. 1–12; Д. 1380. Л. 1–16; Д. 1519. Л. 1; Оп. 46. Д. 60. Л. 48 об.; Д. 278. Л. 2, 14–14 об.; Оп. 45. Д. 247. Л. 84; Оп. 249. Д. 62. Т. 1. Л. 23 об., 137, 329 об.; Д. 63. Л. 200 об.
- ¹⁰ *Зноров М. (архиепископ Николай)*. Мои воспоминания... Варшава, 1914. С. 21.
- ¹¹ *Бартенева П.И.* Воспоминания о С.М. Соловьеве // Рус. арх. 1907. Кн. 2. С. 553–554.
- ¹² ОР РГБ. Ф. 285. К. 1. Ед. хр. 7. Л. 2–3 об. См. также: Там же. Ед. хр. 6. Л. 1 об.; ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 249. Д. 46. Л. 141–142.
- ¹³ *Соловьев С.М.* Избр. труды. Записки. М., 1983. С. 265.
- ¹⁴ *Любавский М.К.* Соловьев и Ключевский // В.О. Ключевский: Характеристики и воспоминания. М., 1912. С. 46; Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 373. Оп. 1. Ед. хр. 24–30. (Далее: РГАЛИ).
- ¹⁵ *Соловьев С.М.* Курс новой русской истории 1873/1874 учебного года. Литогр. [М., 1874]. Лекция 35.
- ¹⁶ ОР РГБ. Ф. 285. К. 6. Ед. хр. 10. Л. 37.
- ¹⁷ Переписка С.М. Соловьева с К.С. Аксаковым (1847–1857) / Публ. А.Н. Шаханова // Записки отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В.И. Ленина. М., 1987. Вып. 46. С. 202.
- ¹⁸ *Соловьев С.М.* Избр. труды. Записки. С. 326.
- ¹⁹ Там же. С. 292; ОР РГБ. Ф. 285. К. 3. Ед. хр. 3, 8; К. 6. Ед. хр. 10. Л. 20; К. 9. Ед. хр. 10; Ф. 70. К. 29. Ед. хр. 17, 27; Отчет Имп. Московского университета за 1847/1848 учебный год... С. 12; *Плещев А.Н.* Письмо С.Ф. Дурову. 26 марта 1849 г., Москва // Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. М., 1953. С. 722; Дело петрашевцев. М.; Л., 1952. Т. 3. С. 294; *Георгиевский А.И.* Мои воспоминания и размышления // Русская старина. 1915. № 9. С. 422; *Афанасьев А.Н.* Московский университет в воспоминаниях. 1843–1849 гг. // 1886. № 8. С. 378; *Ешевский С.В.* Сочинения по русской истории. М., 1900. Предисловие. С. 18–19; *Бестужев-Рюмин К.Н.* Биографии и характеристики. СПб., 1882. С. 296; *Киреева Р.А.* К.Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. М., 1990. С. 36, 39, 85.
- ²⁰ *Танков А.А.* Указ. соч. С. 261.
- ²¹ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 30. Д. 763. Л. 21.
- ²² ОР РГБ. Ф. 285. К. 3. Ед. хр. 4. Л. 1–2.
- ²³ Там же. Ед. хр. 1. Л. 1–16; Ед. хр. 2. Л. 1–4.
- ²⁴ *Соловьев С.М.* Парижский университет. С. 474.
- ²⁵ *Соловьев С.М.* Курс новой русской истории 1873/1874 учебного года. Лекция 13.
- ²⁶ ОР РГБ. Ф. 70. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 23–23 об.
- ²⁷ *Волкова И.В.* Указ. соч. С. 51, 142.
- ²⁸ *Танков А.А.* Указ. соч. С. 351.
- ²⁹ *Соловьев С.М.* Курс новой русской истории 1873/1874 учебного года. Лекция 5.
- ³⁰ Там же. Лекция 6.
- ³¹ Там же. Лекция 5.
- ³² Там же.
- ³³ *Соловьев С.М.* Собр. соч. СПб., 1901. Стб. 1125–1126.
- ³⁴ *Соловьев С.М.* Курс новой русской истории 1873/1874 учебного года. Лекция 38.
- ³⁵ *Танков А.А.* Указ. соч. С. 261.
- ³⁶ ОР РГБ. Ф. 285. К. 6. Ед. хр. 2. Л. 5–5 об.; *Георгиевский А.И.* Указ. соч. С. 422; *Афанасьев А.Н.* Указ. соч. С. 378.
- ³⁷ *Бартенева П.И.* Указ. соч. С. 553–554.
- ³⁸ ОР РГБ. Ф. 285. К. 3. Ед. хр. 4. Л. 1 об.
- ³⁹ Там же. Ед. хр. 5. Л. 1–4; Ф. 70. К. 29. Ед. хр. 17. Л. 5.

- 40 Там же. Ф. 285. К. 3. Ед. хр. 4. Л. 1–2.
- 41 *Танков А.А.* Указ. соч. С. 262–263.
- 42 *Волкова И.В.* Указ. соч. С. 158.
- 43 ОР РГБ. Ф. 285. К. 3. Ед. хр. 5. Л. 3–4 об.
- 44 *Ешевский С.В.* Указ. соч. С. 24; *Бартенев П.И.* Указ. соч. С. 553–554; *Бестужев-Рюмин К.Н.* Биографии и характеристики. С. 296; *Безобразов П.В.* С.М. Соловьев: Его жизнь и научно-литературная деятельность. СПб., 1894. С. 44.
- 45 *Георгиевский А.И.* Указ. соч. С. 422.
- 46 *Богословский М.М.* В.О. Ключевский как ученый // *Богословский М.М.* Историография, мемуаристика, эпистолярная: (Научное наследие). М., 1987. С. 26–27.
- 47 *Любавский М.К.* Указ. соч. С. 46.
- 48 Древняя и новая Россия. 1876. № 2. С. 144.
- 49 *Киреева Р.А.* Указ. соч. С. 30.
- 50 Журнал Министерства народного просвещения. 1873. № 2. С. 177.
- 51 ОР РГБ. Ф. 70. К. 1. Ед. хр. 5. Л. 102; *Безобразов П.В.* Указ. соч. С. 44; *Танков А.А.* Указ. соч. С. 255; *Манн К.А.* Воспоминания // *Ист. вестн.* 1917. № 2. С. 328.
- 52 *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. 7. С. 327.
- 53 *Ключевский В.О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 55; *Афанасьев А.Н.* Указ. соч. С. 378; *Сухотин С.М.* Из памятных трагедий // *Рус. арх.* 1894. Кн. 1. Вып. 2. С. 246–247.
- 54 *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. 7. С. 326. *Бестужев-Рюмин К.Н.* Воспоминания (до 1860 года) // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1900. Т. 67. № 4. С. 24–25. Подобные оценки встречаются повсеместно: “Характер курса Соловьева был обобщающий; он не закидывал слушателей фактами, он давал общую систему событий и старался о научном развитии слушателей” (*Русские ведомости.* 1904. 5 окт.).
- 55 ОР РГБ. Ф. 70. К. 29. Ед. хр. 17–27.
- 56 *Танков А.А.* Указ. соч. С. 267.
- 57 *Ковалевский М.М.* Московский университет в конце 70-х и в начале 80-х годов прошлого века: (Личные воспоминания) // *Вестн. Европы.* 1910. № 5. С. 188.
- 58 *Миллюков П.Н.* Воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 105. См. также: *Любавский М.К.* Указ. соч. С. 57.
- 59 ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 30. Д. 763. Л. 21.
- 60 *Богословский М.М.* Из воспоминаний о В.О. Ключевском // *Богословский М.М.* Историография, мемуаристика, эпистолярная. С. 66.
- 61 *Танков А.А.* Указ. соч. С. 249; ОР РГБ. Ф. 70. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 66 (*Герье В.И.* Воспоминания).
- 62 *Рус. арх.* 1873. № 2. С. 164.
- 63 Сборник постановлений и распоряжений по делам цензуры с 1720 по 1862 г. СПб., 1862. С. 453.
- 64 *Соловьев С.М.* Курс лекций по новой русской истории 1873/1874 учебного года. Лекция 44.
- 65 *Замысловский Е.Е.* Памяти Сергея Михайловича Соловьева // *Журнал Министерства народного просвещения.* 1879. № 11. С. 27.
- 66 *Миллюков П.Н.* Указ. соч. С. 105.
- 67 *Ковалевский М.М.* Указ. соч. С. 188.
- 68 *Танков А.А.* Указ. соч. С. 249.
- 69 *Ключевский В.О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. С. 76; *Худяков И.А.* Записки каракозовца. М.; Л., 1930. С. 42.

- 70 *Танков А.А.* Указ. соч. С. 268.
- 71 РГАЛИ. Ф. 472. Оп. 1. Ед. хр. 86. Л. 49; *Пантелеев Л.Ф.* Воспоминания. М., 1958. С. 192–193.
- 72 ОР РГБ. Ф. 285. К. 6. Ед. хр. 10. Л. 78 об.–79.
- 73 Там же. Ф. 70. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 62 об.
- 74 *Соловьев С.М.* Курс лекций по новой русской истории 1873/1874 учебного года. Лекция 30.
- 75 Журнал Министерства народного просвещения. 1873. № 2. С. 116; *Волкова И.В.* Указ. соч. С. 51.
- 76 *Танков А.А.* Указ. соч. С. 271.
- 77 *Соловьев С.М.* Курс лекций по новой русской истории 1873/1874 учебного года. Лекция 33.
- 78 Там же. Лекция 1–2.
- 79 Там же. Лекция 3.
- 80 Там же. Лекции 13, 37.
- 81 Там же. Лекция 7.
- 82 *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. 4. С. 187.
- 83 *Соловьев С.М.* Лекции по новой русской истории 1873/1874 учебного года. Лекция 5.
- 84 Там же. Лекции 5, 36.
- 85 Там же. Лекция 5.
- 86 *Барсуков И.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1894. Т. 8. С. 398.
- 87 ОР РГБ. Ф. 285. К. 6. Ед. хр. 10. Л. 35 об.
- 88 Там же. Ф. 70. К. 29. Ед. хр. 27. Л. 33 об.
- 89 *Высотский Н.Г.* Из далекого прошлого: (Воспоминания о студенческих годах в Московском университете) // Вестн. воспитания. 1910. № 7. С. 164–165.
- 90 *Милюков П.Н.* Указ. соч. С. 105.
- 91 *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. 7. С. 322.
- 92 ОР РГБ. Ф. 70. К. 29. Ед. хр. 19.
- 93 *Танков А.А.* Указ. соч. С. 260.
- 94 *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. 7. С. 326.
- 95 *Танков А.А.* Указ. соч. С. 264. Сравните: “Профессор считает необходимым употреблять постоянно сравнительный метод” (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 30. Д. 763. Л. 21); “...Вопрос лучше всего уясняется через сравнение и противопоставление; мы не можем покидать сравнительного метода” (*Соловьев С.М.* Курс лекций по новой русской истории 1873/1874 учебного года. Лекция 3).
- 96 *Ключевский В.О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. С. 103–104.
- 97 *Танков А.А.* Указ. соч. С. 254–255.
- 98 Там же. С. 249, 251, 258; *Бартенев П.И.* Указ. соч. С. 553; *Ковалевский М.М.* Указ. соч. С. 188; *Худяков И.А.* Указ. соч. С. 41–42; П.В. Анненков и его друзья. СПб., 1892. С. 567–568; *Афанасьев А.Н.* Указ. соч. С. 378; *Андреевский Е.К.* Инженер-генерал Борис Антонович Шванебах: (Из его воспоминаний и воспоминаний о нем) // Русская старина. 1914. № 10. С. 144; ОР РГБ. Ф. 700. К. 4. Ед. хр. 18. Л. 199 (*Лукьянов С.М.* Воспоминания); РГАЛИ. Ф. 472. Оп. 1. Ед. хр. 86. Л. 1 (*Свербеев А.Д.* Воспоминания); Там же. Ед. хр. 103. Л. 15. (*Он же.* Указ. соч.); *Милюков П.Н.* Указ. соч. С. 105; *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 121.
- 99 *Высотский Н.Г.* Указ. соч. С. 165.
- 100 *Манн К.А.* Воспоминания // Ист. вестн. 1917. № 2. С. 328.
- 101 *Высотский Н.Г.* Указ. соч. С. 158.
- 102 *Милюков П.Н.* Указ. соч. С. 105; *Волкова И.В.* Указ. соч. С. 31–32.

- ¹⁰³ Волкова И.В. Указ. соч. С. 145, 158; Российский государственный исторический архив. Ф. 1120. Оп. 1. Ед. хр. 75.
- ¹⁰⁴ Любавский М.К. Указ. соч. С. 48.
- ¹⁰⁵ ОР РГБ. Ф. 285. К. 3. Ед. хр. 5. Л. 1–4; Ед. хр. 7. Л. 1–138.
- ¹⁰⁶ Киреева Р.А. Указ. соч. С. 173; Соловьев С.М. Избр. труды. Записки. С. 316.
- ¹⁰⁷ ОР РГБ. Ф. 285. К. 1. Ед. хр. 6. Л. 1.
- ¹⁰⁸ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 33. Д. 254. Л. 5; Оп. 25. Д. 73. Л. 5.
- ¹⁰⁹ Там же. Оп. 40. Д. 161. Л. 22–23 об.; Оп. 13. Д. 640. Л. 26 об.; Оп. 249. Д. 161. Л. 22–23 об.
- ¹¹⁰ Голицын М.В. Московский университет в 60-х гг.: (Воспоминания бывшего студента) // Голос минувшего. 1917. № 11–12. С. 237.
- ¹¹¹ Дело петрашевцев. М., 1951. Т. 3. С. 294. См. также: Воспоминания о студенческой жизни. М., 1899. С. 138, 149.
- ¹¹² Богословский М.М. Указ. соч. С. 26.
- ¹¹³ Галахов А.Д. Сороковые годы // Ист. вестн. 1892. № 2. С. 402. См. также: Худяков А.И. Указ. соч. С. 42. Подобные отзывы не единичны: “Со студентами Соловьев был мало обходителен, мало вообще им доступен” (Георгиевский А.И. Указ. соч. С. 423); “...Недостаточное общение с слушателями” (Голицын В.М. Указ. соч. С. 237); “Он не любим студентами и считается гордецом” (Дело петрашевцев. Т. 3. С. 294).
- ¹¹⁴ Русские ведомости. 1904. 4 окт.
- ¹¹⁵ Кареев Н.И. Указ. соч. С. 121–122.
- ¹¹⁶ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 249. Д. 47. Л. 462.
- ¹¹⁷ См.: Там же. Оп. 40. Д. 196. Л. 51–52; Оп. 41. Д. 209. Л. 52–53; Оп. 44. Д. 194. Л. 34; Оп. 45. Д. 220. Л. 25–28; Оп. 249. Д. 60. Т. 2. Л. 442; Д. 45. Л. 328; Д. 53. Л. 114–114 об.; Оп. 476. Д. 4. Л. 14; Д. 3. Л. 16; Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. С. 130; Отчеты о состоянии и действиях Имп. Московского университета за 1870/1874 учебные годы.
- ¹¹⁸ ОР РГБ. Ф. 285. К. 3. Ед. хр. 8; К. 8. Ед. хр. 1–9.
- ¹¹⁹ Там же.
- ¹²⁰ Барсуков Н.П. Указ. соч. Т. 9. С. 85; ОР РГБ. Ф. 521. К. 6. Ед. хр. 2. Л. 4.
- ¹²¹ Ключевский В.О. Сочинения. Т. 7. С. 325; Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. М., 1974. С. 402.
- ¹²² ОР РГБ. Ф. 285. К. 6. Ед. хр. 2. Л. 5–6 об.; Ф. 521. К. 6. Ед. хр. 2. Л. 1; Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 3. С. 734; ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 1093. Л. 23–24.
- ¹²³ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 1643. Л. 1, 6, 15; Ф. 418. Оп. 19. Д. 228. Л. 1, 6–7; Оп. 20. Д. 424. Л. 1–2.
- ¹²⁴ Москвитянин. 1851. Ч. 2. С. 195.
- ¹²⁵ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 32. Д. 82. Л. 24; ОР РГБ. Ф. 231/II. К. 17. Ед. хр. 5. Л. 10; Ф. 340. К. 5. Ед. хр. 2/4. Л. 48; Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. С. 103–104; Сухотин С.М. Указ. соч. Вып. 2. С. 246–247; Московские ведомости. 1864. 13 февр.
- ¹²⁶ Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. С. 103.
- ¹²⁷ Речи и отчет, читанные на торжественном акте в Московском коммерческом училище 5 сентября 1901 г. [М., 1902]. С. 37–38.
- ¹²⁸ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 3555. Л. 243–245; ОР РГБ. Ф. 285. К. 6. Ед. хр. 4. Л. 1–2.
- ¹²⁹ ОР РГБ. Ф. 231/II. К. 17. Ед. хр. 5. Л. 10; Ф. 340. К. 5. Ед. хр. 2/4. Л. 48; Ф. 700. К. 4. Ед. хр. 18. Л. 199; Лукьянов С.М. Вл. Соловьев в его молодые годы. Т. 1. СПб., 1916. С. 166; Зноров М. Указ. соч. С. 21.
- ¹³⁰ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 31. Д. 169. Л. 3. См. также: Там же. Оп. 249. Д. 50. Л. 206 об.–207.

- 131 ОР РГБ. Ф. 285. К. 1. Ед. хр. 12. Л. 1 об.
- 132 *Тютчева А.Ф.* При дворе двух императоров. М., 1990. С. 59.
- 133 ОР РГБ. Ф. 285. К. 3. Ед. хр. 10. Л. 2–2 об.
- 134 Там же. Ед. хр. 12. Л. 1–1 об.; К. 6. Ед. хр. 2. Л. 9 об., 10 об.; Ед. хр. 10. Л. 37, 42, 54, 75, 147; ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 2935. Л. 1; Оп. 28. Д. 555. Л. 1; Оп. 31. Д. 287. Л. 1; Оп. 249. Д. 53. Л. 381 об.; Оп. 476. Д. 51. Л. 10; Рус. вестн. 1896. № 2. С. 2.
- 135 ОР РГБ. Ф. 285. К. 6. Ед. хр. 10. Л. 35.
- 136 Там же. Л. 40.
- 137 Там же. Л. 35 об.
- 138 Там же. Л. 40.
- 139 Там же. Л. 36. Видимо, поэтому П.А. Вяземский и выступал против назначения С.М. Соловьева преподавателем к великому князю Александру Александровичу (*Лосев А.Ф.* Владимир Соловьев и его время. М., 1990. С. 8).
- 140 ОР РГБ. Ф. 285. К. 6. Ед. хр. 10. Л. 37; К. 1. Ед. хр. 12. Л. 1; Рус. вестн. 1894. № 11. С. 11.
- 141 ОР РГБ. Ф. 285. К. 6. Ед. хр. 10. Л. 75.
- 142 Там же. Л. 78 об.–79; Рус. вестн. 1894. № 11. С. 11.
- 143 *Тютчева А.Ф.* Указ. соч. С. 132.
- 144 Специально в исследовательской литературе этот вопрос не поднимался. Один из разделов диссертации Р.А. Прутковской “Становление и развитие программы и учебника истории средней школы в России (конец XVIII – до начала 60-х гг. XIX в.)” (Л., 1969) посвящен анализу “Учебной книги” С.М. Соловьева. Взглядов ученого на задачи, характер, методику преподавания автор не касался. См. также: *Шаханов А.Н.* Вопросы среднего исторического образования в творческом наследии С.М. Соловьева // Преподавание истории в школе. 1989. № 4.
- 145 ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 249 Д. 7. Л. 276.
- 146 Там же. Оп. 27. Д. 729. Л. 6.
- 147 Там же. Л. 1–2, 193.
- 148 Там же. Ф. 459. Оп. 2. Д. 3112. Л. 61.
- 149 Отчет о проведении годовичного акта в Московском коммерческом училище. [М., 1910]. С. 32–33.
- 150 *Стоюнина М.* Воспоминания // Минувшее. Ист. альманах. М., 1992. Вып. 7. С. 381–382.
- 151 *Соловьев С.М.* Избр. труды. Записки. С. 251–254; *Фет А.А.* Ранние годы моей жизни. М., 1893. С. 154; *Андреевский Е.К.* Указ. соч. С. 144; Историческая записка Имп. лицея в память цесаревича Николая... М., 1899. С. 180; ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 3038. Л. 1–2; Ф. 418. Оп. 45. Д. 3. Л. 29; Ф. 249. Д. 40. Л. 167–167 об.; Д. 61. Л. 416; ОР РГБ. Ф. 70. К. 52. Ед. хр. 57. Л. 4.
- 152 *Соловьев С.М.* О преподавании истории // Москва. 1868. № 71–72 (авторство установлено Н.А. Поповым на основании документов личного архива ученого. См.: ОР РГБ. Ф. 285. К. 6. Ед. хр. 10. Л. 51); *Он же.* Докладная записка в совет Московского университета о преподавании истории в гимназиях // Преподавание истории в школе. 1988. № 4. С. 36–40.
- 153 *Соловьев С.М.* Избр. труды. Записки. С. 250.
- 154 Там же. С. 347–348.
- 155 *Соловьев С.М.* Собр. соч. СПб., 1901. Стб. 803.
- 156 *Соловьев С.М.* Речь при открытии высших женских курсов 1 ноября 1872 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1873. № 2. С. 118; ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 476. Д. 52. Л. 9.
- 157 *Соловьев С.М.* Лекции по новой русской истории 1873/1874 учебного года. Лекции 29, 40.

- 158 *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. 7. С. 328.
- 159 *Соловьев С.М.* Докладная записка... С. 37–38.
- 160 Московские ведомости. 1859. 13 марта.
- 161 *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: В 30 т. Л., 1986. Т. 29. Кн. 1. С. 74. За это говорит и тот факт, что даже рассчитанные на более подготовленный контингент слушателей публичные лекции С.М. Соловьева 1851 г. распространялись в гимназиях Московского учебного округа как пособие по предмету (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 182. Д. 26. Л. 16 об.).
- 162 *Добролюбов Н.А.* Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1962. Т. 4. С. 349–352; Т. 5. С. 166.
- 163 Отеч. зап. 1861. № 3. С. 58.
- 164 Древняя и новая история. 1879. Т. 15. С. 374.
- 165 Литературное наследство. М., 1971. Т. 83. С. 341.
- 166 *Соловьев С.М.* Собр. соч. Стб. 805–806.
- 167 *Соловьев С.М.* Докладная записка... С. 39.
- 168 Учитель. 1863. № 3–4. С. 678; *Достоевский Ф.М.* Собр. соч. Л., 1973. Т. 5. С. 166.
- 169 *Добролюбов Н.А.* Собр. соч. Т. 4. С. 350.
- 170 В пяти последних переизданиях, осуществленных М.С. и С.М. Соловьевыми при участии В.О. Ключевского, указанные недочеты были устранены.
- 171 *Добролюбов Н.А.* Собр. соч. Т. 5. С. 167–168; *Ключевский В.О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. С. 172, 191.
- 172 ОР РГБ. Ф. 700. К. 1. Ед. хр. 6. Л. 111; 225 лет издательской деятельности Московского университета. 1756–1981: Летопись. М., 1981. С. 83.
- 173 *Достоевский Ф.М.* Собр. соч. Л., 1988. Т. 30. Кн. 1. С. 237; Воспоминания о студенческой жизни. М., 1899. С. 57, 134.
- 174 *Соловьев С.М.* Русская летопись для первоначального чтения. М., 1847 (выдержала 7 изд.); *Он же.* Общедоступные чтения о русской истории. М., 1874 (выдержали 5 изд.).
- 175 *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. М., 1956. Т. 1. С. 142.
- 176 *Соловьев С.М.* Избр. труды. Записки. С. 250.
- 177 Архив Раевских. Пг., 1915. Т. 5. С. 136–137.
- 178 ОР РГБ. Ф. 696. К. 3. Ед. хр. 10. Л. 15 об.–16, 17 об.; *Соловьев С.М.* Избр. труды. Записки. С. 241.
- 179 *Соловьев С.М.* Избр. труды. Записки. С. 242.
- 180 Там же. С. 247.
- 181 *Соловьев С.М.* Лекции по новой русской истории 1873/1874 учебного года. Лекция 9.
- 182 *Соловьев С.М.* Докладная записка... С. 38.
- 183 *Волкова И.В.* Указ. соч. С. 54.
- 184 ОР РГБ. Ф. 70. К. 32. Ед. хр. 28. Л. 3–6; Ед. хр. 29. Л. 3 об.
- 185 *Андреевский Е.К.* Указ. соч. С. 143.

**СЕРГЕЙ ФЕДОРОВИЧ ПЛАТОНОВ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
НАЧАЛА XX века**

Личность Сергея Федоровича Платонова представляет немалый интерес для современных историографов. В многочисленных статьях и монографиях, посвященных жизни и творчеству С.Ф. Платонова, рассматриваются разные сюжеты, связанные с изучением социальной и политической истории России второй половины XVI – начала XVII в., с существованием на рубеже XIX–XX вв. двух исторических школ (московской и петербургской), с политическими репрессиями 20-х годов XX в., с развитием исторической науки России в целом. Несмотря на такую обширную историографию, в изучении творческого наследия С.Ф. Платонова есть еще неисследованные моменты, связанные с восприятием этого ученого научным сообществом и общественно-культурной мыслью России. Именно этому сюжету мы и посвятим данную статью.

В складывающейся междисциплинарной модели изучения историографии особое место занимают культурологические исследования с явным антропологическим акцентом. Современные ученые, стремящиеся использовать культурологический подход наряду с когнитивным и методологическим, сталкиваются с проблемой разделения границ культуры и науки. На наш взгляд, наиболее перспективный выход из данной ситуации – исследование «каждого “звена” системных и подсистемных уровней “взаимосуществования” культуры и науки [...] в плане механизма передачи исходящих от конкретного человека культурных и научных ценностей в идейный арсенал или память человечества»¹. При этом особое внимание уделяется журнальной строке как “срочной словесности” мысли. В нашем случае в качестве данной строки будет выступать рецензия, которая, с одной стороны, является отражением момента прохождения концепции историка в научной среде, а с другой стороны, коммуникативным пространством, в котором происходит поиск модели исторического исследования. Рецензии, опубликованные на страницах периодики и посвященные критике “Очерков по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.” С.Ф. Платонова, позволяют зафиксировать отношение как научного сообщества, так и широкой общественности к трудам и личности историка.

Становление С.Ф. Платонова как ученого–историка происходило в 80–90-е годы XIX в. Однако широкая известность к Платонову приходит лишь в начале XX в. Именно к этому времени относится наивысший расцвет его научной карьеры и окончательное оформление представлений о нем как об историке, сохранившихся в науке

и в обществе. вплоть до конца 1920-х годов. Наличие данной переходной грани осознавал и сам Сергей Федорович, считая защиту докторской диссертации в октябре 1899 г. тем моментом, когда его “ученое имя было установлено твердо”². В первом десятилетии XX в. в биографии ученого произошли события, которые теснейшим образом связали имя Платонова с национальной культурной традицией начала XX в. Наиболее значительные из них: руководство историко-филологическим факультетом Санкт-Петербургского университета в 1900–1905 гг. и Женским Педагогическим институтом в 1903–1916 гг., выход нескольких изданий его “Лекций по русской истории”, предназначенных для студентов высших учебных заведений, и учебного курса по русской истории для средней школы.

Появление крупного монографического исследования Платонова “Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.” вызвало в обществе пристальный интерес как к самому труду, так и к его автору. Самые первые немногочисленные отклики на это исследование появляются еще в 90-х годах XIX в., когда ученый апробирует результаты своей научной работы в виде отдельных статей, рефератов и докладов. Естественно, что диспут Платонова, состоявшийся 3 октября 1899 г. в Киевском университете в присутствии многочисленной публики, не мог пройти незамеченным. Политическая и литературная газета “Новое время”, выходящая в Санкт-Петербурге в 1868–1917 гг., опубликовала подробный отзыв об этом событии, перепечатанный позже литературно-историческим журналом “Исторический вестник”. В этих отзывах дана очень высокая оценка творчеству С.Ф. Платонова, подошедшему к защите докторской диссертации “еще молодым, но уже известным в ученом мире” человеком³. Почти все периодические издания обратили особое внимание на слова одного из официальных оппонентов Платонова – В.С. Иконникова, подчеркнувшего “обширную эрудицию диспутанта” и назвавшего “Очерки” одной из капитальнейших монографий по данному вопросу⁴.

Рецензии, вышедшие по поводу книги Платонова, условно можно разделить на две категории: со стороны научного сообщества и со стороны “широкой публики”. Даже сами критики строго разграничивали “научные” (специальная литература, учебная литература и т.д.) и “ненаучные” (общая литература, неспециальная литература и т.д.) рецензии, придавая высокий статус именно первым. Очень ярко это мнение, устоявшееся в обществе, сформулировал В.Н. Сторожев, дав предварительно краткую характеристику “ненаучным” отзывам. “Мелкие рецензии, до которых так падки наша журналистика, и наша публика [...] страдают в огромном большинстве случаев всеми особенностями летучих заметок, рассчитанных на мимолетное впечатление, а не на систематическое откладывание в голове читателя определенных данных в области той или иной науки, последовательно вырабатываемых последнею...”⁵ Рецензии, вышедшие

на страницах научных изданий, по своей структуре, объему и эмоциональной окраске значительно отличались от всех остальных. В основном здесь обращалось внимание на научность рецензируемого труда, т.е., во-первых, на последовательное соблюдение всех необходимых элементов научно-исторического исследования, во-вторых, на разработку темы и ее частных вопросов и, в-третьих, на личность автора. К труду Платонова “Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.” все без исключения критики отнеслись более чем благосклонно. Научность данного исследования была оценена очень высоко. В этом отношении особенно показательна обширная рецензия В.С. Иконникова, составившая даже отдельное самостоятельное исследование. В первую очередь здесь указывается на удачную постановку и блестящее выполнение цели исследования, которая заключается в раскрытии основных явлений Смуты, а не отдельных ее фактов⁶. Хотя другой рецензент – П. Полевой, также подчеркивая эту положительную сторону труда Платонова, видел в качестве задачи исследования не общее воссоздание яркой картины Смутного времени, а изложение его отдельных фактов. “Исследование г. Платонова побуждает каждого, преданного изучению нашего исторического прошлого, желать, чтобы какой-нибудь высокоталантливый историк-художник набросал перед нами яркую картину смутного времени и создал плавное историческое повествование из отдельных фактов, добытых современною наукою и освещенных критикою историка-исследователя”⁷. К достоинствам сочинения Платонова рецензенты относили присутствие богатой источниковой базы и ее умелую обработку, критический анализ отечественной и иностранной литературы по каждому отдельному вопросу, научную добросовестность и объективность в формулировании собственных выводов и, наконец, краткость и живость языка монографии⁸.

Процесс творческого поиска Платонова проходил в рамках уже сложившейся в Петербургском университете традиции исторического исследования. Определяя в качестве первоначальной задачи историка сбор и обработку архивных материалов и восстановление на их основе исторических фактов российской действительности, Платонов целиком следовал описанному им плану. Посвятив первую часть своей работы критике введенных им в научный оборот источников по истории Смуты⁹, историк завершил свое исследование по данной теме, представив целостное изображение этого явления в истории России. Данная схема Платонова вполне соответствовала позитивистскому образу науки, преобладающему в исторической науке на рубеже XIX–XX вв., поэтому была воспринята большинством критиков как единственно верная и строго научная. Такой метод работы приветствовался и В.С. Иконниковым, и В.Н. Сторожевым, и М.А. Полиевктовым, и многими другими рецензентами. Правда, одни из них усматривали в исследовании Платонова “широко прове-

денный опыт социологической истории Смутного времени”¹⁰, другие – использование наработок исторического материализма и марксизма, что выразилось, по их мнению, в доказательстве особой исторической роли средних слоев населения, приведших на престол династию Романовых и выражавших интересы народа. “Марксизм, столь чуждый общественной группе, к которой принадлежит автор, наложил яркую печать на его научное мышление”¹¹. Но особый интерес вызвал психологический фактор, который, как считали некоторые исследователи, составляет антропологическую основу исторической действительности, описываемой Платоновым. Поэтому вполне понятно, что отдельные критики считали данный фактор связующей основой в его концепции Смуты. В заключение этого тезиса обратимся к словам М.А. Полиевктова: “Думам и чувствам людей того времени профессор Платонов отводит много места, и это, главным образом, и обращает его исследование в жизненный рассказ. Перед читателем проходит целый ряд лиц с резко очерченными физиономиями [...] Много исторических теней потревожил исследователь. Но они восстают уже не тенями, а живыми людьми, облеченными в плоть и кровь, со своими душами и чувствами...”¹² Однако П. Полевой психологический фактор понимал по-своему, указывая на удивительную способность ученого “мастерски, с замечательным критическим тактом и с уверенностью опытного анатома-исследователя” раскрывать сложные характеры деятелей Смуты, что связано с категорией случайности в историческом процессе¹³. Эта категория ассоциировалась у рецензента со стадными, инстинктивными движениями народной массы, с проявлением “неразумных качеств человека”¹⁴. Вообще вопрос об использовании этого фактора в исторических исследованиях среди ученых был достаточно спорным, на что и указывает статья В.Н. Сторожева. «Если под психологическим элементом, – писал он, – разуметь по обычаю пошлые фразы об “адской интриге”, о подвигах героев, иногда дутых, о патриотизме, о дорогом отечестве и пр., то за всем этим критик с удобством может обратиться к печатным листам, не имеющим ровно ничего общего с наукой; если же имелось в виду то, что в нашей науке подразумевается под *психологическим процессом*, то, во-первых, автору мы не можем навязывать своих тем, а, во-вторых, для подобного изучения едва ли пришло время»¹⁵. Уникальность сочинения Платонова была такова, что каждый из современников, увлекшись той или иной теорией, видел в этом произведении присутствие некоторых элементов только что формирующегося течения или направления, видел в авторе непревзойденного исследователя, умело использовавшего самые последние достижения науки.

Для первых рецензий на труд Платонова было симптоматично то, что в них совершенно не обсуждался вопрос о соотношении в его исследовании традиций петербургской и московской школ русских историков. Более того, проблема существования двух исторических

школ в науке даже и не поднималась. В связи с этим необходимо отметить, что некоторые из рецензентов упоминали К.Н. Бестужева-Рюмина и Е.Е. Замысловского в качестве учителей Платонова, но в основном эти имена, как и имена С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, И.Е. Забелина, Н.И. Костомарова фигурировали в связи с анализом всей концепции Смуты Платонова или некоторых ее частных вопросов. Один В.Н. Сторожев подчеркнул приоритет петербургской традиции в изучении Платоновым только “литературных памятников” истории России¹⁶. В целом источниковая база исследования Платонова была оценена критиками достаточно высоко: “Книга г. Платонова представляет собою плод продолжительного и очень внимательного изучения всего *изданного* материала, так или иначе относящегося к тому отрывку из русского прошлого, который принято называть Смутным временем; в пределах этого *изданного* материала, под которым мы разумеем главным образом источники, автор сделал почти все, что только можно сделать в наше время, игнорируя случайности русских архивов”¹⁷, – отмечал В.Н. Сторожев.

Такую же высокую оценку получила историографическая составляющая исследования Платонова. “Труд [Платонова. – М.М.] [...] в настоящее время представляет собою капитальнейший свод всего, что было писано, и почти всего, что было доселе известно по истории смутного времени”¹⁸. Вместе с тем рецензенты отмечали, что наличие такого огромного пласта исторической литературы представляло значительную трудность в выработке самостоятельной концепции Смуты. “Писать вновь исследование на ту же тему казалось бы возможным лишь при условии каких-нибудь обильных архивных находок. Не обладая последними, г. Платонов все-таки взялся за пересмотр истории Смуты, успешно выполнил свою задачу и поставил себя в известные отношения к старой литературе”¹⁹. Многие критики указывали также на обширную библиографию исследования²⁰, на использование автором наработок не только научной литературы, но и популярных изданий²¹, что в подобного рода сочинениях бывает очень редко.

Вторая критическая мерка, с которой рецензенты подходили к характеристике исследования историка, – это “то *новое*, что может оно внести в наш научно-популярный обиход, в чем разногласит оно со *старыми* исследованиями и какие вопросы выдвигает либо для пересмотра, либо для дальнейшего или более детального изучения”²². Здесь спектр мнений критиков очень разнообразен, особенно это касается некоторых отдельных вопросов, затронутых С.Ф. Платоновым (опричнина, личность Лжедмитрия I, Земский собор 1613 г. и др.). Не вдаваясь в подробности изучения каждого вопроса, обратимся к характеристике его концепции Смуты. Рецензии, вышедшие в первом десятилетии XX в., не были единодушны в оценке “Очерков” историка. В.С. Иконников подчеркивал полную самостоятельность данной концепции, несмотря на использование

некоторых частных выводов предшествующих исследователей: “Проф. Платонов имел возможность воспользоваться массой материалов и исследований, появившихся с тех пор, как в иностранной, так и в русской литературе; но, внося их в область своих разысканий, он относился к ним критически, независимо от тех или иных воззрений. Несомненно, что выводы и постановка отдельных вопросов в современной ученой литературе, посвященной настоящей эпохе, сказались в основных положениях автора; но общая группировка фактов, освещение их, процесс самого исследования идут у него независимым, намеченным им путем...”²³ П. Полевой указывал на полную зависимость Платонова от “программы”, намеченной К.Н. Бестужевым-Рюминым для раскрытия данной темы: “Только в очень недавнее время историческая наука избрала иной путь к изучению [...] смутного времени, обратилась исключительно к критике материалов, к пополнению пробелов их новыми архивными изысканиями и – что весьма важно – к изучению бытовых условий народной жизни XVI и XVII вв., в которых именно и кроется разрешение многих исторических домыслов и догадок”²⁴. В.Н. Сторожев, признавая огромный вклад Платонова в разработку данного вопроса, видел в концепции историка присутствие в неразвернутом виде некоторых кардинально важных положений С.М. Соловьева и В.О. Ключевского²⁵, а также некоторые идеи Н.И. Костомарова, И.Е. Забелина, К.Н. Бестужева-Рюмина: “...в старой литературе он [Платонов. – М.М.] нашел вполне готовую постановку его темы, намеченные ответы на ряд поставленных вопросов и даже основную идею, которою проникнуто все исследование”²⁶.

Общий тон рецензий 1910-х годов, вышедших по поводу третьего издания “Очерков”, несколько меняется. Это происходит на фоне событий, развивавшихся в исторической науке и в научном сообществе в эти годы. С одной стороны, мы видим твердо установленный авторитет Платонова, а с другой – смерть В.О. Ключевского в 1911 г., вызвавшую целый ряд рефлексий историков по поводу московской исторической школы. В связи с несколько изменившейся ситуацией, в рецензиях на труд Платонова в первую очередь указывается на непоколебимый авторитет исследователя, его заслуги и бесспорно научную значимость как “Очерков”, так и других произведений историка: “Нельзя не приветствовать появление нового издания классического труда проф. Платонова о смутном времени. Исключительные достоинства этого исследования были отмечены в свое время и обшей, и специальной критикой, самый же факт III-го издания ученой работы лучше всего свидетельствует об ее прочном и широком успехе”²⁷. Далее рецензенты пытаются определить место этого труда не только в исторической литературе по истории Смуты, но и в науке в целом. Впервые в полном объеме вопрос о соотношении традиций петербургской и московской школ историков в творчестве

Платонова поставил В.И. Пичета в своей работе “Смута и ее отражение в трудах историков”. Определяя “научную физиономию” Платонова, Пичета указывал, с одной стороны, на “большое мастерство критики источников, чего по преимуществу держалась петербургская школа историков”²⁸, а с другой – на “методологические приемы” “исторического обобщения”, унаследованные от В.О. Ключевского. В заключении рецензент, отдавая должное труду историка как единственно полному своду и критически-мелочному изложению всего исторического материала, каким обладала наука к этому времени, не видел в самой концепции исследователя ничего нового, отличного от концепций В.О. Ключевского, С.М. Соловьева, И.Е. Забелина: “...Никаких новых точек зрения в ней нельзя найти и значение их [“Очерков”. – М.М.] заключается исключительно в детальном критическом описании хода смуты”²⁹. Однако далее автор статьи все-таки проговаривается, что “работа Платонова была последней общей работой, посвященной смутной эпохе”, и исследователи последнего десятилетия вносили только “некоторые поправки и дополнения в картину, нарисованную Ключевским и Платоновым”³⁰, труды которых еще “не скоро устареют” и уступят место таким же обобщающим исследованиям. Даже такой пристрастный критик, как Д.И. Иловайский, очень уязвленный отзывом Платонова на третий том его “Истории России” (1891 г.) и ведший с этого времени с ним скрытую полемику, несмотря на все замечания, в конце своей рецензии признает: “...в конце концов докторская диссертация г. Платонова вместе с магистерской является в числе наиболее крупных и полезных трудов в сфере Русской исторической науки за последнее время. Если посмотреть на нее как на первую серьезную попытку осветить Смутную эпоху со стороны общественных условий, то она заслуживает полного внимания и одобрения”³¹.

В связи с последними дискуссиями историков по поводу места исследований Платонова в развитии московской и петербургской исторических традиций представляется значимым замечание Е.Ф. Трифилева, который вслед за В. Грибовским³² указал на очень ценную особенность творческого таланта Платонова, позволяющего рецензентам видеть в этом историке представителя и петербургской и московской исторических традиций. “Если крупные ученые труды проф. Платонова поражают широтой взглядов автора, оригинальностью и глубиной его обобщений, методологической ясностью размещения научного материала, его мелкие работы свидетельствуют об удивительной способности их автора к мелким, кропотливым изысканиям по теме или другим отдельным вопросам”³³. В 1910-е годы все чаще появляются заметки, авторы которых задумываются о месте творчества Платонова в развитии исторических традиций московской и петербургской школ. Одни историки (В.И. Пичета, В.Н. Сторожев) причисляют Сергея Федо-

ровича к последователям идей, развивавшихся в рамках Петербургского университета: “Г. Платонов академичен до чрезвычайности; он всегда серьезен и деловит, и если берется за перо, то всегда можно быть уверенным, что, как говорится, с плеча он ничего не пишет: до мелочей будут разработаны соображения ученых, будут строго соблюдены и требования петербургского академического быта, весьма сложного и чопорного”³⁴. Другие (П.Н. Милюков) видят в творчестве Платонова постепенную эволюцию в сторону сближения этих двух традиций: “Молодое поколение петербургских историков стремится согласить это направление учителей с более реальным направлением московского университета или даже вполне переходит на сторону последнего”³⁵. В качестве примера приводятся произведения Платонова, в которых “слиянию петербургской и московской влияний в некоторое оригинальное целое очень помогла самая тема” Смуты³⁶.

Другим, пусть не основным, но тоже немаловажным критерием научности труда была форма изложения, которая, по мнению рецензентов, была простой и ясной, понятной не только для научного сообщества историков, но и для широкой интересующейся историей публики. Многие из рецензентов вполне понимали стоящую перед исторической наукой задачу популяризации ее достижений. Некоторые из них даже задумывались над тем, “наука ли история, или нет? Не должен ли быть и историк художником?”³⁷, так как “совместить научность и художественность в историческом сочинении трудно. О последней некогда заботиться исследователю; она зачастую делается уделом популяризатора, чьи сочинения по содержанию далеко не всегда высоки. Немногие исследователи–историки могут быть названы исследователями–художниками”³⁸. В этом отношении “Очерки” Платонова совершенно не вызвали никаких возражений. Официальный оппонент Платонова В.С. Иконников особо подчеркнул краткость, сжатость и в то же время ясность и живость языка книги историка³⁹. На это достоинство исследования Платонова указывали все без исключения рецензенты, придавая ему большое значение в популяризации исторических знаний. “Нельзя не указать на литературные достоинства книги г. Платонова. Это до известной степени новый стиль научных исследований, представляющих собою не осторожное кропотливое изложение частного вопроса, а крупную законченную литературную работу первоклассного достоинства. Книга г. Платонова написана не специально для своего факультета, а для всей русской образованной публики”⁴⁰. Отдельные популярные издания охарактеризовали книгу Платонова как “талантливый исторический роман”, который вполне доступен для широкой читающей публики⁴¹. Успех книги Платонова был, на наш взгляд, больше того, какой могли предположить рецензенты и сам автор. Востребованность “Очерков” исторической наукой и

их “читабельность” в ненаучной среде уже в течение первого десятилетия XX в. определили выход второго (1901 г.) и третьего (1910 г.) изданий этой книги, “что с учеными диссертациями в России бывало очень редко”⁴².

Таким образом, отношение к Платонову как серьезному ученому-историку, “непревзойденному” исследователю Смуты окончательно оформилось именно с выходом его второго капитально-го труда и защитой докторской диссертации. Критики, обращающиеся к более поздним работам Сергея Федоровича, констатируют как само собой разумеющееся его высокий статус: “...имя проф. Платонова”, “одного из виднейших представителей современной русской исторической науки”, “автора лучшего у нас сочинения по истории смуты позволяет не сомневаться в строгой научности и полной исторической достоверности” его произведений⁴³. В русской исторической науке исследование С.Ф. Платонова представляло собой логически завершенную концепцию Смуты, с прочным источниковедческим фундаментом и обширными историографическими экскурсами. Последовавшие за ней монографии русских историков XX в. (П.Г. Любомирова, И.И. Смирнова, В.И. Корецкого, Р.Г. Скрынникова и др.) во многом опирались на разработанную им концепцию Смуты и обогащали ее новыми фактологическими знаниями и более совершенной методикой исследовательской работы. Согласимся с мнением С.О. Шмидта, что, в отличие от “Боярской думы” В.О. Ключевского, “докторская диссертация Платонова и по сей день остается первоосновой знаний о России второй половины XVI – начала XVII вв.”⁴⁴. В общественно-культурной мысли России, все более осознававшей в начале XX в. возрастающую роль научного знания в развитии общества, особенно исторической науки, помогающей понять связь времен и место своей эпохи, имя С.Ф. Платонова становится широко известным как имя ученого-просветителя, талантливого популяризатора исторических знаний, чьи труды оказывают значительное влияние на формирование исторического сознания общества.

¹ Мохначева М.П. Журналистика и историческая наука: В 2 кн. М., 1999. Кн. 2: Журналистика и историографическая традиция в России 30–70-х гг. XIX в. С. 6.

² Платонов С.Ф. Автобиографическая записка // Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 1. СПб., 1993. С. 279.

³ Диспут С.Ф. Платонова // Ист. вестн. 1899. № 2. С. 1282.

⁴ Там же. С. 1283.

⁵ Сторожев В.Н. Очерки русской историографии // Образование. 1900. № 4. С. 36.

⁶ Иконников В.С. С.Ф. Платонов. Очерки по истории Смуты в Московском государстве конца XVI – начала XVII в. СПб., 1899 // Журнал Министерства народного просвещения. 1900. № 2. С. 368; № 3. С. 173.

- 7 Полевой П. Новый труд по истории смутного времени // Ист. вестн. 1900. Т. 79. С. 323.
- 8 Иконников В.С. С.Ф. Платонов. Очерки... // Там же. № 3. С. 188–189.
- 9 Помимо магистерской диссертации “Древнерусские повести и сказания о смутном времени XVII в. как исторический источник” необходимо упомянуть и о XIII томе Русской исторической библиотеки, куда вошли собранные С.Ф. Платоновым материалы.
- 10 Рец. на кн.: Проф. Платонов. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI – XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в смутное время) // Вестн. Европы. 1899. № 11. С. 393.
- 11 Рец. на кн.: Проф. С.Ф. Платонов. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI – XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в смутное время) // Соврем. мир. 1911. № 2. С. 368–369.
- 12 Полиевктов М. “Смутное время” и новая о нем книга проф. Платонова // Сев. курьер. 1900. 27 апр.
- 13 Полевой П. Указ. соч. С. 319.
- 14 Там же. С. 319, 321.
- 15 Сторожев В.Н. Очерки... // Там же. № 11. С. 59–60.
- 16 Там же. С. 59.
- 17 Сторожев В.Н. Очерки... // Там же. № 7/8. С. 128.
- 18 Полевой П. Указ. соч. С. 315.
- 19 Сторожев В.Н. Очерки... // Там же. № 7/8. С. 130–131.
- 20 Рец. на кн.: Проф. Платонов. Очерки по истории Смуты... // Там же. № 11. С. 393.
- 21 Сторожев В.Н. Очерки... // Там же. № 7/8. С. 130–131. Автор данной рецензии определял статус популярной литературы намного ниже, чем научной, и тем не менее он считал, что первая в немалой степени берет свои истоки из второй. В данном случае тема “Смуты”, по его мнению, в публицистике нередко основывалась на трудах современных ученых-историков, например, А.Е. Мерцалова, Е.А. Белова, Д.И. Иловайского, которые в научном сообществе не получили особого одобрения в качестве научно-исторических исследований.
- 22 Там же. С. 128.
- 23 Иконников В.С. С.Ф. Платонов. Очерки... // Там же. № 3. С. 188.
- 24 Полевой П. Указ. соч. С. 315.
- 25 Сторожев В.Н. Очерки... // Там же. № 7/8. С. 128–136.
- 26 Там же. С. 131.
- 27 Рец. на кн.: Проф. Платонов. Очерки по истории Смуты... // Там же. № 4. С. 341.
- 28 Пичета В.И. Смута и ее отражение в трудах историков // Голос минувшего. 1913. № 2. С. 30.
- 29 Там же. С. 31.
- 30 Там же. С. 34.
- 31 Иловайский Д.И. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI – XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в смутное время) С.Ф. Платонова. СПб., 1899 // Кремль. 1900. № 8. С. 1–3.
- 32 Грибовский В. С.Ф. Платонов. Статьи по русской истории (1883–1902) СПб., 1903 г. // Ист. вестн. 1903. Т. 93. С. 651.
- 33 Трифилев Е.П. Тридцатилетие научно-педагогической деятельности проф. Сергея Федоровича Платонова. Одесса, 1913. С. 16.
- 34 Сторожев В. Проф. Платонов. Статьи по русской истории (1883–1902 гг.) СПб., 1903 г. // Мир божий 1903. № 9. Отд. 2. С. 86.
- 35 Милюков П.Н. Источники русской истории и русская историография // Энцикл. словарь Брокгауз и Ефрон. Т. 55. С. 444.

- ³⁶ Милюков П.Н. Два русских историка (С.Ф. Платонов и А.А. Кизеветтер) // Современ. зап. Париж, 1933. Т. 51. С. 318.
- ³⁷ Полиевктов М. Указ. соч.
- ³⁸ Там же. О том же говорил и В.Н. Сторожев. См.: Сторожев В.И. Очерки... // Там же. № 7/8. С. 131.
- ³⁹ Иконников В.С. С.Ф. Платонов. Очерки... // Там же. № 3. С. 189.
- ⁴⁰ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 585. Оп. 1. № 1183. Л. 5. (Далее: ОР РНБ.)
- ⁴¹ Полиевктов М. Указ. соч.
- ⁴² Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 279.
- ⁴³ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. № 1188. Л. 1, 10.
- ⁴⁴ Шмидт С.О. Сергей Федорович Платонов // Портреты историков: Время и судьбы: В 2 т. М.; Иерусалим, 2000. Т. 1. Отечественная история. С. 111, 109.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

*

М.Г. Вандалковская

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛИЗМА НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА “СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПИСКИ”*

Журнал “Современные записки” – один из самых крупных и долговременных эмигрантских журналов. Он выходил в Париже в 1920–1940 гг. «В зарубежной русской журналистике, – писал М. Осоргин, – есть свой классик – “Современные записки”. По долголетию, по составу ближайших сотрудников, по терпимости и бесстрастию, вообще по солидности и маститости – журнал без соперников»¹. И действительно, среди многочисленных эмигрантских изданий “Современные записки” занимали особое место. Это был единственный “толстый” эмигрантский журнал, обнимающий прозу и поэзию, политику и науку, культуру и искусство. Вся эмигрантская писательская и культурная элита принимала в журнале самое активное участие. Л. Андреев, К. Бальмонт, Н. Берберова, И. Бунин, А. Белый, З. Гиппиус, В. Зензинов, Б. Зайцев, А. Ремизов, Н. Тэффи, В. Ходасевич, А. Шмелев – далеко не полный перечень блистательных имен писателей и поэтов.

Журнал не являлся в привычном смысле общественно-политическим и даже учредители провозгласили его “свободным” от политики. Однако он был общественно-политическим по самому своему существу. В нем публиковались общественные деятели, политики, публицисты и ученые (М.В. Вишняк, Н.Д. Авксентьев, И.И. Бунаков-Фондаминский, Г.П. Федотов, Е.Д. Кускова, Ст. Иванович, П.Н. Милюков и др.).

Революция и реформа, власть и народ, демократия и право, деспотизм и свобода – постоянные темы журнала. Они звучали и в прозаических и поэтических произведениях, а также в научных статьях.

Лидеры политической и культурной жизни дореволюционной России, оказавшись в эмиграции, не могли жить изолированно от своей страны. Их волновала и мучила судьба России, ее будущее. Историки, философы, публицисты, писатели и поэты стремились осмыслить все, что произошло с Россией, понять истоки революции, происходящие в стране процессы, раскрыть сущность советской власти.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ. Грант № 02-01-00140а.

В первом номере журнала была опубликована его программа. В ней говорилось, что идейные основы журнала базируются на завоеваниях русского освободительного движения XIX в. Республиканская форма правления, федеративное устройство России, местное самоуправление, передача земли трудящимся, демократические свободы составляют итог достижений российской истории, которые воплотились в Февральской революции 1917 г. В программе речь шла и о необходимости демократического обновления России после “тяжкого опыта истекшего трехлетия” и о том, что воссоздание России несовместимо с существованием большевистской власти. Журнал призывал к объединению всех демократических сил как в эмиграции, так и в России при осознании, что коренные перемены в России возможны лишь “в меру самодеятельности внутренних сил самого русского народа”, а эмиграция может только “споспешествовать” им.

На первый план учредители журнала ставили перед собой задачу создать печатный орган “независимого и непредвзятого суждения обо всех явлениях современности” с точки зрения (как они подчеркивали) очерченных руководящих начал².

Важно отметить, что, хотя журнал объявлялся внепартийным, он в значительной мере отражал народническую традицию. Редакторы журнала И.И. Бунаков-Фондаминский, Н.Д. Авксентьев, А.И. Гуковский, В.В. Руднев и М.В. Вишняк были эсерами.

Проблема социализма – одна из коренных проблем, рассматриваемых в “Современных записках”. Это естественно, поскольку народническая вера в социализм являлась основой политических настроений редакции.

Осмысливалась история социализма, вопросы связанные с его назначением, теоретическими основами, генезисом и содержанием, проблемы соотношения социализма и капитализма, социализма и демократии, тенденций современного и будущего социалистического строя.

Стремление соотнести социалистические теории крупных представителей этого учения с декларируемым в Советской России социалистическим строем, понять его истинные и ложные основы, окончательно утвердить и проверить собственные позиции, наметить пути социалистического переустройства будущей России – характерные черты статей журнала. “Современные записки” выступили проводником так называемого нового социализма, который был основан на возрождении основ немарксистского социализма, критическом осмыслении большевизма и учете политических и экономических достижений современных им западноевропейских стран.

“Социализм не может теперь быть только идеалом, идеологией, теорией, – писал один из авторов журнала, известный в эмиграции специалист по истории социалистической мысли, Ст. Иванович. – Больше того, социализм не может теперь быть только движением.

Социализм должен теперь быть и делом, реальным строительством не только будущей, но и настоящей жизни”³.

Статьи М.В. Вишняка, В.В. Руднева, Е. Юрьевского, С. Иванова, С. Загорского, Ф. Степуна, Н. Авксентьева, Е. Кусковой и других содержат широкий круг проблем, связанных с теорией и практикой социализма.

Социализм авторы “Современных записок” считали несовместимым с большевизмом.

Большевизм оценивался ими как явление русской истории, однако, не признавался имманентным ей, т.е. не являлся продуктом “русской души”, не вытекал из русской действительности с безусловной необходимостью, не был предопределен национально-религиозными и другими основаниями. И в этом смысле они считали большевизм исторической случайностью, которая осуществилась в силу сложившихся условий⁴.

Советская республика представлялась им типичным феодально-крепостническим государством, в котором отсутствует равенство, свобода, защита личности; для нее характерны террор, деспотическое насильственное обезземеливание крестьян, экспроприация производства, понижение культуры, анархия, нищета, система государственного рабства⁵.

Вишняк считал, что в ленинизме социализм из свобододолюбивого и гуманитарного учения выродился в теорию и практику предельного насилия⁶. Иванович квалифицировал большевизм как особый образ мыслей, способ узурпировать власть и называл его карикатурой на социализм⁷.

В теоретическом плане большевизм признавался как хаотическая смесь идей марксизма, бакунизма, бланкистской заговорщической теории, синдикализма, анархизма, “приправленного национально-квасным славянофильским мессионизмом”.

В большевистской теории представители народнической идеологии видели отрицание национального, специфически русского начала, самоценности России и русского народа, и считали, что характерное для большевиков “столь оригинальное усвоение западно-европейского идеала привело к тому, что господство этого идеала равносильно отрыву России от европейской цивилизации”⁸.

Закономерной была постановка вопроса об отношении большевизма и марксизма. В противовес утверждениям большевиков о безусловном их следовании марксистской теории и методологии, эмигрантские авторы указывали на неадекватное восприятие большевиками марксизма и отступление от него. Признанный эмигрантами авторитет политической мысли Каутский отмечал, что большевики “выбросили за борт марксистскую систему мышления”, не учитывали отрицательного отношения Маркса ко “всему абсолютному”, не понимали, что его позиция всегда определялась конкретными условиями; большевиков он упрекал в иг-

норировании эволюции Маркса, в непризнании негативного отношения Маркса к насилию и террору в 70-е годы⁹.

На страницах журнала обсуждался вопрос и о сравнении французской и российской Октябрьской революций. Если большевики ссылались на Парижскую коммуну как на “свой образ и оправдание”, то западноевропейские социалисты и эмигрантские ученые считали, что Парижская коммуна и Советская республика глубоко отличались по своим “исходным положениям и методам”. Их сходство они усматривали в том, что обе эти формы государственности стали результатом войн. Кроме того, в обеих революциях участвовал пролетариат. Русская революция, по их мнению, не являлась простым повторением фаз французской революции XVIII в. В России сочетались крайний примитивизм и достижения “высшего развития”, “отзвуки революции XVIII века” смешивались с достижениями промышленного пролетариата. Аналогию между французской и русской революциями авторы “Современных записок” видели в близости большевиков не с якобинцами, которые были верны идее парламента и всеобщего избирательного права, а с бонапартистами. Бонапартистское вырождение большевизма Каутский признавал не опасностью, которая грозит в отдаленном будущем, а тем состоянием, в котором Россия пребывает уже десяток лет¹⁰. “Любовное отношение к политике крови”, отталкивание от принципа личности и духа свободы, подчинение прав граждан нуждам одного класса – черты, характерные для фашистской или евразийской диктатуры¹¹.

Политика военного коммунизма и нэп оценивались в “Современных записках” лишь как “модальности советской власти”. Нэп, с их точки зрения, не являлся новым поворотом, не означал отказ от коммунизма (которого не было, а капитализм не исчезал). Он был продолжением “упирающейся в тупик утопической политики”, направленной на привлечение к строительству социализма капиталистических специалистов и организаторов. При этом подчеркивалось, что большевики, вводя нэп, руководствовались не социально-экономическими соображениями, а политическими. «Здесь смыкаются все концы, писал Вишняк. – Здесь корень вещей [...] политика оказывается “первее” экономики, “надстройка” – независимой от базиса. Это явное возвращение от марксова “Анти-Дюринга к анти-марксистскому Дюрингу”. Это едва ли не худшего вида ревизионизм, – для которого политическое движение все, а “цель” – социально-экономическое освобождение – “ничто”, приносимое в жертву сохранению руководства движением»¹².

Политика советской власти по отношению к крестьянству характеризовалась в журнале пагубной, варварской, сбросившей крестьянство “ко дну”. “Не помещика согнал с земли большевизм (он был согнан до большевизма), а крестьянина”¹³, – утверждал Иванович. В аграрной области большевизм вообще признавался контрреволю-

ционной силой, поскольку, ослабляя и разоряя крестьянство, он ослаблял гарантию антиреставрации помещичьего класса.

Бесплодность государственного капитализма, эксплуатация при котором больше, чем при капитализме, кризис идеологии и партии, скомпрометировавшей себя, борьба Сталина с Троцким, идеологов “кузькиной матери”, влюбленных в диктатуру, победа над оппозицией, победа “кулака во плоти над кулаком” – “реалистической щуки над идеалистическим карасем”¹⁴ – все эти явления обнаруживают сущность и одновременно бесперспективность так называемого социалистического эксперимента. «Провал Великого Октября, – писал Вишняк, – тройкий. Моральный, ибо он оказался бездушнее самодержавия. Это о нем возведено Заратустрой – “Некогда они мечтали стать героями; сластолюбцами стали они теперь; позорен и ужасен им теперь герой”. Экономический, ибо он взрастил анархию и нищету горше капиталистической. Наконец, политически он кончает ликвидацией того, ради чего начал свое историческое деяние и что составляло его смысл и основание»¹⁵.

“Современные записки” предрекали большевизму неминуемую гибель – в ходе советской истории гибла созданная им социальная иллюзия. В статьях журнала справедливо утверждалось, что большевизм был нужен массам только как грандиозная ставка на социальную революцию, понимаемую “в стиле опрокинутой буржуазной пирамиды”¹⁶. Когда же рассеялись эти иллюзии, в народе стали преобладать растерянность, осторожность и покорность.

Однако, как пронизательно замечали Вишняк, Иванович, Ф. Степун и другие авторы журнала, гибель большевизма не означала его уничтожения. Вишняк утверждал, что после падения советской власти большевизм надолго, возможно на десятилетия, останется неизжитым. “То вечное, – писал он, – что оседает в исторической памяти в качестве идеи, легенды или мифа, определяется не длительностью во времени, не сроком эмпирического бытия, а качеством, особливим и неповторяемым, коим отмечено явление, событие, человек”¹⁷.

Для исчезновения большевизма необходимо внутреннее преодоление большевизма “в узких пределах средней индивидуальной советской души”. Квалифицируя большевизм не только как теорию и практику, но и как особый образ мыслей, метод сохранения у власти, эмигрантские авторы утверждали, что “имеется масса непреодоленного внутренне большевизма во многих даже из тех русских людей, которые готовы задушить большевика собственными руками”¹⁸. Поэтому освобождение от большевизма – долгий и трудный процесс.

Для эмигрантского восприятия очевидным было, что большевизм скомпрометировал социализм, революцию, рабочий класс, демократическую Россию, что политика Советской России нанесла большой удар социалистическому движению во всем мире, культу-

вируя террор, деспотические приемы управления, “узколобый фанатизм”, пренебрежение к проблемам духовной культуры.

В этой связи актуальное значение приобрел вопрос осмысления русского опыта. «И Каутский, и Штребель в Германии, и Отто Бауэр и Эйленбоген в Австрии, и Сидней Вебб в Англии, – писал Загорский, – отвергли “русский опыт” с точки зрения прежде всего интересов пролетариата»¹⁹, поскольку пролетариат экономически тесно связан с капитализмом, который большевики призваны были разрушить.

«Задача европейского социализма по отношению к “коммунизму”, – обобщал эту мысль К. Каутский, – заботиться о том, чтобы моральная катастрофа одного определенного метода социализма не стала катастрофой социализма вообще»²⁰.

Исторический смысл возрождения народничества XX в., олицетворяющего социалистический идеал, Вишняк и его единомышленники видели в отделении социализма от марксизма (не всегда адекватно понятого), в разрушении представлений русской социал-демократии о тождестве социализма и марксизма.

Вишняк объяснял эту позицию русской социал-демократии тем, что она воспринимала марксизм как метод, приняла его социально-экономическую систему, в то время как на Западе социализм не был связан с тем или иным мирозерцанием, и он был возможен без марксизма, как и марксизм без социализма.

В международном социализме немарксистский социализм, признающий первенство этического начала, приоритета “гуманистического над техническим, героического над природным”, по мысли авторов “Современных записок”, всегда занимал первенствующее место. Марксизм не был господствующим течением, он не был даже достаточно распространен в странах романской, англосаксонской и скандинавской культуры. Традиция британского социализма шла не от Маркса или Гейдмана, а от Оуэна и Кер-Гарди; французский социализм “гораздо интимнее” был связан с сен-симонистами, Пьером Леру, Бланки, Вайяном и Жоресом, нежели с Гэдом и Лафаргом²¹. Немарксистское направление социализма Вишняк считал характерным и для русского народничества.

Своим идейным предтечей авторы журнала признавали Ж. Жореса, являвшегося последователем Ф. Лассаля. Социализм и Лассаля, и Жореса учитывал многообразие (плюрализм) противоборствующих в человеке и обществе начал, отдавая приоритет этическому. Крупный политический деятель, профессор философии, вождь французской социалистической партии и создатель известной “Социалистической истории Французской революции” (первой попытки социальной интерпретации революции), Жан Жорес отличался не только огромной эрудицией, но и широтой подхода к анализу общественной жизни. В своих взглядах Жорес испытал влияние марксизма, экономического материализма, одним из немногих историков

своего времени считал необходимым сочетать изучение экономической и социальной истории, синтез материалистического и идеалистического истолкования истории. В историческом процессе особую роль отводил личности и индивидуальному началу. Его привлекали идеи экономической подоплеку социальных изменений, народолюбие, идеализм и моральная направленность преобразовательной деятельности²². Крайности революции и террор вызывали у мыслителя отрицательное отношение. Антагонизм разных социальных сил, выдвигание на первый план интересов пролетариата он также не одобрял. Он был сторонником “широкой примирительной программы” согласованных действий разных слоев общества. Свои взгляды Жорес мечтал увидеть реализованными в социалистическом идеале. Этот подход и идеи Жореса импонировали неонародникам-эмигрантам. В своих построениях они во многом опирались на культурно-гуманистическую традицию социализма Жореса.

Идеи демократического социализма разделяли Э. Бернштейн, К. Каутский, О. Бауэр. Их мнениям следовали и постоянно ссылались на них эмигрантские авторы. Они глубоко чтити бернштейнские мысли о социализме, подчеркивая, что “весь социалистический мир” признал Бернштейна последователем Лассалья и Жореса, крупным теоретиком социализма в отличие от ортодоксальных марксистов, обвиняющих Бернштейна в оппортунизме. Вишняк ссылался на мнение Каутского, признающего жизнеспособность социалистических идей Бернштейна. “Даже сакроментальное изречение Бернштейна: конечная цель социализма – для меня ничто, движение – все – Каутский склонен ныне благожелательно истолковать в духе священных марксовых слов о том, что один шаг в реальном движении ценнее дюжины программ”, и что рабочий класс не имеет своей целью осуществить какие-либо идеалы, а лишь освободить элементы нового общества”²².

В общественно-политическом плане и Бернштейн, и Каутский, и Бауэр отвергали марксово учение о классовой борьбе и диктатуре пролетариата, полагая, что пролетариат не способен организовать производство, а пролетарская революция может привести и привела к хаосу и разрушению производительных сил.

Представления авторов “Современных записок” о социализме, как уже отмечалось, многоплановы и содержат широкий круг проблем, связанных с его утверждением. В их ряду находятся и условия, необходимые для построения “истинного”, отличного от большевистского, социализма в России.

В “Современных записках” подчеркивалось, что социализм, а также демократия не являются “конечной” целью истории человечества, так как даваемые ими ответы не исчерпывают запросов человеческого духа. Вишняк отмечал, что социализму и демократии приходится разделять общую судьбу человеческих достижений. “Чем тоньше и совершеннее становились методы человеческого по-

знания, тем отчетливее укреплялось убеждение в том, что, если устремления человека и человечества беспредельны, самым его достижениям положены определенные грани природой предмета и свойствами субъекта»²⁴.

Вишняк диалектически подходил к рассмотрению человеческой личности, которая находилась в центре неонароднической теории общественного переустройства. Человека он считал шире социалистической системы мер и оценок. «Гармонически развитая, творящая личность не исчерпывается социализмом. Он только одно из ее проявлений. В человеке изначально заложена трагическая антимония. Человек жаждет духовной свободы и земного “социально-политического” благоденствия, причем такой свободы, которая нередко исключает благоденствие, и такого благоденствия, которое не всегда уживается со свободой. Той же антиномией отмечено и творчество человека. В творчестве личность распускается, цветет и зреет. Но в том же процессе творчества, оформляясь и определяясь, личность ограничивается. В творчестве – изначально свобода и в нем же косность преемства и традиций»²⁵.

Центральной идеей журнальных статей являлась мысль о том, что назначение социализма заключается прежде всего в уничтожении всякого рода эксплуатации и угнетения. «Каутский уже полтора десятка лет тому назад... имел мужество заявить, – разъяснял содержание социализма Вишняк, – что “строго говоря не социализм составляет нашу конечную цель, а устранение всякого рода эксплуатации и угнетения, будут ли они направлены против какого-либо класса, партии, пола или расы”»²⁶. Для Каутского, в отличие от большевиков, подчеркивал он, уничтожение частной собственности на средства производства не было абсолютным требованием, а главным всегда было освобождение пролетариата и человечества. В подтверждение этой мысли Вишняк ссылается на Эрфуртскую программу, написанную Каутским, где в качестве конечной цели провозглашалось уничтожение всякого вида гнета и эксплуатации применительно ко всем категориям населения. Эту же мысль развивала в своих статьях Е. Кускова, утверждая, что социальные проблемы всего общества нельзя перекрывать решением лишь рабочего вопроса²⁷.

Глубоко ошибочным представлялось Е. Юрьевскому (Н.В. Вольскому), автору многочисленных статей о Советской России, требование марксистского социализма об обязательном переходе средних классов на точку зрения пролетариата, поскольку интересы одного класса не отражают интересов всех трудящихся. «В стремлении монизировать воззрения одной только “точкой зрения пролетариата” он (марксистский социализм. – *М.В.*) логично пришел в России к созданию тяжелых форм обязательной, деспотической, тоталитарной идеологии... Марксизм изображал рабочего фабрики и завода в виде своего рода высшей избранной расы, сосудом,

полным неслыханных моральных и социальных добродетелей, классом, призванным к великой исторической миссии. Отсюда и родилась мораль, которую особенно проповедовал Ленин и Сталин: ради интересов избранного класса, наделенного особой высшей миссией, может быть допущена самая большая гнусность: цель оправдывает средства»²⁸.

В статьях правоведа Г. Гурвича особое внимание уделялось проблемам собственности при социализме, рассматриваемым и в плане регулирования человеческих взаимоотношений. Признавая эту проблему кардинальной, он полагал, что “настоящий” социализм должен бороться не против частной или индивидуальной собственности, а исключительно с “противоестественным превращением” власти человека над другим человеком²⁹.

Общегуманитарный подход к социализму журнала неизбежно выдвигал проблему “нового человека”. «Не только новый строй, но и новый человек необходимы для того, чтобы получился социализм или “строй социальной гармонии и солидарности”. О необходимости формирования гуманистического сознания нового человека, воспитания в нем этических идеалов писалось во многих статьях журнала.

Авторы “Современных записок” исходили из того, что социализм не может быть утверждён чьей-либо волей, актом власти, как это декларировали и пытались осуществить большевики.

Опираясь на труды О. Бауэра (“Путь к социализму”), К. Каутского (“Пролетарская революция”, “Терроризм и коммунизм”, “Большевизм в тупике”), они уделяли существенное внимание вопросу генезиса социализма, его происхождению и истоках. В этой связи возникал вопрос о соотношении социализма и капитализма. “Истинный” социализм должен “вырастать” из капитализма; капитализм надо не свергнуть, а “заместить”, созидание должно не следовать за разрушением, а предшествовать ему; социалисты не должны разрушать капиталистическую организацию производства, особенно, если не создана его социалистическая организация, способная столь же совершенно, как при капитализме, вести производство. «Из пор капитализма пробивается и растет социализм, – писал Е. Юрьевский. – Мы стоим на грани двух эпох. Одна исчезает. Другая все более надвигается. “Две эпохи” не означают двух абсолютно несравнимых социальных, технических, культурных содержаний. Такого противоположения никогда не бывает в исторической действительности»³⁰.

Разрушение капитализма при взятии пролетарской власти западноевропейские социалисты (К. Каутский, О. Бауэр и др.) и их эмигрантские последователи считали не только ошибочным, но и “злостным” актом. Пролетариат, разрушая капитализм, вредит не только капиталистам, но и самому себе. “Там и до тех пор, – писал известный экономист С. Загорский, – где и пока социалистическое производство невозможно, сохранение капиталистиче-

ского производства является настоятельной необходимостью и для пролетариата”³¹. Это диктовалось существованием общих интересов пролетариата и капиталистов как в периоды расцвета, так и кризисов, несмотря на антагонизмы между трудом и капиталом. Не только капиталистическое, но и социалистическое производство могло существовать лишь в системе составляющих его компонентов.

В работе “Терроризм и коммунизм” Каутский при рассмотрении вопроса об экономической замене капитализма социализмом выделял два момента, связанные с собственностью и организацией производства. Отмена частной собственности на орудия производства и переход их в общественное достояние в форме государственной коммунальной или кооперативной собственности должна сопровождаться изменением организации производства³².

Предваряя мысли своих эмигрантских последователей, Каутский утверждал необходимость существования материальных и моральных предпосылок высокоразвитого капитализма для создания социализма. К ним относились не только уровень организации производства, но и наличие пролетариата, сознающего свои обязанности по отношению ко всему обществу, выработки в нем привычки дисциплины и самоуправления “достаточно интеллигентного... для того, чтобы отличать возможное от невозможного, научно образованного стойкого характером вождя от бессовестного невежественного демагога”³³. В многосложный процесс строительства социализма должно быть включено политическое, национальное, религиозное и культурное, хотя и разновременное, раскрепощение и обновление общества.

Социализм рассматривался эмигрантскими учеными и как явление культуры. Об этом много размышляли В. Руднев, Г. Федотов. В их статьях строительство социализма органично связывалось с возрождением религии, с обязательным освобождением людей от тиранического догмата обязательной безрелигиозности. “Социализм есть не только программа социально-экономических реформ, но и призыв к нравственному обновлению... не производство должно быть готово к социализму... к нему должна созреть душа”³⁴. Отсутствие этих условий не может привести к успешному строительству социализма.

Касаясь оценки советского социализма, Каутский отмечал, что процесс социализации в России после 1917 г. был рассечен на две части. “Они (большевики. – М.В.) сначала поступили по неподданному Стенькой Разиным образцу, а затем принялись восполнять организацию. Что было тесно связано и могло действовать лишь в неразрывном единстве, было разорвано [...] Производства и отрасли промышленности подвергались экспроприации без предварительного исследования того, возможна ли их социалистическая организация”³⁵.

Размышления о содержании социализма сопровождалась постановкой вопроса о соотношении социализма и либерализма. Для привычного советского восприятия подобная постановка вопроса представлялась безграмотной и нелепой. Между тем она исходила из сущности немарксистского социализма, проводниками которого являлись эмигрантские ученые. Социализм, призванный уничтожить эксплуатацию и несправие всех трудящихся, неизбежно должен сохранить и использовать экономические, политические, правовые и культурные завоевания демократических государств. Не случайно в связи с рассмотрением этой темы Вишняк приводит высказывание Ж. Жореса: “Социализм – логическое развитие демократии”. Аналогична и ссылка на Б. Кистяковского, утверждавшего, что “между социализмом и демократическим правовым государством нет принципиальной разницы, – разница только в количестве и степени. Вишняк опирается также на труд Д. Макдональда, английского политического деятеля лейбористских правительств, “Le socialisme et la Société”. По мысли Макдональда, разделяемой Вишняком, “демократическая работа либерализма” служит базой социалистического государства; индивидуальная мораль евангелизма дает основание общественной морали социализма, а организация капиталистического производства является почвой социалистической политической экономии и организации распределения³⁶. В наследие либерализма вводились также элементы правового, религиозного, психологического и морального содержания.

Для Вишняка и его единомышленников закономерен вывод Макдональда: “Социализм – естественный наследник либерализма и демократии и потому ему естественно сохранить все их длительные ценности”. По мнению Вишняка, “демократия получает свое наиболее полное выражение в социализме”³⁷. В подтверждение этой мысли он приводит примеры из практики английского парламента, ставившего в порядке дня вопросы, общие с социалистической программой.

Установление демократии эмигрантские авторы считали одним из обязательных условий построения нового социализма. “На путях к социализму нельзя перескочить через демократию, как нельзя перескочить через развитые формы народного хозяйства, которые в свою очередь являются необходимой предпосылкой самой демократии. И, если закон диктатуры – это закон отсталых стран, то их законом не может являться социализм”³⁸.

В понятие демократии авторы “Современных записок” включали сложный комплекс вопросов: характер политической власти, представительные учреждения, правовую культуру, права граждан и т.д. Они отмечали, что демократия и ее составные элементы не являются идеальной моделью современного политического устройства. Формы демократии имеют всегда конкретно-историческое содержание, пройдя свой путь развития.

Посвящая свои статьи этой теме, Вишняк и Ст. Иванович рассматривали этот вопрос в историческом ракурсе и полагали, что даже при радикальных формах правления нормы политической демократии попирались всегда. Антидемократические тенденции имели в истории глубокие корни. Это заключение они выводили из знаний как всемирной, так и российской истории.

Вишняк писал, что «Платоновская республика, руководимая лучшими философами и учеными; средневековое, религиозное и сословное возрастание, по которому один праведный или избранный сто́ит тысячи грешников или отверженных; просвещенный абсолютизм “первых слуг своего народа”, направлявших ограниченный разум подданных по собственному “многомятежному хотению” или своему личному пониманию “блага народа” и “raison d’État”; или наполеоновская формула: следует исполнять волю народа, но воля эта известна не народу, а императору; ...гладстоновский либерализм, “доверяющий” народу, но “умеряющий” свое к нему доверие собственным “благоразумием”; не говоря уже, конечно, о большевистско-фашистской подмене “воли народа”... творчеством небольшой, но хорошо вооруженной и организованной инициативой ком. или фаш. ячейки” – все это лишь различные костюмы, в которые история облекала древнюю, как сам человек, противоборствующую его жажде свободы и благоденствия стихию. Все это лишь разные исторические варианты преодоления демократии путем ее упразднения»³⁹.

Эта историческая традиция характерна и для истории социализма в России. История социалистической мысли в нашей стране всегда была окрашена борьбой с демократией. Особенностью этой борьбы было то, что «разочарованию в политической демократии всегда сопутствовало стремление к осуществлению социальной революции и ослаблению веры в творческую роль государства и политических методов борьбы. В практике социализм являлся учением бедных и обиженных, он развивался и креп как реакция против политического строя в защиту экономического. “Демократия – идеология буржуазии; бедным нужен социализм, богатым – демократия”⁴⁰. При этом Иванович подчеркивал, что социализм понимался не как проблема политического устройства, а проблема собственности. Эта идея впервые была высказана Прудоном, ей следовали Маркс, Энгельс, Бабель и др. Пафос борьбы всех политических революций состоял в стремлении к экономическому равенству. Лишь постепенно в идеологию социализма вводились элементы политической демократии. Исключение составляла только группа “Освобождение труда” Плеханова, поставившая вопрос о политической демократии при строительстве социализма. Рассматривая демократию как необходимое условие учреждения социализма, авторы журнала далеки были от ее идеализации. Политическую демократию они считали лишь формой правления, соответствующей определенному

уровню культуры, и не свободной поэтому ни от одного из человеческих пороков или добродетелей. Как форма культуры демократия стремится быть устойчивой. Следовательно она не может и не должна быть безучастной к народной психологии.

Чрезвычайно важным было утверждение Вишняка и о том, что политическая демократия “частичная, дефектная”, если она не восполнена демократией социальной. «Всякий порядок, упраздняющий политическую демократию, отнимает тем самым возможность исправления и восполнения ее недостатков. Трудящийся, как элемент демократии и как особая категория граждан, имеет, конечно, свои особые интересы, для охраны которых существует и социальная категория “социальных” прав. Но трудящийся или “производитель”, противопоставляющий свои интересы интересам гражданина, отрицая чужую политическую свободу, вместе с демократией выкидывает за борт и возможность своего социального освобождения»⁴¹.

Понятие демократии Вишняк рассматривал как систему взаимодействия многих элементов, полагая, что в этой системе не может быть места для “суверена”, для абсолютного верховенства одного начала – правительства или парламента, индивида или народа. Иная позиция, с его точки зрения, – результат либо анархизма, либо неумных политических страстей. “Только единое абсолютно и может быть суверенно. И только множественность относительна: каждый из элементов обусловлен другим и ему соотносителен”⁴².

Размышляя об этом, Вишняк обращался к труду известного шведского государствоведа Еллинека, который в своем труде “Конституции, их изменения и преобразования” (1907) писал о соотношении исполнительной и законодательной власти, о тенденции к усилению при конституционном развитии правительственного влияния и о необходимости в практической государственной деятельности прежде всего сотрудничества властей. Вишняк связывал это с тем, что законодательная и правовая система, исполнению которой часто отводится ведущая роль, в практике общественной жизни не всегда соответствует провозглашенным нормам.

Характеризуя состояние современной демократии, Вишняк отмечал две основные черты: концентрацию государственной власти и ее одновременную демократизацию, т.е. расширение базы, на которую власть опирается. В качестве примера он приводил опыт английской демократии.

В связи с проблемой демократии неизбежно возникал вопрос о государстве, его форме и роли в социалистических преобразованиях.

Авторы статей отмечали, что как российская, так и западная социалистическая традиция развивалась в недооценке положительно-го значения политических, государственных преобразований и в переоценке революционного момента, в признании “его возможностей и перманентной благостности” для целей социального освобождения трудящихся⁴³.

Русскому сознанию, всем течениям общественной мысли России XIX в., по мнению Вишняка, было свойственно представление об особом пути развития России. Представления о религиозных, философских, исторических, экономических основаниях русской истории, отдаленных друг от друга “и по времени, и по духовным влечениям”, приводили русских мыслителей к одному выводу – у России особенная статья, проявляющаяся и в особенностях самодержавия, и православия, и народности, и капитализма и т.д. Вишняк отмечал как традицию русского общественного самосознания враждебное или в лучшем случае “опасливое отношение к государству”⁴⁴.

В ходе этих размышлений Вишняк пришел к выводу о том, что скептическое отношение к благам политической свободы в России в течение долгого времени сочеталось с сочувствием идее социальной монархии, т.е. освобождения народа по велению царя. Эту мечту лелеяли славянофилы, Герцен, непродолжительное время Чернышевский, даже Бакунин. Этим же Вишняк объяснял “необычное положение в истории России”, при котором сторонники конституционализма (ограниченного) оказались крепостниками (М. Шувалов, Орлов-Давыдов, Валуев) в то время как противниками конституции стали не только “крайние” анархисты и социалисты, но и умереннейшие либералы, проводившие крестьянскую реформу. «До самого, можно сказать, двадцатого века, – писал Вишняк, – сохранил силу “завет” Пестеля о том, что конституционная монархия хуже самодержавной, потому что она, во-первых, прикровеннее, а, во-вторых, в ущерб народу дает особое значение “аристократиям всякого рода”»⁴⁵.

Отталкивание от государства было характерно и для утопических социалистов Запада. Сен-симонисты отрицали народовластие, сторонники Оуэна образ правления считали несущественным для проведения социальной реформы; возлагались надежды на Наполеона и Луи Филиппа (Фурье), на Меттерниха (Оуэн) и т.д.

Вишняк отмечал и нигилистическое отношение Маркса, Энгельса и Ленина к социалистическому государству. «И после почти восьмилетнего арачкеевски-крепостнического режима коммунистов, естественно, – писал Вишняк, – психологически понятно и исторически, может быть, неотвратимо новое, стихийное отталкивание не только от “социалистической” республики, но и от всякой государственности»⁴⁶. Здесь же Вишняк делает интересное наблюдение о причинах анархической природы и противогосударственных инстинктов русского народа. “Надо вдуматься и понять, – писал он, – что бунташная Россия – производное от российского самовластия. Когда нет других путей и средств борьбы с несовершенствами существующего строя, тогда, и только тогда, рождаются и крепнут духи мятежа”, которые способствуют росту идеологических и психологических антиэлитических настроений⁴⁷.

Подобная традиция, рассмотрению которой уделялось в “Современных записках” значительное место, не исключала признания необходимости сильного государства при социализме. Сильная правительственная власть не противоречила демократии, служившей основой социализма. В качестве примера Вишняк приводил примеры Швеции, Швейцарии и Соединенных Штатов.

Однако, сильная государственная власть не должна быть основана на диктатуре. Мысль о том, что социализм не может строить свою политическую систему на диктатуре, что демократия и диктатура – два непримиримых начала, по существу пронизывают статьи авторов “Современных записок”, писавших на эту тему. Эта точка зрения опиралась прежде всего на позицию Каутского, который писал, что “личная диктатура и демократия несовместимы. Это относится и к советской демократии”. По его мнению, “демократия [...] единственный метод, при помощи которого могут быть выработаны высшие формы жизни, для культурного человека воплощаемые социализмом. Диктатура ведет лишь к такого рода... социализму, который называют азиатским социализмом”⁴⁸.

1920–1930-е годы были отмечены кризисом западноевропейской государственной системы. Это фиксировали и авторы “Современных записок”. Кризис демократии они рассматривали как кризис человеческого духа, который приводит в движение политические учреждения. Преодоление кризиса демократии Вишняк видел не в отступлении от ее принципов, а в “дальнейшем последовательном и крайнем их развитии”⁴⁹, а также в освобождении понятия социализма от приоритетной роли экономического начала. “Демократии нужен социализм, чтобы он освободил человечество от экономики. Социализму нужна демократия, чтобы она наполнила этого освобожденного человека богатством своего культурно-исторического содержания”⁵⁰. Недооценку демократии он называл “гордыней базиса”, определяемой психологией, а соотношение понятий – демократия и социализм – признавал “двумя ликами свободы”.

Вторым важным условием будущего социализма Иванович считал отрицание революции в утверждении социалистического строя. Социализм может быть утвержден лишь мирным путем, постепенными мероприятиями демократического государства.

Решение вопроса о неизбежности и целенаправленности революции при социалистическом переустройстве общества также базировалось на мнениях Каутского и Бауэра.

Вишняк отмечал, что в своем труде “Пролетарская революция” борьбу более радикальных против более умеренных Каутский объявляет борьбой “невежественных, неопытных, неорганизованных... наиболее ее отсталых слоев пролетариата против опытных, организованных, вышколенных, против наиболее высоко развитых его слоев”. Каутский, – продолжает свою мысль

Вишняк, “можно сказать, глумится над революционнейшими из революционеров”, для которых революция без резни и террора – не настоящая революция⁵¹.

Отношение к подобной революции как к неизбежному и магическому акту в преобразовательных целях Иванович считал глубоко ошибочным.

“Не революция, – писал он, – привела к концу 18-го года к капитализму, не революция приведет в свое время к социализму”. Революция не создает новых социально-экономических форм, а только устаряет “политические остатки прежних хозяйственных институтов”⁵².

На страницах журнала подчеркивалось глубокое различие между политической и социальной революцией. Опираясь на мнение Бауэра, Иванович и Вишняк отмечали, что политическая революция – дело насилия, “шаг отчаяния масс”, “варварство революционного процесса, происходящего от безысходности и политического тупика, социальная же революция – итог конструктивного и организованного труда”⁵³.

Разделение этих терминов авторы “Современных записок” выводили из основополагающей мысли о том, что понятие социальной революции связано с представлением об уровне развития старой экономической стадии, способной перерасти в новую, как о революции “от богатства”, “от исполнения капитализма”. “Логическое и политическое ударение при этом, – подчеркивал Иванович, – состоит не в том, что уже невозможен капитализм, а в том, что уже возможен социализм”. Непременным условием подобного социального преобразования является также зрелость класса, который претендует на руководство новым обществом, так как социально-экономические отношения нельзя приспособить к уровню сознания революционного авангарда одновременным или единовременным актом политического насилия”⁵⁴.

Исходя из этих рассуждений, Иванович считал возможным и даже необходимым отказаться от термина “социальная революция”, поскольку он мифичен, а сочетание этих двух слов противоречит друг другу. “Социальной революции не было и быть не может”, если употреблять слова в их действительном значении, а не по той роли агитационного возбудителя, которую они играют в повседневной практике всякого политического движения”⁵⁵. В этом традиционном практическом смысле понятие “социальная революция” может быть связано лишь с “жестокой неудачей” и примерами могут служить Парижская коммуна 1871 г., русская, венгерская и баварская республики.

Вполне естественно, что представления большевиков, отождествляющие социальные преобразования с завоеванием политической власти, эмигрантские ученые считали обреченными на неудачу. Установленная в результате революции 1917 г. в России диктатура пролетариата, по мысли Ивановича, не имела реальной основы

для будущей социальной революции и ее следовало квалифицировать как социальную контрреволюцию.

Вопрос о том, утвердятся ли высшие социалистические формы общественной жизни “от нищеты” революции или “от богатства” и полноты капиталистического развития эмигранты справедливо признавали одним из решающих вопросов миросозерцания социализма, неизбежно связанных с особой окраской мышления.

Отрицание революции как способа установления социализма не означало пренебрежения к революционному процессу вообще и, в частности, к российскому. В эмигрантской историографии шла оживленная дискуссия о большевистской революции, ее сущности и особенностях, о соотношении февральской и пролетарской революций. Но это – предмет специального рассмотрения.

Воплощение нового социалистического идеала немарксистского социализма авторы “Современных записок” видели прежде всего в Швеции и частично во “вкрапленных в толщу современного капиталистического строя кусках” Англии, Америки, Франции и других стран. В этом “новом” социализме осуществлялась идея эволюционного развития, экономической подготовленности нового строя капитализмом, равноправия всех социальных слоев без давления пролетариата, его культурного развития и демократии для всех трудящихся.

Осуществление именно этих идей журнал “Современные записки” признавал непременным условием утверждения социализма в постбольшевистской России.

- ¹ *Осоргин М.* Пятьдесят // Последние новости. 1923. 25 нояб.
- ² От редакции // *Соврем. зап.* 1920. № 1. С. 1.
- ³ *Иванович Ст.* Опыт практического социализма // *Соврем. зап.* 1925. XXIV. С. 403.
- ⁴ *Вишняк М.* Миф Октября // *Соврем. зап.* 1927. XXXIII. С. 384.
- ⁵ *Иванович Ст.* Царство социальной иллюзии (опыт по психологии большевизма // *Соврем. зап.* 1921. V. С. 198–200; *Вишняк М.* О социализме, советском и ином // *Соврем. зап.* 1937. XIV. С. 390; *Он же.* На Родине // *Соврем. зап.* 1921. VII. С. 350; *Он же.* Миф Октября // *Соврем. зап.* 1927. XXXIII. С. 363–365.
- ⁶ *Вишняк М.* Политика и миросозерцание (о “русском социализме”) // *Соврем. зап.* 1928. XXXVI. С. 424.
- ⁷ *Иванович Ст.* Царство социальной иллюзии (опыт по психологии большевизма) // *Соврем. зап.* 1921. V. С. 200.
- ⁸ *Бицилли М.* Критика и библиография // *Соврем. зап.* 1928. XXXIV. С. 521.
- ⁹ См.: *Каутский К.* Большевизм в тупике. Берлин, 1930. С. 18; *Он же.* Терроризм и коммунизм. Берлин, 1919. С. 56.
- ¹⁰ *Каутский К.* Терроризм и коммунизм. С. 70; *Он же.* Большевизм в тупике. С. 107–111; *Иванович Ст.* Из размышлений о революции // *Соврем. зап.* 1935. LVIII. С. 404–405; *Вишняк М.* На Родине // *Соврем. зап.* VII. С. 347.
- ¹¹ *Вишняк М.* Миф Октября. С. 370.
- ¹² *Вишняк М.* На Родине // *Соврем. зап.* 1921. V. С. 338–339.
- ¹³ *Иванович Ст.* Четыре года // *Соврем. зап.* 1921. VIII. С. 205.

- 14 *Талин В. (Иванович)*. Победители и побежденные // *Соврем. зап.* 1927. XXXIV. С. 415–421.
- 15 *Вишняк М.* Миф Октября. С. 366–367.
- 16 *Иванович Ст.* Царство социальной иллюзии... С. 200.
- 17 *Вишняк М.* Миф Октября. С. 367.
- 18 *Иванович Ст.* Пути русской свободы // *Соврем. зап.* 1936. LX. С. 398.
- 19 *Загорский С.* К социализму или к капитализму // *Соврем. зап.* 1927. XXXI. С. 377.
- 20 *Каутский К.* Терроризм и коммунизм. С. 204.
- 21 *Вишняк М.* На Родине и на чужбине (программные разногласия) // *Соврем. зап.* 1924. XXI. С. 308–309; *Он же.* О социализме, советском и ином. С. 392.
- 22 *Кареев Н.* Французские историки второй половины XIX века и начала XX века. Л., 1924. С. 216–223; *Далин В.М.* Историки Франции XIX–XX веков. М., 1981. С. 129, 165, 296.
- 23 *Вишняк М.* Русский социализм и государство // *Соврем. зап.* 1925. XXIII. С. 382.
- 24 *Вишняк М.* Оправдание демократии // *Соврем. зап.* 1923. XVI. С. 334.
- 25 Там же. С. 332.
- 26 *Вишняк М.* О социализме, советском и ином. С. 375; *Он же.* Оправдание демократии. С. 330–331.
- 27 *Кускова Е.* Скачок в неизвестное // *Соврем. зап.* 1931. XLVII. С. 158.
- 28 *Юрьевский Е.* Чем может быть сейчас социализм // *Соврем. зап.* 1939. LXIX. С. 313–314.
- 29 *Гурвич Г.* Социализм и собственность // *Соврем. зап.* 1928. XXXVI. С. 362.
- 30 *Юрьевский Е.* Чем может быть сейчас социализм? С. 300.
- 31 *Загорский С.* К социализму или к капитализму. С. 377.
- 32 *Каутский К.* Терроризм и коммунизм. С. 163–164.
- 33 Там же.
- 34 *Руднев В.* Религия и социализм // *Соврем. зап.* 1928. XXV. С. 488; *Федотов Г.* Социальный вопрос и свобода // *Соврем. зап.* 1931. XLVII. С. 421–438.
- 35 *Каутский К.* Терроризм и коммунизм. С. 165–166.
- 36 *Вишняк К.* Оправдание демократии. С. 333; *Он же.* О социализме, советском и ином. С. 376–386.
- 37 *Вишняк М.* Оправдание демократии. С. 333.
- 38 *Иванович Ст.* О диктатуре // *Соврем. зап.* 1922. X. С. 256.
- 39 *Вишняк М.* Оправдание демократии. С. 348–349.
- 40 *Иванович Ст.* Демократизация социализма // *Соврем. зап.* 1922. XII. С. 212.
- 41 *Вишняк М.* Оправдание демократии. С. 347–348.
- 42 *Вишняк М.* Кризис власти // *Соврем. зап.* 1926. XXIX. С. 48.
- 43 *Вишняк М.* Русский социализм и государство // *Соврем. зап.* 1925. XIII. С. 377.
- 44 Там же. С. 372–373.
- 45 Там же. С. 374.
- 46 Там же. С. 376–377.
- 47 Там же. С. 377.
- 48 *Каутский К.* Терроризм и коммунизм. С. 183, 225–226.
- 49 *Вишняк М.* Оправдание демократии. С. 349.
- 50 *Иванович Ст.* Демократизация социализма. С. 233.
- 51 *Вишняк М.* Русский социализм и государство. С. 377–378.
- 52 *Иванович Ст.* О диктатуре. С. 240.
- 53 *Вишняк М.* Русский социализм и государство. С. 378; *Иванович Ст.* Сумерки русской социал-демократии // *Соврем. зап.* 1921. VI. С. 119.
- 54 *Иванович Ст.* Сумерки русской социал-демократии. С. 117–119; *Он же.* О диктатуре. С. 241.
- 55 *Иванович Ст.* О диктатуре. С. 240.

ПУБЛИКАЦИИ

ПИСЬМА С.Ф. ПЛАТОНОВА П.Н. МИЛЮКОВУ

Публикуемая коллекция писем С.Ф. Платонова П.Н. Милюкову хранится в личном фонде последнего. В этой коллекции содержится 57 писем С.Ф. Платонова, а также один конверт и одно письмо Г.В. Форстена С.Ф. Платонову*. Некоторые из них не датированы. Сопоставление их с письмами П.Н. Милюкова С.Ф. Платонову позволило авторам датировать письма Платонова с точностью до месяца. Наиболее интенсивно переписка велась в 1890 и 1891 гг. В это время Платоновым было отправлено 47 писем. Так или иначе, часть публикуемой ниже коллекции уже введены исследователями в научный оборот¹, но представленная в комплексе она позволяет зафиксировать динамику научных сообществ Москвы и Петербурга, реконструировать сложный и противоречивый мир русского историка на рубеже XIX–XX вв., тем самым значительно расширить проблематику историографического исследования.

Конец XIX – начало XX в. и для С.Ф. Платонова, и для П.Н. Милюкова было важным этапом в жизни, когда произошло восхождение на научный Олимп. Правда, это восхождение С.Ф. Платонов осуществил стремительно (в 1888 г. он получил магистерскую степень, в 1890 г. в связи с болезнью Е.Е. Замысловского приступил к исполнению обязанностей профессора русской истории, а незадолго до этого по приглашению В.Г. Васильевского он становится членом редакции “Журнала Министерства народного просвещения”), а для П.Н. Милюкова продвижение приобретает драматический характер.

Магистральными темами переписки стали следующие: работа П.Н. Милюкова над диссертацией и издание монографии “Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформы Петра Великого” при прямом посредничестве С.Ф. Платонова; сближение П.Н. Милюкова с А.С. Лаппо-Данилевским и подготовка по поручению Академии наук отзыва на его работу “Органи-

* В настоящем выпуске историографического вестника опубликована только часть этих материалов. Публикация документов будет продолжена.

зация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований”; взаимоотношения П.Н. Милюкова с В.О. Ключевским, остро поставившие вопрос о дальнейшей научной и преподавательской карьере молодого историка.

Переписка необычайно информативна для характеристики московской и петербургской школ русских историков. В рамках названных школ все явственнее обозначаются изменения сложившейся раннее конфигурации – письма С.Ф. Платонова позволяют зафиксировать стремление молодых москвичей и петербуржцев понять достижения науки, преодолеть традиционную демаркационную линию между школами, что, безусловно, отражало внутренние тенденции развития историографии на рубеже веков. С одной стороны, в письмах Платонова неоднократно присутствует противопоставление этих школ. Он констатирует некоторое высокомерие москвичей по отношению к петербуржцам, а после неоправдавшихся надежд Милюкова на присуждение ему докторской степени он пишет, что “к Вашим университетским светилам я не явлюсь в Москву” со своей докторской работой. В то же время его письма демонстрируют глубокую симпатию к Милюкову и к его историческим исследованиям и глубокое уважение и признание к главе московской школы Василию Осиповичу Ключевскому, к последователям которого он сам себя причисляет (и это несмотря на нелюбимые характеристики Милюкова). Отметим один из проектов Исторического общества при Санкт-Петербургском университете, который предполагал совместную библиографическую деятельность с москвичами, где Милюкову отводилась одна из главных ролей. Одно из направлений этой деятельности – сотрудничество в журнале “Библиограф”, куда Платонов настоятельно приглашает Милюкова. Сближает молодых москвичей и петербуржцев и неприятие некоторых прежних авторитетов – Д.И. Иловайского, в определенной степени Н.И. Кареева.

Письма Платонова дают богатый материал для размышлений о сущностных чертах научной школы. Они косвенно подтверждают отсутствие ярко выраженного лидера в петербургской школе русских историков вплоть до начала XX в. Как пишет Платонов, «школы [...] по русской истории собственно у нас не было. А раз за собою не чувствуешь силы вышколить человека, страшно толкать его на науку, будить надежды и плодить работников “без руля и ветрила”»². Время переписки – интересный период в мироощущении петербургских историков. Именно с этого времени можно говорить о появлении ярко выраженных лидеров, знаменующих различные тенденции в развитии исторической науки – С.Ф. Платонова и А.С. Лаппо-Данилевского. Соперничество между ними прочитывается в текстах Платонова. Логика науки движет мыслью ученых не иначе как посредством “сетей общения”, открытых или скрытых диалогов как на теоретическом уровне, так и на эмпирическом, “житейском”. Первоначально именно этот “житейский” уровень отда-

лит друг от друга Платонова и Лаппо-Данилевского и актуализирует существенные, теоретические различия. В связи с этим особую ценность для нас имеет и характеристика “кружка русских историков”, данная Платоновым.

За некоторой сдержанностью стиля Платонова по сравнению с Милюковым прочитывается иной тип личности и ученого. Он также серьезно относится к своей службе. Будучи погружен в профессиональную и общественную работу, он более укоренен в быту, сам себя называет “старым техником”, а его коллеги подчеркивают особое чутье к карьере. Хотя письма Платонова корректируют такой образ, они передают его ощущение неуверенности, скованности при быстром продвижении по служебной лестнице. “Живется суетливо, но не весело, несмотря на профессию и по поводу ее обмена визитов. Хочется отдохнуть, не в смысле безделья, а в смысле отвычки от привычек. Этого-то и хотелось мне достичь поездкой в Москву, где хотелось бы хоть неделю посидеть в Архиве МИД, а то и Юстиции. Дурное состояние духа складывается у меня особенно сильно как раз с получения профессуры. Глядя на себя “со стороны” могу поставить диагноз, но лечение установить не могу”³.

Поскольку Платонов был в составе Ученого комитета Министерства народного просвещения, он информирует своего адресата о всех перипетиях, связанных с подготовкой и обсуждением проекта реформ в области гимназического образования вплоть до волнующих его объемов часов, отводимых на исторические дисциплины.

Переписка затрагивает и такую неотъемлемую черту образа исторической науки, как просветительская компонента.

Авторы надеются, что публикация коллекции писем С.Ф. Платонова П.Н. Милюкову будет способствовать освоению антропологической парадигмы историографического письма⁴.

¹ Бухерт В.Г. С.Ф. Платонов и “кружок русских историков” // Археографический ежегодник за 1999 год. М., 2000; Думова Н.Г. Либерал в России: трагедия несовместимости. Исторический портрет П.Н. Милюкова. М., 1993. Ч. 1; Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). Екатеринбург; Омск, 2000; Макушин А.В., Трибунский П.А. Павел Николаевич Милюков: труды и дни (1859–1904). Рязань, 2001.

² Государственный архив Российской Федерации. Ф. 579. Оп. 1. Д. 5388. Л. 44. (Далее: ГАРФ).

³ Там же. Л. 28.

⁴ Не менее значимая коллекция писем П.Н. Милюкова С.Ф. Платонову (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3546, 3547, 3548) была опубликована на страницах журнала “Исторический архив”: Корзун В.П., Мамонтова М.А., Свешников А.В. “В промоции Вашей я всегда был уверен”. Письма П.Н. Милюкова С.Ф. Платонову // Ист. архив. 2001. № 3. С. 137–148; № 4. С. 24–41.

№1

7 октября 1889 г.

Многоуважаемый
Павел Николаевич!

Мне уже давно следовало поблагодарить Вас за оттиск Вашей статьи о книге Лихачева¹; теперь же подоспел и Парижский оттиск. Благодарю Вас сразу за оба. К сожалению, сам не могу предложить Вам ни печатных, ни иных научных сообщений. Летом не пришлось заняться Московской географией: я застрял на чтении летописей. Оно приводило иногда к любопытным сюрпризам и, если бы не желание обратиться к томам иного характера, я бы мог на летописях построить большой труд с надеждою достичь не пустых выводов. И теперь в городской зимней обстановке все еще не до географии.

Решение Ваше на брошюру Чечулина², я думаю, не может повлиять на Ваши петербургские отношения: Вы, кажется, высказывали такое опасение. Тон ее находят сердитым и беспокойным в той мере, как можно было ожидать от Вас. Каюсь, я лично приписал ее без колебаний Гольцеву³, полагая, что он мог за себя заступиться и более одного раза. С большим интересом жду Вашей рецензии на "Города" Чечулина.

Поздравляю Вас с рождением сына и желаю ему первые месяцы и годы провести без болезней: это самое большое счастье для нас, занятых родителей, да и для него самого, разумеется.

Искренне Вас уважающий

С. Платонов

ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 5388. Л. 1.

№ 2

10 февраля 1890 г.

Многоуважаемый
Павел Николаевич!

Не думайте, что я забыл о Москве и москвичах. Я не только помню, что мне нужно очень Вас поблагодарить за все Ваше гостеприимство, но я помню и свое обещание – разведать почву для печатания Вашей работы⁴ в ЖМНПр⁵. Эти разведки – дело очень любопытное: я узнал, что администрация журнала не считает возможным предугадывать судьбы журнала, ибо собирается скоро оставить журнал. Я не могу говорить загадками, но иначе говорить не могу. Ничего точного узнать нельзя относительно перемен в составе редакции, но нет сомнения, что перемены будут и в зависимости от избрания Васильевского⁶ в Академию. Когда дело определится, я немед-

ленно извещу Вас и постараюсь определить, что и через кого следует предпринять.

В субботу, 3-го, Васильевский избран в ординарные академики по 3-му отделению с 4-мя черными из 30-ти шаров. Избран он по кафедре “Византийской и русской истории”, – так она названа великим князем. Вступление Васильевского в Академию совпало с отставкою К. Веселовского⁷ от секретарства. Веселовский нашел возможным по старому [неразборчиво] вести заседание соединенных Отделений, не смотря на отсутствие президента⁸ и Грота⁹. В[еликий] князь однако, сославшись на какой-то § Устава, признал заседания незаконченным и постановления недействительными и поручил Веселовскому же уведомить об этом академиков. Письмо об этом деле в[еликого] князя к Васильевскому начиналось, говорят, без обращения! После этого секретарь подал в отставку, но исправляет еще должность до марта. В[еликий] князь желает в секретари Сухомлинова¹⁰, немцы – Штрауха¹¹, и будет борьба. Чтобы закончить с новостями, сообщу о Владиславлеве¹²: он безнадежно болен. Доктора не называют болезни, но дают средства – от рака: Владиславлев это понимает и всем говорит о скорой развязке. Страдает он ужасно (рак у него в почках).

Читали Вы вылазку Латкина против книги Дьяконова¹³ в “Ист[орическом] вестнике”¹⁴? Дьяконов не желает пока отвечать, ждет, что будет в обещанной Латкиным другой рецензии.

У Вас я, кажется, видел Кизеветтера¹⁵, а здесь мельком слышал его имя с довольно лестными эпитетами, о нем говорят, как об историке, “подающем надежды”. Кто этот Кизеветтер? Печатал ли он что-нибудь?

Еще раз позвольте поблагодарить Вас за московские дни. Супруге Вашей¹⁶ прошу передать мой поклон. Отдохнули ли Вы от съезда¹⁷? Я же в Москве отдохнул и теперь не устаю вовсе при новой обстановке, без уроков.

Жму Вашу руку

Вам преданный С. Платонов

P.S. Жена¹⁸ шлет Вам поклон.

Там же. Л. 3–4.

№ 3

[между 10 и 25 февраля 1890 г.]

Многоуважаемый
Павел Николаевич!

Не знаю, получили ли Вы мое первое письмо. Это же – лишь дополнение к нему. Мне, наконец, удалось выяснить кое что относительно печатания Вашей книги в ЖМНПр. Майков¹⁹ сказал мне, что оставляет журнал и что поэтому не может дать обещание даже для

текущего года насчет какого бы то ни было труда. Его заменит Васильевский или же человек, на которого оба они укажут. И поэтому мнение Васильевского имеет значение, а он мне сказал, что “в принципе” ничего не имеет против печатания диссертации в журнале и в частности против Вашей диссертации. Конечно, он оговорился, что будущие судьбы журнала ему неизвестны, но я думаю, что Вам можно с большой вероятностью рассчитывать на ЖМНПр. Я этому очень рад: книгу Вашу буду читать с первых же ее листов! Частным образом я слышал, что перемены в ЖМНПр. совершатся к лету и уже в мае, вероятно, Ваше дело Вы можете начать официально, если того же желаете.

Будьте здоровы.

Преданный Вам

С. Платонов

P.S. И Майк[ов] и Вас[ильевский] просят не распространять слуха о редакционных переменах.

Там же. Л. 98.

№ 4

1 марта 1890 г.

Многоуважаемый
Павел Николаевич!

С большим удовольствием узнал я, что Вы заметили искренность и теплоту моего письма. Мое отношение к Вам и к Вашей учено-литературной деятельности всегда, даже до знакомства нашего, было самое сочувственное. Отзывы, которые приходилось мне делать о Вас людям менее меня Вас знающим, были всегда одинаковы, и самому Замысловскому²⁰ после Вашей о нем рецензии я настойчиво ставил на вид свое уважение к ученому достоинству и честности Ваших статей, хотя это для Зам[ысловско]го равнялось оскорблению. Если в начале нашего знакомства я казался Вам холодным, этому была своя причина, вне нас с Вами лежащая: я привык к некоторому высокомерию со стороны москвичей к той университетской среде П[етер]бурга, которая меня воспитала, и ждал, чтобы Вы определили характер наших отношений. Раз я убедился в том, что Вы не осуждаете огульно нашей среды, что делают иные, я могу только радоваться нашему сближению. И, конечно, Ваши отношения к Шмурло²¹ и Чечулину не могут влиять на искренность и близость нашего знакомства, – говорю, по крайней мере за себя.

Что же Вы думаете о печатании работы в ЖМНПр? Васильевский к Вам расположен, от редакторства он не отказывается, – стало быть, решение дела зависит больше всего, по-моему, от Вас.

Вы спрашиваете о Якубове²². Это – протеже Замысловского и научным кредитом здесь не пользуется; да и мало известен. Жил он в Гельсинфорсе, преподавал там русский язык, писал оттуда корреспонденции в “Новое время”²³, собирал исторические материалы и, вероятно, их думает печатать, для чего и работает в Москве. Более о нем не знаю ничего, но по безотчетным впечатлениям – в него не верю.

Замысловский выздоровел, т.е. стал ходить и говорить свободно; но умственная деятельность его и до сих пор угнетена, и будет ли лучше ему в этом отношении, неизвестно. Он 22-го февраля уехал в Ялту, а с осени думает опять служить.

Дружинин²⁴ Вам кланяется и Вас благодарит за ответ, а я благодарю Вас за предложение помочь в получении дневника съезда. Дайте Трутовскому²⁵ мой адрес; этим много меня обяжете. Я же отнесу дневник к Васильевскому и передам ему Ваше желание.

У меня пропасть хлопот: 11-го диспут Чечулина, нужно писать отчет и готовиться к возражениям. Отчет я даю не панегирический, но удовлетворительный, а на диспуте постараюсь поговорить серьезно: больше по части основных приемов работы. _ Теперь уже ночь и, чтобы выспаться, обрываю письмо.

Наш привет супруге Вашей и Вам.

Преданный Вам С. Платонов

P.S. История изгнана из III класса гимназий, зато в VI и VIII-м по 3 урока. В IV кл[ассе] VII Русская история, с V-го – систематический курс. Это постановлено третьего дня. Доклад подкомиссии Гуревича²⁶ не имел никакого успеха.

Там же. Л. 5–6.

№ 5

19 марта 1890 г.

Передаю Вам, Павел Николаевич, просьбу моей жены и сам присоединяюсь к этой просьбе. Брат жены Сергей, математик, попал в число тех, к[ото]рые должны принести письменное раскаяние начальству Вашего Университета, но, кажется, до сих пор еще не принес. Если Вам будет удобно, не наведете ли об этом юноше справки, что с ним? Если он этого раскаяния не принес, будет ли он исключен и на каких условиях? Жена не получает никаких известий о нем и, понятно, очень беспокоится. Исполнением ее просьбы Вы окажете нам большое одолжение.

Прилагаю квитанцию Исторического общества²⁷.

Статья Чечулина, посвященная Вам, готова. Я против этой полемики и против его статьи, но убедить его отказаться от всего этого не в моих силах: на этот раз он упорнее, чем когда-либо. Он хо-

чет печатать или в мае ЖМНПр. или отдельной брошюрой (тогда появится в апреле).

Поклон супруге Вашей. Жена и я просим простить за навязываемые хлопоты. Если это доставит хотя малые трудности, так и напишите.

Ваш С. Платонов

Там же. Л. 7–8.

№ 6

[между 23 марта и 11 апреля 1890 г.]

Благодарю Вас, Павел Николаевич, за те сведения, к[ото]рые Вы так обязательно сообщили по делу о брате жены. Каюсь: следовало бы давно поблагодарить за это, но в последнее время было столько дела, что идохнуть было некогда. Да и теперь дела много с диспутами: и Л[анпо]-Данилевский²⁸ и Филевич²⁹ спешат одинаково; нужно читать их книги и писать отчет в факультет в этом месяце. А сверх того, на днях меня “поверстали в припуск” к Васильевскому в Ученый Комитет М. Нар. Пр.; здесь я состою его помощником для книг по Русск[ой] истории, а этих книг накопилось довольно, т[ак] к[ак] Васильевский в последнее время с ними не спешил. И вот, я разрывался на части весь конец марта и буду разрываться до мая.

Вчера мимоходом Васильевский сказал, что получил от Вас письмо и что затрудняется отвечать Вам. По его словам выходит, будто Вы писали ему о желании в Журнале поместить приложения и при том напечатать их раньше, а он стесняется дать согласие на это, не имея права ни печатать документы в ЖМНПр. вообще, ни печатать Ваши приложения в типографии журнала до присылки рукописи диссертации. Разговор наш шел в обстановке, к[ото]рая не позволила мне выспросить его хорошенько по этому делу. Думаю, что здесь какое-то недоразумение, и считаю нелишним повторить, что писал Вам. Вы можете печатать в журнале исследование и в то же время в типографии журнала приложения, не помещая их в журнале, но платя за них по ценам, по к[ото]рым печатается журнал, и по мере получения гонорара. Раз редакция будет иметь рукопись диссертации, она под свое негласное покровительство может принять и приложения и может ускорить их печатание, так что они поспеют раньше текста или одновременно с ним. Но приложения будут, конечно, считаться в типографии Вашим частным заказом и к журналу официального отношения иметь не будут. Вот что я разумел в прежних к Вам письмах и, если я [был] причиной некоторого недоразумения, очень жалею и постараюсь поправить дело: может быть, Вы поручите мне что-либо передать от Вас Васильевскому?

У нас разыгрались крупные дела: 7-го в субботу в Гос[ударственном] Совете шло обсуждение Деляновского проекта реформы гим-

назий. Говорят, дело кончилось тем, что проект взят обратно. Проект предполагал 81 час в неделю древних языков, Г[осударственный] совет желал уменьшить до 63-х, а остальное время отдать на русск[ий] яз[ык] и естествоведение. Предполагают скорую отставку Делянова³⁰ и на его место прочат Капустина³¹ или Т. Филипова³². Перемена министра отзовется и на редакции ЖМНПр., а, стало быть, и на печатании Вашей работы. Я имею сведения (“конфиденциальные”), что так или иначе, перемены в редакции произойдут не позже мая. Ждать Вам недолго, и хорошо бы было, если бы рукопись Ваша могла быть прислана в ближайшие месяцы в редакцию.

Здесь говорят, что Якушкин³³ очень спешил магистриваться раньше Вас. Чего ради? Книжка его на первый взгляд производит впечатление действительно упражнения наспех, хотя и очень любопытного. [письмо обрывается]

Там же. Л. 95–96.

№ 7

11 апреля 1890 г.

Диспут Безобразова³⁴ был очень курьезен. Говорили Васильевский, Ламанский³⁵, Кондаков³⁶, Троицкий³⁷ и юноша Лопарев³⁸; и все почти исключительно о теоретической стороне книги. Безобразова упрекали за то, что он ценил Пселла³⁹ с точки зрения отвлеченной мерки, а не с точки зрения условий времени и места. Первенство принадлежало Васильевск[ому], к[ото]рый с большим юмором и очень добросовестно подготовясь бил диспутанта его же собственным материалом. Сам Безобразов говорил бойко, но неважно, выказал некоторую прямолинейность и грубость мысли, неспособность ловить оттенки, понимать намеки, пользоваться подробностями. В конце прения перешли в беседу, в к[ото]рой “старики” просто журили сдавшегося Безобразова и говорили наперебой отдельными фразами, несколько мешая друг другу.

В майской книжке ЖМНПр. прочтите мою рецензию на книгу Чечулина, составленную из части возражений на диспуте⁴⁰. Жду Ваших замечаний и интересуюсь ими.

Получаете ли Вы “Библиографа”⁴¹? Этот журналчик теперь временно страдает отсутствием статей. Нет ли у Вас какой-нибудь мелочи, не пригодной [зачеркнуто] для других журналов по малости объема? Редактор⁴² предложит оттиски в желаемом Вами числе и годовой экземпляр журнала в виде гонорара и будет очень рад.

Жму Вашу руку. Поклон супруге Вашей. Жена благодарит Вас за Ваше извещение.

Ваш С. Платонов

Там же Л. 9.

16 апреля 1890 г.

Вчера получил Ваше письмо, Павел Николаевич, а сегодня удачно успел встретиться и с Васильевским, и с Майковым. Переговоры с ними не привели однако к добру. Оба они против печатания приложений в типографии журнала; и хотя они не уполномочили меня передать три мотива, однако, я сделаю эту нескромность, — только не выдайте моей “измены”. Во 1-х, они уверены, что на Ваши приложения не хватит гонорара, к[ото]рый они считали в 24 р[убл]я за лист; а расходы перед типографией за кого бы то ни было, сверх гонорара, стесняются. Расчет их таков: за 15 листов диссертации получите Вы 360 р[ублей], за оттиски отдадите около 150 р[ублей]; на остальные 200–210 р[ублей] можно отпечатать в типографии Балашева не более 5 листов приложений, а их у Вас много. Во 2-х, ввиду того, что Вы не питерец, они боятся силами редакции читать за Вас корректуры приложений: на это у редакции нет сил. В 3-х, они думают, что для Вас самих удобнее напечатать приложение в Москве и платить гонораром; и в Москве, говорят они, можно подогнать внешний вид издания к формату и шрифту ЖМНПр. Эти выводы развил Майк[ов], Вас[ильевский] с Вами хочет объясняться сам и не сказал, что именно напишет, но выразался о Вас с большим “благоволением”, из чего я заключаю, что письмо его будет против приложений, но за диссертацию. Вот как обстоят дела! По-моему, Вам нужно или печатать приложения в Чтениях⁴³, или же сыскать дешевую типографию с кредитом. Здесь есть такая, Скороходова, она возьмет рублей по 25–27 за лист с бумагой и будет ждать денег, но удобно ли Вам в Москве читать здешние корректуры?

Диспут Л[аппо] Данил[евского]го 9 мая; возражает ipse⁴⁴, т.е. Кареев⁴⁵, и я. Карееву очень хотелось этого, хотя он для приличия и отказывался довольно долго. Лаппо же будет, напротив, очень недоволен этим и напрасно; Кареева он легко посадит на мель.

Делянов и Т. Филиппов в субботу сошлись на соглашении сделать проект о реформе гимназии, причем Иван Давыдович привез к Т. Филиппову нескольких специалистов. Т. Ф[илиппов] требовал сокращения числа учебных часов с 225 до 210 в неделю (цифры приблизительные) и уменьшения часов по др[евним] языкам на 16 в неделю. Он заранее говорил, что с это[го] не сойдет, что убеждать его все равно, что “мыть эфиопа”. И не убедили, разошлись ни с чем. В четверг в Г[осударственном] Совете будет решительный бой; думаю, что др[евний] язык будут сокращать в пользу р[усского] языка и естественная, причем инициатива дела не удержится в руках Т. Ф[илиппова], а дело будет перевернуто кем то другим, а кем, не знаю.

Если действительно расположены пособить Библиографу, пришлите статью мне и напишите, сколько оттисков дать Вам (Лисовский не скупится).

Теперь изложу Вам свою-ка Вам просьбу и попрошу пока держать ее между нами. Здоровье Замысловского таково, что к 1891 году мы будем с новым профессором. Кто бы он ни был (кроме Ключевского⁴⁶ и Иконникова⁴⁷, к[ото]рые, впрочем, к нам не поедут), я у него защищать своей докторской работы не буду, а уеду к Вам. При этом условии, знать мнение Ключевского о теме для диссертации, конечно, важно. Посоветуйте мне, можно ли писать ему об этом и у него просить совета? Или лучше ждать конца и сюрпризом прислать ему готовую книгу? Я по-прежнему между двух тем и в последнее время, сознаюсь, думаю больше о Борисе, чем об истории Москвы в XVI в.⁴⁸ Борис для меня настолько яснее, что я уже теперь могу сообразить общую конструкцию труда: если дать характеристику Бориса, как деятеля, на фоне внутренней истории XVI в., то в пределах биографии уляжется монография о причинах смуты довольно общего характера, дающая возможность обнаружить степень способности к синтезу и высказаться по поводу существенных процессов общественной жизни Московской эпохи. Тема о Москве неизбежно затянет в мелочи, а этого мне не хотелось бы. Выбор между темами пока довольно труден, и вот невольно является мысль посоветоваться с В[асилием] О[сиповичем]. Что Вы думаете и о темах и о совещании? Если на это В[асилий] О[сипович] взглянет, как на забегание, – я отнюдь не желаю забежать. Если он дурно обо мне думает вообще, – я избавлю его от беседы со мною. Но все это мне неизвестно, и я был бы благодарен Вам, если бы Вы меня наставили на ум в этом деле. Только не разглашайте об этом: то, что может быть сказано Вам при искренности отношений, я не хотел бы говорить другим, и москвичам и петербуржцам.

Книга Якушкина мне казалась очень “жидкой” по первому просмотру. Я ее не читал и после Вашего отзыва подожду большего досуга.

Благодарю Вас за поздравление и за предсказание о “месте в душе”. Дело об Уч[енем] Комитете шло давно: колебались и там, колебался и я, боясь “продать душу”. Васильевский все сладил, и я уверился, что душа останется при мне, и все устроилось ладно.

Жму Вашу руку и прошу передать мой поклон супруге Вашей.

Ваш С. Платонов

Там же. Л. 10–12.

№ 9

10 мая 1890 г.

С диспутом Л. Данилевского и с чтением диссертации Филевича и студенческих сочинений я заматался эти недели до того, что не мог и подумать об обстоятельном ответе на Ваше письмо. Благодарю Вас, Павел Николаевич, за совет по поводу Ключевского. Ваши со-

общения о нем меня удивили чрезвычайно (Вы впервые говорите о нем со мною настолько определенно), удивили тем, что совпали с темными слухами, циркулирующими здесь, о В[асилии] О[сипови]че. Здесь смотрят на него, как на человека, с к[ото]рым совершилось что-то неладное и странное. Я не давал этим слухам до сих пор никакой цены, теперь же – удивляюсь.

Вопрос Ваш о “библиографической комиссии” Кареевского общества⁴⁹ поставил меня в затруднение. Сам я приглашен участвовать в Комиссии, но – есть ли у нее постоянный состав, не знаю: на ее заседаниях бывают все, кто хочет, и я лично, например, не знаю, член ли я, или со стороны приглашенный. Деятельного участия в библиографии я принимать не могу, а это, кажется, Кареева сердит: он тянет меня в дело, а в то же время лично, глаз на глаз, говорить со мною не хочет. Поэтому, верных сведений о ходе дела и о намерениях Кареева я не имею. Признаюсь, что и говорить об этом не люблю: за те приемы, с к[ото]рыми Кареев ведет Общество, его всего скорее следует бранить или осмеивать; а ни того, ни другого я свободно делать не могу в силу личных недоразумений с “просвещенным” председателем. Но и вне этих личных недоразумений есть щекотливые стороны дела: как бранить то, что в основе своей положительно, а в проявлениях – отрицательно? За Кареевым та честь, что он энергично начал почтенное дело собирания “рассеянной храмины” наших петербургских историков, и это меня обезоруживает, как обезоруживает и то, что Кареева у нас достаточно [зачеркнуто] гонят и травят вне его Общества: он пасынок своих сослуживцев.

Васильевский с некоторым смущением сознался мне, что еще не писал Вам, и успокоился, когда узнал, что я с Вами списался о Ваших приложениях. Когда я ему сказал, что Вы ждали бы назначения срока для присылки первых глав охотнее, чем приглашения прислать весь оригинал когда угодно, – то он ничего не ответил, потому что не знал, что ответить. Хотя он на днях принимает Журнал от Майкова, но еще ничего не знает о положении редакционных дел, ибо мало всегда заботился о знакомстве с общим механизмом дела. Если в последнюю минуту у него не выхватит Журнала другой более ловкий кандидат в редакторы, то помощником редактора при Васильевском делаюсь я, Ваш покорный слуга, и буду составлять июльскую книжку. Все это случится около 15–20 числа, и тогда я смогу дать Вам самые определенные сведения о сроках и условиях. Это мое назначение условно решено было давно (в феврале), но должно было остаться в “глубоком” секрете по причинам, о к[ото]рых я только догадываюсь: боялись посторонних вторжений в Журнал. Связанный секретом, я Вам не писал ничего до тех пор, пока Васильевский сам не стал выдавать секрета. Но и теперь прибавлю, что секрет официально остается таковым и до сей поры. Назначение это для меня – большая радость, т[ак] к[ак] выводит меня из трагикомичной необходимости быть лектором

Русск[ой] ист[ории] чуть не на весь Петербург, что меня неизменно тяготило во всех отношениях, не обеспечивая даже с денежной стороны. Благодаря этому случаю, мы на лето остаемся под Петербургом. Все лето пишете по городскому адресу, пока я не сообщу Вам о перемене квартиры. Где будете жить Вы?

Диспут Л[аппо] Дан[анилевского] начался поздно, тянулся долго. Кареев возражал ему совсем прилично. Свое возражение я считаю совершенно неудавшимся, благодаря усталости и случайному раздражению, к[ото]рое было вызвано председателем Ламанским и отразилось не на тоне моей речи, а на ее ложке. Затем вмешался в диспут политико-эконом Яроцкий и похвалил диссертацию финансист Лебедев⁵⁰. Диспут был скучным и монотонным, и устали все до крайности. Саша Лаппо защищался остроумно, но речь сказал мало удачную: слишком растянул в ней свое предисловие. Долго писать о его книге, а поговорить бы хотелось: книга мне очень нравится, но в ней много такого, что граничит с крайней молодостью, с очень юным бессилием в языке отразить все оттенки мысли. При большом умении справляться с формой можно было бы сократить книгу страниц на 200 и этим выиграть и в достоинстве труда.

21-го у нас диспут Филевича: мне опять придется выступать с возражениями по теме, к[ото]рую я бы с удовольствием не занялся.

Однако свободное время на исходе. Жму Вашу руку и кланяюсь Вашей супруге.

Ваш С. Платонов

Когда диспут Якушкина? Впрочем Вы писали, что 17-го мая. Сообщите, как он пройдет.

Вышли “Акты М[осковского] государства”⁵¹, и я разочаровался: и содержание беднее, чем я (может быть наивно) ожидал и приемы издания мне не по душе, хотя материал, конечно, сам по себе богат и интересен.

Там же. Л. 13–16.

№ 10

4 июня 1890 г.

Пишу Вам всего несколько слов наспех, для того, чтобы поспеть к сегодняшней почте.

Вчера новая редакция ЖМНПр вступила в дело, застала на два года материала и с собой принесла кое-какой материал, в том числе и Вашу диссертацию. Для нее очистили лист с сентябрьской книжки и теперь ждем от Вас сведений: 1) о том, сколько всего печатных листов Вы направите в Журнал, 2) пришлете ли Вы первую партию оригинала между 15 июля и 1 августа, 3) согласитесь ли на гонорар в 1½ р. за страницу или 24 р. за лист, 4) будете ли требовать от нас

корректуру (или отдадите ее мне, что для Ж[урнала] удобнее гораздо); вам можно будет высылать корректуру переверстанных для книги Вашей листов после того, как они уже отпечатаны для Ж[урнала]; 5) доставите ли Вы весь оригинал сразу, а если нет, то когда надеетесь дослать остальное.

Из разговоров, бывших вчера, увидел я, что необходима некоторая ловкость, чтобы лавировать со средствами Журнала между желанием напечатать и необходимостью отказать или отложить. Этой ловкости много было у Майкова и нам придется занимать ее у него и на будущее время. И вот он предсказывает, что если Ваша работа будет велика, то придется затянуть или ее, или кое-что другое. Все мои лично симпатии клонятся к тому, чтобы напечатать Вас поскорее, и поэтому мне хотелось бы пообстоятельнее узнать Ваши расчеты о сроках: когда хотели бы Вы видеть конец Вашей книги в печати или когда хотели бы защищать диссертацию. Об этом следовало бы сговориться раньше, и я буду ждать Вашего письма с нетерпением.

А мы все хороним и провожаем: умер Минаев, один из самых почтенных в факультете людей, умер 48–49 лет; заменить его на кафедре некем, ибо учеников у него нет таких, к[ото]рые имели бы право на кафедру; пришел к мысли об отставке, говорят, и Замысловский, к[ото]рого я еще не видел, хотя он уже недели две на даче здесь. Ректорство у нас на год взял Помяловский.

Однако пора кончать. Пишите письма по адресу: Финляндск[ая] ж[елезно]дорож[ная] станция Паргалово, Шуваловский парк, дача Порш; заказное же лучше по городскому адресу: Фурштатская, д. 27, Елисеева.

С удивлением я услышал, что в Варшаву сильнейший кандидат на место Барсова⁵² – Филевич и что Шмурло сам отказался от состязания с ним и Голубовским⁵³.

Поклон супруге Вашей. Извините за беспорядочность письма.

Жму Вашу руку

С. Платонов

P.S. Рецензией на Безобразова огрешились Вы, Павел Николаевич?

Там же. Л. 17–18.

№ 11

28 августа 1890 г.

Сегодня отправил Вам, Павел Николаевич, новые гранки и старые листы, которые непременно возвратите, ибо они – собственность Редакции, на днях же высылаю корректуру переверстанных листов. В последних обратите внимание на стр. 28; Середонин⁵⁴, увидев ее у меня, поручил предупредить Вас: зная Флетчера⁵⁵ хорошо, он думает, что известие о третьях принадлежит не Флетчеру, а Гор-

сею⁵⁶, и что Вы введены в заблуждение Карамзиным. Пока можно не править, наведите справку и поправьте, только оставив то же количество строк и букв в примечании, а то – с Вас сдерут за переверстку весьма сильно.

Преыдущее письмо писал я очень усталым, и вероятно, я причиной недоразумений. Я положительно знаю, что “осьмина с четвериком” в приложении к пашне – $\frac{5}{8}$ части; но я хотел указать на то, что термины эти могут иметь иное значение при ином объекте, за что, впрочем, не стоял. Мне просто казалось, что “осьмина с четвериком” = 5 дворам – равенство, требующее еще объяснений пообстоятельнее. Если я это дурно выразил тогда, вина на мне. Затем, хоть убейте не мог припомнить, на что мое Вы возражаете о соединении финансового управления с военным; я не думаю, чтобы Ваши замечания вызывались истинным смыслом моих; мож[ет] быть, усталое перо мое опять не точно передало мысль.

У меня было желание и раньше написать Вам, да времени не было: устраивал квартиру, занимался журналом, который, как на беду шел не гладко. Живем мы теперь на углу Ивановской и Ямской ул., д. № 18/29, кв. 12; сюда направляйте и корректуры, и письма.

Начали съезжаться; приехал и Замысловский, к[ото]рый один день собирается служить, другой – говорит об отставке и путает всех, к нему прикосновенных. Однако Лаппо он устроил своим заместителем в Филолог[ическом] Институте на 6 лекций. За то мне не удалось устроить Шмурло в Лицей⁵⁷, где меня вынудили остаться на год самого. И Шмурло возвратился из своих экскурсий, и Друж[инин] приехал. Заводится зимнее колесо.

Как живете Вы? Что намерены читать в ун[иверсите]те? Пришлете ли главу на ноябрьскую книгу? Лаппо говорит, что Вы спешите к 10-му; присылайте позднее: говорю это в расчет на скорое чтение корректур, к[ото]рые Вы не задерживаете. Этот месяц Ваши гранки задержал А.С. Павлов⁵⁸, статью которого набирали раньше ради текста с условным правописанием.

Что семья Ваша? Жена Вам просит кланяться, как и я супруге Вашей.

Жму Вашу руку,

С. Платонов

Там же. Л. 19–20.

№ 12

[между 28 августа и 16 сентября 1890 г.]

Прежде всего ставлю Вас в курс. Приложения Ваши недавно пошли в набор, потому что ранее шел набор журнала на октябрь. Думаю, что их не задержат, и потороплю. Образец чистых листов Вам вышлю, а о таблице ничего не могу сказать: нужно ее видеть и по-

советоваться с метранпажем. Рукопись с гранками Вам вышло с мольбою делать приписки на гранках явственнее (хотя бы пришлось и приклеить листок сбоку), а затем – возвратить оригинал вместе с гранками, а не позже.

Роковой цифры 179 481 – я на первых листах II главы не нашел, но, кажется, нашел место, куда Вы пытались ее внедрить и, потерпев неудачу (ибо записали все поле гранки), заменили ссылкой на 13 §, которую я и сказал. При чтении корректуры я не могу следить за смыслом и потому могу что-либо напутать. Исправляйте поэтому в следующей корректуре внимательно. Дело мое усложняется тем, что мои помощники – корректоры – люди *plui quiet* цивилизованные и бесстрашно правят “Конта” на “Канта”, “европейцев” на “иностранных”, а пропуски восполняют не по оригиналу, а от собственного разума, причем всегда выигрывает интерес текста, но проигрывает правильность и смысл. Бороться с избытком этого усердия не всегда приходится с успехом: иногда уже в готовой июльской книжке прочтешь распоряжение министра октября 1890 г. и разведешь руками. Но это между нами.

Сентябрь мне пришелся солоно. Желая сберечь время, я хотел отказаться от лекций в Лицее, предложив туда Шмурло, и кроме того не вести в Ун[иверсите]те специального курса (что, казалось, легко было устроить: курс был объявлен практический в дополнение к общему, и никто бы не настаивал на том, чтобы пр[иват]-доцент читал 6, а не 4 лекции). Но в Лицее подняли бурю и буквально заставили остаться на год, давая позволение “прямо всем говорить, что меня просили не уходить”. Секрет оказался в том, что мой кандидат не нравится тем, а своего пока не имеют. В числе доводов – намеков, предназначенных к тому, чтобы меня удержать, был один любопытный: “ведь мы не можем уверить Вас, что не пригласим кого-либо со стороны, напр[имер], Якушкина из Москвы?” Я отлично понимал, что следовало обращать внимание не на меня, а на смысл, – и остался. Только что это было решено, в ун[иверсите]те узнаю, что общий курс мой не обязателен ни для кого, а специальный обязателен для всех историков V и VII семестров. На практические работы мои записались до 30 человек, как говорят, и произошло это потому, что историкам обязательны 4 часа практич[еских] занятий по истории, а их и всего-то объявлено 4; мною и Васильевским. Так мне и пришлось в несколько дней поставить темы, собрать библиографию, словом, подготовить курс (о составе Уложения и о порядке его составления). И все это при корректурах, в этот месяц не легких. Я, признаюсь, растерялся ... но справился и ликую.

Отгиски (15) Вам посланы сегодня или пошлю завтра: их приготовили всего 22 экз[емпляра] Послал я Дьяконову, отложил Серед[онину], Друж[инину] и Лаппе. Еще два кому велите отдать?

Там же. Л. 93–94.

№ 13

16 сентября 1890 г.

Новости отлагаю до другого раза. Это мое письмо прервал приходом своим один пр[еподаватель], пишущий диссертацию по [неразборчиво] – Симонов. А теперь уже гостю и пора на именины.

Принесли сейчас Вашу главу III. Таблицу, я думаю, следует печатать мелким шрифтом на нескольких страницах, как текст. Но я еще не понял, куда ее поместить: в конце главы или в середине текста. При чтении гранок укажите ее место.

Жму Вашу руку и кланяюсь супруге Вашей.

Ваш С. Платонов.

Ваш гонорар 159 р., а за вычетом 80 к. за марку на доверенности 158 р. 20 к. Он у меня, и я жду Ваших инструкций.

Самое лучшее, мне кажется, делать так: как только Тип[ография] наработает Вам рублей на 100, отдавать ей по частям. А то могу выслать что-нибудь и Вам, если хотите, хоть и все. Доверенность нужно повторять каждый месяц, для каждой статьи.

Кедров в П[ете]б[урге], жив, здоров. Участвовал в Комиссии по реформе гимназий, заслужил лестную репутацию деловитого человека и сокрушал все предложения болтуна Гуревича – с успехом. Они теперь враги.

Ваш С. Платонов.

Там же. Л. 21.

№ 14

20 октября 1890 г.

Давненко я собираюсь писать Вам, Павел Николаевич, а на последних днях в Журнале произошло событие, которое заставляет немедля взяться за перо. Ваша глава вряд ли попадет в декабрьскую книжку – и независимо от решений самой редакции. Дело в том, что Журнал неожиданно обязали в этом году напечатать новые программы гимназий с разными приложениями. Это – до 15 листов печатных и будет стоить до 700 р. Стало быть, и место и средства будут заняты, и декабрьская книжка во всех отделах будет донельзя сжата.

Получив Ваше письмо, я утешился: если Вы не надеетесь поспеть со следующей главой к январю, стало быть, Вам все равно, где будет интервал, в декабре или в январе; от нас дело не затянется. Но все-таки хотелось бы знать, как Вы примете это сообщение.

Новостей иных мало. Я начал печатать свои досадные материалы и работаю над ними. Бываю мало на людях и мало слышу. За

Ключевского рад. Порадуйтесь за Кареева, которого сделали ординарным! Сергеевича⁵⁹ здесь прочат в ректоры, ибо думают, что Помяловский при Капустине не останется. Тогда с Сергеевичем настанет эпоха любопытная: и Владиславлевскую крутость придется многим вспомнить – добрее, но и нельзя будет сомневаться в “прогрессизме” “просвещенного” ректора. Видите ли, что до сих пор Дьякову ничего не прощено и что до сих пор Сергеевич холоден с приятелями этого опального человека!

Мой практический курс, кажется, очень нравится: пишут и спорят охотно – и много, даже чересчур много тормозят меня. Это и весело и досадно тем, что отнимает время. Сенигов⁶⁰ умолк за отсутствием слушателей, Лаппо и Шмурло действуют с хорошим успехом. А Середонин все собирается писать Вам и очень искренно (зовут его Сергей Михайл[ович])* , но он мастер собираться. Хорошо бы было, если бы Вы устыдили его письмом.

*Адрес: Инженерный Замок, кв. № 52.

Все Ваши поручения исполнил, только Бестужеву⁶¹ не успел передать брошюры. Диссертация Ваша, по ошибке конторы Типографии, печатается на бумаге Журнала, а не на бумаге Старины⁶². Об этом я узнал, когда они уже откатали 5 листов, – и разрешил и дальше брать бумагу ЖМНПр.

За октябрь Ваш гонорар я получил (83 р. 20 к., со старыми 158.20 = 241.40).

Недавно я послал Вам приложения: метранпаж просил разрешение набирать не в два столбца и доказал мне, что при двух столбцах ни дешевле, ни сжатее не будет. Думаю, что при этих условиях Вы не подорожите вторым столбцом.

Жму Вашу руку и кланяюсь супруге Вашей

Ваш С. Платонов.

[Приписка на развороте листа вверх ногами] Прочел я, наконец, рецензию Ключевского на мою книгу. Смело выскажу мнение, диктуемое не самолюбием, что рецензия слабее ее автора: он, видимо, спешил. Со многим хочется поспорить.

Там же. Л. 22–23.

№ 15

3 ноября 1890 г.

В тот же, кажется, день, когда написал Вам Бестужев, – я был у него и мы сговорились, как действовать насчет Чтений, так что Вы можете хотя и вовсе не отвечать ему. Странно, что в нашей библиотеке пока утверждают, что Чтений они не получали. Но это авось распутается. Ваше желание подвести итоги с типографией меня смутило: именно потому, что мы – исправные плательщики, типография не спешит да-

вать нам счет, кроме ежемесячных; я уже испытал, что трудно достать счет по первому требованию, ибо относительно Вашего дела его сделал и ответа не получаю. Думаю, однако, что Вы можете действовать смелее, печататься свободно, без риска впасть в дефицит; счет же я потребую и еще раз, когда возвратите последние корректуры.

Спасибо за новости: они любопытны. Роман Корша⁶³ был мне известен (Гатцук – не фишерская), а историю Тихонравова я не уразумел вполне и заинтересован. Взамен наши новости: Лаппо избран секретарем Русск[ого] отд[еления] Археологич[еского] общества⁶⁴. Я назначен исправляющим должность экстраординарного, а Шмурло получил мой приват-доцентский оклад или вернее $\frac{3}{4}$ его – 600 р., Кареев стал ординарным.

Я не верил в успех факультетского за меня ходатайства, и пока дело шло, – был спокоен. Теперь же не могу привыкнуть к мысли, что я “профессор”, и мне кажется, что это какое-то недоразумение, для меня даже неприятное. У меня даже разгулялись нервы.

Вот Вам курьез: в Лицее при разговорах о моей отставке, заговорили о приглашении на мое место Вас или Якушкина. Это – секрет, но что Вы на это скажете? Если бы Вам это показалось не вздором, можно бы начать дело, имея в виду 800 в Лицее к 400 на Курсах⁶⁵ – за 5 лекций. Если я пишу об этом, то только под влиянием Ваших сообщений об отношениях к В[асилию] О[сиповичу] и о необходимости держаться 17 уроков.

Однако и в самом деле я не в духе, что может подтвердить мой почерк. Жму Вашу руку и низко кланяюсь супруге Вашей.

Ваш С. Платонов.

Рецензия на меня В[асилия] О[сиповича] Ключ[евского] не вышла еще в свет. Я видел цензурный оттиск. По выходе – пришлю.

Там же. Л. 24–25.

№ 16

[между 8 ноября и 1 декабря 1890 г.]

Посылаю Вам, Павел Николаевич, пропасть корректур и ходатайствую о скорейшем возвращении того, что пойдет в Журнал. Типография чуть-чуть задержала, а в декабре я присяжный, и потому приходится спешить. Жду Вашего письма; доверенности ... и каникул. Я было думал в январе в Москву, но, кажется, задержит присяжничество и дело придется отложить.

Бестужев выздоравливает. У нас новый ректор – П.В. Никитин⁶⁶.

Жму Вашу руку. Ваш С. Платонов.

Кобеко очень интересуется Вашими [не разборчиво] делами, сам об этом пишет.

Там же. Л. 80.

1 декабря 1890 г.

От Вас мне корректуры, Павел Николаевич, но нет писем и доверенности. Если Вы ее не пришлете на днях, мы с секретарем направим гонорар к Вам по почте, ибо “без движения” в Редакции он быть не может.

Вы писали Бестужеву, напоминая ему о Чтениях. Т[ак] к[ак] это дело для него неприятно, а он чрезвычайно слаб и тревожить его нельзя, то его жена письма ему не дала, а просила меня сообщить Вам, что следует. Чтения в Университете не получены: ни в библиотеке, ни в канцелярии, а Ваша записочка о них погибла, кажется, у нашего немца библиотекаря. Вы очень порадуете Бестужева, если вышлите ему вторично. Не мешало бы Обществу справиться в Почтамте, кому сданы были первые экземпляры.

Буду скоро писать Вам, а пока

Ваш С. Платонов.

Там же. Л. 26.

2 декабря 1890 г.

Доверенность получил, и мой ультиматум пропал даром!

Очень благодарю Вас за Ваше радушное приглашение. Пока была возможность думать о поездке, я молчал о ней, а когда суд и финансы поставили серьезные препятствия, я заговорил, уже не надеясь, что слово перейдет в дело. Но авось!

Иловайского⁶⁷ я от души хочу пощипать и, конечно, не утрашусь с его стороны инсинуаций, подобных тем, какими он попотчевал Герье⁶⁸ и Карелина⁶⁹. Только боюсь, что у меня не хватит для этого пороку. Постараюсь выдумать его на святках и напечатать в феврале или марте. Книжка-то местами просто возмутительна.

Нового у нас что-то мало и, признаюсь, живется суетливо, но не весело, несмотря на профессию и по поводу ее обмена визитов. Хочется отдохнуть, не в смысле безделья, а в смысле отвычки от привычек. Этого-то и хотелось мне достичь поездкой в Москву, где хотелось бы хоть неделю посидеть в Архиве МИД, а то и Юстиции. Дурное состояние духа складывается у меня особенно сильно, как раз с получения профессуры. Глядя на себя “со стороны”, могу поставить диагноз, но лечение установить не могу.

Скажите, сколько глав у Вас будет всего? Васильевский кое-кому сказал, что поместит их работы по окончании Вашей, и не знает, когда это будет. Мне почему-то кажется, что будет всего 7 глав, но я не помню, откуда я это взял.

Итак, не надеюсь на свидание, но и не говорю категорически, что не соблазнюсь. И действительно, чувствую большую благодарность за приглашение, и если к Вам приеду, изведу весьма заблаговременно.

Жму Вашу руку и прошу передать мой поклон супруге Вашей
Ваш С. Платонов.

Насчет Вашей фразы, Что. Петровские деньги “были похожи” на нашу мелочь, Симсон⁷⁰ прислал заметку, к[ото]рую печатаем в январе. Вышлю Вам корректуру.

Там же. Л. 27–28.

№ 19

12 декабря 1890 г.

Простите, Павел Николаевич, что не тотчас ответил на Ваш запрос о 5-й главе: доставить ее можете в последних числах декабря, т.е. 27-го, 28-го, если она не очень уж велика. Если же листов в 5-ть, пришлите хоть часть пораньше до 25-го. Впрочем, если не задержите гранок, будем самым последним сроком считать 1-е января. Напишите, сколько листов в главе на февральскую книжку и сколько еще глав предполагается.

Гонорар Ваш 118 р. 50 к. – 80 к. = 117 р. 70 к. получен.

Жму Вашу руку и скоро буду писать по-человечески. Супруге мой низкий поклон.

Ваш С. Платонов

P.S. Посылаю корректуру 4-й главы. Первый лист исправлен: не смущайтесь.

Там же. Л. 29.

№ 20

21 декабря 1890 г.

Павел Николаевич! В.Гр. Васильевский обстоятельствами поставлен в такое положение, что не может решиться печатать “Вас” в февральской книге. Есть такие материалы, к[ото]рые он должен пустить в феврале во что бы то ни стало. Мы договорились об этом сейчас, и я немедленно пишу Вам об этом. Что Вы на этот счет скажете? Обидит ли Вас перемещение с февраля на март?

Ваш С. Платонов.

Там же. Л. 30.

31 декабря 1890 г.

С Новым годом, Павел Николаевич, желаем всей семье Вашей всего лучшего!

Только сегодня добыл я сведения, Вас интересующие. Во 1-х, ни Wjkander'a, ни Zoenbom'a в Публ[ичной] Библ[иотеке] нет. Первого вовсе нет; второй значится в старом каталоге в пяти томах, но с ложным шифром 12.XXXIX/з.31, по которому ничего не нашли, не нашел и лучший знаток отдела П.А. Соколовский.

В Морском архиве указывают Николая Алексеевича Карцева (писать ему можно в Архив, здание Адмиралтейства). Хотите, я зайду туда; укажите документы, я поручу списывание и поверку очень толковому студенту.

Опоздал я с этим ответом, потому что в праздники не сразу добрался до нужных по этим делам людей. Два дня прошло в поисках за книгами.

В Москву не поеду и не жалею. Факультетское назначение на съезд прозевал, но не жалею об этом, так как я не успел подготовиться к тем справкам в архивах, для к[ото]рых стоило съездить; а не успел подготовиться благодаря Суду, к[ото]рый вырвал полторы недели жизни совершенно. От Суда приходилось отдыхать и по окончании сессии: так она была тяжела.

Засев теперь за Иловайского, прищпорил себя рецензией на него Безобразова в "Р[усском] Обозр[ении]" XII. Не думаю, чтобы Безобразов был прав, намекая на плагиативный способ писания. Но заключение его рецензии не так детски резво, как может показаться с первого раза. Хочу посчитаться и с Зерцаловым⁷¹, выходку которого успел прочитать. Вам, кажется, обязан я тем, что эта выходка приняла приличный вид. И несмотря на Ваше "секундантство", я все-таки думаю "почесать" слегка задорного "исследователя". Мне он всегда был как-то противен, и теперь я чувствую себя не в силах удержаться от брани. Не знаете Вы, появились ли отдельные оттиски его статьи о бунтах и можно ли писать об этом, как об отдельной книге?

Очень буду благодарен, если Вы решите другой мой вопрос. Журнал наш в Общ[ество] Ист[ории] и Древн[остей] посылает даровой экземпляр, но взамен не получает Чтений. Почему? Быть может, обменный экземпляр высылался лично Майкову? Но ведь он, как и Васильевский, получает в силу своего членства, и Редакция может претендовать на получение помимо этих лиц. Скажу прямо: ни тот, ни другой Чтениями ни с кем не делятся, а делиться есть с кем и помимо меня. Если бы Вы разузнали это дело и направили Чтения в "Редакцию. Троицкая, 11", то очень бы обязали. Смело можно указать и на то, что высылка Журнала может и прекратиться, если в Обществе будут смешивать Редактора и Редакцию.

С Васильевским об этом было говорено, и он стоит на моей точке зрения, считая высылаемый ему экземпляр лично своим, а не редакционным. Боюсь, что забыл сообщить Вам цифру третьего гонора. Она 118 р. 50 к.; за вычетом марки 117 р. 70 к. Типография упорно не шлет счета; вероятно, ждет конца года. Возражение Ваше в январе не поспело и пойдет в феврале. Отложена Ваша глава на март потому, что у нас явилось на февраль в официальной[ом] отделе, вместо 2-х, 14 листов, да в конце Журнала срочное благородное упражнение в классицизме непрichaстного к науке человека.

Новость одна – утверждение Никитина ректором. Жаль его, т[а]к к[а]к его на эту должность не хватит. Замысловский попробовал по чьему-то дурацкому совету лечиться эмульсией Броун-Секара. Шарлатан Успенский вспырнул ему такой дряни, что боялись заражения крови: был нарыв, лихорадка, упадок сил и – рассудка. Теперь он встал, но говорит и думает еще хуже, чем прежде. Жаль его: и страдает он ужасно, и забыли его все, и работать не может.

Ключевский опять надумал взяться за соборы! Но о нем не стану распространяться: очень много о нем говорил Маркевич⁷², к[ото]рый здесь, и набил оскомину.

Жму Вашу руку.

Ваш С. Платонов

Там же. Л. 31–33.

¹ Лихачев Н.П. (1862–1936) – историк, источниковед, приват-доцент Казанского университета, с 1894 г. член Археографической комиссии, учредитель (1897) Русского генеалогического общества. Известен своими трудами по истории России XV в., по сфрагистике, палеографии, филигранологии, геральдике, генеалогии, специалист в области вспомогательных исторических дисциплин.

² Чечулин Н.Д. (1863–1897) – историк, выпускник Санкт-Петербургского университета, в 1890 г. защитил магистерскую диссертацию “Города Московского государства в XVI в.”

³ Гольцев В.А. (1850–1906) – публицист, с 1885 г. редактор журнала “Русская мысль”, член партии кадетов, автор труда “Законодательство и нравы в России XVIII в.”

⁴ Речь идет о магистерской диссертации П.Н. Милюкова “Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформы Петра Великого”.

⁵ ЖМНП (Журнал Министерства народного просвещения) – ежемесячный журнал, выходивший в Санкт-Петербурге в 1834–1917 гг.

⁶ Васильевский В.Г. (1838–1899) – историк, византист, профессор Петербургского университета, академик с 1890 г.

⁷ Веселовский К.С. (1819–1901) – журналист, редактор “Журнала государственных имуществ”, академик, директор Статистического отдела Департамента сельского хозяйства, непременный секретарь Академии наук (Далее: АН).

⁸ С 1889 г. президентом АН стал великий князь К.К. Романов (1858–1915) – поэт, драматург, переводчик.

⁹ Грот Я.К. (1812–1893) – филолог, академик Петербургской АН с 1856 г. Автор ряда работ по истории шведской и финской литературы, скандинавскому

- фольклору и мифологии, русской литературе, грамматике; лексикологии и лексикографии, пунктуации.
- 10 Сухомлинов М.И. (1828–1900) – литературовед, с 1872 г. академик Петербургской АН.
 - 11 Штраух А.А. (1832–1893) – зоолог, с 1890 г. непреходящий секретарь АН.
 - 12 Владиславлев М.И. (1840–1890) – философ, с 1887 г. ректор Петербургского университета.
 - 13 Дьяконов М.А. (1855/56–1919) – историк, академик Российской АН. Исследователь истории древнерусского государства и церкви, истории крестьянства XVI–XVII вв.
 - 14 “Исторический вестник” – ежемесячный журнал, издававшийся в Санкт-Петербурге в 1880–1917 гг. и публиковавший статьи, документы и материалы по отечественной истории.
 - 15 Кизеветтер А.А. (1866–1933) – известный русский историк, ученик В.О.Ключевского, профессор Московского университета, специалист по русской истории XVIII в., активный деятель партии кадетов. В 1922 г. эмигрировал в Чехию.
 - 16 Речь идет об Анне Сергеевне Милоковой.
 - 17 Имеется в виду VIII археологический съезд, который состоялся в Москве в феврале 1890 г.
 - 18 Речь идет о Платоновой (Шамониной) Надежде Николаевне.
 - 19 Майков Л.Н. (1839–1900) – историк русской литературы, академик (с 1889), редактор Журнала Министерства народного просвещения.
 - 20 Замысловский Е.Е. (1841–1896) – историк. В 1883–1889 гг. – профессор Петербургского университета по кафедре отечественной истории, член-корреспондент АН.
 - 21 Шмурло Е.Ф. (1853–1934) – историк, ученик К.Н. Бестужева-Рюмина, приват-доцент Петербургского (с 1889), профессор Дерптского (с 1891) университетов, с 1903 г. ученый-корреспондент историко-филологического отделения Российской АН в Риме.
 - 22 Якубов К.И. (?–1900) – историк, выпускник Петербургского университета, специалист по истории скандинавских стран.
 - 23 “Новое время” – политическая и литературная газета, выходившая в Санкт-Петербурге в 1868–1917 гг.
 - 24 Дружинин В.Г. (1859–1937) – петербургский историк, специалист по истории раскола, секретарь Русского археологического общества.
 - 25 Трутовский В.К. (1862–1932) – секретарь Московского Археологического общества.
 - 26 Гуревич Я.Г. (1843–1906) – известный педагог, директор частной гимназии и реального училища в Санкт-Петербурге, приват-доцент Петербургского университета, специалист по всеобщей истории, основатель журнала “Русская школа”.
 - 27 Историческое общество было создано при Санкт-Петербургском университете в 1889 г.
 - 28 Лаппо-Данилевский А.С. (1863–1919) – известный русский историк, академик, специалист по отечественной истории и методологии исторической науки.
 - 29 Филевич И.П. (1856–1913) – историк, приват-доцент (с 1890 г.), профессор (с 1897 г.) Варшавского университета. В 1890 г. защитил магистерскую диссертацию “Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимирское наследие”.
 - 30 Делянов И.Д. (1818–1897) – государственный деятель, граф. В 1882–1897 – министр народного просвещения.

- 31 Капустин М.Н. (1828–1899) – юрист, в 1852–1870 – профессор Московского университета, автор первых в России систематических трудов по международному праву.
- 32 Филиппов Т.И. (1825–1899) – музыкант и общественный деятель, собиратель, исполнитель и пропагандист русских народных песен, писатель.
- 33 Якушкин В.Е. (1856–1912) – исследователь русской истории и истории русской литературы, в 1890 г. защитил магистерскую диссертацию “Очерки по истории русской поземельной политики в XVIII–XIX вв.”, приват-доцент Московского университета.
- 34 Безобразов П.В. (1859–?) – византист, с 1888 г. приват-доцент Московского университета, 8 апреля 1890 г. защитил в Петербургском университете диссертацию “Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл”.
- 35 Ламанский В.И. (1833–1914) – историк, с 1900 г. академик. Изучал историю славянской филологии, палеографии, этнографии.
- 36 Кондаков Н.П. (1844–1925) – историк византийского и древнерусского искусства, с 1894 г. работал в Русском археологическом институте в Константинополе.
- 37 Троицкий М.М. (1835–1899) – психолог, философ, профессор Казанского, Варшавского и Московского университетов, в 1885 г. – основатель и первый председатель Московского психологического общества.
- 38 Лопарев Х.М. (1862–1918) – сотрудник Публичной библиотеки (с 1896 г.), автор и публикатор более 100 капитальных научных трудов по византийско-русским отношениям, древнерусской литературе и краеведению; в 1892 г. открыл “Слово о погибели Русской Земли”.
- 39 Пселл – византийский ученый XI в., ритор, ведущий свою родословную от древнегреческих софистов. Известен своими трудами по философии, праву, богословию и естественным наукам.
- 40 Речь идет о рецензии С.Ф. Платонова на книгу Н.Д. Чечулина “Города Московского государства в XVI в.”, опубликованной в майском номере ЖМНП.
- 41 “Библиограф” – вестник литературы, наук и искусства, издававшийся в 1884–1914 гг. на средства жены редактора Н.М. Лисовского. “Библиограф” публиковал исторические материалы – разыскания и сообщения о литературных и художественных древностях, о театральной старине, заметки по истории книгопечатания и т.д. В нем печатались составленные редактором списки русских периодических изданий.
- 42 Лисовский Н.М. (1854–1920) – российский книговед, библиограф, редактор журнала “Библиограф”, служащий канцелярии военного министра по Кодификационному отделу; автор трудов по теории книговедения.
- 43 “Чтения в Обществе истории и древностей российских” – периодическое научное издание, в котором печатались протоколы заседаний Общества, статьи, документы и материалы по истории, литературе, этнографии, географии, археологии, памятники старославянской, древнерусской и украинской письменности.
- 44 ipse (лат.) – сам.
- 45 Кареев Н.И. (1850–1931) – известный историк, академик, специалист по истории Западной Европы и методологии истории.
- 46 Ключевский В.О. (1841–1911) – выдающийся русский историк, академик, профессор Московского университета, основатель московской школы русских историков, в которую входили П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер, М.К. Любавский, М.М. Богословский и др.
- 47 Иконников В.С. (1841–1923) – историк, с 1871 г. профессор Киевского университета, с 1914 г. действительный член АН, автор трудов по истории русской культуры, историографии и библиографии.

- 48 Первоначально С.Ф. Платонов думал посвятить свою докторскую диссертацию царствованию Бориса Годунова, но остановился на теме Смуты в Московском государстве.
- 49 Речь идет о “библиографической комиссии”, созданной Н.И. Кареевым при Историческом обществе.
- 50 Вероятно речь идет об историке Д.П. Лебедеве (1851–1891).
- 51 “Акты Московского государства” – многотомное издание, подготовленное архивистами Московского архива Министерства юстиции.
- 52 Барсов Н.П. (1839–1889) – историк, профессор Варшавского университета. Известен своими трудами по древнерусской истории и исторической географии.
- 53 Голубовский П.В. (1857–1907) – историк, автор трудов по истории Северной и Смоленской земель, историографии.
- 54 Середонин С.М. (1860–1914) – историк, с 1901 г. профессор Историко-филологического института. Область научных интересов – история второй половины XVI в.
- 55 Флетчер Дж. (1549–1611) – английский посол в России, автор сочинения “О государстве Русском”.
- 56 Горсей Дж. (?–1626) – английский дворянин, управлявший конторой “Московской компании”, дипломат, автор трех сочинений мемуарного характера, содержащих ценные сведения о России конца XVI – начала XVII в.
- 57 Речь идет об Александровском лицее (1810–1917) – закрытом учебно-воспитательном заведении для детей потомственных дворян.
- 58 Павлов А.С. (1832–1898) – историк церкви, профессор Московского университета.
- 59 Сергеевич В.И. (1832–1910) – известный русский историк права, с 1872 г. профессор Петербургского университета.
- 60 Сенигов И.П. (1859–?) – историк, приват-доцент Петербургского университета в 1889–1899 гг., в 1889 г. защитил магистерскую диссертацию “Историко-критические исследования о Новгородских летописях и о Российской Истории В.Н. Татищева”.
- 61 Бестужев-Рюмин К.Н. (1829–1897) – известный русский историк, профессор Петербургского университета (с 1865 г.), академик Петербургской АН (с 1890 г.), один из основателей петербургской школы русских историков, в которую входили С.Ф. Платонов, Е.Ф. Шмурло, А.И. Пресняков и др.
- 62 “Русская старина” – ежемесячный исторический журнал, выходивший в Санкт-Петербурге в 1870–1918 гг.
- 63 Корш Ф.Е. (1843–1915) – филолог, с 1883 г. профессор римской словесности в Московском университете, с 1890 г. в Новороссийском университете.
- 64 Речь идет о Русском археологическом обществе в Петербурге.
- 65 Имеются в виду Высшие женские курсы в Петербурге, созданные в 1878 г. по инициативе К.Н. Бестужева-Рюмина и получившие название “Бестужевских”.
- 66 Никитин П.В. (1849–1916) – филолог, ректор Петербургского университета в 1890–1897 гг., вице-президент АН с 1900 г.
- 67 Иловайский Д.И. (1832–1920) – историк, автор учебников по всеобщей и русской истории для средних школ. В данном письме речь идет о третьем томе “Истории России” Д.И. Иловайского, на который С.Ф. Платонов вскоре написал свою рецензию.
- 68 Герье В.И. (1837–1919) – историк, в 1868–1904 – профессор всеобщей истории Московского университета, организатор Высших женских курсов в Москве. Автор трудов по истории Западной Европы.

- ⁶⁹ Карелин (правильно Корелин) М.С. (1855–1899) – историк-медиевист, ученик В.И. Герье, профессор Московского университета, известен своими трудами об итальянском гуманизме.
- ⁷⁰ Симеон П.Ф. (1845–?) – автор работ по метрологии.
- ⁷¹ Зерцалов А.Н. (1839–1897) – архивист Московского архива Министерства юстиции, занимался публикацией документов, относящихся к истории России XVI–XVII вв. В 1890 г. он опубликовал сборник документов “О мятежах в городе Москве и в селе Коломенском 1648, 1662 и 1771 гг.” в “Чтениях Общества истории и древностей российских”, на который С.Ф. Платонов поместил свою рецензию (См.: Журнал Министерства народного просвещения. 1891. № 5. С. 182–188.)
- ⁷² Маркевич А.И. (1847–1903) – историк, профессор Новороссийского университета, известный своими трудами по истории русского летописания, истории Украины и России.

БИБЛИОГРАФИЯ

Ю.Н. Емельянов

БИОБИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ С.П. МЕЛЬГУНОВА

Научная и общественно-политическая деятельность С.П. Мельгунова, известного историка, публициста и редактора ряда исторических журналов представляет несомненный интерес¹.

В 1899–1904 гг. Мельгунов учился на историко-филологическом факультете Московского университета. За время учебы он опубликовал две самостоятельные научные работы, а также начал с 1900 г. активно сотрудничать (до 1916 г.) с редакцией газеты “Русские ведомости”. В 1905–1906 гг., отбывая воинскую повинность, Мельгунов принимал участие в похоронах Н.Э. Баумана. Будучи, по его собственным словам, все же “недостаточно активным революционером”, он, тем не менее, в 1906 г. вступил в партию кадетов, но на следующий год перешел в ряды народно-социалистической партии (энесов).

В 1911 г. Мельгунов основывает самое известное свое предприятие – кооперативное издательство “Задруга”. За 11 лет своего существования (ликвидирована советской властью в 1922 г.) издательство выпустило более 500 книг по широкому кругу вопросов – от научно-общественной и политической до детской и музыкальной. Славной страницей деятельности “Задруги” было издание журнала “Голос минувшего” (1913–1923). В редакцию журнала входили В.И. Семевский, А.К. Дживелегов, П.Н. Сакулин и С.П. Мельгунов, который был фактически главным редактором. Журнал опубликовал много ценных мемуарных и документальных источников по русской истории и литературе XVIII – начала XX столетия². В этих публикациях значительное место занимали материалы по истории освободительного движения, передовой общественной мысли. К этому времени Мельгунов окончательно сложился как историк-профессионал высокого класса, о чем свидетельствуют его исследования по истории русской церкви, русского общественного и революционного движения XVII–XX вв.

В годы первой мировой войны, поддерживая и одобряя меры, направленные на укрепление обороноспособности страны, Мельгунов в то же время не мог смириться с ростом шовинистических настроений, которые охватили всю страну, когда “вся Россия превратилась в черносотенную”.

Наступивший 1917 год стал для Мельгунова временем активной общественно-политической деятельности. В марте он был назначен Временным правительством уполномоченным по обследованию московских архивов и возглавил Комиссию по разработке политических дел г. Москвы. Он вошел в Организационный комитет партии народных социалистов, на I съезде которой в апреле был избран в состав ее ЦК. Занимая пост товарища Председателя ЦК Трудовой Народно-социалистической партии (ТНСП), Мельгунов одновременно редактирует московские органы печати партии – журнал “Народный социалист” и газету “Народное слово”.

Встретив настороженно Октябрьскую революцию, Мельгунов после подписания Брестского мира вступил на путь активной борьбы с советской властью, став одним из руководителей “Союза Возрождения России” и “Тактического центра”. С апреля 1919 г. Мельгунов переходит на полулегальное существование. С этого времени он подвергается 5 арестам и 23 обыскам. Арестованный 17 февраля 1920 г. по делу “Тактического центра”, в августе он был приговорен к расстрелу, замененному 10 годами заключения. Благодаря настойчивым ходатайствам В.Г. Короленко, П.А. Кропоткина, В.Н. Фигнер и Академии наук Мельгунов был освобожден из тюрьмы 13 февраля 1921 г. В мае 1922 г., по окончании процесса над эсерами, он был приговорен к ссылке в г. Чердынь, замененной высылкой за границу. Вскоре он был лишен и российского гражданства.

В эмиграции Мельгунов издает журналы “На чужой стороне” (1923–1925), “Голос минувшего на чужой стороне” (1926–1928), и политический еженедельник “Борьба за Россию” (1929–1931).

В годы фашистской оккупации Франции Мельгунов решительно отвергал любую форму сотрудничества с немцами. В 1950–1954 гг. он редактирует журнал “Возрождение”. Непримирымый противник советской власти Мельгунов предпринимал многократные, но безуспешные попытки создания антикоммунистических организаций типа “Союза борьбы за свободу России” и др.

В эмиграции Мельгунов выступил как автор первого научного анализа истории Февральской и Октябрьской революций 1917 г., гражданской войны. Эти исследования, как правило, до последнего времени были вне поля зрения советских историков, что и создавало, к сожалению, основу для одностороннего освещения истории советского общества.

26 мая 1956 г. Мельгунов, страдая тяжелой формой рака горла, скончался и был похоронен в Шампиньи-сюр-Марн, одном из дальних пригородов Парижа.

Творческое наследие С.П. Мельгунова чрезвычайно широко и объемно. Количество работ Мельгунова не может не поражать, особенно если представить, в каких условиях эти работы готовились – активная общественно-политическая и предпринимательская деятельность предреволюционного времени, подполье первых лет советской

власти и, наконец, 35-летнее скитание в эмиграции. Список его работ включает более 1100 наименований: газетные и журнальные статьи, рецензии, насыщенные огромным фактографическим материалом коллективные издания, а также монографические исследования. В этом же ряду стоит и его участие в редактировании большого числа изданий, публикации ценных исторических источников.

Предпринимаемая впервые в отечественной историографии попытка дать в более или менее полном объеме биобиблиографию трудов Мельгунова сталкивается и с определенными трудностями. Особую сложность представляет намерение выявить список его газетных публикаций. Известно, что Мельгунов, сотрудничая только в “Русских ведомостях”, выступил на страницах этой газеты автором более 250 публикаций. И первая неожиданность заключается в том, что в московских библиотеках, как правило, нет полных комплектов этой газеты. Вынуждены сделать подобное замечание, чтобы объяснить возможные пропуски, которые специально также оговариваются в тексте данной публикации. Это относится также и к эмигрантской прессе.

Известно, что Мельгунов активно сотрудничал в таких провинциальных газетах, как “Смоленский вестник”, “Курьер” и “Приднепровский край” (Екатеринослав), “Нижегородский листок”, “Киевская мысль”, “Приазовский край” (Ростов-н/Д) и т.д. Отсутствие какой-либо возможности ознакомиться с данными изданиями заставляет нас ограничиться только теми материалами, которые находятся в архивном фонде С.П. Мельгунова (РГАЛИ. Ф. 305).

Большая часть газетных и журнальных публикаций С.П. Мельгунова опубликована за подписью – С., М.С., С.М., М., С.М-нов, С.М-ов, С.П-ич, С.П-ч, С.П., П.М., П-ч, -овъ, М-ъ, -ъ, П. Смирнов, а также под псевдонимами *Алов* и *Оптимист* (в эмиграции). Архивные источники дают возможность установить авторство Мельгунова целого ряда статей, не имеющих подписи, что и нашло отражение в данной публикации. Статьи, подписанные полным именем, специально не оговариваются.

За некоторыми исключениями, все учтенные в настоящей библиографии работы просмотрены нами *de visu*; книги и статьи, описание которых не удалось проверить *de visu*, отмечены звездочками*.

Сокращения: **ГМ** – “Голос минувшего”, **На ЧС** – “На чужой стороне”, **ГМ На ЧС** – “Голос минувшего на чужой стороне”, **О.Р.Т.З.** – Общество распространения технических знаний*.

¹ Об этом см.: *Емельянов Ю.Н.* С.П. Мельгунов: в России и эмиграции. М., 1998.

² См.: “Голос минувшего”. М., 1913–1923; На чужой стороне. Берлин; Берлин–Прага; Прага, 1923–1925; Голос минувшего на чужой стороне. Париж, 1926–1928. Систематическая роспись статей и заметок / Сост. Ю.Н. Емельянов. М., 2001.

* В настоящем выпуске историографического вестника опубликована часть материалов досоветского периода. Их публикация будет продолжена.

БИОБИБЛИОГРАФИЯ В РОССИИ

1895

1. Пер. с франц.: Масперо Г.-К. Древняя история народов Востока. М.: Типография К.Д. Солдатенкова.

1898

2. Указания сельским хозяевам, занимающимся посевом люцерны // Сельскохозяйственный журнал. 1897–98: (Вторая половина). М. № 6. Ноябрь. С. 29–32.

1900

3. Арабы и Магомет. М. 96 с.

1901

4. Карл Великий. М.: Изд. Н.М.К. [на обложке ошибочно указано – 1890].

1902

5. Праздничный отдых для приказчиков // Народное благо. № 13/14. (Москва) С. 22–23.

6. Знаменитый сын народа: (По поводу шестидесятилетия ученой деятельности И.Е. Забелина) // Там же. № 26/27. С. 13–15.

1903

7. Пер. с франц.: Ганато Г. Франция перед Ришелье / Под ред. С.П. Моравского. М.

Рец.: Дживелегов А. // Русские ведомости. № 112. 26 апр. (Подп.: А. Дж.)

8. Крестьянин-писатель И.Т. Пошшков. (По поводу 250-летия его рождения) // Народное благо. № 30. С. 11–30.

9. Арабская вера // Там же. № 38. С. 11–25.

10. Штундисты или баптисты? (По поводу судебного преследования сектантов по 29 ст. Уст[ава] о нак[азаний]) // Русская мысль. № 11. С. 159–166.

1904

11. Из истории студенческих обществ в русских университетах // Правда. № 2. С. 142–158; № 3. С. 127–146; № 4. С. 87–105. Отд. изд. – см. № 16.

12. Рец. на кн.: Сборник товарищества “Знание” за 1903 год. Кн. I // Правда. № 6. С. 263–274. Подп.: М.С.

13. Рец. на кн.: Николай Лавров. Рассказы “В нефти” // Там же. № 7. С. 250–261. Подп.: М.С.

14. Рец. на кн.: А.С. Пругавин. Религиозные отщепенцы. (Очерки современного сектантства). Вып. I–II. СПб.: Старообрядцы во второй половине XIX века. Очерки из новейшей истории раскола. М., 1904. // Там же. № 11. С. 249–251.

15. Рец. на кн.: Наживин Ив. “У дверей жизни”. Очерки и рассказы. // Там же. № 12. С. 121–127. Подп.: М.С.

16. Из истории студенческих обществ в русских университетах. М.: Изд-во журн. “Правда”. 71 с.; 1-е изд., – см. № 11.

Рец.: Клочкив М.В. // Ист. вестн. 1905. № 3. С. 1054–1057. Подп.: М.К.

1906

17. Новый закон о веротерпимости // Народное дело. 19 апр.

18. Ред. Подвинский Ю. Конституция Царства Польского и ее судьба. (1815–1830): Сер.: Библиотека “Свободной России”. М. (совм. с П.М. Шестаковым).

19. Ред. К истории декабристов. I. Взгляд на тайное общество в России (1816–1826 гг.) (Лунина). II. Разбор донесения Следственной комиссии в 1826 г. Никиты Муравьева. (С предисловием С. Мельгунова): Сер.: Библиотека “Свободной России”. М. (совм. с П.М. Шестаковым).

1907

20. Старообрядческие и сектантские общества // Старообрядческие и се-

ктантские общины. (Закон 17 октября 1906 г. М.: Тип. И.Д. Сытина. С. 3–12.

21. Церковь и государство в России (К вопросу о свободе совести): Сб. статей: В 2 т. М., 1907–1909.

Рец.: [Рейснер М.] Совр. мир. № 12. С. 146–147. *Без подп.*; [Рейснер М.] // Русское богатство. № 7. С. 204–205. *Без подп.*; Бонч-Бруевич В.Д. // Текущая жизнь. СПб., 1908. С. 155–158; Вестн. Европы. № 1. Библиографический листок. *Без подп.*

22. Великий подвижник протопоп Аввакум. М. 31 с.; 2-е изд. – см. № 101.

23. Где выход? Крушение надежд и междоусобные войны. СПб. 34 с.

24. Старообрядцы и вопросы совести: (Исторический очерк). М. 86 с.

Рец.: Струмилин С.Г. // Новая книга. № 2–3. С. 16; Старообрядческая мысль. (Киев). 1910. № 1. Янв. С. 64. Подп.: И.Г.

25. Из истории высшего женского образования в России // Русская старина. № 3. С. 477–486.

1908

26. Студенческие организации 80–90-х гг. в Московском университете. (По архивным данным). М. 103 с.

Рец.: Русские ведомости. 7 окт. Подп.: В.П.; Белоконосский И.П. // Минувшие годы. № 10. С. 321–322. Подп.: И.Б. Изгоев А.С. // Русская мысль. № 3. С. 49; Сватиков С.Г. // Соврем. мир. № 4. С. 110–111; [Мякотин В.А.] // Русское богатство. № 9. С. 189–190. *Без подп.*

1909

27. Защита свободы совести // Вестн. Европы. № 3. С. 83–98.

28. *Ред.*: Рассказы по русской истории. Общедоступная хрестоматия с рисунками, составленная кружком преподавателей / Под ред. С.П. Мельгунова, В.А. Петрушевского. М.: Изд. Исторической Комиссии Учебного Отдела О.Р.Т.З. Изд. Т-ва И.Д. Сытина.

29. От редакции. // Там же. С. 3–4. (совм. с В.А. Петрушевским).

30. Протопоп Аввакум // Там же. С. 257–264.

31. Стрелецкие бунты // Там же. С. 292–299.

32. Подъячий Докукин // Там же. С. 319–322.

33. Гонения на старообрядцев // Там же. С. 322–323.

34. Крестьянин-писатель И.Т. Пошсков // Там же. С. 325–328.

35. Причины падения крепостного права и освобождение крестьян // Там же. С. 432–436.

Рец.: Пичета В.И. // Вестн. воспитания. № 6. С. 30–32; [Мякотин В.А.] // Русское богатство. 1910. № 4. С. 101–102. *Без подп.*

36. Рец. на кн.: Владимир Андерсон. Старообрядчество и сектанство. Исторический очерк русского религиозного разномыслия. СПб.: Изд-во В.Н. Губинского // Критическое обозрение. Вып. IV. Апрель. С. 48–50.

1910

37. 96 ст[атья] уголовного положения на практике // Вестн. права и нотариата. 14 февр. С. 230–234.

38. Падение крепостного права // Крестьянское дело. № 7. 15 февр. С. 121–124.

39. Москва и старая вера // Москва в ее прошлом и настоящем. Роскошно иллюстрированное издание, посвященное памяти историка Москвы И.Е. Забелина. Изд. подготовлено Исторической Комиссией Учебного Отдела О.Р.Т.З. М.: Книгоиздательское т-во "Образование": В 12 т. М., 1909–1912; Т. 4–5. М. С. 201–224.

40. Памяти Н.П. Павлова-Сильванского. Вступительное слово // Отчет о деятельности Учебного Отдела Общества Распространения Технические Знаний за 1908 и 1909 годы. М. С. 44–46.

41. Старое освещение происхождения раскола в новом курсе русской истории [о курсе лекций В.О. Ключевского] // Там же. С. 66–70.

42. О программе истории // Там же. С. 126–130.

43. *Ред.*: Книга для чтения по истории нового времени. М.: Изд-во И.Д. Сытина и "Сотрудника школ" А.К. Залесской. Историческая Комис-

сия Учебного Отдела О.Р.Т.З. (совм. с А.М. Васютинским, А.К. Дживелеговым, Д.П. Кончаловским, Н.М. Никольским, В.Н. Перцевым, В.И. Пичетой, В.Н. Сторожевым, В.В. Филатовым).

44. Религиозно-общественные движения русского народа в XVII веке // Там же. М. Т. I. С. 566–620. Отд. изд. – М., 1919.

45. Религиозно-общественные движения русского народа в XVIII веке // Там же. М., 1911. Т. II. С. 690–748.

46. Мистицизм и реакция в царствование Александра I // Там же. М., 1912. Т. III. С. 711–766.

Рец.: Фортунатов С. “Русские ведомости”. 1912, 25 янв.

47. Один из старых голосов в защиту религиозной свободы // Старообрядческая мысль. (Киев). № 1. Янв. С. 12–18.

48. Свобода совести // Там же. С. 32–36.

49. Религиозно-общественные движения русского народа в XVII в. // Там же. № 3. Март. С. 140–166; № 4. Апр. С. 235–251.

50. Религиозно-общественные движения русского народа в XVIII веке // Там же. № 9. Сент. С. 572–581; № 10. Окт. С. 646–654; № 11. Ноябрь. С. 741–758; № 12. Дек. С. 818–834.

1911

51. Pamięci Antoniego Zaremby (1867–1909). (Wspomnienia o A. Zaremby St. Posnera, S. Melgunova) Moskwa.

52. Бурцов И.Г. Энциклопедический словарь. Гранат. СПб. Т. 7. Стлб. 214–215.

53. Вадковский Ф.Ф. // Там же. Стлб. 462–463.

54. *Ред.:* Крепостное право и крестьянская жизнь. Общедоступный сборник. В рассказах, стихах, песнях и воспоминаниях современников. М.

55. *От редакции* // Там же. С. III–IV. *Без подп.*

Рец.: [Мякотин В.А.] // Русское богатство. № 3. С. 121–122. *Без подп.*; Сивков К.В. // Вестн. воспитания. № 3. С. 121–122. *Без подп.*

56. *Ред.:* 1861–1911. Великая реформа. Русское общество и крестьян-

ский вопрос в прошлом и настоящем. Юбилейное издание: В 6 т. М. (совм. с А.К. Дживелеговым, В.И. Пичетой).

57. От редакции // Там же. Т. I. С. III–XVI. (совм. с А.К. Дживелеговым, В.И. Пичетой).

58. Дворянин и раб на рубеже XIX века // Там же. С. 241–260.

59. Эпоха “официальной народности” и крепостное право // Там же. Т. III. С. 1–21.

60. Митрополит Филарет – деятель крестьянской реформы // Там же. Т. V. С. 156–163.

61. “Александров день” // Там же. С. 164–171.

Рец.: Кизеветтер А.А. // Русские ведомости. 19 мая; [Мякотин В.А.] // Русское богатство. № 3. С. 118. *Без подп.*; [Мякотин В.А.] // Русское богатство. № 6. С. 154–156. *Без подп.*; Сивков К.В. // Вестн. воспитания. № 2. С. 12–14.

62. *Ред.* Крепостное право в России и реформа 19 февраля. М. (совм. с А.К. Дживелеговым, В.И. Пичетой).

63. Русское общество и освобождение крестьян // Там же. С. 226–257.

Рец.: [Мякотин В.А.] // Русское богатство. № 4. С. 85–86. *Без подп.*

64. *Ред.:* 1812–1912. Отечественная война и русское общество. Юбилейное издание. М.: Задруга, Изд-во И.Д. Сытина. Т. I–VII. (совм. с А.К. Дживелеговым, В.И. Пичетой).

65. Император Александр I // Там же. М. Т. II. С. 122–155.

66. Барклай де Толли и Багратион // Там же. М., 1912. Т. III. С. 90–99.

67. Ростопчин – московский главнокомандующий // Там же. М., 1912. Т. IV. С. 34–83.

68. Кто сжег Москву? // Там же. С. 162–172.

69. Правительство и общество после войны // Там же. М., 1912. Т. VII. С. 151–235.

Рец.: [Мякотин В.А.] // Русское богатство. 1912. № 2. С. 168–170. *Без подп.*; № 4. С. 165–167; № 7. С. 148–149; № 8. С. 120–122; № 12. С. 384–386; [Шингарев А.И.] // Русские ведомости. № 227. Подп.: А.М.; Кизеветтер А.А. Из юбилейной литературы. Отечест-

венная война и русское общество. Т. I-V // Русские ведомости. 1912. 1 июня.

1912

70. *Сост.*: Французы в России. 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев. М.: "Задруга". Ч. I-IV. (совм. с А.М. Васютинским, А.К. Дживелеговым).

71. *От редакции* // Там же. Ч. I. С. III-IV; Ч. II. С. III-IV; Ч. III. С. III-IV. (совм. с А.М. Васютинским, А.К. Дживелеговым).

Рец.: Мякотин В.А. // Русское богатство. 1913. № 3. С. 374-376; Щеголев П.Е. // День. 3 дек. Подп.: П.П.-в.; Козловский Л. // Русские ведомости. 26 июня. Подп.: Л. К-ский.

72. *Ред.*: Рассказы по русской истории. Общедоступная хрестоматия. М.

73. "Незыблемые основы" свободы совести // Вестн. права и нотариата. № 2. 28 янв. С. 33-36.

74. На войне 1812 года // Война и мир. Памяти Л.Н. Толстого / Под ред. Т.И. Полнера и В.П. Обнинского. М.: "Задруга". С. 178-209.

75. Волконская М.Н. Энциклопедический словарь. Гранат. М. Т. 11. Стлб. 77.

76. Волконский С.Г. // Там же. Стлб. 77-80.

77. Выгодский П.Ф. // Там же. Т. XII. Стлб. 605-606. Подп.: С.М.

78. Гангелов А.С. // Там же. Стлб. 606-607. Подп.: С.М.

79. Глинка С.Н. // Там же. Т. XV. Стлб. 143-145. Подп.: С.М.

80. Глинка Ф.Н. // Там же. Стлб. 145-146.

81. Глебов М.Н. // Там же. Стлб. 187. Подп.: С.М.

82. Голицын В.М. // Там же. Стлб. 320.

83. Горбачевский И.И. // Там же. Стлб. 466-467. Подп.: С.М.

1913

84. *Ред.*: Наше прошлое. Рассказы из русской истории. Ч. I. До Петра Великого. Ч. II. XVII и XIX вв. М.: "Задруга". 1913-1915. (Историческая Комиссия Учебного Отдела Московского Общества О.Р.Т.З.). (совм. с

Е.И. Вишняковой, Б.С. Сыроечковским).

85. Граббе П.Х. // Энциклопедический словарь. Гранат. 4-е изд., просм. и доп. М., 1918. Т. XVI. Стлб. 335. Подп.: С.М.

86. Громницкий П.Ф. // Там же. Т. XVII. Стлб. 168.

87. Давыдов В.Л. // Там же. Стлб. 491-492.

1914

88. *Ред.*: МASONСТВО в его прошлом и настоящим. [М.] Т. 1-II. [1914-1915]. (совм. с Н.П. Сидоровым).

89. *От редакции* // Там же. Т. I. С. IX-XII. *Без подп.*; Т. II. С. VII-IX. *Без подп.* (совм. с Н.П. Сидоровым).

Рец.: Чехихин-Ветринский В.Е. // Вестн. Европы. 1915. № 1. С. 412-414. Подп.: Ч.В-ский; Щеголев П.Е. // День. 1916. 28 апр.

1915

90. *Ред.*: Наша жизнь (Москва). № 1, 3 янв. [Издание было приостановлено 2 января до выхода № 1]. (совм. с А.В. Пешехоновым).

1916

91. ...О современных литературных нравах. М.: Тип. Вильде. 71 с.

Рец.: Иорданский Н.И. // Современ. мир. № 10. С. 142-144; Изгоев А.С. // Русская мысль. № 11. С. 5-6; Журнал журналов. 1916. № 43; и др.

1917

92. Церковь в новой России. М.: "Задруга". 14 с.

93. Как создавалась в России государственная церковь?: Сер.: Церковь и государство. М. № 12. 15 с.

94. Москва и старая вера. Очерк из истории религиозно-общественного движения на рубеже XVII-XVIII вв. М.: "Задруга". 32 с.

95. Наши монастыри. К вопросу о секуляризации монастырских земель. Сер.: Церковь и государство. № 1. Пг.; М.: "Задруга". 15 с.

96. Почему мы идем с собственным списком на выборах в Учредительное собрание в Москве. М.: "Задруга". 8 с.

97. *Ред.*: Материалы по истории общественного и революционного движения в России. М.: "Задруга". Т. I. Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год бывш[его] Московск[ого] охранного отделения. К печати приготовил и предисловием снабдил М.А. Цявловский. 2-е изд. М.: "Задруга". 1918. 264 с. (совм. с М.А. Цявловским).

98. *Ред. изд.*: Николай II: Материалы для характеристики личности и царствования. М. 255 с.

99. Последний самодержец: Черты для характеристики Николая II. М.: "Задруга". 16 с.

100. *Публ., предисл.*: Труфанов С.М. "Святой черт". (Записки о Распутине). М.: "Задруга". То же // Голос минувшего. № 3.

101. Великий подвижник протопоп Аввакум: Сер.: Популярная историческая библиотека. 2-е изд. М. 16 с. (1-е изд. – см. № 22).

102. Старообрядцы и вопросы совести. (О необходимости для старообрядцев отделения церкви от государства.) Исторический очерк: Сер.: Церковь и государство, 2-е изд. М.: "Задруга". № 4. 48 с.; 1-е изд. – см. № 24.

103. Из истории религиозно-общественных движений в России XIX в. М.: "Задруга". 236 с.; 2-е изд. – М.: "Задруга". 1919. 286 с.

1918

104. О кооперативном товариществе печатного и издательского дела "Задруга". 1912–1918. М.; Пг. *Без подп.*

105. *Ред.*: Рассказы по русской истории. Изд. 4-е, просм. и доп. М.

1922

106. "Задруга". 10 лет. 1911–1921. Отчет чрезвычайного общего собрания членов товарищества "Задруги" и общественных организаций в день десятилетнего юбилея 25 декабря 1921 г. Пг. *Без подп.*

Рец.: Николаевский Б. // Новая русская книга. (Прага). № 10. Октябрь. С. 18; Соврем. зап. (Париж). № 13. С. 372–375.

107. Религиозно-общественные движения XVII–XVIII вв. в России. М. 195 с. (1-е изд. – см. № 44, 45).

Рец.: Рейснер М. // Печать и революция. 1923. № 3. С. 202.

ГАЗЕТЫ

"Санкт-Петербургские ведомости"

108. По поводу проекта московского Общества деятелей периодической печати (Письмо в редакцию) // 1902. 5 сент.

"Смоленский вестник"

109. Из французской жизни. О французских военных тюрьмах // 1902. № 235, 240.

"Нижегородский листок"

110. Новый проект военного министерства // 1902. 7 июня.

"Народное дело" (Москва)

111. Новый закон о веротерпимости // 1906. 19 апр. *Без подп.*

112. Из истории Семеновского полка // 1906. 28 апр. Подп.: С.

"Народный путь" (Москва)

113. Старообрядческие и сектантские общины // 1906. 24 окт.; 26 окт.

114. О возрождении православия // 1906. 4 нояб.

115. Перед церковным собором // 1906. 6 нояб.

116. Церковная реформа // 1906. 24 нояб.; 26 нояб.

"Товарищ" (Москва)

117. Единение и сила // 1906. 16 дек.

“Современник” (Москва)

1902

118. [Передовая статья] // 1906. 20 марта.

119. “Предводительские” стремления // 1906. 23 марта.

“Век” (Москва)

120. Реакция // 1906. 31 янв.

“Жизнь и свобода” (Москва)

121. Когда же конец // 1906. 5 марта. *Без подп.*

“Приазовский край” (Ростов н/Дону)

122. Курортно-юридические нравы на Кавказе // 1916. 27 сент.

“Киевская мысль”

123. Еп[ископ] Михаил и старообрядчество // 1916. 11 нояб.

124. Дефекты вероисповедного законодательства // 1916. 30 нояб.

125. Удивительная карьера // 1916. 14 дек.

“Киевский вестник”

126. Историческая загадка // 1908. 11 мая.

127. К вопросу о происхождении раскола // 1908. 1 авг.

128. Грозит ли опасность свободе совести? // 1908. 10 авг.

129. Нашли виновника. [Сб. “Вехи”] // 1909. 25 марта. См. также: В Исторической Комиссии Учебного Отдела О.Р.Т.З. // Русское слово. 1909. 15(28) апр. С. 5.

130. Неосуществившаяся юстиция и ее творец (1809–1909) // 1910. 19 февр.

“Русские ведомости” (Москва)

131. Сто лет после отмены пытки // 19 февр.

132. Из истории врачебного и аптечного дела в России. (Историческая справка по поводу 200-летия учреждения вольных аптек) // 1 дек.

133. К столетию учреждения министерств и Комитета министров. 1802–1902 // 10 янв. Подп.: С.М.

134. По поводу XX-го археологического съезда // 13 авг.

135. Столетие Дерптского (ныне Юрьевского) университета // 12 дек.

1903

136. С выставки Северного края // 14 авг. Подп.: М.С.

137. По поводу отмены телесного наказания // 5 апр. Подп.: С.М.

138. Первый провинциальный журнал в России. Из истории русской журналистики // 1 мая.

1904¹

139. Присоединение Малороссии // 13 янв. Подп.: С.М.

140. *Рец.* на кн.: Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1904. Ч. I // 15 марта. *Без подп.*

141. *Рец.* на кн.: Повалишин А. Рязанские помещики и их крепостные. Очерки из истории крепостного права в Рязанской губернии в XIX столетии. Рязань, 1903 // 22 марта. Подп.: С.М.

142. *Рец.* на кн.: Кизеветтер А. Русское общество в XVIII столетии. Ростов н/Д., 1904 // 14 июня. Подп.: С.М.

143. *Рец.* на кн.: Пругавин А.С. Старообрядчество во второй половине XIX века. Очерки из новейшей истории раскола. М., 1904 // 21 июня. Подп.: С.М.

144. *Рец.* на кн.: Булич Н. Из первых лет Казанского университета (1805–1819). Рассказы по архивным документам. Изд. 2-е. СПб., 1904. Ч. I // 5 июля. Подп.: С.М.

145. *Рец.* на кн.: Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей. (Историко-литературный сборник). Т. VI // Там же. *Без подп.*

146. *Рец.* на кн.: Алексеев В. Земские Соборы Древней Руси. Ростов н/Д., 1904 // 12 июля. Подп.: С.М.

147. *Рец.* на кн.: Кизеветтер А.А. Из истории законодательства в России XVIII–XIX вв. Ростов н/Д, 1904 // 26 июля. Подп.: *С.М.*

148. *Рец.* на кн.: Кизеветтер А.А. Протопоп Аввакум. Изд. “Донская Речь”. Ростов н/Д., 1904 // 2 авг. Подп.: *С.М.*

149. *Рец.* на кн.: Книга для чтения по русской истории, составленная при участии профессоров и преподавателей / Под ред. проф. М.В. Довнар-Запольского. М., 1904. Т. I // 16 авг. Подп.: *С.М.*

150. *Рец.* на кн.: Кизеветтер А.А. Кузнец-гражданин (из 60-х годов) [Н.М. Милютин]. Изд. “Донская Речь”. Ростов н/Д // 30 авг. Подп.: *С.М.*

151. Памяти И.И. Нейдинга // 9 сент. Подп.: *М.*

152. П.П. Кончаловский // 18 сент. Подп.: *М.*

153. *Рец.* на кн.: Шпаков А.Я. Государство и церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве от Флорентийской унии до учреждения патриаршества. Княжение Василия Васильевича Темного. Киев, 1904. Ч. I // 20 сент. Подп.: *С.М.*

154. Из истории студенческих обществ в русских университетах // Там же.

155. *Рец.* на кн.: Пругавин А.С. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектанством. (К вопросу о веротерпимости.) С критическими замечаниями духовного цензора. М., 1904 // 11 окт. Подп.: *С.М.*

156. *Рец.* на кн.: Лемке М.К. Эпоха цензурных реформ 1854–1865 годов. СПб., 1904 // 13 окт. Подп.: *С.М.*

157. Столетие Казанского университета. 5-го ноября 1804 – 5-го ноября 1904 // 5 нояб.; 12 нояб. Подп.: *С.М.*

158. К вопросу о свободе совести // 13 нояб. Подп.: *С.М.*

159. *Рец.* на кн.: Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. Т. I // 15 нояб. *Без подп.*

160. *Рец.* на кн.: Пругавин А.С. Прошлое и настоящее Шлиссельбургской крепости. Изд. “Донская Речь”. Ростов н/Д // Там же. Подп.: *С.М.*

161. *Рец.* на кн.: По поводу отпадения от православной церкви графа Л.Н. Толстого: Сб. статей “Миссионерского обозрения”. Изд. 2-е, доп. СПб., 1904 // 29 нояб. Подп.: *С.М.*

162. Закон и “религиозные отщепенцы” // 3 дек. Подп.: *С.М.-нов.*

163. *Рец.* на кн.: Алексеев В. Народовластие в Древней Руси. Ростов н/Д, 1904 // 20 дек. Подп.: *С.М.*

1905

164. *Рец.* на кн.: Забелин И.Е. История города Москвы. Изд. 2-е. Т. I // 3 янв. Подп.: *С.М.*

165. *Рец.* на кн.: Мякотин В.А. На заре русской общественности. Ростов н/Д. // Там же. Подп.: *С.М.*

166. По поводу выселения штундистов. (Письмо в редакцию) // 8 янв.

167. Новая книга о духоборцах. *Рец.* на кн.: Л. Сулержицкий. В Америку с духоборами. М., 1905 // 20 янв. *Без подп.*

168. *Рец.* на кн.: Пругавин А.С. Раскол и сектанство в русской народной жизни: С краткими замечаниями духовного цензора. М., 1905 // 24 янв. Подп.: *С.М.*

169. Памяти Н.А. Неведомской-Дюдор // 2 февр. Подп.: *М.*

170. Политическое завещание Б.Н. Чичерина (По поводу годовщины смерти – 3 февраля) // 8 февр. Подп.: *М.*

171. К вопросу о положении аптечных работников // 5 февр. Подп.: *М.*

172. Памяти А.Г. Бриллиантова // Там же. Подп.: *С. М.*

173. К вопросу о положении католиков в России // 20 февр. *Без подп.*

174. Письмо в редакцию [о заседании московского уездного собрания] // 4 марта. Подп.: *М.*

175. *Рец.* на кн.: Мельгунов П.П. Что такое история? Изд. “Сотрудник школ” А.К. Залесской. М., 1905 // 7 марта. *Без подп.*

176. *Рец.* на кн.: Звягинцев Е. Общественное движение в России в начале XIX века. Ростов н/Д, 1904 // 21 марта. Подп.: *С.М.*

177. *Рец.* на кн.: Якушкин В. Сперанский и Аракчеев. СПб., 1905 // 11 апр. Подп. *С.М.*

178. Книга А.С. Пругавина в немецком издании // 15 апр. Подп.: С.М.

179. Официальная веротерпимость // 27 апр. Подп.: С. М.-в.

180. Столетие Демидовского лица // 29 апр. Подп.: С.М.

181. Рец. на кн.: Мельгунов П.П. Очерки по истории русской торговли IX–XVIII вв. Посмертное издание. М., 1905 // 23 мая. *Без подп.*

182. Рец. на кн.: Общедоступные рассказы из русской истории. Для школ и самообразования. Изд. 2-е, доп. и перераб. книжного склада "Школьное библиотечное дело". СПб., 1905 // 13 июня. Подп.: С.М.

183. Среди сектантов. В поисках веротерпимости // 18 июня; 28 июня.

184. Рец. на кн.: Ольховский В. Назарены в Венгрии и Сербии. (К истории сектантов). М. // 20 июня. Подп.: С.М.

185. Рец. на кн.: Лунц М. Фабрикант и рабочие. Две жизни. Современная библиотека. М. // Там же. Подп.: М.

186. Рец. на кн.: Щелкина Е. Чтения по истории России в восемнадцатом веке. СПб., 1905. Вып. I. Государственный строй // 27 июня. Подп.: С.М.

187. Рец. на кн.: Довнар-Запольский М.В. Из истории общественных течений в России. Киев, 1905 // Там же. Подп.: М.

188. Рец. на кн.: Нелидов Ф.Ф. Вольный крестьянский врач С.И. Сычугов. Библиотека для семьи и школы. М., 1905 // 4 июля. С.М.-ов.

189. Рец. на кн.: Процесс декабристов. Следствие. Приговор. Письмо Рылеева из крепости. Указы. М., 190 // 18 июля. Подп.: С.М.

190. Рец. на кн.: Тексты конституций. I Прусская конституция. II Испанская конституция / Пер., ред. и с предисл. И.В. Луцицкого. Киев // Там же. Подп.: М.

191. Рец. на кн.: М. Клочков. Земские соборы в старину. СПб., 1905; И.Д. Новик. Московские земские соборы. Современная библиотека. Н.Н. Мазуренко. Всероссийские земские соборы. Исторический очерк. СПб., 1905 // 25 июля. Подп.: С.М.

192. Рец. на кн.: А.А. Титов. Студенческие беспорядки в Московском университете в 1861 году. (Из бумаг О.М. Бодянского). М., 1905 // 1 авг. Подп.: М.

193. Изуверные секты и веротерпимость // 2 авг. Подп.: С.М.-нов.

194. Рец. на кн.: Н. Рожков. История крепостного права в России. Ростов н/Д, 1905 // 15 авг. Подп.: М.

195. Рец. на кн.: Г.Ф. Шершеневич. Земский Собор. Казань, 1905 // 22 авг. Подп.: С.М.

196. К годовщине 14-го декабря 1825 г. // 20 дек. *Без подп.*

1906

197. Рец. на кн.: Л. Шишко. Рассказы из русской истории: В 2 ч. СПб., 1906 // 9 янв. Подп.: С.М.; Популярная история России: В 2 ч. СПб., 1906.

198. Старообрядчество и освободительное движение // 1 февр.; 4 февр.

199. Аграрный вопрос на старообрядческом съезде // 3 февр.

200. Письмо в редакцию [об откликах в "Народной газете" на предыдущую статью С.П. Мельгунова] // 7 февр.

201. К открытию Государственной думы. (Письмо в редакцию) // 27 апр. Подп.: С.М.

202. Рец. на кн.: А.С. Пругавин. Голодающее крестьянство. Очерки голодовки 1898–1899 гг. М., 1906 // 23 мая. Подп.: С.М.

203. Рец. на кн.: А.С. Пругавин. Прошлое Шлиссельбургской крепости. 2-е изд., доп. Ростов н/Д, 1906 // 6 июня. Подп.: М.

204. Рец. на кн.: Тан. Духоборцы в Канаде. Очерки. Изд. испр. и доп. М.: "Народная мысль". 1906 // 27 июня. Подп.: С. М.-нов.

205. Рец. на кн.: Из писем и показаний декабристов. Критика современного состояния России и планы будущего устройства / Под ред. А.К. Бороздина. СПб., 1906 // 11 июля. Подп.: С.М.

206. Рец. на кн.: Н. Рожков. Происхождение самодержавия в России. М., 1906 // 1 авг. Подп.: С.М.

207. Религиозные преступления с точки зрения религиозной свободы // 19 авг.

208. *Рец.* на кн.: Иллюстрированная русская история. Первоначальный курс / Сост. Ф.А. Смирнов. СПб., 1905 // 22 авг. Подп.: *С.М.*

209. Из писем и показаний декабристов // 25 авг.; 6 сент. Подп.: *С. М-нов.*

210. *Рец.* на кн.: Книгоиздательство “Труд” и “Воля”. М., 1906 // 5 сент. Подп. *С.М.*

211. Новая биография Л.Н. Толстого // 29 сент. *Без подп.*

212. *Рец.* на кн.: Г. Энгель, В. Горохов. Из истории студенческого движения 1899–1906 гг. // 10 окт. Подп.: *С.М.*

213. Иллюзия или комедия [см.: *Н.Я. Николадзе. Былое. 1906. № 9*] // 19 окт. Подп.: *С.М.*

214. *Рец.* на кн.: Н.А. Крашенинников. Погром; И.А. Петровский. Права и обязанности народных представителей. Н.И. Тимковский. Свобода, равенство, братство // 22 окт. Подп.: *М.*

215. *Рец.* на кн.: Як. Рейтенфельс. Сказания герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. Падуя 1680 г. / Пер. с лат. А. Станкевич. М., 1906 // 31 окт. Подп.: *М.*

216. *Рец.* на кн.: Иоганн Георг Корб. Дневник путешественника в Москву (1698 и 1699 гг.) / Пер., примеч. А.И. Малеина. СПб., 1906 // 14 нояб. Подп.: *С.М.*

217. Дворянство в России // 17 нояб. *Без подп.*²

218. Новая библиографическая работа (Письмо в редакцию) // 24 нояб. *Без подп.*

219. *Рец.* на кн.: А.А. Титов. Из воспоминаний о студенческом движении 1901 года. М., 1907 // 28 нояб. Подп.: *С.М.*

220. Голод и продовольственная кампания // 2 дек. *Без подп.*³

221. Московские педагогические журналы // 3 дек. Подп.: *С.*

222. Революция 1848 г. и “состояние умов” в Москве // 9 дек. *Без подп.*

223. Письмо в редакцию [о плагиате И.П. Сенигова в кн. “Из истории евреев и других народов Востока” без указания на работу П.П. Мельгунова “Первые уроки истории”] // 21 дек.

224. *Рец.* на кн.: Что такое “сектанты и чего они хотят? / Предисл. И.Ф. Наживина. Изд. “Посредника” М., 1907. Вып. I // 30 янв. Подп.: *С.М.*

225. Свободная церковь в свободном государстве // 2 февр.

226. Старый грех [павловские сектанты] // 18 февр.

227. Правительственный законопроект о свободе совести // 31 марта.

228. Страна религиозной свободы // 4 апр.

229. Бюджет Синода // 17 апр. Подп.: *С.М.*

230. [Некролог на смерть Василия Юрьевича Скалона] // 20 апр. *Без подп.*

231. Министерская “откровенность” // 16 мая. Подп.: *С.*

232. Излишние запросы // 20 мая. Подп.: *С.*

233. К вопросу о восхвалении преступлений // 23 мая. Подп.: *С.*

234. Правительственные мысли и взгляды // 26 мая. Подп.: *С.*

235. Религиозные общества // 29 мая.

236. Мечтания XX века // 9 июня.

237. *Рец.* на кн.: П. Дворников. Русская история. Руководство для мужских и женских учебных заведений и для самообразования. М., 1907. Ч. I. От Киевской Руси до Смутного времени // 12 июня. Подп.: *С.М.*

238. Pro domo mea (Письмо в редакцию) [о рец. М. Кистяковской на “Библиографические сборники О.Р.Т.З.”] // 12 июня.

239. К партийным группировкам // 22 июня.

240. *Рец.* на кн.: И. Катаев. Учебник русской истории для средних учебных заведений. М., 1907. Вып. I. // 26 июня. Подп.: *С.М.*

241. *Рец.* на кн.: П. Добротворский. Губернаторская ревизия (из истории голодных годов). Изд. кн. В.А. Кугушева. В пользу голодающих. Уфа, 1907 // 3 июля. Подп.: *М.*

242. Вопрос дня [о выборах в III Думу] // 7 июля. Подп.: *С. М-нов.*

243. *Рец.* на кн.: А.К. Бороздин. Русское религиозное разномыслие. Изд. 2-е, доп. СПб.: "Прометей". 1907 // 10 июля. Подп.: *С.М.*
244. [Письмо М. Кистьяковской "В редакцию" от 9 июля 1907 г. и письмо С.П. Мельгунова] // 17 июля.
245. Союз 17 октября перед выборами // 1 июля. Подп.: *С. М-нов.*
246. Русское сектантство и его значение // 20 июля; 26 июля. Подп.: *С. М-нов.*
247. Отчетность в духовном ведомстве // 4 авг. Подп.: *С. М-нов.*
248. *Рец.* на кн.: Анатолий Франс. Отделение церкви от государства / Пер. М.П. Бавыкина. М.: Изд. "Радикала". 1906.
249. *Рец.* на кн.: В. Ильинский. Отделение церкви от государства во Франции: (Закон 9 декабря в связи с прошлым и настоящим). СПб., 1907 // 14 авг. Подп. *С.М.*
250. Церковные земли // 17 авг.; 19 авг. Подп.: *С.М.*
251. Московское педагогическое общество // 19 авг. Подп.: *С.М.*
252. К закрытию студенческих общежитий // 23 авг. Подп.: *С.М.-в.*
253. *Рец.* на кн.: Мих. Коваленский. Русская история: для средней школы. М., 1907. Ч. I. Вып. 1. Древнейшие времена. Киевская Русь. Новгородская земля. Изд. С. Скирмунта // 28 авг. Подп.: *С.М.*
254. Чем руководиться? (Письмо в редакцию) // 30 авг.
255. *Рец.* на кн.: П. Дворников. Русская история. Руководство для мужских и женских учебных заведений и для самообразования. М., 1907. Ч. 2. От Смутного времени до XX века // 4 сент. Подп.: *С.М.*
- 256–260. Политическая жизнь и духовенство // 14 сент. Подп.: *М.*
261. На выборах // 28 сент. Подп.: *С.П.*
262. Учебники по русской истории в оценке ученого комитета М[инистерства] Н[ародного] П[росвещения] // 5 окт. Подп.: *С.М.*
263. Старообрядцы перед выборами // 6 окт.
264. Страничка из жизни // 16 окт. Подп.: *С.*
265. *Рец.* на кн.: И.В. Скворцов. Русская история для старших классов среднеучебных заведений и самообразования. СПб., 1907 // 23 окт. Подп.: *С.М.*
266. *Рец.* на кн.: В.Н. Ширяев. Уголовно-правовая охрана религиозной свободы. СПб., 1907 // 30 окт. Подп.: *С.М.*
267. *Рец.* на кн.: Богатства и доходы духовенства. 2-е значит. доп. изд. / Сост. В. Кильчевский // 13 нояб. Подп.: *С.М.*
268. Старообрядческий епископ Иннокентий об арх. Михаиле // 17 нояб. *Без подп.*
269. Круг противоречий // 18 нояб.
270. Министерские законопроекты о свободе совести // 4 дек.
271. Из мира духовного // 9 дек. Подп.: *С.-П-ич.*
272. Декабристы перед судом современной критики // 14 дек.
273. *Рец.* на кн.: А.Б. Петрищев. По пути к Синоду (Из истории восточной церкви) // 25 дек. Подп.: *С.М.*
274. Почему я ушел из партии народной свободы. (Письмо в редакцию) // 26 дек.
275. Брат восстал на брата. 29 дек. Подп.: *С.П.*
276. В провинциальной гуще. Политические процессы // 30 дек. Подп.: *С.П.*

1908

277. Церковь и свобода совести // 1 янв.
278. *Рец.* на кн.: История Европы по эпохам и странам в средние века и новое время / Под ред. Н.И. Кареева и И.В. Лучицкого. – Н.П. Павлов-Сильванский. Феодализм в Древней Руси. СПб., 1907 // 8 янв. Подп.: *С.М.*
279. Законопроект о свободе совести в оценке Синода // 11 янв.
280. В провинциальной гуще. О походе помещика-дворянина на своего соседа – землевладельца-крестьянина // 11 янв. Подп.: *П.М.*
281. В провинциальной гуще. "Черные вороны" // 13 янв. Подп.: *С.П-ч.*
282. В провинциальной гуще. Редактор провинциальной газеты // 18 янв. Подп.: *М.*

283. П.Н. Кудрявцев (ум. 18-го января 1858 г.) // 19 янв. Подп.: С.
284. *Рец.* на кн.: М.О. Гершензон. История молодой России. М., 1908 // 22 янв. Подп.: С.М.
285. XVII в. в русской истории [о выходе Ч. III "Курса" В.О. Ключевского] // 31 янв. *Без подп.*
286. П.И. Мельников в качестве расколоведателя // 1 февр. Подп.: С.М.
287. *Рец.* на кн.: П. Бирюков. Духоборцы: Сб. статей, воспоминаний, писем и других документов: С прил. избр. духоборческих псалмов. С рисунками и портретами. М.: Изд-во "Посредник". 1908 // 5 февр. Подп.: С.М.
288. В провинциальной гуще. Борьба с анархией // 8 февр. Подп.: С.П.
289. В провинциальной гуще. Тюремная жизнь // 17 февр. Подп.: С.П.
290. В провинциальной гуще. О пищевом довольствии школьников // 19 февр. Подп.: П.М.
291. В провинциальной гуще. Отношение крестьян к выделу из общины // 24 февр. Подп.: П.М.
292. *Рец.* на кн.: М. Лебедев. Взаимное отношение церкви и государства по воззрениям славянофилов. Опыт оправдания системы отделения церкви от государства. Казань, 1907 // 11 марта. Подп.: С.М.
293. В провинциальной гуще. "Пещерные" люди около Екатеринбургa // 12 марта. Подп.: П.М.
294. Защита старых позиций // 15 марта.
295. В провинциальной гуще. Культурная работа // 20 марта. Подп.: П.М.
296. Государственный контроль и духовное ведомство // 25 марта. Подп.: С. М-нов.
297. Настоятельная работа [о преподавании истории в школе] // 3 апр.
298. "Не отомстивши дважды за едине" [о вмешательстве властей в духовные дела граждан] // 4 апр. Подп. С. М-в.
299. Из прошлого [*Рец.* на кн.: А.С. Пругавин. Ссылочные и заточенные в острог Соловецкого монастыря в XVI-XIX вв.] // 11 апр. Подп.: С.М.
300. О "вреде" свободы совести // 27 апр. Подп.: С. М-нов.
301. В провинциальной гуще. I. Духовенство и требы // 6 мая. Подп.: С.
302. В провинциальной гуще. Из полицейских нравов // Там же. Подп.: С.
303. В провинциальной гуще. По тюрьмам // 8 мая. Подп.: С.
304. Старые теории на новый лад // 11 мая.
305. В провинциальной гуще. Крик наболевшей души // 10 июля. Подп.: С.
306. [Передовая статья о IV Всероссийском миссионерском съезде] // 11 июля. *Без подп.*
307. К миссионерскому съезду (Историческая справка) // 12 июля.
308. В провинциальной гуще. Просветители. Неприкосновенность личности // 18 июля. Подп.: С.
309. Миссионерский съезд // 19 июля. *Без подп.*
310. Герцен и "Колокол". 20 июля. Подп.: С. М-в.
311. *Рец.* на кн.: Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола / Под ред. Владимира Бонч-Бруевича. СПб., 1908. Вып. I // 22 июля. Подп.: С.М.
312. "Религиозный фанатизм" и миссия // 2 июля.
313. [Передовая статья о работе миссионерского съезда] // 26 июля; 29 июля; 3 авг. Подп.: П. Смирнов].
314. В провинциальной гуще. "Идиллия" XX века // 26 июля. Подп.: С.П.
315. К итогам миссионерского съезда // 2 авг. Подп.: С.М.
316. В провинциальной гуще. Юбилей великого писателя // 10 авг. Подп.: П-ч.
317. Из книги и жизни [о Николае I] // 13 авг. Подп.: С.П.
318. В царстве ледников и фиордов // 14 авг.
319. К юбилею Л.Н. Толстого // 20 авг. *Без подп.*⁴
320. Л.Н. Толстой и русское сектантство // 28 авг.
321. Параллели [по поводу юбилея Л.Н. Толстого] // 30 авг. Подп.: С. М-в.

322. Дешевые квартиры // 7 сент. Подп.: С. М-в.

323. В провинциальной гуще. Тюрма и ссылка // 14 сент. Подп.: С. П-ч.

324. К вопросу об университетской автономии // 18 сент. *Без подп.*

325. В провинциальной гуще. Еще о печати // 19 сент. Подп.: П-ч.

326. В провинциальной гуще. Из деятельности реакционного духовенства // 2 окт. Подп.: С.П.

327. Открытие городского народного университета [имени А.Л. Шанявского] // Там же. *Без подп.*

328. Из книги и жизни // 3 окт. Подп.: С.П.

329. Из недавнего прошлого // 10 окт. Подп.: С.М.

330. *Рец.* на кн.: Мих. Коваленский. Русская история (для средней школы). М., 1908. Ч. I. Вып. 2. // 14 окт. Подп.: С.М.

331. В провинциальной гуще. (Церковное хозяйство) // 22 окт. Подп.: С. П-ч.

332. В духовной академии (Два диспута) // 28 окт. Подп.: П-ч.

333. *Рец.* на кн.: История России в XIX веке. Вып. 13 // 4 нояб. Подп.: С. М-в.

334. Упраздненная автономия // 19 нояб.

335. Некоторые черты синодской сметы // 21 нояб. Подп.: С. М-нов.

336. Памяти декабристов // 14 дек.

337. Передовица [о предстоящем чествовании Л.Н. Толстого и отношении к нему реакционеров и администрации] // 20 дек. *Без подп.*

1909

337^а. Свобода совести // 1 янв.

338. В провинциальной гуще. Распространение просвещения с членовредительством // 17 янв. Подп.: П.М.

339. Новая угроза свободе совести // 20 янв.

340. В провинциальной гуще. Картинки из педагогической практики // 25 янв. Подп.: П.М.

341. О "вреде" автономии для духовных академий // 27 янв. Подп.: М.С.

342. В провинциальной гуще. Крестьянское "самоуправление" // 29 янв. Подп.: П.М.

343. В старообрядческих сферах // 1 февр. Подп.: П-ч.

344. Из книги и жизни. (Спор гр. Витте и Победоносцева) // 29 янв. Подп.: С.М.

345. Из переписки Тургенева // 6 февр. *Без подп.*

346. По ложному пути (По поводу законопроекта о старообрядческих общинах) // 8 февр.

347. *Рец.* на кн.: А.С. Пругавин. В казематах. Очерки и материалы по истории русских тюрем. СПб., 1908 // 10 февр. Подп.: С.М.

348. Новая статья Л.Н. Толстого ["Закон насилия и закон любви"] // 15 февр. *Без подп.*

349. *Рец.* на кн.: Рафил Выдрин. Основные моменты студенческого движения в России / Вступит. ст. В.М. Фриче. М., 1908 // 17 февр. Подп.: С.М.

350. *Рец.* на кн.: Владимир Андерсен. Старообрядчество и сектанство. Исторический очерк русского религиозного разномыслия. СПб., 1908 // 10 марта. Подп.: С.М.

351. Шлаббаумы мысли (Ал. Котович. Духовная цензура в России. (1799–1855 гг.). СПб., 1909 // 12 марта.

352. Из дневника графа Валюева // 22 марта. *Без подп.*

353. *Рец.* на кн.: Н.Н. Фирсов. Разиновщина как социологическое и психологическое явление народной жизни; Н.Н. Фирсов. Пугачевщина. Опыт социолого-психологической характеристики // 24 марта. Подп.: С.М.

354. Из истории отечественного "миссионерства" // 25 марта. *Без подп.*

355. Пенязи – орудие миссии // 5 апр. Подп.: С. М-нов.

356. Беседа о сборнике "Вех" // 16 апр. *Без подп.*

357. Церковь и государственный контроль // 17 апр. Подп.: С.М-нов.

358. Письмо к индусу (Новое произведение Л.Н. Толстого) // 19 апр. *Без подп.*

359. *Рец.* на кн.: А.В. Пешехонов. В темную ночь // 21 апр. Подп.: С.М.

360. Бастилия духа // 22 апр. Подп.: С. М-нов.

361. В провинциальной гуще. Эксплуатация религиозного чувства // 22 апр. Подп.: С.

362. Румынские старообрядцы в России (Письмо в редакцию) // 30 апр. Подп.: -овъ.

363. Накануне экзамена // 10 мая.

364. Русская наука о смертной казни // 16 мая. Подп.: С.М.

365. Испытание еще впереди // 17 мая.

366. В провинциальной гуще. Десница и шуйца правительства в школьном деле // 20 мая. Подп.: П.М.

367. Рец. на кн.: П. Верховский. Населенные недвижимые имения св. Синода, архиерейских домов и монастырей при ближайших преемниках Петра Великого. СПб., 1909 // 26 мая. Подп.: С.М.

368. Учительский дом в Москве // 4 июня. Подп.: П.М.

369. Рец. на кн.: А. Пругавин. Раскол вверху. Очерки религиозных исканий в привилегированной среде. СПб., 1909 // 16 июня. Подп.: С.М.

370. Рец. на кн.: Материалы к истории и изучению русского сектанства и раскола / Под ред. Вл. Бонч-Бруевича. СПб., 1909. Вып. II. Животная книга духоборцев // 23 июня. Подп.: С.М.

371. К характеристике духовного облика русского студенчества // 30 июля. Подп.: М-ъ.

372. Рец. на кн.: И. Малиновский. Кровавая месть и смертные казни. Томск, 1909. Вып. II // 11 авг. Подп.: М.

373. Передовая [о русской веротерпимости] // 12 авг. Без подп.⁵

374. Рец. на кн.: С. Князьков. Очерки из истории Петра Великого и его времени // 18 авг. Подп.: С.М.

375. Памяти А.В. Зарембы // 19 авг.

376. Глухие стены (Письмо в редакцию) // 20 авг.

377. Из истории старообрядчества. I. И.А. Ковылин (ум. 21 августа 1809 г.). II. Преображенское кладбище после Ковылина // 21 авг.; 23 авг. Подп.: С. М.-нов.

378. Виленский съезд // 3 сент. Подп.: С. М-ъ.

379. Законодательная путаница // 3 сент.

380. Передовая [о распространении на Синод общих правил отчетности перед государственным контролем] // 18 сент. Без подп.⁶

381. Поморье в XVII в. (М.М. Богословский. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в.) // 19 сент. Подп.: С. М-въ.

382. Начало книгопечатания в Москве (К открытию памятника Ивану Федорову) // 28 сент. Подп.: С.М.

383. Рец. на кн.: Н.П. Павлов-Сильванский. Сочинения. СПб., 1909. Т. I // 29 сент. Подп.: М-ъ.

384. Рец. на кн.: В.П. Алексеев. Борьба за идею законности в Московской Руси. М., 1909 // 6 окт. Подп.: С.М.

385. По стопам Рунича и Магницкого // 9 окт. Подп.: -ъ.

386. Октябристы о свободе совести // 10 окт.

387. Рец. на кн.: Картины по русской истории / Под общей ред. С.А. Князькова. М., 1908–1909 // 13 окт. Подп.: С.М.

388. Передовая [о вероисповедных законопроектах] // 14 окт. Без подп.⁷

389. С.Ф. Руднев (Некролог) // 20 окт. Подп.: С.

390. Новая смета духовного ведомства // 21 окт. Подп.: С. М-въ.

391. Герцен и Чернышевский // 24 окт. Подп.: С. М-чъ.

392. В духовной школе // 12 нояб. Подп.: С. П-чъ⁸.

393. Из книги и жизни. Ходынская катастрофа // 14 нояб. Подп.: С.

394. Передовая. В Государственном совете [о старообрядческих общинах] // 5 дек. Без подп.⁹

395. Рец. на кн.: В.Н. Ширяев. Религиозные преступления. Историко-догматические очерки. Ярославль, 1909 // 15 дек. Подп.: С.М.

396. Старые доводы // 16 дек.

397. Рец. на кн.: Проф. Н.Ф. Каптерев. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1909. Т. I // 22 дек. Подп.: С.М.

1910¹⁰

398. Свобода совести // 1 янв.

399. Л.Э. Шишко (Некролог) // 10 янв. Без подп.

400. Из истории "Татьянина дня" // 12 янв. Подп.: С. М-въ.
401. Рец. на кн.: Москва в ее прошлом и настоящем. Изд. "Образование". М., 1910. Вып. II, III // 26 янв. Подп.: С.М.
402. "Новый Израиль" [секта] // 30 янв. Подп.: С.М.
403. [Передовая о 50-летию освобождения крестьян] // 19 февр. *Без подп.*¹¹
404. Государственный контроль и духовное ведомство // 20 февр.
405. Рец. на кн.: В.И. Веретенников. История тайной канцелярии Петровского времени. Харьков, 1910 // 23 февр. Подп.: С.М.
406. Рец. на кн.: В. Строев. Бирюшчина и кабинет министров. Очерк внутренней политики императрицы Анны. М., 1909. Ч. I. (1730–1735 гг.) // 2 марта. Подп.: С.М.
407. Ложная политика // 3 марта.
408. "Правда" о Киевской духовной академии // 6 марта. *Без подп.*¹²
409. Рец. на кн.: Революционное гнездо. Из истории Новороссийского университета. Дело ректора Занчевского и проректора Васьяковского. СПб., 1909 // 16 марта. Подп.: М.
410. Укрепление "правомерного порядка" // 7 апр.
411. Борьба с "пагубными лжеучениями" // 15 марта. Подп.: С.М-нов.
412. [Передовица о церковной политике] // 21 апр. *Без подп.*
413. Рец. на кн.: Материалы по этнографии России / Под ред. Ф.К. Волкова. СПб., 1910. Т. I. // 4 мая.
414. Из 1812 года // 5 мая. Подп.: С.М.
415. О последнем петрашевце [Н.С. Кашкин] // 9 мая. *Без подп.*
416. Рец. на кн.: Москва в ее прошлом и настоящем. М., 1910. Вып. IV // 11 мая. Подп.: С.М.
417. Сектантские съезды // 13 мая. Подп.: С.М.
418. [Передовица об уставе "Православных духовных академий"] // 16 мая. *Без подп.*
419. Письмо в редакцию [об учреждении фонда им. А.В. Зарембы] // 27 мая. (совм. с Ю.Клюковским, Дм. Петрушевским и П. Шестаковым).
420. Циркуляр о старообрядческих съездах // 6 июня. *Без подп.*
421. Миссионерский съезд и "язычествующие писатели" // 24 июня. *Без подп.*
422. [Передовица о растрате в Киево-Троицком монастыре] // 15 июля. *Без подп.* См. № 261.
423. [Передовица, посвященная 10-летию смерти Г.А. Джаншиева] // 18 июля. *Без подп.*
424. Рец. на кн.: И.И. Игнатович. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Изд. 2-е, доп. М.: Изд-во Т-ва И.Д. Сытина. 1910 // 20 июля. Подп. С.М.
425. У гроба М.П. Садовского // 27 июля. Подп.: М.
426. "Душевная драма" Александра // 31 июля. Подп.: С. М-ъ.
427. [Передовица о реформе церкви] // 1 авг. *Без подп.*
428. Рец. на кн.: Русская история с древнейших времен М.Н. Покровского, при участии Н.М. Никольского и В.Н. Сторожева. М.: Изд-во Т-ва "Мир". 1910. Т. I / Кн. 1–2. // 10 авг. Подп.: С.М.
429. [Передовица о еп. Гермогене и церковном соборе] // 13 авг. *Без подп.*¹³
430. Военные поселения (1810–1910) // 14 авг. Подп.: С. М-въ.
431. Памяти А.В. Зарембы // 17 авг.
432. Старообрядцы и погибающие реформы // 19 авг.
433. Всероссийский съезд старообрядцев // 21 авг. *Без подп.*
434. [Передовица о страховой оценке недвижимых имуществ церквей и монастырей] // 22 авг. *Без подп.*¹⁴
435. Рец. на кн.: Русская история в очерках и статьях. Составлена при участии профессоров и преподавателей под ред. проф. М.В. Довнар-Запольского. М., 1910. Т. II // 31 авг. Подп.: С.М.
436. [Передовица о преподавании закона Божия в начальных школах] // 4 сент. *Без подп.*
437. Рец. на кн.: Н. Новомбергский. Слово и дело государевы. Томск, 1910. Т. II // 7 сент. Подп.: С.М.

438. [Передовица об указе 17 апреля 1906 г. о веротерпимости] // 14 сент. *Без подп.*

439. А.С. Хомяков (23-го сентября 1860 г. – 23-го сентября 1910 г.). А.С. Хомяков и его современники // 23 сент.

440. Случайное совпадение (К уходу г. Шварца) // 29 сент. Подп.: М.

441. *Рец.* на кн.: Г. Шавельский. Последнее воссоединение с православной церковью униатов белорусской епархии (1833–1839 гг.). СПб., 1910 // 5 окт.

442. [Передовица о Всеподданнейшем отчете обер-прокурора св. Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 гг.] // 9 окт. *Без подп.*¹⁵

443. Новый циркуляр // 16 окт.; 17 окт.

444. [Передовая о Всеподданнейшем отчете обер-прокурора св. Синода] // 28 окт. *Без подп.*¹⁶

445. Беседа о Л.Н. Толстом // 13 нояб. Подп.: М.

446. Кн[язь] С.П. Трубецкой (По поводу 50-летия со дня смерти) // 23 нояб. Подп.: С. М-нов.

447. Декабристы и потомство // 14 дек.

448. Декабристы в Чите. (По поводу картины А.В. Моравова) // 28 дек. Подп.: С.М.

1911¹⁷

449. Свобода совести // 1 янв.

450. Еще о декабристах на выставке (Письмо в редакцию) // 6 янв.

451. Необходимое напоминание (Письмо в редакцию) [о сборе пожертвования на сооружение храма в честь 50-летия отмены крепостного права] // 13 янв. Подп.: С. М-въ.

452. 19-е февраля и учащая молодежь // 23 февр. Подп.: М.

453. Закрытие шести комиссий Уч. Отд. О.Р.Т.З // 10 марта. *Без подп.*

454. По поводу закрытия шести комиссий Уч. Отд. О.Р.Т.З // 11 марта.

455. Среди московских католиков // 25 марта. Подп.: М.

456. Памяти одной из немногих [Софья Васильевна Завалиевская] // 17 апр. Подп.: С.М.

457. *Рец.* на кн.: Функ. История христианской церкви от времен апостольских до наших дней / Пер. со знач. изм., доп. и предисл. П.В. Гидулянова. М.: Изд-во Т-ва И.Д. Сытина. 1911 // 7 мая. Подп.: С.М.

458. [Передовая о манифесте 17 апреля 1905 г.] // 17 июня. *Без подп.*

459. [Передовая по церковно-общественным вопросам] // 19 июня; 24 авг.; 13 окт.; 8 нояб.; 13 нояб. *Без подп.*¹⁸

460. *Рец.* на кн.: Новый Израиль. Материалы к истории и изучению русского сектанства и старообрядчества / Под ред. Владимира Бонч-Бруевича. СПб., 1911. Вып. IV // 5 июля. Подп.: С.М.

461. *Рец.* на кн.: Из московской жизни сороковых годов. Дневник Елизаветы Ивановны Поповой / Под ред. кн. Н.В. Голицына. СПб.: Изд-во Т-ва "Огни". 1911 // 26 июля. Подп.: С.М.

462. *Рец.* на кн.: П.А. Ниве. Отечественная война 1812 г. СПб., 1911; Ю. Карцев, К. Военский. Причины войны 1812 г. СПб., 1911; Пожар Москвы. По воспоминаниям и переписке современников. М., 1911; Сегюр. Двенадцатый год. М., 1911 // Там же. 17 авг. Подп.: С.М.

463. Дело о старообрядческом крестном ходе // 23 авг. *Без подп.*

464. *Рец.* на кн.: А.С. Панкратов. Ищущие бога. Очерк современных религиозных исканий и настроений. М., 1911 // 23 авг. Подп.: С.М.

465. Собор старообрядческих епископов // 27 авг.; 28 авг.; 1 сент. *Без подп.*

466. *Рец.* на кн.: К. Валишевский. Иван Грозный / Пер. с франц. В.П. Потемкина и В.П. Херсонской. "Современные проблемы". 1911 // 30 авг.

467. Письмо в редакцию [об Исторической Комиссии Уч. Отд. О.Р.Т.З] // 3 сент.

468. *Рец.* на кн.: Е. Эфруси. История России. Учебник и книга для чтения. М.: Изд-во "Сотрудник школ". 1910 // 27 сент. Подп.: С.М.

469. [Передовая о съезде баптистов] // 8 окт. *Без подп.*

470. Рец. на кн.: Русская история с древнейших времен М.Н. Покровского при участии Н.М. Никольского и В.Н. Сторожева. М.: Изд-во Т-ва "Мир". 1911. Кн. 3-5 // 11 окт. Подп.: С.М.

471. Памяти А.А. Титова // 26 окт.

472. Рец. на кн.: К. Валишевский. Петр Великий. Воспитание, личность, дела. По новым источникам / Пер. А. Гретман. М., 1911 // 8 окт. Подп.: С.М.

473. Рец. на кн.: Кем был Л.Н. Толстой? По лучшим отзывам русской печати: Сб. I / Сост. Л.П. Никифоров. М., 1912 // 15 нояб. Подп.: М.

474. Удивительное постановление // 25 нояб.

475. Рец. на кн.: Сборник Нижегородской ученой архивной комиссии. Т. IX. В память П.И. Мельникова (Печерского). Нижний Новгород, 1911 // 29 нояб. Подп.: С.М.

476. Письмо в редакцию [о реакции "Московских ведомостей" на брошюру С.П. Мельгунова и Ст. Познера "Памяти Антона Зарембы"] // 11 дек.

1912¹⁹

477. На старую дорогу // 1 янв.

478. [Передовица по церковно-общественным вопросам. Дело еп. Гермогена и Илиодора] // 21 янв.;

То же. 29 янв.; [Отчет обер-прокурора св. Синода]. 6 марта; [Обсуждение в Думе синодальной сметы] // 8 марта; [Рассмотрение в Думе законопроекта о религиозных общинах] // 23 марта; [об участии духовенства в Государственной думе] // 25 сент. *Без подп.*²⁰

479. Рец. на кн.: А.А. Кизеветтер. Исторические очерки. М., 1912 // 24 янв.

480. Рец. на кн.: В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912 // 31 янв. Подп.: С. М-нов.

481. Рец. на кн.: В.В. Каллаш. Двенадцатый год в воспоминаниях и переписке современников. С илл. М., 1912 // 7 февр. Подп.: С.М.

482. Рец. на кн.: Н.Ф. Каптерев. Патриарх Никон и царь Алексей Ми-

хайлович. Сергиев Посад, 1912 // 21 фев. Подп.: С.М.

483. Памяти великого гражданина (К предстоящему юбилею А.И. Герцена) // 9 марта.

484. Рец. на кн.: И. Шницлер. Ростоппчин и Кутузов. Россия в 1812 году. Предисл., примеч., пер. А. Ельницкого. СПб., 1912 // 13 марта. Подп.: С. М.

485. Роос. С Наполеоном в Россию. Записки врача великой армии / Предисл., примеч., пер. Под ред. Н.М. Бороздина. М., 1912;

То же. СПб., 1912; Руа. Французы в России / Пер. с предисл. и прим. А. Ельницкого. СПб., 1912; Де-ла-Флиэ. Поход Наполеона в Россию в 1812 г. М., 1912 // 24 апр. Подп.: С.М.

486. Рец. на кн.: В.И. Ясевич-Бородавская. Борьба за веру. Историко-бытовые очерки и обзор законодательства по старообрядчеству и сектанству в его последовательном развитии. СПб., 1912 // 14 авг. Подп.: С.М.

487. Рец. на кн.: Обзор записок, писем и путешествий, относящихся к истории России и напечатанных на русском языке / Сост. С.Р. Минцлов. Нижний Новгород, 1911-1912. Вып. I-III // 21 авг. Подп.: С.М.

488. Рец. на кн.: А.С. Пругвин. "Братцы" и трезвенник. Из области религиозных исканий. М., 1912 // 4 сент. Подп.: С.М.

489. Рец. на кн.: Д.И. Багaley. Очерки из русской истории. Т. III. Статьи по истории просвещения. Харьков, 1911 // 11 сент. Подп.: С.М.

490. Рец. на кн.: Г.Г. Тельберг. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII в. М., 1912 // 18 сент. Подп.: С.М.

491. Памяти П.И. Щукина // 14 окт.

492. Письмо в редакцию // 20 окт. (совм. с Е. Кусковой и С. Прокоповичем).

493. Бартенев П.И. (Некролог) // 24 окт. Подп.: С.М.

494. Где же свобода совести? // 2 нояб.

495. Рец. на кн.: Памяти Анны Павловны Философовой, Е. Писаревой. Изд. Российского теософического общества // 14 нояб. Подп.: С.

496. Рец. на кн.: Арсений Мацеевич и его дело. Исследование священника М.С. Попова. СПб., 1912 // 21 нояб. Подп.: С.М.

497. Рец. на кн.: Мемуары князя Адама Чарторижского / Пер. с франц. А. Дмитриевой / Ред., вступит. статья А. Кизветтера. М., 1912. Т. 1 // 12 дек.

1913

498. Церковь и свобода совести. Прил. // 1 янв. (или № 1).

499. Против свободы совести // 10 февр.

500. О союзе земств // 16 февр. Подп.: М.С.

501. Из жизни приказчиков // 10 мая. *Без подп.*²¹

502. Письмо в редакцию [об учреждении фонда "Русских ведомостей"] // 20 авг.

503. Современные критики и Синод // 4 сент.

504. Новелла о положении в западном земстве // 14 сент. Подп.: С.

1914

505. Дела веры // 1 янв.

506. Письмо в редакцию [об изд-ве И.Д. Сытин; То же – Утро России] // 22 янв.

507. О реформе в быте русской церкви // 22 февр.

508. Письма из Прибалтийского края. Немецкая колонизация // 8 марта. Подп.: С.М.

509. Церковная шумиха // 29 мая.

510. Рец. на кн.: гр. С.Д. Голь (рожд. Толстая). Масонское действие. Исторический очерк о заговоре декабристов. СПб., 1914 // 18 июня.

1916

511. "Летопись" и современные литературные нравы. (Письмо в редакцию) [Рец. на журнал М. Горького] // 25 февр.

512. Как бороться с литературным маразмом? (Письмо в редакцию) // 5 марта.

513. Необходимая поправка. (Письмо в редакцию) // 10 марта.

514. Еще о литературных нравах. (Письмо в редакцию). [ответ на рец. П.Б. Струве "Левые памфлеты против сознания национального и государственных задач прогрессивной России", на кн. Н. Суханова "Наши левые группы и война"] // 13 марта.

1917

515. Политическая честность. (Письмо в редакцию) // 8 сент. [О выступлении газеты "Дело народа" против Керенского].

516. Опубликование провокаторских имен. (Письмо в редакцию) // 22 марта.

517. О "распутиниаде" // Там же.

"Утро России" (Москва)

518. [Выступление на Втором съезде партии народных социалистов] // 1917. 28 сент.

"Народное слово" (Москва)

519. Мы, слава богу, марксисты! // 1917. 6 июня.

520. Реформа отношений церкви и государства // 1917. 27 июля.

521. Чья программа? // 1917. 30 июля.

522. Судьба политических архивов. (Письмо в редакцию) // 1917. 9 авг.

523. Двусмысленная позиция // 1917. 6 сент.

524. Борьба до победного конца // 1918. 21 апр.

«Неделя "Народного слова"» (Москва)

525. Из жизни. Новые хозяева // 1918. 3 янв.

«Понедельник "Народного слова"» (Москва)

526. Московский Распутин // 1918. 22 апр.

527. Старая и новая власть. (Справка из недавнего прошлого) // 1918. 13 мая. Подп.: С.М.

528. Церковь и возрождение России // 1918. 24 июня.

“Народный социалист” (Москва)

1917

529. Церковный собор // 1 янв.

530. Церковный собор // 18 июня.

531. Революция на переломе // 11 июля.

532. Кому принадлежит власть? // Там же. Подп.: С. П-чь.

533. Где должно быть создано Учредительное собрание // 12 июля.

534. О чем пишут. Отечество в опасности // 13 июля. *Без подп.*²²

535. В партии социалистов-революционеров // 15 июля.

536. О чем писать? // Там же²³.

537. Необходимое самопожертвование // 19 июля. Подп.: С.П-чь.

538. Правда ли? [немецкое золото] // Там же.

539. Луч света // 25 июля. Подп.: С.М.

540. О церкви и государстве // 27 июля.

541. На службу родине // 2 авг.

542. В чем верный путь? // 3 авг.

543. Страна гибнет. – Экстренный выпуск // 7.нояб.

544. Надо держать // 24 нояб.

“Власть народа” (Москва)

1917

545. Последний самодержец: (Черты для характеристики Николая II) // 4 мая, 9 мая.

546. Церковь и государство // 11 мая.

547. Еще о блоке социалистических партий // 13 мая.

548. Демократия и церковь // 7 июня.

549. Записка, достойная внимания // 2 июля. Подп.: М.

550. Открытое письмо товарищам социалистам-революционерам РР и С.Д. // 2 июля.

551. Кто он? [Восторгов] // Там же.

552. Цель и средства [О статье В.Г. Короленко в “Русских ведомостях”] // 6 июля. *Без подп.*

553. Старые пережитки // 3 июля.

554. Накануне возрождения [о церковно-поместном соборе] // 18 авг.

555. Два миллиона // 20 авг.

556. Независимые социалисты [о партии в Казани] // 27 авг.

557. Контрреволюция и старый режим // 31 авг.

558. Чрезвычайная Следственная Комиссия (1917 г.) // Там же.

559. Ложный путь. (О задачах Министерства исповедания) // 12 окт.

“Слово народа” (Москва)

560. Слепые – узрите, спящие – пробудитесь! // 1918. 29 июня.

“Вестник воспитания” (Москва)

1907

561. *Рец.* на кн.: С. Князьков. Из прошлого русской земли. М.: Изд-во Т-ва И.Д. Сытина. 1907 // № 3. С. 36–39.

562. *Рец.* на кн.: Л. Жданов. Царь и опричники. Историческая повесть в двух частях. СПб.: Изд-во А.Ф. Девриена. 1907 // Там же. С. 39–41.

563. *Рец.* на кн.: Г.Т. Полилов-Северцов. Наши деды-купцы. Бытовые картины начала XIX столетия. СПб.: Изд-во А.Д. Девриена. 1907 // Там же. С. 41–42.

564. Студенческие организации 80–90-х гг. в Московском университете // № 6. Сентябрь. С. 140–195.

565. *Рец.* на кн.: Мих. Коваленский. Русская история для средней школы. М., 1907. Ч. I. Вып. I. Древнейшие времена. Киевская Русь. Новгородская земля // Там же. С. 38–46.

566. *Рец.* на кн.: История России в XIX веке. М.: Изд-во Т-ва Гранат. 1907. Вып. I–III // № 8. Октябрь. С. 22–27.

567. *Рец.* на кн.: Н.В. Тулупов и П.М. Шестаков. Очерки и рассказы для первоначального знакомства с ис-

торией. Ч. 1. Из жизни первобытного человека. Ч. 2. Из истории русского народа с древнейших времен до XIX века включительно. М., 1907 // Там же. С. 27–29.

1908

568. *Рец.* на кн.: История России в XIX веке. М.: Изд-во Т-ва Гранат. 1908. Вып. IV–VI. // № 1. Январь. С. 61–62.

569. *Рец.* на кн.: Журнал заседания совета имп. Новороссийского университета за весеннее полугодие 1907 года. Одесса, 1907 // Там же. С. 62–74. Подп.: С.М.

570. *Рец.* на кн.: В.О. Ключевский. Курс русской истории. Ч. III. Единственный подлинный текст. М., 1907 // № 3. Март. С. 21–27.

571. *Рец.* на кн.: Русская история в картинках. XVIII листов. Под ред. Исторической Комиссии Учебного Отдела Общества распространения Технических Знаний. М., 1908 // Там же. С. 28–32.

572. *Рец.* на кн.: Очерки по методике истории / Сост. К.В. Иванов. СПб., 1908 // № 4. Апрель. С. 38–45.

573. *Рец.* на кн.: Систематический указатель книг / Сост. Н.А. Малиновский. СПб., 1908. Вып. I. Всеобщая и русская история // № 6. Сентябрь. С. 37–40.

574. *Рец.* на кн.: Е.И. Вишняков, В.И. Пичета. Очерки русской истории. М., 1908 // № 8. С. 36–40.

575. *Рец.* на кн.: И. Китаев. Учебник русской истории. Для средних учебных заведений. М.: Изд-во Т-ва И.Д. Сытина. 1908. Вып. I–II // Там же. С. 41–44.

576. *Рец.* на кн.: М. Коваленский. Русская история для средней школы. М., 1908. Ч. I. Вып. 2. Западная Русь // № 9. С. 23–26.

577. *Рец.* на кн.: Очерки и рассказы для первоначального знакомства с историей / Сост. Н.В. Тулупов, П.М. Шестаков. Ч. I. 1. Из жизни первобытного человека. 2. Из истории русского народа с древнейших времен до XIX века включительно. Изд. 2-е, испр. и доп. изд. М., 1908 // Там же. С. 26–28.

578. *Рец.* на кн.: М.И. Шорин. Чтения по русской истории в связи с историей культуры для подростков, окончивших начальную школу. Справочник для сельских учителей, двухклассных училищ, повторительных при начальных училищах курсов и для кружков самообразования. М., 1908 // Там же. С. 29–31.

1909

579. *Рец.* на кн.: Адам Лель. Записки студента 1900–1903 гг. СПб., 1908 // № 3. Март. С. 70–72.

580. *Рец.* на кн.: Ив. Сахаров. Рассказы из истории. Краткая историческая хрестоматия–учебник для городских и сельских народных училищ и для других низших учебных заведений. М., 1909; Он же. Рассказы из отечественной истории. Краткая историческая хрестоматия–учебник для церковно-приходских школ. М., 1909 // № 4. Апрель. С. 60–61.

581. *Рец.* на кн.: Б. Кубалов. Русская история (для самообразования и русской школы). Одесса, 1909. Вып. I // № 5. Август. С. 28–34.

582. *Рец.* на кн.: И. Китаев. Учебник русской истории для средних учебных заведений. М.: Изд-во Т-ва И.Д. Сытина. 1909. Вып. III // Там же. С. 35–38.

583. *Рец.* на кн.: С.Ф. Платонов. Учебник русской истории для средней школы: Курс систематический. СПб., 1909. Ч. I. До Петра Великого // Там же. С. 38–39.

584. *Рец.* на кн.: В.П. Алексеев. Рассказы из русской истории. М.: Изд-во Т-ва И.Д. Сытина. 1909. Вып. I // № 6. Сентябрь. С. 25–28.

585. *Рец.* на кн.: Л. Жданов. Стрельцы у трона. Русь на переломе. Историческая повесть конца царствования Алексея Михайловича. СПб., 1909 // Там же. С. 28–29.

586. *Рец.* на кн.: А. Осипов. Три строки. Из времен царствования Елизаветы Петровны, Петра III и Екатерины II. СПб.: Изд-во А.Ф. Девриена. 1909 // Там же. С. 29.

587. *Рец.* на кн.: Русская история / Сост. В.О. Дудин, А.П. Стеблев,

А.С. Толстов. М.: Изд-во Т-ва И.Д. Сытина. 1909 // № 7. Октябрь. С. 38–42.

588. *Рец.* на кн.: С. Князьков. Очерки из истории Петра Великого и его времени. М.: Изд-во Т-ва И.Д. Сытина. М., 1909 // Там же. С. 42–44.

1910

589. *Рец.* на кн.: В.О. Ключевский. Курс русской истории. М., 1910. Ч. IV // № 1. Январь. С. 9–10.

590. *Рец.* на кн.: Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому. М., 1909 // Там же. С. 10–12.

591. *Рец.* на кн.: А.Я. Ефименко. Учебник русской истории (для старших классов среднеучебных заведений) СПб., 1909 // Там же. С. 12–15.

592. *Рец.* на кн.: С.Ф. Платонов. Учебник русской истории для средней школы. Курс систематический. Ч. II. (от Петра Великого). СПб., 1910 // № 3. Март. С. 12–17.

593. *Рец.* на кн.: Русская история в очерках и статьях. Составлена при участии профессоров и преподавателей под ред. проф. М.В. Довнар-Запольского. М., 1910. Т. I // Там же. С. 17–20.

594. *Рец.* на кн.: Краткий курс русской истории для самообразования. Ч. I. (До XIX в.) М., 1910 // Там же. С. 20–21.

595. *Рец.* на кн.: Русская история в очерках и статьях. Составлена при участии профессоров и преподавателей под ред. проф. М.В. Довнар-Запольского. М., 1910. Т. II // № 7. С. 14–17.

596. *Рец.* на кн.: Русская история с древнейших времен М.Н. Покровского, при участии Н.М. Никольского и В.Н. Сторожева. М., 1910. Т. I. Кн. 1, 2 // Там же. С. 17–23.

597. *Рец.* на кн.: Историческая хрестоматия из поэтических произведений по русской истории / Сост. Н. Казанцев. Изд. автора. М., 1910 // № 8. С. 23–24.

598. *Рец.* на кн.: И.И. Игнатович. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Изд. 2-е, доп. М., 1910 // Там же. С. 24–25.

599. *Рец.* на кн.: В.О. Дудин, А.П. Стеблев, А.С. Толстов. Русская история. М., 1910. Ч. 2 // Там же. С. 25–26.

1911

600. *Рец.* на кн.: Юбилейная литература. (По поводу 50-летия крестьянской реформы) // № 2. Февраль. С. 1–11.

601. *Рец.* на кн.: Е.В. Романовский. Руководство по русской истории. Для старших классов средней школы и для самообразования: В 2 ч. М., 1911 // № 5. Август. С. 27–30.

602. *Рец.* на кн.: Л.П. Кругликов-Гречаный. Методика истории. Киев, 1911 // Там же. С. 24–27.

603. *Рец.* на кн.: Книга по русской истории для начальных школ и первых классов средних учебных заведений / Сост. К.О. Вейхельт, М.Н. Коваленский, В.А. Петрушевский, В.Я. Уланов. М., 1911 // № 6. Сент. С. 21–26.

604. *Рец.* на кн.: Освобождение крестьян. Деятели реформы. М., 1911 // Там же. С. 26–30.

605. *Рец.* на кн.: Е. Эфруси. История России. Учебник и книга для чтения. М., 1911 // № 7. Октябрь. С. 59–61.

606. *Рец.* на кн.: А.Я. Ефименко. Элементарный учебник русской истории. Курс эпизодический для младших классов средних учебных заведений и городских училищ. СПб., 1911 // Там же. С. 61–64.

“Русское богатство” (Москва)

1909

607. Автоном. (К характеристике идеологии современного сектанства) // № 2. С. 217–227.

1910

608. *Рец.* на кн.: История России в XIX веке. М., 1909. Вып. 17–18 // № 1. С. 154–158. *Без подп.*

609. *Рец.* на кн.: Н.Ф. Каптерев. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1909. Т. I // № 2. С. 137–140. *Без подп.*

610. *Рец.* на кн.: В. Ключевский. Курс русской истории. М., 1910. Ч. IV // № 4. С. 99–100. *Без подп.*

611. Рец. на кн.: Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому... М., 1909 // Там же. С. 100–101. *Без подп.*

612. Рец. на кн.: П.С. Троицкий. Церковь и государство в России. (Отношение государства к церкви по воззрениям наиболее видных наших писателей и общественных деятелей). М., 1909 // № 5. С. 139–141. *Без подп.*

613. Сектанство и психиатрия // № 6. С. 1–35.

614. Рец. на кн.: П. Бирюков. Духоборцы. Сборник статей, воспоминаний, писем и других документов // № 8. С. 103–105. *Без подп.*

615. Рец. на кн.: Н. Макаров. Крестьянское кооперативное движение в Западной Сибири / Предисл. Н.А. Каблукова. М., 1910 // № 10. С. 172–173. *Без подп.*

616. Рец. на кн.: Русская история с древнейших времен М.Н. Покровского при участии Н.М. Никольского и В.Н. Сторожева. М., 1910. Т. I. Кн. I // № 11. С. 136–139. *Без подп.*

1911

617. Рец. на кн.: История России в XIX веке. М., 1910. Вып. 29–34 // № 1. С. 167–169. *Без подп.*

618. Рец. на кн.: Ф.М. Уманец. Александр и Сперанский. Историческая монография. СПб., 1910 // Там же. С. 169–170. *Без подп.*

619. Рец. на кн.: Материалы к истории и изучению русского сектанства и старообрядчества / Под ред. В. Бонч-Бруевича. СПб., 1910. Вып. III. Штундисты. Постники. Свободные христиане. Духовные скобцы. Старообрядцы // Там же. С. 170–171. *Без подп.*

620. Рец. на кн.: В.Е. Макаров. Очерк истории старообрядчества от Никона до наших дней. М., 1911 // № 12. С. 156–157. *Без подп.*

1912

621. Государево дело на Алтае // № 1. С. 1–30. Подп.: С.М.

622. Рец. на кн.: К.Н. Михайлов. Император Александр I – старец Федор Кузьмич. Историческое исследование. СПб., 1914 // № 6. С. 328–330. *Без подп.*

623. Рец. на кн.: О. Пирлинг. Не умер ли католиком Александр I? Историческая загадка. М., 1914 // Там же. С. 330–331. *Без подп.*

1913

624. “Голос минувшего” / Ред.: С.П. Мельгунов, В.И. Семеvский, А.К. Дживелегов, П.Н. Сакулин. Москва. 1913–1923. № 1–60.

625. От редакции // № 1. С. 5–6. (совм. с А.К. Дживелеговым, В.И. Семеvским, П.Н. Сакулиным) *Без подп.*

626. Рец. на кн.: Труды Саратовской Ученой Архивной Комиссии. 1812 г. Вып. 29 // Там же. С. 224–226. Подп.: С.М.

627. Новая работа об Александре I. [Рец. на кн.: Вел. кн. Николай Михайлович. Император Александр I. Опыт исторического исследования. СПб., 1912. Т. I–II] // Там же. С. 232–247. [Перепеч. см. № 747].

628. Рец. на кн.: Князь В.В. Барятинский. Царственный мистик. (Император Александр I. – Федор Кузьмич); Изд-во Д.Г. Романова. Таинственный старец Федор Кузьмич в Сибири и император Александр Благословенный. (Легенды и предания, собранные Томским кружком почитателей старца Федора Кузьмича.) Харьков, 1912 // № 2. С. 253–255.

629. Рец. на кн.: Беседы и частная переписка между императором Александром I и кн. Адамом Чарторижским, опубликованные кн. Ладиславом Чарторижским (1801–1823) / Пер. с франц. С. Явленской. М.: “Сфинкс”. 1912 // Там же. С. 256–257.

630. Рец. на кн.: Бар. А.И. Дельвиг. Мои воспоминания. М., [1912]. Т. I. 1813–1842 // Там же. С. 257–258.

631. Рец. на кн.: Село Виноградovo Московского уезда во владении Пушкиных, кн. В.В. Долгорукова, князей Вяземских, А.И. Глебова и Бенкендорфа // Там же. С. 262–263.

632. Рец. на кн.: Действия Нижегородской губернской ученой комиссии. Сборник. Т. XII, XIII. 1912 // Там же. С. 263–264. Подп.: С.М.

633. “Настоящая Россия”. Воспоминания лицеиста Маркова; письма

Одентая к Булгакову; статья А.А. Кизеветтера о Ростопчине // Там же. С. 268–274.

634. *Вступит. ст.*: Заметки ген.-лейт. Л.В. Дубельта / Публ.: Ф. Пантелеева // № 3. С. 127–171.

635. От редакции: Корнилов А.А. По личному вопросу (По поводу заметки М.Н. Покровского) // Там же. С. 249–250. Подп.: *Ред.*

636. *Рец.* на кн.: Государи из дома Романовых. 1613–1913. Жизнеописание царствовавших государей и очерки их царствования. М.: Изд-во Т-ва И.Д. Сытина. 1912 // № 4. С. 248–250.

637. Из истории русского самосознания. Защита Мережковским Александра I. Новое о декабристах. [*Рец.* на кн.: Мережковский С.Д. Александр I. Изд. 2-е. СПб.; М.: Изд-во Т-ва М.О. Вольфа и Т-ва И.Д. Сытина. 1913. Т. I–II // Там же. С. 264–270. [Перепеч. см. № 747].

638. Московский университет в 1894 г. (По поводу воспоминаний проф. Боголепова) // № 5. С. 182–218.

639. По поводу неизвестной сатиры, напечатанной в апрельском номере “Голоса минувшего” // Там же. С. 238. Подп.: *Ред.*

640. *Рец.* на кн.: Старина и новизна. Кн. 16 Исторического сборника общества ревнителей исторического просвещения. СПб., 1913 // Там же. С. 265–266. Подп.: *С.М.*

641. Александр I в роли цензора в 1812 году // № 6. С. 266–267.

642. Еще о Ростопчине. Из крепостного быта // № 7. С. 239–242.

643. *Рец.* на кн.: Чтения в имп. Обществе истории и древностей Российских. 1912. Кн. 4; 1913. Кн. 1 // Там же. С. 258–259.

644. Из архиерейских записок // Там же. С. 270–271. Подп.: *С.М.*

645. Владимир Галактионович Короленко // Там же. С. 277. *Без подп.*

646. С.Н. Шубинский [Некролог] // Там же. С. 281–282. Подп.: *С.М.*

647. Бюрократы Николаевского времени [*Рец.* на кн.: А.И. Дельвиг. Воспоминания. Т. II] // № 8. С. 289–292.

648. *Рец.* на кн.: Еврейская старина. СПб., 1913. Вып. I–II // № 9. С. 293–294. Подп.: *С.М.*

649. 50 лет “Русским ведомостям” // № 10. С. 5–10. *Без подп.*

650. Из истории русской печати: (К 50-летию “Русских ведомостей”) // Там же. С. 208–234.

651. Французский критик об “Александрe I” Мережковского // Там же. С. 328–329. *Без подп.*

652. *Вступит. ст.*: Лемке М.К. Неизданные произведения Н.М. Сатины. “Умиравший художник” // № 11. С. 200–204. Подп.: *Ред.*

653. *Поправка:* Морозов Н.А. Во имя братства // № 12. С. 167.

654. *Вступит. ст.*: О нестроениях общественных. (Письма Макс. Невзорова князю А.Н. Голицыну в 1820 г. и митрополиту Серафиму 1824 г.) // Там же. С. 270–278. Подп.: *Ред.*

655. [Заметка о перепечатке из “Русского архива” (№ 11) записок И.В. Лопухина] // Там же. С. 289. *Без подп.*

1914

656. *Рец.* на кн.: Вел. кн. Николай Михайлович. Генерал-адъютанты императора Александра I. СПб., 1913 // № 1. С. 316–317.

657. *Рец.* на кн.: Новый исторический журнал, издаваемый проф. Н.И. Кареевым. № I // Там же. С. 325–326.

658. К статье Г. Шпицера “Д.В. Веневитинов” // № 5. С. 312–313. Подп.: *Ред.*

659. По поводу новых отрывков Щедрина, напечатанных в № 5 “Голоса минувшего” // № 6. С. 318–319. Подп.: *Ред.*

660. *Рец.* на кн.: А.В. Амфитеатров. 1812 год. Очерки из истории русского патриотизма. СПб.: “Просвещение”. 1913 // № 8. С. 227–228.

661. *Рец.* на кн.: Ив. Лазаревский. Среди коллекционеров. СПб., 1914 // Там же. С. 239–240.

662. Во имя национальной культуры // № 9. С. 98–109.

663. *Рец.* на кн.: Pierre Rain. Un tzar idéologie Alexandre I-er. (1777–1825). P., 1913 // Там же. С. 279–280.

664. *Рец.* на кн.: Записки княгини Марии Николаевны Волконской / Пер. с франц. А.Н. Кудрявцевой. Биограф. очерк и примеч. П.Е. Щеголева. СПб.: "Прометей". 1914 // Там же. С. 281.

665. *Рец.* на кн.: Биографический очерк генерал-фельдмаршала светл. кн. М.П. Волконского (1776–1852). СПб., 1914 // Там же. С. 281–282.

666. *Рец.* на кн.: В.О. Ключевский. Отзывы и ответы. М., 1914 // № 10. С. 276–280.

667. Был ли Александр I католиком. [*Рец.* на кн.: о Пирлинг. Не умер ли католиком Александр I. М., 1914] // Там же. С. 288–292.

668. *Рец.* на кн.: Гр. Е.Ф. Комаровский. Записки / Ред. П.Е. Щеголева. Вступит. ст. Е.А. Ляцкого. СПб.: Изд-во Т-ва "Огни". 1914 // № 11. С. 275–276.

669. У Троицы в Академии. М., 1914 // Там же. С. 281–282.

670. Роман Мережковского "Александр I" // № 12. С. 39–80. [Перепеч. см. № 747].

1915

671. Выговор Аракчеева ген.-майору Воронову [об убийстве Анастасии Минкиной] // № 1. С. 221–223.

672. *Рец.* на кн.: Вестник Общества ревнителей истории / Под ред. М.К. Соколовского. Пг., 1914. Вып. I // Там же. С. 315–316.

673. *Публ. и вступит. ст.*: Письмо М.А. Фонвизина к родителям в 1814 году // № 2. С. 242–243.

674. *Рец.* на кн.: Старина и новизна: Исторический сборник Общества Ревнителей Исторического просвещения. М.; Пг., 1914. Кн. 17, 18 // Там же. С. 298–299.

675. Из переписки декабристов. I. И.Д. Якушкин о своей жизни в Петровском. 1832 год. Марта 13-го // № 3. С. 210–218; II. Воспоминания о А.Г. Муравьевой. 1. Письмо Ив.Д. Якушкина. 2. Записка Ив.Ив. Пущина // № 4. С. 186–192; III. И.И. Пущин – И.В. Малиновскому. Ялуторовск // № 6. С. 187–190; А.Е. и А.В. Розен. № 7/8. С. 168–191. Подп.: С.М.

676. *Поправка*: Ф.И. Родичев о И.И. Бочкареве // № 6. С. 279–280. *Без подп.*

677. Запрещенная книга: (К летописи современности) [Тургенев Н.И. Россия и русские. М., 1915] // Там же. С. 304–306.

678. Родственники о Ростопчине // № 7/8. С. 244–250.

679. *Рец.* на кн.: Письма княгини М.Н. Волконской из Сибири. 1827–1831 гг. Русские Прописки. М., 1914. Ч. I. Материалы по истории русской мысли и литературы / Собр. и приготовил к печати М.О. Гершензон. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых. 1914 // Там же. С. 268–270.

680. *Рец.* на кн.: Поль де Сен Виктор. Варвары и бандиты / Пер. с фр. Л. Горбуновой. Изд. К.Ф. Некрасова. М., 1914 // Там же. С. 283–284.

681. *Публ. и вступит. ст.*: Из переписки А.П. Ермолова и А.С. Норова в 1854–1855 гг. // № 9. С. 250–254.

682. *Рец.* на кн.: В.С. Марков. К истории раскола старообрядчества второй половины XIX столетия: Переписка проф. Н.И. Субботина, как материал для истории раскола и отношений к нему правительства (1865–1904). Чтения в имп. Обществе истории и древностей Российских. 1915. Кн. 1 // Там же. С. 284–288.

683. К истории воссоединения униатов в России: (К десятилетию акта 17 октября 1905 г.) // № 10. С. 5–37.

684. *Рец.* на кн.: Петербург в 1803 г.: (Из дневника В.Ф. Малиновского): Москвич о петербургских театрах в 1829 г. (Из письма брата к сестре) // Там же. С. 265–267. Подп.: С.М.

685. *Рец.* на кн.: П. Кудряшев. Идейные горизонты мировой войны. М., 1915 // Там же. С. 286–288.

686. *Рец.* на кн.: А.К. Дживелогов. Александр I и Наполеон: Исторические очерки. М., 1915 // Там же. С. 311–313.

687. О недопущении евреев к университетскому преподаванию // № 11. С. 274–275. Подп.: С.М.

688. *Рец.* на кн.: С.М. Соловьев. Записки. Пг.: Изд-во "Прометей" М.М. Михайлова. 1915 // Там же. С. 289–290.

689. Из переписки масонов о 14 декабря 1825 г.: Письмо [Андрея]

Кучанова [Я.Ф. Скарятину] // № 12. С. 228–230.

690. *Публ. и комментарии*: Черты для характеристики русского общества XVIII века: Собственноручная записка Николая I: Атмосферическое видение (Донесение свяжского городничего казанскому губернатору 28 ноября 1828 г.): “Политическая неблагонадежность” А.С. Посникова // Там же. С. 241–243. *Без подп.*

691. *Рец.* на кн.: Невский Альманах: Жертвам войны – писатели и художники. Пг., 1915 // Там же. С. 281–282.

1916

692. *Публ. и вступит. ст.*: Сычугов С.И. Нечто вроде автобиографии // № 1. С. 109–110.

693. *Примеч.*: И.М. Венюков. В Польше // Там же. С. 137–164 (совм. с В.И. Семевским).

694. О смерти А.Я. Охотникова // Там же. С. 197–201. Подп.: *Ред.*

695. О войне и мире шестьдесят лет тому назад [письмо О.М. Боянского от 25 января 1856 г. из собрания А.А. Титова] // Там же. С. 257–259.

696. *Публ. и вступит. ст.*: Штакеншнейдер Е.А. Из воспоминаний о Ф.М. Достоевском: (К тридцатилетию со дня смерти) // № 2. С. 74–81. Подп.: *С.М.*

697. *Публ. и вступит. ст.*: Из переписки А.Ф. Гильфердинга с И.С. Аксаковым: (К тридцатилетию со дня смерти И.С. Аксакова). I. Аксаков – монополист славянского дела. II. Об истинном “принципе народности” // Там же. С. 201–214. Подп.: *С.М.*

698. Ф.Ф. Эрисман о России // Там же. С. 241–253.

699. *Публ.*: Д.Д. Минаев. Дворянский полк // Там же. С. 255.

700. [Ответ Е. Ершовой по поводу воспоминаний П.Л. Юдина] // Там же. С. 321–323.

701. Из общественных настроений в 1863 г. // № 3. С. 232–242.

702. *Публ.*: Из дневников Е.А. Штакеншнейдер. 1861–1870 // № 4. С. 44–76.

703. Русские под Данцигом: (Из дневников кн. Д.М. Волконского) // № 5–6. С. 286–300.

704. “Независимые русские писатели” [Шарапов] // Там же. С. 398–402.

705. *Рец.* на кн.: А.А. Кизеветтер. Исторические очерки. Изд. К.Ф. Некрасова // Там же. С. 409–412.

706. В.И. Семевский. [Некролог] // № 7–8. С. XIII–XIV. *Без подп.*

707. В.И. Семевский. [Некролог] // № 9. С. [1–2]. *Без подп.*

708. Старый шестидесятник Шиглев В.Р.: 17–19 окт.: На смерть Н.Г. Чернышевского; У Кокушкина моста // Там же. С. 52–53 (совм. с С.Р. Минцловым).

709. И.Г. Симонов. [Некролог] // Там же. С. 245. Подп.: *Редакция.*

710. Историк-гражданин [В.И. Семевский]. I. Великое сердце. II. “Учелные мытарства” // № 10. С. VII–XXXIV.

711. *Рец.* на кн.: А.Н. Пыпин. Религиозные движения при Александре I / Предисл. и примеч. Н.К. Пиксанова. Пг.: Изд-во Т-ва “Огни”. 1916 // Там же. С. 198–200.

712. [Объявление об издании биографии В.И. Семевского] // Там же. С. 209.

713. Письмо в редакцию [о присылке писем В.И. Семевского] // Там же. С. 210–211.

714. “Исторические известия”: (Новый исторический журнал в Москве) // № 11. С. 257–265.

715. К пятидесятилетию имп. Русского Исторического Общества (1866–1916 гг.) // Там же. С. 253–257 (совм. с А.З. Попельницким). Подп.: *Ред.*

1917

716. Один из русских розенкрейцеров [П.И. Сафонов] // № 1. С. 73–83.

717. *Рец.* на кн.: Россия и ее союзники в борьбе за цивилизацию. Вып. I–III // Там же. С. 303–306.

718. Фонд имени В.И. Семевского: (Письмо в редакцию) // Там же. С. 324.

719. Сатиры начала XIX в. на реформы Сперанского. I. Эпиграмма. – II. Мысли унылого дворянина // № 2. С. 275–277. Подп.: *С.М.*

720. Политический гороскоп 1854 года: (Неисполнившееся предсказание современника) // Там же. С. 277–278. *Без подп.*

721. [Ответ Ю.В. Готье и В.И. Пичете] // Там же. С. 317–318.

722. Объявление [о Февральской революции и материалах кн. 3 “Голосов из России”] // Там же. Обл. *Без подп.*

723. *Вступит. ст.*: Бывш[ий] иер[омонах] Илиодор (Сергей Труфанов). Святой черт (Записки о Распутине) // № 3. С. V–XV.

724. *Вступит. ст.*: Обнинский В.П. Последний самодержец: (Материалы для характеристики Николая II) // № 4. С. 38–39. Подп.: *Ред.*

725. *Вступит. ст.*: Секретные протоколы Петергофского совещания в июле 1905 г. // Там же. С. 124–125. Подп.: *Ред.*

726. *Вступит. ст.*: Мицкевич Адам. Петербург // № 5/6. С. 3. Подп.: *Ред.*

727. Дорогой памяти Василия Ивановича Семевского // № 9/10. С. 5–6.

728. *Публ.*: Наказание контрабандистов при Николае I: (Из воспоминаний К. Арнольди) // Там же. С. 357–359. *Без подп.*

1918

729. От редакции “Голоса минувшего” [Об аресте В.Л. Бурцева] // № 1–3. С. 4. *Без подп.*

730. Смерть Г.В. Плеханова (ум. 30 мая 1918 г.) // № 4–6. С. 369–370. Подп.: *Редакция.*

731. *Публ., вступит. ст. и комм.*: Из дневника адъютанта Вильгельма II // № 7–9. С. 267–327. Подп.: *Ред.*

732. От редакции // Там же. С. [329].

733. *Вступит. ст.*: Егор Сазонов. Материалы для биографии // № 10–12. С. 5–10.

1920–1921

734. Памяти В.Г. Короленко // Там же. С. 3–4. Подп.: *Редакция.*

735. Встречи. I. Г.А. Лопатин // Там же. С. 94–97.

1922

736. *Публ., вступит. ст. и комм.*: Из переписки охранников. Письма Л.А. Ратаева – С.В. Зубатову // № 1. С. 51–99.

737. Ап. Григорьев и “Современник”: (Материалы для истории журналистики) [письма В.П. Боткина] // Там же. С. 129–137.

1923

738. 1913–1923 // № 1. С. I–III. Подп.: *Редакция.*

739. Е.Н. Водозова-Семевская: [Некролог] // Там же. С. [5]. *Без подп.*

740. Встречи. I. П.Д. Боборыкин // Там же. С. 215–221.

741. Уездный город 100 лет тому назад: (Отрывок из воспоминаний А.И. Ишимовой) // № 2. С. 47–49. Подп.: *С.М.*

742. От редакции: (К юбилею В.Н. Фигнер) // Там же. С. 148. *Без подп.*

743. Елизавета Николаевна Водозова-Семевская (1844–1923 гг.) // Там же. С. 177–180. Подп.: *Редакция.*

¹ Отсутствуют номера: 1, 2, 4, 5, 16, 17, 19, 120, 151, 152, 154, 155.

² Об авторстве см.: Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 305. Оп. 1. Д. 118 (Далее: РГАЛИ).

³ Там же.

⁴ Там же. Д. 169.

⁵ Там же. Д. 51.

⁶ Там же. Д. 55.

⁷ Там же. Д. 59.

⁸ Там же. Д. 60.

⁹ Там же. Д. 62.

¹⁰ Нет номеров: 235, 238, 299.

¹¹ Об авторстве см.: РГАЛИ. Ф. 305. Оп. 1. Д. 130.

- ¹² Там же. Д. 69.
- ¹³ Там же. Д. 69.
- ¹⁴ Там же. Д. 71.
- ¹⁵ Там же. Д. 72.
- ¹⁶ Там же. Д. 74.
- ¹⁷ Отсутствует № 177.
- ¹⁸ Об авторстве см.: РГАЛИ. Ф. 305. Оп. 1. Д. 81.
- ¹⁹ Отсутствуют номера 201, 202, 226, 300.
- ²⁰ Об авторстве см.: РГАЛИ. Ф. 305. Оп. 1. Д. 81.
- ²¹ Там же. Д. 201; а также № 5.
- ²² Там же. Д. 11. Ед. хр. 180.
- ²³ Там же. Д. 182.

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

<i>А.Н. Сахаров.</i> О новых подходах в российской исторической науке. 1990-е годы	3
<i>Л.А. Сидорова.</i> Проблемы “отцов и детей” в историческом сообществе ..	29
<i>С.И. Михальченко.</i> “Демократический абсолютизм” Ивана Грозного (Россия XVI века в трудах М.В. Довнар-Запольского)	42
<i>И.В. Самодуров.</i> Ученые мнения XIX – начала XXI века о дворянских	54

ИСТОРИКИ И ИХ ТРУДЫ

<i>А.Н. Шаханов.</i> С.М. Соловьев как преподаватель	96
<i>М.А. Мамонтова.</i> Сергей Федорович Платонов в исторической литературе начала XX века	138

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

<i>М.Г. Вандалковская.</i> Проблема социализма на страницах журнала “Современные записки”	149
---	-----

ПУБЛИКАЦИИ

Письма С.Ф. Платонова П.Н. Милюкову (Подг. <i>В.П. Корзун, М.А. Мамонтова</i>)	167
---	-----

БИБЛИОГРАФИЯ

Биобиблиография трудов С.П. Мельгунова (Сост. <i>Ю.Н. Емельянов</i>)	194
---	-----

Научное издание

**ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ
2002**

Историографический вестник

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института российской истории
Российской академии наук*

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*

Редактор *В.Д. Лебедев*

Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*

Технический редактор *Т.В. Жмелькова*

Корректоры *Р.В. Молоканова, Т.И. Шеновалова*

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 30.10.02. Формат 60 × 90^{1/16}

Гарнитура Таймс. Печать офсетная

Усл.печ.л. 14,0. Усл.кр.-отт. 14,0. Уч.-изд.л. 20,0

Тираж 470 экз. Тип. зак. 3771

Издательство “Наука”

117997 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru

Internet: www.naukaran.ru

Санкт-Петербургская типография “Наука”
199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12

ISBN 5-02-008819-6

9 795020 088190